

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2025

№ 4

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный лингвистический университет, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Уигет Эндрю, Государственный университет Нью-Мексико, США

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Данилова Анастасия Павловна*, Томский государственный университет, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru. Сайт журнала: www.journals.tsu.ru/siberia

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitry, Moscow State Linguistic University, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Wiget, Andrew, New Mexico State University, USA

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Anastasia Danilova*, Tomsk State University, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Банников К.Л., Шкарбань С.Ш. Антивандальные движения в контексте антропологии вандализма	6

МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(отв. ред. спец. темы – И.В. Нам)

Нам И.В. Интеграционные стратегии и практики мигрантов: от локальных инфраструктур до транснациональных сценариев. Введение к специальной теме номера	34
Смоленчук О.Ю. Миграционные процессы в Нидерландах после кризиса в Европе в 2014–2024 гг.	47
Нам И.В., Горшкова Д.Е., Садырин А.А., Сметанин Ф.А. «Мигрантская» инфраструктура в сибирском городе (кейс сети кафе «Ош» в Томске)	66
Горшкова Д.Е., Сметанин Ф.А. Границы «свой-чужой» в пространстве Новосибирска: случай Хилокского рынка	87
Авдашкин А.А. «В Новосибирск еду торговать, в Тюмень – работать...»: транснациональные сценарии киргизских мигрантов	106
Кудревич А.Д. Интеграционные стратегии релокантов в Израиле	125

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Ковальский С.О. Московская полевая этнография как документалистика: случай экспедиционной деятельности В.А. Тутолукова	143
Любимова Н.С. Японисты в поле: первый опыт коллективного полевого исследования Японии в немецкоязычной науке	186

MISCELLANEA

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Междисциплинарный анализ металлургических объектов из археологических памятников	214
Данилов И.А. Языковая адаптация во фронтирной зоне: случай русских старожилов Приленья	230
Омельченко Д.А., Лисовская И.В. Локальная творческая индустрия на распутье: креативные стартапы молодежи Юга России	260
Парфенова О.А., Дьячковский С.Н. Эволюция политического церемониала в Республике Саха (Якутия): этнокультурные элементы инаугурации	283

РЕЦЕНЗИИ

Винокуров Г.Д. Декарт обретает тело: лабораторные эпистемологии с точки зрения антрополога	311
Функ Д.А. Об антропологии, этнографии и обсуждении работ Тима Ингольда	322

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная научная конференция «Томский антропологический форум – IV. (Пере)сборка антропологии: контуры дисциплины в меняющемся мире»	328

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE IN ANTHROPOLOGY

Bannikov K.L., Shkarban S.Sh. Anti-Vandal Movements in the Context of the Anthropology of Vandalism	6

MIGRATION AND MIGRANTS IN THE MODERN WORLD (*Guest Editor I.V. Nam*)

Nam I.V. Integration Strategies and Practices of Migrants: From Local Infrastructures to Transnational Scenarios. Introduction to the Special Theme of the Issue	34
Smolenchuk O.Yu. Migration Processes in the Netherlands After the Crisis in Europe, 2014–2024	47
Nam I.V., Gorshkova D.E., Sadyrin A.A., Smetanin F.A. “Migrant” Infrastructure in the Siberian City (the Case of “Osh” Café Chain)	66
Gorshkova D.E., Smetanin F.A. The Boundaries “Friend-or-Stranger” in Novosibirsk Urban Space: The Case of the “Khiloksky Market”	87
Avdashkin A.A. “I’m Going to Novosibirsk to Trade, to Tyumen to Work...”: Transnational Scenarios of Kyrgyz Migrants	106
Kudrevich A.D. Integration Strategies of Relocates in Israel	125

HISTORY OF ANTHROPOLOGY

Kovalskii S.O. Moscow Field Ethnography as a Documentary Practice: The Case of V.A. Tugolukov’s Expeditionary Activity	143
Liubimova N.S. Japanologists in the Field: First Experience of Collective Field Research of Japan in Germanspeaking Social Sciences	186

MISCELLANEA

Zavyalov V.I., Terekhova N.N. Interdisciplinary Analysis of Metallurgical Objects from Archaeological Sites	214
Danilov I.A. Language Adaptation in the Frontier Zone: The Case of the Russian Old- Settlers of the Lena Region	230
Omelchenko D.A., Lisovskaya I.V. The Pathways of “Tvorcheskaya” Industry: local Creative Startups of Young People in The South of Russia	260
Parfenova O.A., Dyachkovskiy S.N. The Evolution of the Political Ceremony in the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnocultural Elements of the Inauguration	283

REVIEWS

Vinokurov G.D. Descartes Embodied: Laboratory Epistemologies from an Anthropologist’s Perspective	311
Funk D.A. On Anthropology, Ethnography, and the Discussion of Tim Ingold’s Works	322

SCIENTIFIC LIFE

International Conference “Tomsk Anthropological Forum – IV. (Re)Assembling Anthropology: The Contours of the Discipline in a Changing World”	328

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/50/1

Антивандалные движения в контексте антропологии вандализма

Константин Леонардович Банников¹
Сания Шайхлисламовна Шкарбань²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия*

¹ *bannikov@iea.ras.ru*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено феномену общественных движений, кооперирующихся для очищения скал от вандальных надписей. Работа фокусируется на знаковом поведении индивидов и сообществ в социально-антропологическом контексте, от территориального поведения вандалов до гражданских антивандалных инициатив. Материалом служат надписи на скалах Горного Алтая и исторически меняющееся отношение к ним местного населения. Основу методологии составили глубинные интервью с участниками движения «Чистый Алтай», собранные в ходе полевой работы, а также семиотическая интерпретация знакового поведения. Исследование показывает, что надписи вандалов являются низкосемантическими знаками, фиксирующими лишь физическое присутствие автора. Мотивация к их нанесению коренится в лиминальном состоянии личности, стремящейся декларировать свою субъектность в условиях общественного равнодушия. Возникновение массового волонтерского движения с середины 2010-х гг. маркирует преодоление этой социальной апатии и начало нового периода. Мотивированное сложной системой этических и эстетических идеалов, оно способствует формированию развитого гражданского самосознания и сложных идентичностей. Это находит конструктивное выражение в развитии созидательных форм туризма, что ведет к всестороннему развитию регионов и соответствует актуальным трендам антропологии туризма.

Ключевые слова: Алтай, граффити, вандализм, знаки, поведение, очищение, семиотика

Для цитирования: Банников К.Л., Шкарбань С.Ш. Антивандалные движения в контексте антропологии вандализма // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 6–33. 10.17223/2312461X/50/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/1

Anti-Vandal Movements in the Context of the Anthropology of Vandalism

Konstantin L. Bannikov¹, Saniya Sh. Shkarban²

^{1, 2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

¹ *bannikov@jea.ras.ru*

Abstract. This study is dedicated to the phenomenon of public movements that cooperate to clean rocks from vandal inscriptions. The paper focuses on the symbolic behavior of individuals and communities in a socio-anthropological context, from the territorial behavior of vandals to civil anti-vandal initiatives. The material used consists of inscriptions on the rocks of the Altai Mountains and the historically changing attitudes of the local population toward them. The methodology is based on in-depth interviews with participants of the “Clean Altai” movement, collected during fieldwork, as well as semiotic interpretation of symbolic behavior. The study shows that vandal inscriptions are low-semantics signs, marking only the physical presence of the author. The motivation for making such inscriptions is rooted in the liminal state of an individual seeking to declare their subjectivity in the face of public indifference. The emergence of a mass volunteer movement since the mid-2010s marks the overcoming of this social apathy and the beginning of a new period. Motivated by a complex system of ethical and aesthetic ideals, it contributes to the development of a sophisticated civic consciousness and complex identities. This finds constructive expression in the development of creative forms of tourism, which leads to the comprehensive development of regions and aligns with current trends in the anthropology of tourism.

Keywords: Altai, graffiti, vandalism, signs, behavior, cleansing, semiotics

For citation: Bannikov, K.L. & Shkarban, S.Sh. (2025) Anti-Vandal Movements in the Context of the Anthropology of Vandalism. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 6–33. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/1

Постановка проблемы

До возникновения антивандалных движений изрисованные скалы Сибири воспринимались подавляющим большинством населения как самоочевидная данность, типа грязи. Народ привык не обращать на них внимания, ученые не видели в них особого научно-исследовательского интереса. Однако развитие антивандалных движений начинается с переосмысления пространства своей среды обитания. То, что еще недавно мыслилось отчужденным, «ничьим», стало восприниматься как часть собственного лица, очищению которого люди посвящают время, деньги, эмоционально-когнитивные ресурсы. И в свете антивандалных движений возникла необходимость по-новому взглянуть и на сам феномен вандализма.

У исследований вандализма есть масштабный социально-антропологический аспект, которому посвящен ряд исследований. В главе «Культурно-антропологическая интерпретация вандализма» коллективной монографии И.В. Воробьевой, К.В. Злоказова, А.С. Зотовой и других авторов подчеркивается, что антропология – это наука, изучающая культуротворческую субъектность человека, которая, в свою очередь, является собой преобразовательную деятельность, сопряженную с ценностным и нормативным содержанием той культурной системы, частью которой он является: национальной, религиозной, социальной, культурно-исторической и т.д. «Однако, преобразовательная деятельность человека может носить и деструктивный – вандальный – характер и быть направленной на разрушение ценностного и нормативного содержания культурной системы. И в этой связи возникает ряд вопросов. Каким образом культурная антропология способствует пониманию деструктивной субъектности человека в таком “процессе по разрушению мира культуры”, как вандализм? Не является ли культурно-антропологический дискурс избыточным по отношению к традиционным способам интерпретации данного феномена, например, юридическому? Ответ на первый вопрос, к сожалению, заставляет принять мысль, что разрушения являются частью нашей культуры. Известный исследователь культуры К. Клакхон писал, что “антропология держит перед человеком большое зеркало и дает ему возможность посмотреть на себя во всем его безграничном разнообразии”. Таким образом, обращение культурной антропологии к феномену вандализма является попыткой понять, и, следовательно, дополнить представления о природе человека» (Воробьева и др. 2018: 34–35).

Исследования вандализма и связанных с ним явлений насчитывают не одно десятилетие в отечественной и мировой антропологии и составляют обширный пласт статей, монографий и криминологических отчетов. Размышляя о методологии в исследованиях вандализма как феномена, Арнольд Голдштейн замечает большой потенциал существующих социально-психологических подходов, теоретических концептов, продуктивно применяемых в исследованиях агрессии в целом: теория социального обучения (Bandura 1973, 1986); социального взаимодействия (Patterson 1982; Patterson, Reid, Dishion 1992); организации развития (Greenberg, Speltz 1988); обработки социальной информации (Dodge 1980, 1993); когнитивного сценария (Huesmann 1986); субкультур (Sutherland, Cressey 1974); напряжения (Cloward, Ohlin 1960); контроля (Hirschi 1969); маркировки (Lemert 1967; Goldstein 1990); подростковой маргинальности (Scott 1954); полукультуры (Ducey 1978); теория возрастного неравенства (Richards 1976).

Наиболее близкой к проблематике вандализма в естественных природных ландшафтах представляются теории, основанные на взаимном

активном воздействии человека и окружающей среды, воздействия природной среды на поведение личности. Исследовательская традиция взаимодействия личности и среды берет свое начало в работах Левина (Lewin 1935, 1936) и Мюррея (Murray 1938), в которых поведение рассматривается не только как функция личности и среды, но и среда интерпретируется как субъективная, активная по своей природе и наиболее влиятельная в своих поведенческих последствиях, являясь феноменальным полем, создающим психологические ситуации (Ватова 2009; Выготский, Лурия 1993; Скороходова 1998). Поведение индивида в этих работах рассматривалось как совместный результат: а) необходимости удовлетворения психических потребностей и б) воздействия внешней среды на индивидуальную психику.

Примерами, развивающими в дальнейшем эту интеракционистскую тему в психологической теории, являются феноменологическая теория Ангяла (Angyal 1959), подчеркивающая неразрывность организма и среды, и субъективность среды в формировании, программировании человеческого поведения, а также работы Мёрфи (Murphy 1947), Роттера (Rotter 1954) и Мишеля (Mischel 1968), исследующие аспекты социального научения.

Помимо феноменологов и теоретиков социального интеракционизма, возникло направление, называемое экологической психологией окружающей среды. Здесь следует выделить работы Роджера Баркера и его исследовательской группы (Barker, Gump 1964; Barker, Wright 1954).

Теоретические рассуждения о вандализме как производном от заблокированных возможностей (Agnew 1985; Tygart 1988), включая сублимации политико-экономических факторов (Vandalism 1992) и трудности реализации повседневной деятельности (Miethe 1994), представляют собой примеры первоначального анализа необходимых компонентов среды в рамках причинно-следственной модели (Goldstein 1996: 38–39).

При столь обширном и глубоком научном наследии исследований вандализма в урбанистических, культурных, индустриальных и прочих средах, причины, заставляющие людей расписывать сибирские скалы, остаются необъяснимыми в рамках приведенных исследовательских парадигм, учитывая тот факт, что абсолютное большинство надписей представляют собой автографы, состоящие исключительно из имени, времени путешествия по данной местности, и названия населенного пункта происхождения автора.

Те немногие авторы наскальных надписей наших дней, с которыми удалось поговорить о том, зачем они это делают, апеллируют к древним петроглифам в том смысле, что между надписями «Киса и Ося здесь были» и рисунками на стенах Альтамыры, Шове, Калбак-Таша нет разницы – дескать, все это равноценные объекты всемирного наследия.

При всей абсурдности такого рода сопоставлений невозможно игнорировать факт аналогичных надписей античной истории и поставить вопрос, почему, в самом деле, надписи «Стафил был тут с Квиетой», «Дафний тут был со своей Феликлой», «Антиох и его подружка Цитера здесь тусовались», и сотни подобных, нацарапанных на стенах таверн, гладиаторских казарм и публичных домов Помпей и Геркуланума, представляют собой историческую ценность, охраняются и внесены во всемирный реестр латинских надписей, а сообщения «Димон и Колян. Омск, 1997», «Маша и Рома», «Иван. Барнаул» рассматриваются в качестве актов вандализма? Попытки ответить на данный вопрос переводят его предмет из области истории в сферу философской антропологии: имеет ли частный человек любого пространства и времени равноценное право начертать на стене свое имя? И какими стенами и эпохами ограничивается это право?

Антивандальное движение на Алтае

За период практически непрерывных включенных наблюдений с 1991 по осень 2025 г. территория Республики Алтай пережила на фундаментальном уровне «корней травы» ряд антропогенных трансформаций, измеряемых количеством мусора у этих самых корней. За последнее десятилетие количество мусора стало заметно меньше, притом что количество туристов – неизмеримо больше. За последние 100 лет население республики удвоилось и в 2025 г., согласно данным Росстата, составило 210 095 человек. При этом количество туристов, посещающих Алтай в год, превышает количество местных жителей более чем в десять раз. «Туристический поток в Республику Алтай за последние годы увеличился на 50% и достиг в 2024 году более 2,75 миллиона гостей, в 2025 году ожидается рост еще на 5–7%, сообщил в ходе сессии “Брендинг территорий: время созидать” на ПМЭФ и.о. председателя правительства региона Александр Прокопьев» (Турпоток 2025).

При такой колоссальной нагрузке уровень загрязнений в популярных туристических локациях не растет, а, наоборот, снижается. Сегодня практически не встретить спонтанные свалки вдоль дорог и у окраин населенных пунктов, как это было обычным явлением в конце 1980-х и в 1990-е гг. И хотя ситуация в целом еще далека от идеальной, можно говорить о наступившем переломе в экологическом сознании как местных жителей, так и туристов. Ярчайшим примером такого экологического сознания в практическом действии является стихийно возникшее экологическое, или, точнее, эко-эстетическое движение по очистке скал от вандальных надписей и участков ландшафта от мусора – как бытового, так и индустриального. Арктика, Урал, Кавказ, Сибирь, Алтай, Камчатка – волонтеры, энтузиасты экологической эстетики действуют в

обширных пространствах практически по всей стране. Это движение не имеет единого координационного центра и возникло спонтанно в один исторический период.

Данному периоду предшествовал другой, диаметрально противоположный период полной индифферентности «эко-эстетических» природопользователей, выезжавших «на пленэр» своих уикэндов употреблять напитки и еду на фоне красоты ландшафтов, но оставлявших после себя горы мусора в излюбленных местах своих загородных пикников повсеместно – от ближнего Подмосковья до Дальнего Востока. Пикники на собственноручно возводимых мусорных кучах так же могут рассматриваться как своего рода индикатор определенных состояний общественного сознания, в числе которых следует отметить отчужденность человека от своей физической среды обитания. В системе восприятий происходит сокращение, сжатие психологически освоенной среды обитания, т.е. пространства, которое человек мог бы назвать «родным» или просто «своим», и должным образом о нем заботиться, от масштабов города и государства до «сингулярной точки» собственной комнаты, кухни, дачи. Явственным признаком такой отчужденности было состояние пространства общего пользования. Люди, обустривая свои дома, квартиры, дачи, пространства между стенами и заборами порой превращали в свалку, а стены и полы подъездов с дорогами бронированными дверьми квартир напоминали руины и выгребные ямы. Захламление физического пространства между границами домовладений – знак распада пространства социального – процесс превращения коммунальной среды в лиминальную.

Процесс этот универсальный, характерный для любого общества, переживающего историческую динамику дезинтеграции. Лиминальные урбанистические пространства можно встретить в любой стране, в том числе и в мегаполисах сияющей Японии, в которой чистота есть физическое воплощение сакральных категорий. Таков, к примеру, квартал Камагасаки в Осака, которого нет на карте города; японцы говорят, что его и не нужно наносить на карту, ибо о приближении к этому кварталу вы узнаете по запаху. В России же пик бытового захламления территории страны исторически совпадает с периодом ее полураспада в 1990-х. И наоборот – общественные движения, направленные на прекращение распада и конструктивную реорганизацию пространства, являются знаком и проявлением восстановления социально-политической ткани общества.

Включенное наблюдение за деятельностью волонтеров одного из таких движений – «Чистый Алтай» (рис. 1) – расширенные интервью с участниками, личное участие одного из авторов настоящей статьи в их экспедициях по очистке скал позволяют получить релевантную информацию о процессе формирования антивандального движения, как о процессе когнитивном, психологическом, вызванном в первую очередь переосмыс-

лением своего пространства и самого себя в своем пространстве. Очищение скал – это прежде всего философия, мировоззрение, система ценностей, служащая руководством к созидательным активным действиям конкретной личности и, – через действие, – формированию или переоформлению ее идентичности. Метод расширенных контекстуальных интервью позволяет проследить формирование мотиваций в их динамике.

Рис. 1. Очистка скал волонтерами движения «Чистый Алтай». Республика Алтай, 2023 г. Фото Ирины Тундиновой

Сания Шкарбань:

У Инны, когда я спрашивал, почему она взялась за это дело, она мне рассказывала, что когда она была маленькая, то каждые выходные из Акташа они ездили к бабушке в Олекманар. Они преодолевали перевал Чике-Таман, и она помнит эти скалы еще чистыми, без надписей, и у нее эта картинка запечатлелась в голове. Когда она повзрослела, на картинку ее детства, которая была с чистыми скалами, наложилась картинка скал изуродованных надписями, и ей захотелось делать что-то хорошее для Алтая, и она решила, что будет чистить скалы. Первое время она чистила их сама с Урсулиной, этой худенькой девочкой. Им это давалось с большим трудом, потому что это тяжелый физический труд и волонтеры нужны мужского рода, но девочки не остановили и создали целое движение (Шкарбань С.Ш. – ПМА)

О том, с чего начинался «Чистый Алтай», вспоминают основатель и руководитель команды Инна Муклаева и ближайшие, стоявшие у истоков движения, сподвижники.

Инна Муклаева:

Из команды в первую очередь я хочу отметить такого человека, благодаря которому состоялись все наши экспедиции. Это Анатолий Куприянович Мачиешан. Он раньше жил в Чемале, теперь живет в Алтайском крае. Он прямо первый начал пробовать технологию очистки скал пескоструем, а мой вклад заключается в том, что я раскрутила эту тему, и начала привлекать ресурсы. А он очень хотел это безобразие убрать, начал пробовать и у него стало получаться. Как говорит

Анатолий Куприянович, я кинул камень в воду, и по воде пошли круги – один услышал, другому передал, тот третьему, и т.д. И вот оно получилось и все спилось. И теперь он счастлив, что причастен к этому делу. У него на этот взгляд свои четкие мысли. И он, кстати, передал нашему проекту девиз: «Чистые лица живых скал». Лица чистые должны быть у природы, как и у человека.

А еще проект никогда бы не состоялся и ничего бы не случилось, если бы не мои родители. Они держат все тылы – дома постоянно с детьми остаются, всех встречают, всех провожают, помогают и морально, и физически. Всегда говорят – езжай, все хорошо, мы тут справимся. От них вот эта уверенность и спокойствие, никто не дергает, нервы не мотает, это же очень много значит. Прямо очень много значит. Папа с мамой лично сами участвовали со мной, когда мы чистили поворот в Кебезене. Они приехали и весь день работали наравне с командой.

Виктор Красильников:

Я очень благодарен руководителю «Чистого Алтая» Инне за приглашение принять участие в очистке скал от вандальных надписей. Я считаю, мне, единственному представителю с Алтайского края, очень повезло. Я принимаю участие в очистке скал с 2020 года. То есть много чего повидал, да. Руководитель очень порядочный, внимательный, правильный. Волонтеры все подобраны очень трудолюбивые, относятся со всей ответственностью. Здесь большая заслуга Инны, которая смогла собрать такую команду. Я в экспедицию привожу компрессор – главный мотор всего движения. Он подает воздух в пескоструйную установку, которая подает абразив для чистки скал.

Урсулина Татина (рис. 2):

С чего начался проект «Чистый Алтай» для меня. В 2019 году, условно, в мае, когда в соцсетях я увидела информацию от Инны о том, что готовится экспедиция Катуньского заповедника и «Сибирского здоровья», которым руководит Инна. И тогда была необходима финансовая поддержка на текущие расходы, потому что заповедник всего не покрывал. А мы с ней общались и были в хороших отношениях, и у меня сразу что-то щелкнуло, когда я увидела в объявлении эту фразу: «Нужны волонтеры с 12 по 16 июня», – я даже дату помню – «для экспедиции по очистке скал». У меня такое – ничего себе, скалы чистить! Это вообще какой-то космос был. Для меня все это было совершенно не понятное, но что-то очень крутое, очень отзвучивающее в душе. Я ей написала – дескать, хочу! Что нужно? Я, как минимум, могу быть водителем, у меня есть машина, могу ее заправлять, могу себя накормить, как человек самостоятельный, предприниматель. Главное, найти время, вот на эту неделю все оставить и уехать. Я была первым осознанным волонтером, который отозвался, у которого отозвалось это внутри. Мы встретились, она мне рассказала, как и что. Но прямо перед выездом моя машина сломалась, а на нее были большие надежды, чтобы загрузить оборудование, посадить других, возможно, волонтеров. И вот мы на страничке в Инстаграме написали: «Нам нужен мужчина с машиной» – прямо так пост и назвали. Далее, когда у нас там была первая экспедиция на Чике-Тамане, жили мы в Купчегене, мы прошли весь этот путь, да и этот проект родился на моих глазах. Проба пера, технические моменты.

Ирина Тундинова:

Волею судеб вышло, что я – чукотский фотограф с алтайской душой. Родилась и выросла в Онгуде, с 2018 года живу за полярным кругом. С детства меня раздражал вид разрисованных гор. Когда-то после переезда на Чукотку я услышала о проекте «Чистый Алтай». Тогда загорелась помочь проекту, но не понимала как. В этом году увидела, что ребята собираются в очередную экспедицию.

Предложила им фотопомощь. Ведь мир сегодня живет по принципу – «нет снимков, значит не было». Я даже не представляла какой это титанический труд.

Рис. 2. Урсулина Татина, волонтер движения «Чистый Алтай». Республика Алтай, 2023 г. Фото Ирины Тундиновой

Как видно из фрагментов интервью, движение начиналось с простого порыва простых людей «прибраться в собственном доме», когда степень восприятия алтайских скал как стен родного дома обострилась до руководства к действию (см. рис. 8). А вот как они рассказывают о том, что у них творилось на душе при виде вандальных надписей, и какие чувства они испытывали, когда начинали чистить скалы.

Айбас Толосов:

Я коренной житель. И нас с детства учили, что мы есть часть этой природы. Для нас все живое: и речка, и горы, и кедр, и озеро, и скалы. Мы им поклоняемся, это наши прародители. И поэтому, мы не можем не чистить эти скалы. Я скалу представляю живым существом, который стоял такой чумазый, мы ее отмыли, и скала начала блестеть и улыбаться нам.

В турах меня часто спрашивают про наше язычество, и я туристам объясняю, что язычество – это не как религия, а больше как такое философское направление, языческая философия, которая вся в том, что мы считаем себя частью природы. Мы поклоняемся тому, что нам приносит пользу. Ну, вот например, солнце нас греет, гора нас кормит, речка нас поит, вот мы им всем за это благодарны, потому и поклоняемся.

Ирина Тундинова:

Я не посещаю церкви, дацаны, мечети. Мой храм – Алтай. Его осквернение ранит мою душу. Хочется верить, что когда-нибудь наше общество выйдет на новый духовный и экологический уровень, когда проекты подобные «Чистому

Алтаю» станут неактуальными. А сегодня для нашего региона – это долгожданный глоток воздуха, возвращающий Алтаю его девственную красоту. Благодаря проекту «Чистый Алтай» и лично Инну Муклаеву за возможность стать маленькой частью большого дела. Каждого члена экспедиции за теплый прием и большой вклад в очищение моего хrama.

Урсулина Татина:

Мы на себе таскали песок для пескоструев, прожаривали его, организационные вопросы решали. Все это я видела, знала, и могу сказать, что с первых дней «Чистого Алтая» я рядом с Инной, руководителем проекта. Мне не надо какие-то моменты объяснять. Анатолий Куприяныч к шлангу пескоструя никого не подпускал, сам все один чистил, потому что технически там все было не просто, часто забивалось. То не тот песок, не тот абразив, то еще что-нибудь. А у меня было огромное желание, самой собственноручно очистить надпись на скале. Для меня это было очень важно самой это сделать. Первый квадратный метр, первый кусочек, первый сантиметр, первый миллиметр очищенной скалы, когда ты видишь ее до и после, и понимаешь как это происходит. И самое главное, видишь результат. Ну, это все... Это любовь с первой чистки, как с первого взгляда, можно сказать.

Евгений и Анастасия Каташевы:

Наш образ мыслей, мировоззрение и главный посыл нашим детям – искоренение потребительского отношения к этому миру. Не взять как можно больше, не оставить после себя «след», а только лишь наблюдать и созидать то, что тебе по силам. Видеть, как первозданность природы открывается из-под слоя «наследивших» – это и есть главное вдохновение, которым манит «Чистый Алтай». И, конечно же, команда! Это уже просто семья единомышленников, которые так же как и ты любят и «болеют» Алтаем!

Инна Муклаева:

Я анализировала свои мысли и чувства и пришла к выводу, что «Чистый Алтай» мне очень много дал не только в плане людей... но и как личности. Как бы сказать... Сейчас я попытаюсь сформулировать. Он мне очень много дал в плане моей потребности духовно, душевно, сердцем быть полезной для моей малой родины, которую я, мы все очень любим. Это какая-то реализация нашей безграничной любви к Алтаю... Именно к Алтаю, нашей природе, наверно. Здесь какая-то такая история.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что в процессе собственноручного очищения природы человек переживает сильные эмоции созидания. В его сознании происходит развитие личного чувства психологической рефлексии, идентичности личности. Процесс очистки скал наши информанты характеризуют как очищение души, сопоставляют с религиозным таинством, сакральным действием. И как нам помогают понять эти ребята в своих искренних, откровенных разговорах, эта идентичность личности, социализированной в системе ценностей и мировосприятий, характерных для народов традиционной культуры, пройдя сквозь XX–XXI в. с его коллизиями коллективизации, индустриализации, глобализации, сохранилась не выхолащенной, но с очень живым и порой трогательным чувством. Чувства, о которых они пытаются

рассказать, сопоставимы с катарсисом, возникающим как следствие личных открытий гармонии мира, и связаны с оным переживанием. И это само по себе не является ни новостью, ни откровением. Аналогичные чувства от встречи с горами испытывали путешественники на протяжении всего периода наблюдений за процессами развития горного туризма: «Не обрыв, не поток, не утёс, но сферы, исполненные веры и благочестия» (Томас Грэй); «Есть какая-то сверхъестественная красота в перспективах гор, которая завораживает и чувства, и разум» (Жан-Жак Руссо); «Непостижимым образом колоссальные вершины отражаются в человеческом сознании, приоткрывая намерения Великого Зодчего» (Конрад Геснер) и т.д.

Но если эстетическое переживание восторга от созерцания горных пейзажей в Альпы привнесли пришельцы со стороны равнин, а местные жители испытывали перед своими горами сакральный ужас от переживаний потенциальных встреч с драконами, кобальтами, дьяволом – а кто ж еще может обитать в сени зияющих вершин? – то движение «Чистый Алтай» представлено местными жителями Алтая, однажды взглянувшими на свою землю в целом как на собственный дом, в котором надлежит прибраться. О проделанной работе они говорят конкретно и по существу.

Инна Муклаева:

Основные ключевые почищенные места: перевал Чике-Таман, Белый Бом, Красные ворота, много мест по Чуйскому тракту, «Сад камней» за Акташем, Чемальский тракт за Чемалом и почти до Ороктойа, въезд в Республику, Усть-Муны. В первую очередь чистили такие точки, которые очень сильно измотали нас. По нашей оценке очищено 60% всех надписей, которые есть в Республике Алтай. В планах – довести до идеала Чуйский тракт, а потом уже не очищать, а вести большую антивандальную пропаганду.

Виктор Красильников:

Въезжая в республику Алтай, то есть в Майму, я обращаю внимание на левую сторону, на скалы. И каждый раз, когда въезжаешь, всегда появляются новые надписи. Сразу портится настроение. Я до того вник в их нравы и обычаи, и в их отношение к самой природе. Что удивительно, нет ни одной надписи, которые оставили бы местные жители – допустим, «Здесь был с Маймы», с любого алтайского населенного пункта. Я проехал весь Алтай, и встретил надписи только из других регионов – Новосибирск, Бийск, Барнаул, Новокузнецк, Омск.

Сами алтайцы, люди очень трудолюбивые, проезжают, видят, останавливаются, помогают. Вот один из эпизодов. Мы стояли возле скал, где надпись была высоко. Лестница никак не доставала, альпинистов нет, МЧС нет. И вот останавливается автомобиль и предоставляет нам свой кузов в качестве площадки для установки лестницы, и мы дочистили вот эту надпись. И потом он нам помогал, и половину рабочего дня был с нами, не считаясь со временем своим. Алтайцы очень трудолюбивые люди, останавливаются, помогают, напутствия дают. Они делают правильное дело, практически все надписи со скал они смыли, но постоянно появляются новые. Такое впечатление, что кто-то это делает специально назло. Я очень благодарен Инне и команде за такое большое дело. И уже отзывы

идут, что да, надписей мало стало на Алтае. А в соцсетях, в которых я выставляю фотографии, появляются люди, которых это за душу берет, все делятся комментариями, воспоминаниями.

Движение не просто сплотило его участников, оно создало социум, в котором люди рефлексируют свое новое личностное становление через отношения, взаимодействия с коллективом единомышленников. И этот потенциал представляется крайне важным для оздоровления социально-психологического климата и в «большом» социуме, вплоть до нации.

Инна Муклаева:

Проект дал мне в жизни крутых людей, единомышленников. Он дал мне рост, я с ним расту. Не знаю, как это называется... Найти саму себя... И дал мне очень четкое, уверенное ощущение, как именно, конкретно я могу быть полезна этому миру. Для меня эта миссия. Это, конечно, громко сказано, и частично сейчас эта история заезжена. Все кругом говорят «миссия, миссия», но внутренне для меня это именно так: это именно то, что я могу сделать для своей малой родины. Он стал в моей жизни таким этапом.

И все зависит от команды. В команде образовался костяк – единомышленники, все очень позитивные, все на одной волне. И вокруг проекта очень много собралось всего. И новые люди, и знакомства случайные и неслучайные, какие-то процессы, и это становится для тебя уже не просто проектом, отдельным от твоей жизни, он становится частью твоей жизни и самого тебя.

Виктор Красильников:

С самого начала – а я ежегодно езжу с ними, у меня появляется вторая молодость. Хотя я нахожусь в данный момент на пенсии.

Ирина Тундинова:

Восхищаюсь командой. Каждым. Незнакомые ребята за один день становятся родными. А все благодаря Инне – руководителю и вдохновителю проекта. Ее горящие глаза и вера в дело мотивируют.

В этих репликах – осознание социальности как ценности. Содействие, взаимодействие, понимание надличностной ценности совместных действий – в этом суть и основа чувства социальности, социальной реальности, и в ней личность ищет спасение от виртуальной атомизации современного мира. Характерно, что в формате эко-эстетического активизма уже наметились различные уровни интеграции: а) группы вокруг одного проекта; б) взаимодействие разных групп разных проектов в рамках одного региона; в) кооперация усилий активистов нескольких регионов.

Урсулина Татина:

У каждого проекта есть конец, а у нашего конца нет, чистить скалы стало образом жизни, способом мышления. Мы ушли в экологические темы, мы с другими эоактивистами дружим, и частично затрагиваем темы мусора, большого очищения природы, не только скал.

Инна Муклаева:

И тем не менее, наша эта любовь сфокусирована на скалах. Она у нас не просто к чистым берегам и рекам. Лично у меня это прежде всего чувство единения

со скалами и горами. Я люблю дикую Кош-Агачскую природу. Меня туда тянет. В другие проблемы мы не уходим, иначе закопаемся. Стал проект и частью профессионального самовосприятия. Когда я где-то представляюсь, то говорю, что я предприниматель и участник проекта «Чистый Алтай».

Примером другого, столь же яркого и эффективного проекта очищения природы и самоочищения человека стала акция «Капитаны Телецкого» по очистке берегов Телецкого озера от мусора (рис. 6). Результаты – количество тонн собранного мусора – поражали воображение (рис. 7).

Примером межрегионального общения на тему общей боли стало внимание экологических активистов к деятельности волонтеров Кроноцкого заповедника (Камчатка), скал побережья Байкала и «Чистого Алтая». В частности, обсуждались в сравнении методы чистки – пескоструйной машиной (Алтай) (рис. 3), химическими растворителями с щетками (Камчатка) (рис. 4, 5) и лазерной установкой (Байкал).

Рис. 3. Процесс очистки берегов Телецкого озера. Республика Алтай, 2025. Фото Ирины Тундиновой

Рис. 4. Процесс очистки скал побережья Камчатки. Фото предоставлено администрацией Кроноцкого заповедника

Рис. 5. Процесс очистки скал побережья Камчатки. Фото предоставлено администрацией Кроноцкого заповедника

Рис. 6. Процесс очистки берегов Телецкого озера от мусора. Республика Алтай, 2025. Фото Анастасии Сазоновой

Рис. 7. Процесс очистки берегов Телецкого озера от мусора.
Республика Алтай, 2025. Фото Анастасии Сазоновой

Рис. 8. Инна Муклаева и Урсулина Татина на фоне скал до и после очистки.
Фото Ирины Тундиновой

Природа вандалных надписей. Исторические аналогии и кросс-культурные интерпретации

В любом споре правильно выслушать аргументы обеих сторон. Мы охотно бы выслушали и субъектов вандалной активности, если бы они захотели подробно рассказать нам о своих мотивациях. Но вандалы хранят молчание, лишь изредка предпринимая невнятные попытки объяснить, натягивая сову рациональности на сферу бессознательного – источник и бездну всех иррациональных мотиваций, откуда они всплывают и где они тонут. Максима «рациональности» в объяснениях вандалов выглядит следующим образом: если древним людям можно рисовать на скалах петроглифы, и это ценно, то и нам можно рисовать, и это так же ценно, как исторический документ. Разберем, насколько обоснованны подобного рода аргументы.

Было бы неправильно объяснять природу вандалных надписей только лишь инфляцией морально-когнитивных качеств личности вандала, хотя античные мыслители, интерпретаторы культуры, такие как Страбон, Сенека, Плиний, настаивали именно на этом, когда были вынуждены созерцать граффити на стенах Помпей, Геркуланума, Стабии и прочих древнеримских курортных городов. В потребности писать на стенах, очевидно, находит одно из своих выражений сама сущность человека, как существа семиотического, т.е. существа, осуществляющегося внебиологическим способом. Оставлять на поверхностях знаки, графемы имплицитно присуще человеку как виду, и эта потребность особенно обостряется не в своем, уже освоенном пространстве, но в чужом, на начальном этапе его освоения. Этологи видят в этом разновидность территориального поведения, аналогичную физиологическим актам животных, метящих территорию, в которых физиологическая экспансия приобретает значение коммуникативно-информационного сообщения (Требова, Лапшин 2016: 52–53). Так, житель Помпеи, застав у городских ворот гостя с острова Лесбос за синхронизацией обоих качеств территориальной активности – физиологической и нарративной, запечатлел это в следующей настенной эпиграмме: *Lesbiana, cacas, scribis salute* – *Лесбиец, ты сраешь, и нам пишешь «Привет!»* (Corpus Inscriptionum Latinarum (далее CIL) 4.06764).

На стенах римских городов сохранились до наших дней тысячи эпиграмм и подобных надписей. Одна из этих надписей запечатлела рефлексию по поводу этой ситуации от одного из жителей: *Admiror, paries, te non cecidisse, ruina qui tot scriptorum taedia sustineas* – *Удивительно, как ты, стена, еще не рухнула, выдерживая столько унылых каракулей* (CIL 4.10070).

Плутарх в своем труде «О болтливости» жалуется на надписи на гробницах и стенах: «В них ничего не написано ни полезного, ни приятного,

только такой-то “помнит” такого-то, и “желает ему добра”, и является “лучшим из друзей”, и много всего такого, полного нелепости» (Плутарх 1999: 631).

В самом деле, на стенах самовыражались не мыслители типа Плутарха и Сенеки, а римский плебс, фиксируя те же незамысловатые мысли и чувства, что и современные вандалы Алтайских скал, правда делали это гораздо более изысканно и оживленно. Римляне на камнях своих стен ругались, «троллили» друг друга, полемизировали, проклинали, воспевали – общались так, как сегодня общаемся мы в своих социальных сетях. Поэтому античные надписи не следует сравнивать с современными алтайскими «писаницами», лишенными смысловой и эмоциональной многомерности.

Таким образом, сами по себе римские надписи, столь удручавшие Плутарха, пускай и не блещут изяществом слога, но являются ценнейшим этнографическим источником, воспроизводя портреты, характеры, страсти городской толпы. Общий анализ настенных надписей в древних городах, несмотря на значительное количество вульгарных сообщений, демонстрирует высокий уровень образования, а некоторые даже воспроизводят образцы высокой культуры. Множество граффити, найденные в самых разных местах – от лупанариев до казарм гладиаторов, воспроизводят цитаты и парафразы, отсылающие к классической поэзии. Так, фраза *Я пою о совах, а не о мужах и битвах – Fullones ululatque cano, non arma virumque* (CIL 4.9131) пародирует первую строку знаменитой «Энеиды» Вергилия: *Битвы и мужа пою, кто, судьбою влекомый, из Трои к Италии первым приплыл, к Лавинийскому берегу... – Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris Italiam, fato profugus, Laviniaque venit litora...*

Знала Античность граффити, нацарапанные непосредственно на памятниках, являвшихся местом туристического паломничества римлян, надписи на них преимущественно осмысленные. Некоторые сами по себе являются отдельными памятниками мировой культуры. Так, римская поэтесса Юлия Бальбилла, сопровождавшая императора Адриана и его жену Сабину в их путешествии в Фивы, оставила четыре стихотворения на ноге гигантской статуи фараона Аменхотепа III, которую греки и римляне считали колоссом Мемноном, сыном Эос, богини утренней зари. Египетские статуи и храмы особенно привлекали внимание римских туристов, которые покрывали их надписями не из вандальных побуждений, но в качестве интеллектуальных подношений этим таинственным древним богам.

Как видим, среди античных граффити на памятниках имеются и такие, которые не отличаются от надписей на алтайских скалах, но основная масса текстов по своим смыслам, целям и стилям отличается кардинально. Абсолютное большинство вандальных надписей Алтая не несут

иного смысла, кроме как быть отметкой о физическом присутствии в данном пространстве физического тела, и такой меткой является имя, время поездки и место происхождения. И это само по себе, при отсутствии развернутого нарративного содержания, являясь простым фактом, говорит о многом. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отношения знака и смысла в динамике флуктуаций знакового поведения от моносемантики к полисемантике, в зависимости от культурно-исторического контекста.

Волонтеры движения «Чистый Алтай» уже столкнулись с проблемой выделения из основной массы вандальных надписей тех, которые имеют определенную историческую, эстетическую, экзистенциальную и другую ценность, и рассуждают об этом следующим образом:

Евгений и Анастасия Каташевы:

Позвольте и мне выразить свое мнение по этому поводу. Вот, например, на Калбакташе рисунки – это не те надписи, которые сделал мимо проходящий чабан или охотник. Эти рисунки имеют глубокий смысл. То есть наши предки пытались таким образом что-то донести, что-то рассказать о мире своим потомкам. Там есть и астрология, и стороны света, там есть и религия, там есть и простые науки, что-то вроде домостроя, как детей зачали, как была устроена семейная жизнь, то есть для меня петроглифы – это каменные книги. Тогда же бумаги не было. И эти скалы – такая, открытая книга. Еще добавлю про рунические надписи на Калбакташе – они все с глубоким смыслом. И для сравнения я приведу пример надписей на Красных воротах. Вот человек возвращается с войны, современное время, 1945–1946 год. Человек воевал, выжил, возвращается домой и оставляет автограф – и от себя лично, и как бы от всех, кто погиб в той войне. В такой надписи, в самом факте ее также запечатлен глубокий смысл победы добра над злом, торжества жизни над смертью, поэтому такая надпись имеет ценность для нас, и мы такие надписи не стираем. А надписи, типа «Омск», или «Здесь был Вася», они не имеют ценности – ни исторической, ни эстетической – никакой.

Спорные моменты и свои сомнения они выносят на публичные обсуждения. Так они, с обращением к широкой общественности, решали, как поступить с автографом от имени участников первого алтайского мотопробега 1950-х гг. с изящно исполненной картинкой мотоцикла. На консилиуме в соцсетях было решено этот автограф признать как историческую и художественную ценность и не счищать. Решающим аргументом был тот довод, что очистка – акт необратимый и непоправимый, а счистить его всегда успеют.

Так, в ходе дискуссий и размышлений волонтеры «Чистого Алтая» сами для себя выработали критерии того, что считать фактом вандализма, а что считать явлением культуры. Как следует из их высказываний, надписями, имеющими отношение к разряду памятников культуры, являются те, которые создают, фиксируют и ретранслируют созидательные смыслы. Такие надписи они не счищают. Надписи, не имеющие

иных смысловых значений, кроме как обозначать присутствие в физическом пространстве и времени некоего физического тела, устраниются как вандальные.

О чем хотят нам рассказать вандалы? Надписи с точки зрения этологии и семиотики

И тем не менее, если условный автор послания «Здесь был Вася» отправился в путешествие, прихватив с собой кисть и краску, да еще с риском для жизни залез на скалу повыше написать, что он «здесь был», значит, некоторая ценность лично для него в деяниях такого рода имеется. Это ценность глубинно-психологическая.

Судя по бессмертному роману Ильфа и Петрова, надписи в стиле «Киса и Ося здесь были» присутствовали на скалах курортов Кавказа во время написания романа, во второй половине 1920-х гг., т.е. на полвека раньше, чем на стенах Нью-Йорка возникли первые граффити как явление современной городской субкультуры. Насколько правомерно сравнивать наскальный вандализм с городскими граффити, а настенную «живопись» США и России, и тем более современные надписи на стенах и скалах с древними? Сложился определенный пласт исследований этого явления, позволяющий сделать некоторые выводы. «Приобретая символическое значение, граффити начинают выполнять функции трансляции смысла и социального структурирования (Кузовенкова 2015). Причем у такого символического захвата существует несколько “тактик” потребления пространства», – рассматривает граффити в качестве освоения городской среды Ф.Д. Поляков (Поляков 2024: 248), и в своей статье обращает внимание на мнение других исследователей относительно некоторой вторичности российской субкультуры уличных художников относительно американской и в этой связи на понижение градуса социокультурных смыслов.

«Логика становления отечественной субкультуры граффити во многом следует пути ее развития в США 1970–1980-х, когда подобные рисунки и надписи считались неотъемлемой частью хип-хоп индустрии (Скорик 2016: 68–69). Однако в таком заимствовании окончательно теряется их “радикальное бунтарство”, о котором говорил Ж. Бодрийяр. Если граффити Нью-Йорка появились как протестные заявления жителей гетто “о своем существовании”, то после они были преобразованы в среду для обсуждения экономических, политических и социальных проблем, как и сама субкультура хип-хопа, которая стала воплощением творчества и переживаний американских социальных низов. В России же граффити возникают по совершенно иным причинам, в условиях, когда окончательно распалась доминировавшая коммунистическая куль-

тура и публично противостоять было некому (Омельченко 2006). Поэтому в отечественных реалиях граффити перестают быть инструментами символического сопротивления и культурного протеста (см., например: Hebdige 1979) <...> “Цель граффитчиков – не сломать старую традицию и установить новую (что и является целью сопротивления), а нарушить установленные правила. Это не столько сопротивление чему-либо, сколько нарушение ради нарушения. Им важно, что рисовать на стенах запрещено, в противном случае не будет интереса к этой деятельности, она потеряет для них всякий смысл” (Кузовенкова 2017)» (Поляков 2024: 251–252).

Но если в городах надписи на стенах имеют смыслом нарушение запретов, то нанесение своих имен и названий городов в горах на диких скалах лишено и этого смысла. Смысл знаков физического существования заключается, как нам видится, в самом физическом существовании. С точки зрения этологии люди, самовыражающиеся посредством граффити, не несущем культурных смыслов, занимаются территориальным поведением – метят территорию, что также является информационной деятельностью, но такого же базового семиотического уровня, что и информационная активность животного, метящего территорию путем физиологических выделений – слюны, мочи, секрета, экскрементов. Использование физиологии в качестве информационного сообщения животными семиотически совпадает с использованием графем, если они созданы как знак с единственной целью – зафиксировать присутствие физического тела в физическом пространстве.

Если ретрансляцию культурно-сложных смыслов характеризует состояние полисемантики, то сообщение, целью которого является констатация «я – существую», приведенное без прочих рефлексий, следует квалифицировать в разряде моносемантики. Информационная деятельность человека принципиально отличается от информационной активности животного исключительно полисемантическими качествами. На уровне моносемантики отличия не принципиальные. Вполне вероятно, что моносемантическим знакам и коммуникативным физиологемам столько же лет, сколько и фундаментальным когнитивным структурам.

С точки зрения теории лиминальности

Мусор есть феномен культуры, но не природы. Природа не знает мусора. В культуре же под «мусором» понимается «вещество не на своем месте». Можно спорить о ценностях нарративов древнеримского плебса относительно плебеев времени настоящего, и о том, придает ли время актам семиотически низшего порядка ценность культурной реликвии. При этом что их научно-историческая ценность бесспорна. Для историка все есть артефакт. История, как и природа, не знает понятия «мусор».

Но оставим страсти по мусору в кругу городских стен и вернемся к природе. Как безусловна научно-историческая и культурно-антропологическая ценность любых граффити – древних ли, современных ли, так безусловна ценность чистоты природы в целом и любых ее ландшафтных элементов в частности – скал, камней, лесов, рек, озер, пустынь, болот. Именно к ней, к природе, именно за чистотой и очищением стремятся люди из своих городов и прочих дольных селений в горы, чтобы в первозданной чистоте и красоте отдохнуть от своей городской среды, непрерывно генерирующей мусор – визуальный, аудиальный, духовный, информационный. Поэтому народы мира всегда селили своих богов в горных пейзажах, а философы Нового времени рассматривали горный ландшафт в качестве образа горних сфер, среды очищения человеческой души. Побочным эффектом этой чистоты стало ощущение пустоты, особенно актуальное для человека современной урбанистической цивилизации с ее сверхплотным графиком и трафиком. И здесь, с целью семиотико-антропологических интерпретаций пустот и культур, следует обратиться к теории «лиминальности».

«Лиминальное пространство», «лиминальный субъект» – от латинского *limen*, «граница» – понятия из теорий Виктора Тэрнера (Тэрнер 1983) и Арнольда Ван Геннепа (Ван Геннеп 1999). Применительно к вандальным граффити представляется продуктивным рассматривать теорию лиминальности в композиции с исследованиями механизмов деиндивидуализации Зимбардо (Zimbardo 1969) и концепта десоциализации личности в ситуации «культурного вакуума». Все состояния прослеживают активизацию у индивидов в тех или иных формах территориального поведения.

Понятие и состояние лиминальности коррелирует с механизмами десоциализации и деиндивидуализации, и в семиотике территориального поведения мы видим попытки преодоления, по Тэрнеру, «пустыни бесстатусности», или, в широком смысле, семиотической пустоты (Zimbardo 1969).

С особенной плотностью и интенсивностью вандальные граффити покрывают вагоны, автобусы, лифты, объекты вдоль путей сообщения, дорожные знаки (Dews, Peters 1986). Зимбардо отмечает, что объекты дорожной инфраструктуры, включая отбойники, являясь «символами социального порядка», остаются удобными объектами фрустрации (Zimbardo 1969). Однако образы дороги, пути и транспорта являются символами перехода границ, метафорами лиминальных состояний. Акт вандализма – не просто факт нарушения порядка, но семиотический способ преодоления лиминальности актора. Таким образом, «фактор пространства» перестает быть литературной метафорой и предстает в разряде категорий когнитивной самоорганизации сознания – воссоздания

во внешнем пространстве структурообразующего принципа, утраченного во внутреннем пространстве личности.

Итак, физическое пространство перехода из точки А в точку Б воспринимается как метафизическая Пустота. В силу невозможности помыслить Пустоту, в традиционных культурах народов мира пограничные пространства представлены как пространства, населенные некими инверсивно-перверсивными существами и сущностями – образами и субъектами, конвертирующими Небытие пустоты в Инобытие мифологического пространства. А с Инобытием, в отличие от Пустоты, уже можно работать – его можно нейтрализовать, приручать, осваивать посредством магических приемов и практик – заклинаний, обрядов, ритуалов, молитв.

Современные жители мегаполисов не обладают навыками магических культурных практик, наделяющих личность способностью договариваться с «чудовищами», происходящими из «снов разума». И разум обращается к фундаментальным когнитивным алгоритмам. Личность, вышедшая за пределы своего привычного быта, освоенного пространства или, как нынче модно говорить, «зоны комфорта», ощущает себя в ситуации семиотической опустошенности, и пытается эту Пустоту заполнить, заштриховать, начертав на ней знаки собственного существования. Письмена на скале «Омск, 1997. Колян» – это Пространство, Время, Имя – манифестация субъектности автора.

Потребность в декларации субъектности, обостряющаяся в состоянии лиминальности, представляется одним из способов семиотического противостояния экзистенциальных концептов: «нечто/некто» vs «ничто/никто» – элементарный, как «единица – ноль», структурный принцип самоосуществления личности, равно как и всего сущего.

Времена о нравах

Арнольд Голдштейн рисует психологический портрет вандала как социокультурного депрессанта: «Человек с интеллектом ниже среднего, с историей проблем в образовании и серьезных школьных неудач. Он или она происходит из большой семьи, в которой царила тяжелая и нестабильная домашняя обстановка, и демонстрирует явно неблагополучный и неадекватный социальный, супружеский и трудовой анамнез. Распространены проблемы сексуального характера и алкоголизма, а также часто и проблемы с системой уголовного правосудия» (Goldstein 1996: 25).

Однако, как показывают наблюдения за динамикой культурно-исторического опыта народов мира, дело обстоит сложнее. Не только пространство, но и время перехода, так называемые переходные периоды, способствуют развитию чувства лиминальности у личностей, которым

выпало жить в «эпохи перемен». Масштабные общественно-политические кризисы закономерным образом ведут к распаду институтов, структур, алгоритмов нормативной культуры, и создают семиотические воронки «культурного вакуума» в эпицентрах взрыва культурных идеологий. В этих условиях происходит реактуализация фундаментальных когнитивных структур, призванных заместить собой распавшиеся сложные социокультурные конструкции и послужить отправной и опорной точкой их пересборки.

Этим объясняется тот факт, что в переходные периоды социально-политических катаклизмов, как то революции, смены общественно-исторических формаций и технологических укладов, наблюдается резкий всплеск вандальной активности и реактуализация архаики. Массовым вандализмом отмечены все смены общественно-политических укладов от упадка Рима до Французской и Русской революций (*Revolution francaise et «vandalisme revolutionnaire» 1992*), и далее к советской перестройке, на время которой приходится основная часть вандальных надписей в Алтайских горах. Данная деятельность – признак эпохи. Она сама по себе не означает когнитивно-нравственную деградацию личностей авторов. В тот же самый «перестроечный» период стены туалетов в главных библиотеках страны – московской «Ленинке», петербургской «Публичке» и прочих – покрылись пространными надписями в стиле стен древнеримских городов. Ученые мужи оппозиционных политических взглядов сходились в полемических баталиях на темы прошлого, настоящего и будущего России и слали друг-другу памфлеты и проклятия; и стены сортиров – предельно лиминальное, пограничное между физиологией и информацией, пространство – предоставляли им наилучший формат для самовыражения. К сожалению, перестроечным сортирным граффити повезло гораздо меньше, чем древнеримским, поскольку не сложился, подобный «Корпусу латинских надписей», задокументированный «корпус надписей сортирных», а попытки одного из авторов произвести фотофиксацию столь ценных исторических документов не имели успеха по причине запрета в 1990-х гг. проносить в библиотеки фотоаппараты. Однако всякий посещавший общественные туалеты «эпохи перемен» может самостоятельно восстановить в памяти состояние тех стен и сравнить их с современными.

В ситуации разрушения системы ценностей, политических координат, морально-нравственных ориентиров и других «вековых устоев», скалы на туристических маршрутах, городские подворотни и стены общественных туалетов остаются, возможно, единственной твердой опорой тем индивидуумам, которым больше не на что опереться в своей жизни. Резкий всплеск вандализма с надписями из баллончиков с краской по кузовам чужих автомобилей, случившийся в городах Западной

Европы во времена недавних пандемических запретов, является еще одним свидетельством закономерности взаимосвязей потребности в реактуализации человеческой субъектности с макро-историческими флуктуациями семиотического поля культуры (Шер и др. 2004: 72).

Время очищать камни. Заключение

Современные антивандалные движения, возникшие почти синхронно по всей стране, свидетельствуют об изменениях, происходящих в мировоззрении и социальности. Еще 20–30 лет тому назад люди равнодушно проходили мимо мусорных куч в пространствах между своими квартирами, домами и поселками, относясь к этому пространству «промежутков» так, как теория лиминальности и предписывает относиться к границам и пустотам, отданным на откуп десоциализированным лиминальным субъектам типа бомжей. Но в последнее десятилетие люди словно заново взглянули на собственную среду обитания, которая вдруг предстала их взгляду в своей ценности и целостности, в которой больше нет места пустотам и промежуткам для свалки отходов. Так чувство своего общего мира, нуждающегося в очищении, стало движущей энергией социальной кооперации людей, посмотревших на большое пространство своей страны как свой собственный дом. В масштабах страны очищение пространства изоморфно самоочищению нации. Экологические инициативы наших дней на фоне развития внутреннего туризма впервые за тридцать постсоветских лет – это своего рода индикаторы пересборки общественной системы ценностей, отражающейся в росте общего интереса к судьбе собственной страны, что и есть патриотизм в действии.

Вандализм, как и антивандалная активность, является деятельностью, относящейся к знаковому социально-коммуникативному поведению. Как в девиантных, так и в нормативных мотивациях личности находят свои отражения метаморфозы социальной истории. Синхронное и спонтанное возникновение антивандалных движений по всей стране, аналогичных «Чистому Алтаю», охватившее Крайний Север, Кавказ, Урал, Алтай, Байкал, Дальний Восток, Камчатку, свидетельствует о начале нового социально-исторического этапа, характеризующегося масштабным, общенациональным преодолением лиминальных состояний и включением пространств былого отчуждения в культурное пространство своей среды обитания путем устранения графических знаков отчужденности.

Список источников

- Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999.
Ватова Л.С. Социально-психологический феномен молодежного вандализма // Среднее профессиональное образование. 2009. № 7. С. 25–26.

- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
- Воробьева И.В., Злоказов К.В., Зотикова А.С., Кружкова О.В., Оболенская А.Г., Порозов Р.Ю., Руденкин Д.В., Симонова И.А. Молодежный вандализм как репрезентация проблем городской среды. Екатеринбург: УрГПУ, 2018.
- Кузовенкова Ю.А. «Право на город»: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4–5. С. 31–46.
- Кузовенкова Ю.А. Особенности освоения городского пространства сообществами граффити и стрит-арта // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 4 (33). С. 66–69.
- Омельченко Е.О. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2 (4). С. 151–182.
- Плутарх Моралии. М.: Эксмо, 1999.
- Поляков Ф.Д. Граффити как инструмент освоения городской среды: исследование пространственных практик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. № 27 (4). С. 238–272.
- Скорик А.В. Граффити как субкультура социального вызова и протеста // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 63–69.
- Скорородова А.С. Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал. 1998. № 1 (19). С. 144–164.
- Требова С.В., Лапшин Л.В. Основы этологии животных. Уссурийск: ПГСХА, 2016.
- Турпоток на Алтай за последние годы увеличился на 50% // Прайм. 18.06.2025. URL: <https://lprime.ru/20250618/altay-858630000.html>
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Восточная литература, 1983.
- Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004.
- Agnew R. A revised strain theory of delinquency // Social Forces. 1985. Vol. 64. P. 151–167.
- Angyal A. Foundations for a science of personality. Cambridge: Harvard University Press, 1959.
- Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.
- Bandura A. Social foundations of thought and action. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
- Barker R.G., Gump P. Big school, small school. Stanford, CA: Stanford University Press, 1964.
- Barker R.G., Wright H.F. Midwest and its children. New York: Harper&Row, 1954.
- Cloward R.A., Ohlin L.E. Delinquency and opportunity: A theory of delinquent gangs. New York: Free Press, 1960.
- Dews P., Peters L. Ride with pride: Wipe out graffiti and vandalism on our trains and buses. Brooklyn: New York City Board of Education, 1986.
- Dodge K.A. Social cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression // Annual Review of Psychology. 1993. Vol. 44. P. 559–584.
- Dodge K.A. Social cognition and children's aggressive behavior // Child Development. 1980. Vol. 51. P. 152–170.
- Ducey M. Vandalism in high schools: An exploratory discussion. Chicago: Institute for Juvenile Research, 1978.
- Goldstein A. The psychology of vandalism. New York; London: Plenum Press, 1996.
- Goldstein A. Delinquents and delinquency. Champaign, IL: Research Press, 1990.
- Greenberg M., Speltz M. Attachment and ontogeny of conduct problems // Belsky J., Nezworski T. (Eds.) Clinical implications of attachment. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
- Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. London: Routledge, 1979.
- Hirschi T. Causes of delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Huesmann L.R. Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer // Journal of Social Issues. 1986. Vol. 42. P. 125–139.

- Lemart E.M. Human deviance, social problems, and social control. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.
- Lewin K. A dynamic theory of personality. New York: McGraw-Hill, 1935.
- Lewin K. Principles of topological psychology. New York: McGraw-Hill, 1936.
- Miethe T.D. Citizen-based crime control activity and victimization risks. An examination of displacement and free-rider effects // *Criminology*. 1994. Vol. 29. P. 419–440.
- Mischel W. Personality and assessment. New York: Willey, 1968.
- Murray H. Explorations in personality. New York: Oxford University Press, 1938.
- Murphy G. Personality: A biosocial approach to origins and structure. New York: Harper, 1947.
- Patterson G.R. Coercive family process. Eugene, OR: Castalia, 1982.
- Patterson G.R., Reid J.B., Dishion T.J. Antisocial boys. Eugene, OR: Castalia, 1992.
- Revolution française et «vandalisme révolutionnaire» / Eds. by S. Bernard-Griffiths, M. Chemin, J. Ethrard. Paris: Universitas, 1992.
- Rotter J.B. Social learning and critical psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1954.
- Richards P. Middle-class vandalism and age-status conflict // *Social Problems*. 1976. Vol. 27. P. 482–497.
- Scott C. Vandalism and our present-day pattern of living // *Federal Probation*. 1954. Vol. 18. P. 10–12.
- Sutherland E.H., Cressey D.R. *Criminology*. New York: Lippincott, 1974.
- Tygart C. Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis // *Adolescence*. 1988. Vol. 23. P. 187–199.
- Vandalism: Research, prevention, and social policy / Ed. by Christensen H.H., Johnson D.R., Brookes M. Portland: U.S. Department of Agriculture Forest Service, 1992.
- Zimbardo P.G. The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse and chaos // *Nebraska Symposium on Education* / Eds. by W.J. Arnold, D. Devine. Lincoln: University of Nebraska Press, 1969.

References

- van Gennep A. (1999) *Obriady perekhoda* [Les rites de passage]. Moscow: «Vostochnaia literatura».
- Vatova L.S. (2009) Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen molodezhnogo vandalizma [Social-Psychological Phenomenon Of The Youth Vandalism]. *Srednee professional'noe obrazovanie*. 7. pp. 25–26.
- Vygotskii L.S. & Lurii A.R. (1993) *Etiudy po istorii povedeniia* [Studies in the History of Behavior]. Moscow.
- Vorob'eva I.V., Zlokazov K.V., Zotikova A.S., Kruzhkova O.V., Obolenskaia A.G., Porozov R.Iu., Rudenkin D.V. & Simonova I.A. (2018) *Molodezhnyi vandalizm kak reprezentatsiia problem gorodskoi sredy* [Youth vandalism as a representation of urban environmental problems]. Ekaterinburg: UrGPU.
- Kuzovenkova Iu.A. (2015) «Pravo na gorod»: praktiki legitimatsii graffiti i strit-arta [The "Right to the City": The Practices of Legitimation of Graffiti and Street Art]. *Kul'tura i tsivilizatsiia*. 4–5. pp. 31–46.
- Kuzovenkova Iu.A. (2017) Osobennosti osvoeniia gorodskogo prostranstva soobshchestvami graffiti i strit-arta [Use of Urban Space by Graffiti and Street Art Communities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4 (33). pp. 66–69.
- Omel'chenko E.O. (2006) Nachalo molodezhnoi ery ili smert' molodezhnoi kul'tury? «*Molodost'*» v publichnom prostranstve sovremennosti [The dawn of a youth era or the death of youth culture? "Youth" in contemporary public space]. *Zhurnal issledovanií sotsial'noi politiki*. 2 (4). pp. 151–182.
- Plutarch (1999) *Moralii* [Moralia]. Moscow: Eksmo.
- Polyakov F.D. (2024) Graffiti kak instrument osvoeniia gorodskoi sredy: issledovanie prostranstvennykh praktik [Graffiti as A Tool of Urban Environment Appropriation:

- A Study of Spatial Practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 27 (4). pp. 238–272.
- Skorik A.V. (2016) Graffiti kak subkul'tura sotsial'nogo vyzova i protesta [Graffiti as A Subculture of Provocation and Outcry]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 1 (21). pp. 63–69.
- Skorokhodova A.S. (1998) Graffiti: znachenie, motivy, vospriiatiie [Graffiti: meaning, motives, perception]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1 (19). pp. 144–164.
- Trebova S.V. & Lapshin L.V. (2016) *Osnovy etologii zhivotnykh* [Fundamentals of Animal Ethology]. Ussuriisk: PGSKhA.
- Turpotok na Altai za poslednie gody uvelichilsia na 50% [The tourist flow to Altai has increased by 50% in recent years]. *Prime*. 18.06.2025. Available at: <https://1prime.ru/20250618/altay-858630000.html>
- Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: «Vostochnaia literatura».
- Sher Ia.A., Vishniatskii L.B. & Blednova N.S. (2004) *Proiskhozhdenie znakovogo povedeniia* [The origin of sign behavior]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Agnew R. (1985) A revised strain theory of delinquency. *Social Forces*. 64. pp. 151–167.
- Angyal A. (1959) *Foundations for a science of personality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Amoroso L.J. (1977) Public school property losses and vandalism. *Security World*. 14.
- Bandura A. (1973) *Aggression: A social learning analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Bandura A. (1986) *Social foundations of thought and action*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Barker R.G. & Gump P. (1964) *Big school, small school*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Barker R.G. & Wright H.F. (1954) *Midwest and its children*. New York: Harper&Row.
- Cloward R.A. & Ohlin L.E. (1960) *Delinquency and opportunity: A theory of delinquent gangs*. New York: Free Press.
- Dews P. & Peters L. (1986) *Ride with pride: Wipe out graffiti and vandalism on our trains and buses*. Brooklyn: New York City Board of Education.
- Dodge K.A. (1993) Social cognitive mechanisms in the development of conduct disorder and depression. *Annual Review of Psychology*. 44. pp. 559–584.
- Dodge K.A. (1980) Social cognition and children's aggressive behavior. *Child Development*. 51. pp. 152–170.
- Ducey M. (1978) *Vandalism in high schools: An exploratory discussion*. Chicago: Institute for Juvenile Research.
- Goldstein A. (1996) *The psychology of vandalism*. New York – London: Plenum Press.
- Goldstein A. (1990) *Delinquents and delinquency*. Champaign, IL: Research Press.
- Greenberg M. & Speltz M. (1988) Attachment and ontogeny of conduct problems. In: Belsky J., Nezworski T. (Eds.) *Clinical implications of attachment*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Hebdige D. (1979) *Subculture: The Meaning of Style*. London: Routledge.
- Hirschi T. (1969) *Causes of delinquency*. Berkeley: University of California Press.
- Huesmann L.R. (1986) Psychological processes promoting the relation between exposure to media violence and aggressive behavior by the viewer. *Journal of Social Issues*. 42. pp. 125–139.
- Lemart E.M. (1967) *Human deviance, social problems, and social control*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Lewin K. (1935) *A dynamic theory of personality*. New York: McGraw-Hill.
- Lewin K. (1936) *Principles of topological psychology*. New York: McGraw-Hill.
- Miethe T.D. (1994) Citizen-based crime control activity and victimization risks. An examination of displacement and free-rider effects. *Criminology*. 29. pp. 419–440.
- Mischel W. (1968) *Personality and assessment*. New York: Wiley.
- Murray H. (1938) *Explorations in personality*. New York: Oxford University Press.
- Murphy G. (1947) *Personality: A biosocial approach to origins and structure*. New York: Harper.
- Perlmut D. (1983) Vandalism: The environmental crime. *Journal of Social Issues*. 18. pp. 209–216.
- Patterson G.R. (1982) *Coercive family process*. Eugene, OR: Castalia.
- Patterson G.R., Reid J.B. & Dishion T.J. (1992) *Antisocial boys*. Eugene, OR: Castalia.

- Revolution française et “vandalisme révolutionnaire”*. Ed. Bernard-Griffiths S., Chemin M., Ethrard J. Paris: Universitas, 1992.
- Rotter J.B. (1954) *Social learning and critical psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Richards P. (1976) Middle-class vandalism and age-status conflict. *Social Problems*. 27. pp. 482–497.
- Scott C. (1954) Vandalism and our present-day pattern of living. *Federal Probation*. 18. pp. 10–12.
- Sutherland E.H. & Cressey D.R. (1974) *Criminology*. New York: Lippincott.
- Tygart C. (1988) Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis. *Adolescence*. 23. pp. 187–199.
- Vandalism: Research, prevention, and social policy*. Ed. by Christensen H.H., Johnson D.R., Brookes M. Portland: U.S. Department of Agriculture Forest Service, 1992.
- Zimbardo P.G. (1969) The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse and chaos. In: *Nebraska Symposium on Education*. Ed. by Arnold W.J., Devine D. Lincoln: University of Nebraska Press.

Сведения об авторах:

БАНИКОВ Константин Леонардович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: bannikov@iea.ras.ru

ШКАРБАНЬ Сания Шайхлисламовна – соискатель, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Konstantin L. Bannikov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: bannikov@iea.ras.ru

Saniya Sh. Shkarban, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 сентября 2025;
принята к публикации 2 декабря 2025.*

*The article was submitted 08.09.2025;
accepted for publication 02.12.2025.*

МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (отв. ред. спец. темы – И.В. Нам)

Научная статья
УДК 316:4
doi: 10.17223/2312461X/50/2

Интеграционные стратегии и практики мигрантов: от локальных инфраструктур до транснациональных сценариев. Введение к специальной теме номера

Ираида Владимировна Нам

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия; Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
namirina@bk.ru*

Аннотация. Обсуждаются интеграционные стратегии и практики международных мигрантов/иммигрантов в России в европейском контексте и с позиций транснационального подхода. Рассматриваются интеграционная политика государств Европейского союза и интеграционные стратегии и практики мигрантов/иммигрантов на примере Нидерландов, России и Израиля. Показано, что с принятием Нидерландами законов об интеграции в 2021 г. и о гражданстве в 2023 г. либеральная мультикультуралистская модель миграционной политики сменилась жесткой моделью регулирования миграции. В отличие от Европейского союза, российская миграционная политика характеризуется отсутствием институционализированной интеграционной политики на государственном уровне, что не означает отсутствия интеграции мигрантов «снизу». Представленные в статье исследовательские кейсы демонстрируют, во-первых, формирование и функционирование на низовом уровне интеграционных стратегий и практик (на примере сети кафе «Ош» в Томске и Хилокского рынка в Новосибирске); во-вторых, формирование транснациональных интеграционных сценариев и двойственной идентичности «здесь и там» – между Россией и Кыргызстаном. Отдельным сюжетом является исследование интеграционных стратегий, выбираемых новыми репатриантами (релокантами) в Израиле, сохраняющими российскую и израильскую идентичность. Статья выявляет сложность и многомерность современных миграционных процессов, интеграционной политики на уровне государств и индивидов.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, адаптация, интеграция, мигрантская инфраструктура, транснационализм, Россия, Израиль, Нидерланды

Для цитирования: Нам И.В. Интеграционные стратегии и практики мигрантов: от локальных инфраструктур до транснациональных сценариев. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 34–46. doi: 10.17223/2312461X/50/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/2

Integration Strategies and Practices of Migrants: From Local Infrastructures to Transnational Scenarios. Introduction to the Special Theme of the Issue

Iraida V. Nam

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
namirina@bk.ru*

Abstract. The article discusses the integration strategies and practices of international migrants or immigrants in Russia within the European context and the perspective of a transnational approach. The integration policy of the European Union states and integration strategies and practices of migrants/immigrants are considered using the cases of the Netherlands, Russia and Israel. This special issue demonstrates how the liberal multiculturalist model of migration policy was replaced by a strict model of migration regulation due to the adoption of the law on integration in 2021 and the law on citizenship in 2023 by the Netherlands' government. Unlike the European Union, Russian migration policy is characterized by the absence of an institutionalized integration policy at the state level. However, this situation does not mean that migrants are not integrated from below. The research cases presented in this special issue firstly demonstrate the formation and functioning of integration strategies and practices at the grass-roots level (using the case of the Osh cafe chain in Tomsk and the Khiloksky market in Novosibirsk); secondly, the formation of transnational integration scenarios and a dual identity "here and there" – between Russia and Kyrgyzstan. There is another one study of integration strategies chosen by new returnees in Israel who preserve their Russian and Israeli identities. The article reveals the complexity and multidimensionality of modern migration processes, integration policy at the state level and by individuals.

Keywords: migration, immigration, adaptation, integration, migrant infrastructure, transnationalism, Russia, Israel, Netherlands

For citation: Nam, I.V. (2025) Integration Strategies and Practices of Migrants: From Local Infrastructures to Transnational Scenarios. Introduction to the Special Theme of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 34–46 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/2

Миграции населения – тема, широко обсуждаемая в публичном и академическом дискурсах. Россия, как и другие страны условного Севера, привлекает трудовые ресурсы из стран условного Юга. Кроме того, в Россию, так же как и в европейские государства, приезжают беженцы из экономически или политически неблагополучных регионов (Малахов 2015: 9). Интеграционные процессы связаны как с желанием вновь прибывших найти свое место в новой стране и с готовностью принять нормы и обычаи местного населения, так и с отношением к мигрантам принимающей страны. Все это превращает проблему интеграции мигрантов

первого и последующих поколений в одну из острейших для принимающих обществ.

Необходимость разработки интеграционной политики в отношении мигрантов первыми из европейских государств осознали Швеция (середина 70-х гг. XX в.) и Нидерланды (начало 80-х гг. XX в.) (Васильева 2008: 75). С середины 1990-х гг. интеграция иностранцев превратилась в одну из центральных политических проблем европейской политики. Процесс интеграции протекает в четырех сферах: рынок труда и трудовые отношения, административно-правовой, социальной защиты и в сфере культуры, где накапливаются основные напряжения и конфликты, связанные с разными представлениями об интеграции у принимающей стороны и у приезжих: использование родного языка и демонстрация культурной отличительности в публичной сфере (дресс-код и строительство культовых зданий), а также сохранение паттернов культуры (кухня, семейные отношения), связанных с традициями страны происхождения (Малахов 2015: 65–66).

Исследователи выделяют три модели интеграционной политики: ассимиляция, сегрегация, плюрализм (мультикультурализм), отмечая, что чистых типов в политике государств по отношению к мигрантам не существует. Есть страны, давно склоняющиеся к включению приезжих (американский «плавильный котёл» и французский «республиканизм»). Другие страны (Швейцария, Германия и Австрия) на протяжении десятилетий пытаются удержать мигрантов на дистанции от местного населения. Третья группа государств (Канада, Великобритания, Швеция и Нидерланды) симпатизирует «институционализированному плюрализму (мультикультурализму)» (Апанович 2011: 248–249; Малахов 2015: 57–61).

Принципиальное значение имеет обстоятельство, которое необходимо учитывать, обращается ли государство с мигрантами как с совокупностью индивидов или как с совокупностью «меньшинств»? В первом случае взаимодействие между институтами принимающей страны и иммигрантами строится на модели «государство/индивиды». Во втором случае между государством и иммигрантами признается посредник в виде религиозной или этнической общины. В большинстве западных стран утвердился первый из подходов. И только в отдельных государствах (Канада, Великобритания, Швеция и Нидерланды) получил распространение второй подход (Малахов 2015: 57–58). Эти государства на протяжении последних двух десятилетий XX в. тяготели к мультикультурализму. В 2000-е гг. ситуация изменилась везде, кроме Канады (Малахов 2015: 61).

Статья О. Смоленчук посвящена анализу миграционных процессов в Нидерландах в условиях миграционного кризиса, разразившегося в

2015 г. в Европе, когда под вывеской «сирийские беженцы» на континент переправились более миллиона беженцев, в том числе мусульманские радикалы, и как эти процессы повлияли на реформирование законодательства в области миграции. Автор показывает, что с принятием закона об интеграции в 2021 г. и закона о гражданстве Нидерландов в 2023 г. «либеральная» мультикультуралистская миграционная политика претерпела существенные изменения, демонстрирующие переход к более жесткой модели регулирования миграции. Одним из ключевых факторов стала острая дискуссия внутри голландского общества о сохранении национальной идентичности и актуальности понятия «мультикультурализм». Являясь одним из «пионеров» мультикультурной политики, Нидерланды столкнулись в мае-июне 2025 г. с правительственным кризисом, вызванным тем, что лидер правой Партии свободы Герт Вилдерс, известный своими антиисламскими и антимигрантскими взглядами, чья партия победила на выборах в парламент в 2023 г., представил программу по ужесточению миграционной политики, включая закрытие границ для просителей убежища некоторых центров по приему беженцев, возвращение беженцев в Сирию, приостановку выдачи временного вида на жительство на основании «воссоединения с семьей», более оперативное вмешательство полиции при проведении демонстраций, связанных с выступлениями по миграционным вопросам¹. О. Смоленчук констатирует в своей статье, что расколовшая голландское общество проблема интеграции мигрантов на тех, кто сохраняет верность мультикультурной политике, и тех, кто требует применения радикальных мер, по-прежнему сохраняет остроту.

Для современной России адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как часть государственной национальной и миграционной политики явление относительно новое. В советское время миграция населения была исключительно внутренней. В 1990-х гг., несмотря на приток мигрантов (беженцев и вынужденных переселенцев), преимущественно русскоязычных, из бывших союзных республик, потребность в политике интеграции остро не осознавалась, поскольку считалось, что близкие в этническом и культурном отношении мигранты не нуждаются в специальных мерах, направленных на их адаптацию и интеграцию. Но политика интеграции мигрантов не стала частью российской миграционной политики и с началом массовой миграции из государств Центральной Азии и Кавказа в начале 2000-х гг., когда вопросы социализации мигрантов, их адаптации и интеграции приобрели особое значение. И не является таковой по сей день².

Миграционные процессы в России имеют одним из следствий изменения в организации городского пространства, частью которых стало появление мигрантской инфраструктуры, сопровождаемой журналист-

скими мифами, вращающимися вокруг этничности, формирование «этнических» кварталов, гетто, анклавов, кафе, поликлиник и т.д., которые якобы возникают от нежелания интегрироваться, свидетельствуя тем самым о существовании «города в городе» (Малахов 2020: 566). Отечественные исследования показывают, что в российских городах нет пространственной сегрегации по этническому признаку, что обусловлено особенностями сложившейся в советское время структуры жилищного фонда. Постсоветская застройка привела к тому, что сегодня в одном районе и даже квартале соседствуют престижное и непрестижное жилье. Поэтому мигранты, для которых главным критерием является дешевизна, селятся повсюду (Бредникова, Ткач 2010; Деминцева, Пешкова 2014; Пешкова 2015а, б, 2021). Важным является преодоление этноцентристской оптики в исследовании мигрантских интеграционных стратегий и в России (Бредникова, Паченков 2000, 2002). Маркируемые в этнических терминах «китайские» рынки (Дятлов 2008; Григоричев и др. 2019; Этнические рынки 2015) и кафе, представляющиеся внешнему взгляду как этнические, в действительности являются местами интеграции мигрантов в городской социум, доступными и открытыми для любых посетителей, вне зависимости от этнической принадлежности (Пешкова 2015а; Варшавер, Рочева 2014; Варшавер и др. 2020, 2021; Иванова и др. 2024).

Представленные в специальной теме номера статьи развивают обозначенные выше подходы к изучению интеграции мигрантов в принимающее общество. В статье И.В. Нам, Д.Е. Горшковой, А.А. Садырина и Ф.А. Сметанина анализируется возникновение и функционирование кафе восточной кухни «Ош» в Томске. Авторы приходят к выводу, что эти создаваемые мигрантами объекты городской инфраструктуры не могут ассоциироваться с закрытостью и анклавизацией на этнической основе. Скорее наоборот, «экзотичность, инаковость, элитарность», а также удобное расположение и невысокие цены, привлекают не столько «своих», сколько «местных» посетителей. Успешность этого кафе определяется сочетанием различных форм капитала, а также гибкими стратегиями ведения бизнеса, ориентированного на локальные особенности города. Поэтому маркирование кафе «Ош» исключительно в категориях «этнического мигрантского» бизнеса по меньшей мере преувеличено.

Статья Д.Е. Горшковой и Ф.А. Сметанина открывает дискуссию о поиске альтернативных подходов к управлению городским разнообразием, которые учитывали бы роль неформальной мигрантской инфраструктуры и были бы направлены на их инкорпорацию в социальное пространство города, а не на ее уничтожение. Авторы статьи анализируют функционирование Хилокского рынка в Новосибирске как мигрантскую локальность и как точку концентрации не только видимой, но и невиди-

мой инфраструктуры, создаваемой и для мигрантов, и для местного населения. Исследование строится на синтезе концепций мигрантской инфраструктуры и производства пространства, что позволяет анализировать рынок не только как физическое место, но и как сложный узел социальных, экономических и властных отношений. В статье показано, что Хилокский рынок являлся, во-первых, пространством конфликта и стигматизации, поскольку визуальная концентрация мигрантов и этнически маркированная инфраструктура способствовали формированию социальных и визуальных границ «свой-чужой». Во-вторых, анклавный характер рынка обеспечивал мигрантам доступ к ресурсам, выполняя функцию социального лифта и нивелируя тем самым их уязвимость. В сущности, формирование «видимой» и «невидимой» инфраструктуры рынка, ориентированной на неформальные отношения внутри мигрантского сообщества, маркируемые представителями принимающего общества как этнические, основывалось преимущественно на экономических взаимосвязях. При этом дискурс межэтнических отношений становится ключевым инструментом стигматизации мигрантов.

В статье А.А. Авдашкина рассматриваются выбираемые мигрантами транснациональные миграционные сценарии, включающие интеграционные стратегии и практики адаптации мигрантов из Кыргызстана на примере сибирских и уральских городов – Томска, Новосибирска, Челябинска. Понятия транснационализма и транслокальности были введены в научный дискурс в начале 1990-х гг. группой исследователей под руководством Нины Глик Шиллер (Glick Schiller 1992) с целью преодоления методологического национализма³, а также для того, чтобы уйти от жесткого противопоставления диспозиций «там» и «здесь», в которых находится движущийся человек (Абашин 2012, 2017, 2022). В рамках этого подхода рассматривается феномен «трансмигранта», который не привязан к какому-то одному месту и включен одновременно в несколько сообществ (Кайзер, Бредникова 2004: 133). Сегодня транснациональная миграция предполагает принадлежность мигрантов к двум или нескольким обществам, и которые обладают двумя и более идентичностями. В России концепция транснационализма впервые была глубоко проработана на материалах исследования внутренней и внешней (международной) миграции исследовательским коллективом под руководством С.Н. Абашина («Жить в двух мирах» 2020).

Представленный в статье А.А. Авдашкина обширный полевой материал иллюстрирует механизмы реализации транснациональности, выработанные кыргызскими мигрантами в Сибири: торговые связи и отношения между рынками Дордой (Бишкек), Кара-Суу (Ош) и Хилокским рынком (Новосибирск), как движение вещей и денег, миграционных сценариев, включающих перемещение из южных районов Кыргызстана в се-

верные с целью оптимизации предпринимательских стратегий и жизненных сценариев и участия в торговых операциях от границы между Кыргызстаном и КНР до приграничья России и Казахстана. Успешный интеграционный миграционный сценарий включает получение гражданства РФ, наличие стабильного источника дохода, в том числе создание собственного бизнеса, формирование и поддержание положительной репутации и «там», и «здесь». На успешность такого сценария оказывает влияние прочность личных, семейных, земляческих и иных связей со страной исхода. Используемый автором транснациональный подход со всей очевидностью демонстрирует, что повседневные практики мигрантов приобретают не только транснациональный характер, но и двойную идентичность и интегрированность «здесь» и «там» – в России и Кыргызстане.

Завершающая спецтему статья А. Кудревич посвящена выявлению и анализу интеграционных стратегий «релокантов», выехавших в Израиль в 2022–2024 гг. Понятие «релоканты» связывают с теми, кто сменил «локацию» – покинул территорию России после февраля 2022 г., не причисляя себя к эмигрантам (Булгакова 2024). В Израиле для «релокантов» была введена ускоренная процедура «экстренной репатриации» с целью оформления статуса гражданина (Тольц 2023). Численность релокантов, прибывших из России в Израиль, весьма заметна – формируются русскоязычные кварталы, открывается русскоязычный бизнес, появляется возможность жить в стране без знания иврита. Автор статьи выделяет четыре ключевые стратегии интеграции: полного принятия новой культуры (ассимиляция), карьерную, проектную и стратегию переноса привычного образа жизни. Стратегию полного принятия культуры принимающего общества характеризует доминирующая роль языковой, культурной и социальной адаптации для формирования чувства принадлежности к принимающему обществу. Карьерная и проектная стратегии демонстрируют инструментальный подход к интеграции, где получение образования, профессиональная реализация и финансовое планирование становятся ключевыми факторами включения в новое общество. Одновременно автор отмечает, что, даже полностью интегрируясь в общество Израиля, новые репатрианты сохраняют двойную идентичность – российскую и израильскую, подтверждая тем самым концепции культурной гибридности и транснационализма.

С появлением концепции транснационализма в академическом дискурсе появились мнения, что транснационализм и связанные с ним понятия снимают с повестки дня «дилемму интеграция vs новые этнические меньшинства» (Филиппова 2016). Доклад Е.И. Филипповой в сентябре 2016 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете вызвал активную дискуссию со стороны участ-

ников I Томского антропологического форума. Основной тезис докладчика заключался в утверждении, что с появлением транснационализма и других предложенных европейскими учеными концепций – космополитизма и сверхмногообразия – в контексте кризиса мультикультуралистской интеграционной политики дискурс об интеграции является анахронизмом: «Поиски корней, возвращение к истокам, незыблемость традиций – все это утопические стратегии, обращенные в прошлое, признаки закрытой, исключаящей идентичности» (Филиппова 2016: 319). Ключевым ответом была рефлексия С.Н. Абашина, согласившегося с утверждением, что «оптика интеграции» предполагает одностороннее исследование того, как мигрант взаимодействует с российским обществом, а все остальное кажется маргинальным и периферийным, однако критика концепции интеграции не должна означать отказ от этой концепции, и что возможно и необходимо использовать «разные аналитические конвенты», чтобы посмотреть на разные ситуации (Дериглазова 2017: 194). Представленные в специальной теме номера исследовательские кейсы демонстрируют сложность и неоднозначность политики интеграции мигрантов/иммигрантов в современном мире. Об этом свидетельствует противоречивость попыток реализации мультикультурной политики интеграции иммигрантов в Европейском союзе, в частности в Нидерландах. Отсутствие государственной политики интеграции мигрантов в России влечет за собой появление неформальных интеграционных практик, способствующих социальному размежеванию в обществе.

Примечания

¹ На досрочных выборах в парламент, состоявшихся 29 октября 2025 г., Г. Вилдерс потребовал прекратить прием мусульман в страну, запретить строительство новых мечетей и религиозных школ, что стоило ему поражения. Базанов М. Невезучий голландец: почему правые уступили лидерство на выборах в Нидерландах. URL: <https://iz.ru/1981631/maksim-bazanov/nevezucii-gollandec-pocemu-pravye-ustupili-liderstvo-na-vyborah-v-niderlandah#main-content> (дата обращения: 07.12.2025).

² Были предприняты две попытки принять закон о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ. В 2014 г. этот законопроект разрабатывала Федеральная миграционная служба (ФМС), в 2018 г. – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Но процедуру законотворчества этот законопроект не прошел. А в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (Нам 2023), а также в новой Концепции на 2026–2030 гг. понятие «интеграция мигрантов» отсутствует, что означает отсутствие и соответствующего направления миграционной политики. Следствием игнорирования государством политики интеграции стало формирование негативных установок в отношении мигрантов (мигрантофобии). Получили распространение представления о формирующихся в России этнически однородных городских районах («гетто», «чайнатаунов», «анклавов»), определяемых как угроза (Бедрина 2018; Топилина 2021; Волох, Сандугей 2024). Основную причину таких явлений, как самоизоляция и «анклавизация», следует искать не в субъективных источниках этих явлений, а в объективных осложнениях в ходе интеграции (Малахов 2015: 17).

³ Методологический национализм – подход, предполагающий, что национальное государство (нация–государство) является единственно «возможной и естественной формой деления», а также само собой разумеющейся единицей анализа (Малахов 2015: 24). Критический взгляд на методологический национализм позволяет преодолеть позицию, выраженную в «бытовой максиме», «где родился, там и пригодился» (Малахов 2015: 26). Таджики, узбеки и киргизы, на которых в России смотрят как на нежелательных иммигрантов, не виноваты в том, что страна, гражданами которых являлись они сами или их родители и деды, перестала существовать в 1991 г. (Малахов 2015: 27).

Список источников

- «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность: сб. статей / под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 520 с.
- Абашин С.Н. Интеграция vs. транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России: война и мир. М., 2017. С. 203–220.
- Абашин С.Н. Русская рулетка для мигрантов: производство неопределенности и прагматика фатализма // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 5–25. doi: 10.31857/S0869541522040017
- Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Апанович М.Ю. Вопросы интеграции мигрантов в Европе // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 248–255. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2072/1625> (дата обращения: 20.11.2025).
- Бедрина Е.Б. Этнические анклавы мигрантов в городском пространстве российских регионов // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: сб. докладов. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. Ч. 1. С. 697–704. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60899/1/978-5-8295-0582-0_2018_71.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
- Бредникова О., Паченков О. «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 155–161.
- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999) / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000. Вып. 8. С. 47–54.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.
- Булгакова М.А. Релоканты XX–XXI вв.: сквозь призму истории и экономики // Историко-экономические исследования. 2024. № 2, т. 25. С. 289–312. doi: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).289-312
- Варшавер Е., Рочева А., Андреева А. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 226 с.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 220–253.
- Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 3 (14). С. 315–330.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 104–114.
- Васильева Т. Основные приоритеты миграционной политики стран западной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5 (66). С. 69–85.

- Волох В.А., Сандугей А.Н. О противодействии созданию в Российской Федерации анклавов и некоторых мерах по формированию условий для временного проживания иностранных работников в России // *Власть*. 2024. Т. 32, № 1. С. 61–68.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.
- Деминцева Е., Пешикова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 597–598. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema04.php> (дата обращения: 20.11.2025).
- Дериглазова Л.В. Возможно ли отказаться от «Дискурса интеграции мигрантов как консервативного анахронизма эпохи транснационализма» // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 2. С. 184–202.
- Дятлов В.И. Россия: в предчувствие чайнатаунов // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 6–16.
- Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С. «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // *Актуальные проблемы Европы*. 2024. № 3 (123). С. 245–265.
- Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // *Миграция и национальное государство* / под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб., 2004. С. 133–146.
- Малахов В. От сообществ к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. № 18 (4). С. 561–576.
- Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
- Нам И.В. Взаимодействие государства и социально-ориентированных некоммерческих организаций в сфере адаптации и интеграции мигрантов // *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 24 ноября 2022 года* / отв. за вып. Н.П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. С. 84–100.
- Пешикова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // *Мир России*. 2015b. № 2. С. 129–151.
- Пешикова В.М. Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015a. С. 186–200.
- Пешикова В.М. Эволюция «этнического» бизнеса в России: сравнительный анализ предпринимательства мигрантов из Азербайджана и Кыргызстана // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. № 4 (36). С. 205–220.
- Тольц М. Эмиграция из России в Израиль: динамика потока и его составляющие // *Демографическое обозрение*. 2023. № 10 (4). С. 52–68.
- Топилина А.В. Роль диаспоризации и анклавизации в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // *Юрист-Правовед*, 2021. № 3 (98). С. 95–100.
- Филиппова Е.И. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // *Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. статей* / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 305–321.
- Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
- Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Towards a transnational perspective on migration: Race,*

class, ethnicity, and nationalism reconsidered / ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.

References

- «Zhit' v dvukh mirakh»: pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost' [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Ed. by S.N. Abashin, O.E. Brednikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Abashin S.N. (2017) Integratsiia vs. transnatsionalizm: migratsionnye strategii zhitelei Tsentral'noi Azii [Integration vs. Transnationalism: Migration Strategies of Central Asians]. In: *Puti Rossii: voina i mir* [Russia's Paths: War and Peace]. pp. 203–220.
- Abashin S.N. (2022) Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma [Russian Roulette for Migrants: Creation of Uncertainty and The Pragmatics of Fatalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017>.
- Abashin S.N. (2012) Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 3–13.
- Apanovich M.Iu. (2011) Voprosy integratsii migrantov v Evrope [Issues of migrant integration in Europe]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 6 (21). pp. 248–255. Available at: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2072/1625> (Accessed 20 November 2025).
- Bedrina E.B. (2018) Etnicheskie anklavy migrantov v gorodskom prostranstve rossiiskikh regionov [Ethnic enclaves of migrants in the urban space of Russian regions]. In: *XII Mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiiskie regiony v fokuse peremen»*. Ekaterinburg, 16-18 noiabria 2017 g.: *sbornik dokladov* [XII International Conference "Russian Regions in the Focus of Change." Yekaterinburg, November 16–18, 2017: Proceedings]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI. Book 1. pp. 697–704. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60899/1/978-5-8295-0582-0_2018_71.pdf (Accessed 20 November 2025).
- Brednikova O. & Pachenkov O. (2002) «Etnicheskoe predprinimatel'stvo» migrantov i mify multikul'turalizma ["Ethnic entrepreneurship" of migrants and the myths of multiculturalism]. In: *Multikul'turalizm i transformatsiia postsovetskikh obshchestv* [Multiculturalism and the transformation of post-Soviet societies] / ed. by V.S. Malakhov and V.A. Tishkov. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. pp. 155–161.
- Brednikova O. & Pachenkov O. (2000) Etnichnost' «etnicheskoi ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the "ethnic economy" and social networks of migrants]. In: *Etnichnost' i ekonomika. Sb. statei po materialam mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 9–12 sentiabria 1999)* [Ethnicity and Economics. A collection of articles based on the materials of the international seminar (St. Petersburg, September 9–12, 1999)] / ed. by Brednikova O., Voronkov V., Chikadze E. St. Petersburg. Trudy. Vol. 8. pp. 47–54.
- Brednikova O. & Tkach O. (2010) Dom dlia nomady [Home for a Nomad]. *Laboratorium*. 3. pp. 72–95.
- Bulgakova M.A. (2024) Relokanty XX–XXI vv.: skvoz' prizmu istorii i ekonomiki [Relocants of the XX–XXI Centuries: Through the Prism of History and Economics]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*. 2 (25). pp. 289–312. DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(2).289-312
- Varshaver E., Rocheva A. & Andreeva A. (2021) *Migranty v rossiiskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiia, integratsiia* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. & Ermakova M. (2020) Mesta rezidentnoi kontsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est' li pattern? [Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 19 (2). pp. 220–253.
- Varshaver E. & Rocheva A. (2016) Integratsiia migrantov: chto eto i kakuii rol' v ee osushchestvlenii mozhnet igrat' gosudarstvo [Integration of migrants: what is it and what role can the state play in its implementation?]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 3 (14). pp. 315–330.

- Varshaver E.A. & Rocheva A.L. (2014) Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov [Café Communities as An Environment for The Ethnic Integration of Migrants in Moscow]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3 (121). pp. 104–114.
- Vasil'eva T. (2008) Osnovnye priority migratsionnoi politiki stran Zapadnoi demokratii [Main Priorities of Migration Policy in The Western Democracies]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 5 (66). pp. 69–85.
- Volokh V.A. & Sandugey A.N. (2024) O protivodeistvii sozdaniu v Rossiiskoi Federatsii anklavov i nekotorykh merakh po formirovaniu uslovii dlia vremennogo prozhivaniia inostrannykh rabotnikov v Rossii [On Countering the Creation of Enclaves in the Russian Federation and Some Measures to Create Conditions for the Temporary Residence of Foreign Workers in Russia]. *Vlast'*. 32 (1). pp. 61–68.
- Grigoriev K.V., Diatlov V.I., Timoshkin D.O. & Briazgina D.E. (2019) *Bazar i gorod: liudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and the City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk».
- Demintseva E. & Peshkova V. (2014) Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoskop Weekly*. 597–598. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema04.php> (Accessed 20 November 2025).
- Deriglazova L.V. (2017) Vozmozhno li otkazat'sia ot «Diskursa integratsii migrantov kak konservativnogo anakhronizma epokhi transnatsionalizma» [Is It Possible to Leave Aside "The Discourse Around Integration of Migrants as a Conservative Anachronism of the Era of Transnationalism?"]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*. 2. pp. 184–202.
- Diatlov V.I. (2008) Rossiia: v predchuvstvie chainataunov [Russia: in anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 6–16.
- Ivanova N.S., Egorova T.D., Varshaver E.A. & Savin I.S. (2024) «Zhit' tak zhe, kak my zhivem»: predstavleniia zhitelei Rossii ob integratsii migrantov ["To Live Just Like We Do": Russian Residents' Perceptions of Migrant Integration]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 3 (123). pp. 245–265.
- Kaizer M. & Brednikova O. (2004) Transnatsionalizm i translokal'nost': (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality (comments on terminology)]. In: *Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and the Nation State] / ed. by T. Baraulina, O. Karpenko. St. Petersburg. pp. 133–146.
- Malakhov V. (2020) Ot soobshchestv k prostranstvu: issleduia izmeneniia gorodskoi sredy pod vlianiem migratsii [From Communities to Space: Studying Urban Change Driven by Migration]. *Zhurnal issledovaniia sotsialnoi politiki*. 18 (4). pp. 561–576.
- Malakhov V.S. (2015) *Integratsiia migrantov: Kontseptsii i praktiki* [Migrant Integration: Concepts and Practices]. Moscow: Fond «Liberal'naia Missiia».
- Nam I.V. (2023) Vzaimodeistvie gosudarstva i sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii v sfere adaptatsii i integratsii migrantov [Interaction between the state and socially oriented non-profit organizations in the field of adaptation and integration of migrants]. In: *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noi Sibiri v XX–XXI vekakh: opyt i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krasnoiarsk, 24 noiabria 2022 goda* [Specifics of Ethnic Migration Processes in Central Siberia in the 20th–21st Centuries: Experience and Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, November 24, 2022] / ed. by N.P. Koptseva. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. pp. 84–100.
- Peshkova V.M. (2015b) Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Migrant Infrastructure in Russian Cities (The Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii*. 2. pp. 129–151.
- Peshkova V.M. (2015a) Sredneaziatskie etnicheskie kafe Moskvyy: migrantskaia infrastruktura v gorodskom prostranstve [Moscow's Central Asian Ethnic Cafes: Migrant Infrastructure in Urban Space]. In: *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic

- Markets in Russia: Bargaining Space and Meeting Place] / ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Izd-vo IGU. pp. 186–200.
- Peshkova V.M. (2021) Evoliutsiia «etnicheskogo» biznesa v Rossii: sravnitel'nyj analiz predprinimatel'stva migrantov iz Azerbajdzhana i Kyrgyzstana [Evolution Of “Ethnic” Business in Russia: Comparative Analysis of Entrepreneurship of Migrants from Azerbaijan and Kyrgyzstan]. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*. 4 (36). pp. 205–220.
- Tolts M. (2023) Emigratsiia iz Rossii v Izrail': dinamika potoka i ego sostavliaiushchie [Emigration from Russia to Israel: Flow Dynamics and Its Components In 1990–2023]. *Demograficheskoe obozrenie*. 10 (4). pp. 52–68.
- Topilina A.V. (2021) Rol' diasporizatsii i anklavizatsii v obespechenii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [The Role of Diasporization and Enclavization in Ensuring the National Security of the Russian Federation]. *Iurist'-Pravoved*. 3 (98). pp. 95–100.
- Filippova E.I. (2016) Diskurs ob integratsii — konservativnyi anakhronizm epokhi transnatsionalizma [The discourse on integration is a conservative anachronism in the era of transnationalism]. In: *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviakh ekonomicheskoi turbulentnosti: sb. nauch. statei* [Transnational migrations and modern states in conditions of economic turbulence: a collection of scientific articles] / ed. by V.S. Malakhov, M.E. Simon. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. pp. 305–321.
- Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: Bargaining Space and Meeting Place] / ed. by V.I. Diatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: id-vo IGU, 2015.
- Glick Schiller N.G., Basch L. & Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. In: *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered* / ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences. pp. 1–24.

Сведения об авторе:

НАМ Ираида (Ирина) Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: namirina@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Iraida V. Nam, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 25 ноября 2025;
принята к публикации 15 декабря 2025.*

*The article was submitted 25.11.2025;
accepted for publication 15.12.2025.*

Научная статья
УДК 314.7: 914.482: 061.3/5
doi: 10.17223/2312461X/50/3

Миграционные процессы в Нидерландах после кризиса в Европе в 2014–2024 гг.

Ольга Юрьевна Смоленчук

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия
smolenchuk@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию миграционных процессов в Нидерландах в условиях европейского миграционного кризиса 2014–2024 гг. Основное внимание сфокусировано на анализе национального законодательства и его соответствия нормам и требованиям ЕС. Рассматриваются ключевые этапы трансформации правового регулирования миграции, вызванные значительным ростом прибывающих мигрантов и беженцев (особенно после февраля 2022 г.), изменением внутренней политики и общественными дискуссиями о мультикультурализме и национальной идентичности. Автор акцентирует внимание на особенностях определения статуса «мигранта» и «беженца», подчеркивая важность четкой дифференциации этих категорий для эффективного функционирования системы приема и интеграции. В качестве исследовательского вопроса ставится следующий: как и насколько миграционные процессы в Нидерландах в период 2014–2024 гг. предопределили реформирование законодательства в области миграции, включая два хронологических этапа и кризисных явления: во-первых, после масштабного кризиса в Европе в 2015–2016 гг. ввиду обострения ситуации на Ближнем Востоке, во-вторых, после февраля 2022 г. и продолжающегося русско-украинского кризиса. Хронологические рамки работы охватывают десятилетний период – с 2014 по 2024 г. Данная статья основана на глубоком изучении голландской нормативно-правовой базы, статистических данных Центрального статистического бюро Нидерландов, Евростата, Службы по иммиграции и натурализации, отчетов по миграции Нидерландов, индекса политики интеграции мигрантов, которые обеспечивают всесторонний взгляд на проблему. Выводы работы позволяют лучше понять современные вызовы, стоящие перед голландским обществом, и тенденции дальнейшей эволюции нидерландской миграционной политики в условиях геополитической трансформации.

Ключевые слова: миграционная политика, Нидерланды, мигрант, беженец

Для цитирования: Смоленчук О.Ю. Миграционные процессы в Нидерландах после кризиса в Европе в 2014–2024 гг. // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 47–65. doi: 10.17223/2312461X/50/3

Migration Processes in the Netherlands After the Crisis in Europe, 2014–2024

Olga Yu. Smolenchuk

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
smolenchuk@gmail.com*

Abstract. This article explores the multifaceted aspects of migration in the Netherlands during the European migration crisis of 2014–2024. The main objective is to scrutinize the national legal framework and its alignment with European standards and regulations. The article delves into the evolution of the migration legal regulation caused by a significant increase in migrants and refugees' arrivals (especially after February 2022), changes in domestic policy and public discussions about multiculturalism and national identity. The author highlights the specifics of determining the «migrant» and «refugee», emphasizing the importance of a clear categorization for the effective operation of the admission and integration system. The research question: to what degree and how did the migration processes in the Netherlands during 2014–2024 influence the reform of migration legislation, considering two distinct phases and crisis phenomena: firstly, the aftermath of the widespread European crisis in 2015–2016 exacerbated by the deteriorating the situation in the Middle East, and secondly, after February 2022 and the ongoing the Russian-Ukrainian crisis. The timeframe of this study spans a decade, from 2014 to 2024. This article is based on an in-depth examination of the Dutch regulatory and legal landscape, statistical data from the Statistics Netherlands (CBS), Immigration and Naturalisation Service of the Netherlands, Eurostat, Dutch migration reports, and the Migrant Integration Policy index. These sources offer a comprehensive perspective on the issue. The findings enable a deeper understanding of the current challenges facing Dutch society and the trends in the trajectory of Dutch migration policy in the context of geopolitical transformation.

Keywords: migration policy, Netherlands, migrant, refugee

For citation: Smolenchuk, O.Yu. (2025) Migration Processes in the Netherlands After the Crisis in Europe, 2014–2024. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 47–65 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/3

Введение

В Нидерландах вопрос миграции получил определение «голландской дилеммы». С момента окончания Второй мировой войны, голландская миграционная политика преимущественно была направлена на жертв диктаторских режимов (Brysk 2009: 136). В последующем ситуация менялась, и Нидерланды, наряду с другими европейскими странами (Данией, Швецией), «открыли свои двери для беженцев ввиду либеральных настроений» (Управление миграцией 2020: 33). Формирование региона Бенилюкса, куда входят Нидерланды, было обусловлено миграционными процессами (Костюченко 2006: 60). «Именно иммиграция придала

“мультикультурный” облик крупным городам с повышенной долей иностранцев в населении» (2006: 60) – Амстердаму (59,6%), Роттердаму (56,5%), Утрехту (40,3%), Гааге (59,9%), по данным на 1 января 2024 г. Люди неголландского происхождения проживают в основном в агломерации Рандстад на западе или в Южном Лимбурге (How many... 2023). Иммиграция явилась причиной возрастания удельного веса населения, исповедующего ислам в Нидерландах (Костюченко 2006: 67).

Исследовательский вопрос заключается в том, как и насколько миграционные процессы в Нидерландах в 2014–2024 гг. предопределили реформирование законодательства в области миграции, включая два хронологических этапа, связанных с кризисными явлениями на Ближнем Востоке (война в Сирии и миграционный кризис в 2015–2016 гг.), и российско-украинский конфликт.

Основными источниками для написания работы послужили отчеты о состоянии миграции 2020–2025 гг., данные Центрального статистического бюро, Евростата, Службы по иммиграции и натурализации Нидерландов. Для анализа миграционной политики в сравнении с другими европейскими государствами используется индекс политики интеграции мигрантов (Migrant Integration Policy Index, MIPEX, с англ.) (Netherlands... s.a.).

Будучи одним из пионеров мультикультурной политики, Королевство Нидерландов в мае 2025 г. столкнулось с правительственным кризисом, вызванным тем, что Герд Вилдерс (лидер Партии свободы – *Partij van Verbeijid, PVV*, с нид.) представил программу по ужесточению миграционной политики, состоящей из 10 пунктов (среди них закрытие границ для просителей убежища, закрытие некоторых центров по приему беженцев; возвращение беженцев в Сирию, временная приостановка выдачи временного вида на жительство на основании «воссоединения с семьей», более быстрое вмешательство полиции при проведении демонстраций, связанных с выступлениями по миграционным вопросам). Серьезную подоплеку в определении политики в отношении беженцев и мигрантов сыграли парламентские выборы 2017, 2021 и 2023 гг. В октябре 2025 г. должны состояться внеочередные выборы в парламент страны, которые, как ожидается, предопределят развитие Нидерландов на ближайшие годы, в том числе в миграционной политике. Сделаем оговорку, что тема парламентских выборов в Нидерландах в рамках миграционного дискурса в данной статье подробно не рассматривается.

Голландская идентичность и миграция

В Нидерландах понятия миграции и идентичности переплетены с понятием мультикультурности. Авторы доклада «Идентификация с Нидерландами» говорили о миграции как о форме «внутренней глобализации», которая происходит в границах голландского национального государства (*Identificatie met Nederland...* 2007: 27). Трудность заключается в

том, что отдельные группы мигрантов не интегрируются в голландское общество и не разделяют его ценностей, а чаще всего остаются «заложниками» своей культуры и религии. В связи с этим страх самих голландцев потерять собственную идентичность (как страну, нацию) вызвал сильное желание проверить лояльность тех людей, чьи родители не являются коренными голландцами (Schnabel 2008: 8). Ощущение естественной принадлежности к голландской культуре граждан в 1990-е гг. оказалось под угрозой из-за роста миграционных потоков (van Bruggen 2012). Отношение самих голландцев к мигрантам напрямую зависит от уровня образования: высокообразованные местные граждане более положительно оценивают миграционные процессы извне Запада, чем граждане, имеющие более низкий уровень образования.

Коренным образом ситуация стала меняться в связи с кризисом в Сирии и увеличением потока мигрантов и беженцев после 2010 г. Из-за страха граждан Нидерландов потерять свою идентичность, правительство выпустило ряд законов, следуя которым мигранты должны выполнять все необходимые условия для успешной интеграции: сдать экзамены на знание голландского языка и голландского общества.

В докладе «Нидерланды как иммиграционное общество» Научного совета по государственной политике выделяются три типа миграции: создание семьи и воссоединение с семьей, трудовая миграция (прежде всего из стран ЕС, Польши), миграция вследствие предоставления убежища (Netherlands as Immigration... 2001: 28), постиндустриальная миграция (Jennissen et al. 2023: 20); другие исследователи отмечают миграцию из бывших колоний (Нидерландские Антильские острова) (van Selm 2019), что сказалось на демографической ситуации, а впоследствии нашло отражение в развернувшейся общественной дискуссии о голландской идентичности и культуре (Остинди 2016).

В последние десятилетия иммиграционная политика Нидерландов приобретает тенденцию быть ограничительной. Наиболее уязвимыми и маргинализированными группами среди мигрантов считаются «не депортируемые» (или официально «не имеющие гражданства») мигранты, те, кто имеет незаконный статус в стране пребывания, кто не может вернуться в страну рождения, и те, кто не имеет права подать на статус беженца в Нидерландах или любом другом государстве – члене ЕС (Brechenmacher et al. 2012). Данные группы мигрантов вызывают наибольшие опасения правительственных и неправительственных организаций.

В Нидерландах очень высокая плотность населения (502 человека на квадратный километр), около 3,7 млн человек являются гражданами с миграционным прошлым (22% от общей численности населения). По оценке голландского исследователя ван Селм, «близость к другим [группам] может привести к высокому уровню терпимости и компромиссу между группами, в то время как другие историки и философы указывают

на последствия религиозных войн XVII в. и последующее реформирование как на корни голландской религиозной терпимости» (van Selm 2019). Российский исследователь Г.М. Сидорова отмечает, что в настоящее время в странах Бенилюкса, в том числе Нидерландах, «наибольшую проблему представляют иммиграции стихийного характера» (Сидорова 2024: 357). В связи с российско-украинским кризисом в 2022 г. в Нидерланды приехали более 108 тысяч беженцев из Украины (European Immigrants... 2024).

Традиционный голландский подход к индексу политики интеграции мигрантов характеризуется как «временная интеграция». Он предусматривает, что, с одной стороны, голландское общество рассматривает мигрантов не только как равных, но и как иностранцев, т.е. Нидерланды придерживаются более развитой политики, чем Австрия, Дания и Швейцария (Migrant... 2025). Согласно индексу интеграции мигрантов с 2014 по 2019 г. миграционная политика королевства почти не изменилась, такие же показатели остались в 2023 г. Если посмотреть, как менялся индекс начиная с 2007 г. на протяжении 17 лет (табл. 1), то можно сделать несколько выводов.

Таблица 1

Индекс интеграции мигрантов в Нидерландах по MIPEX

Область	Баллы по годам				
	2007 г.	2011 г.	2015 г.	2019 г.	2023 г.
Доступ к рынку труда	70	85	73	65	65
Воссоединение с семьей иностранных граждан	59	58	56	31	30
Доступ к образованию	–	51	50	57	57
Здравоохранение	–	–	50	65	65
Участие в политической жизни	80	79	52	50	50
Институт вида на жительство	66	68	55	52	52
Доступ к гражданству	51	66	66	55	52
Борьба с дискриминацией	81	68	73	85	85

Источник: составлено автором по базе данных MIPEX.

Доступ к рынку труда своего пика достигает в 2011 г., потом показатели снижаются до 65 в 2019 г. и остаются неизменными до 2023 г. Одним из самых изменчивых показателей является область «Воссоединение с семьей иностранных граждан», характеризующаяся снижением показателей с 59 баллов в 2007 г. до 30 баллов в 2023 г. В сфере «Доступ к здравоохранению» можно увидеть рост на 15 пунктов с 50 до 65 в 2023 г. Если говорить об участии в политической жизни, то здесь присутствует уменьшение на 30 баллов – с 80 до 50. Согласно докладу голландской секции «Международная комиссия юристов», Нидерланды имеют одно

из самых жестких законодательств и проводят особенно разборчивую политику в области размещения беженцев (Bringing Human... 2017), что подтверждается программой коалиционного правительства кабинета Схофа (Regeerprogramma 2024: 19).

Определения «беженец» и «мигрант»

Интересный дискурс в определениях беженцев и мигрантов в 2004 г. в Нидерландах приводила Тванна Хайнс, американский колумнист и телерадиоведущая (Hines 2004: 148). Существует стереотип, что беженцы ездят только на украденных велосипедах. С целью смягчить подобные настроения, Центральное агентство по приему просителей убежища (Centraal Orgaan opvang asielzoekers, COA, с нид.) предложило идею о том, что каждый беженец, кто купил велосипед на законных основаниях, должен иметь красный стикер. Данные стикеры должны свидетельствовать, что беженцы используют некраденые велосипеды. Какое-то время спустя после введения данной инициативы голландские СМИ растиражировали идею о том, что эта кампания напоминает ситуацию во время Второй мировой войны, когда еврейскому населению, жившему в то время на территории Нидерландов, приходилось носить повязки со звездой Давида (148). Проведение данной акции привело к смешанной реакции и среди самих голландцев, и среди прибывающих в страну. Этот пример наглядно показывает общую тенденцию по ситуации с мигрантами и беженцами в Нидерландах на настоящий момент и отражает суть «голландской дилеммы».

Прежде чем переходить к рассмотрению отличий, нужно охарактеризовать понятийный аппарат, т.е. кого мы будем понимать под определениями «мигрант» и «беженец» в рамках данной работы. Если мигранты – это люди или группы людей, покидающие свою страну происхождения для того, чтобы проживать временно или постоянно в другой стране, то беженцы – мигранты, вынужденные покинуть свою страну «проживания» из-за страха преследования. Статус «беженца» может определяться их ожиданиями и/или разочарованием после прибытия в принимающую страну (van Heelsum 2017: 2138).

Некоторые зарубежные авторы, не соглашаясь с теорией интеграции беженцев в принимающее общество, отмечают ее недостаточность и необъективность, так как в большинстве случаев положение беженцев анализируется с точки зрения принимающего государства. Нужно учитывать, как сами прибывающие лица идентифицируют себя в процессе привыкания к «новому месту проживания» и какие необходимо иметь знания, навыки и возможности, чтобы комфортно себя чувствовать в «новой стране»: 1) знания о том, как оставаться здоровым; 2) знания о том, как оставаться сытым; 3) возможность дохода при приемлемых условиях

труда, оптимальном графике, а также иерархических отношениях, чтобы можно было заботиться о семье; 4) знания о качестве системы образования и возможностях роста; 5) знания о законодательстве и возможность реального участия в политической жизни страны, свобода выражения мнений; 6) возможность заниматься общественной деятельностью, способствующей разрешению трудностей повседневной жизни, а также установлению дружеских отношений и важных социальных связей; 7) возможность общаться на своем родном языке и жить, придерживаясь своей культуры и ценностей, исповедуя свою религию, при этом принимая традиции, культуру и общие нормы жизни принимающей страны (Robeyns 2007; van Heelsum 2017). Важное место занимает процесс натурализации, который в значительной степени зависит того, какого социально-экономического положения достигают сами беженцы (Hoon et al. 2019).

Отдельного рассмотрения касается вопрос «приглашенных» беженцев/переселенцев, которые могут получить разрешение на убежище в Нидерландах. С 1950-х гг. беженцам предлагается переселиться на постоянное место жительства в Нидерланды. Это относится к беженцам, живущим в лагерях, которые не могут вернуться домой из-за существования угрозы жизни в стране их происхождения. Рассмотрение вопросов, касающихся отдельных категорий беженцев, например, женщин или беженцев, подающих прошение об убежище в связи с притеснением у себя в стране из-за изменения пола, заслуживает особого внимания (van der Pijl et al. 2018: 1). Переселенцы регистрируются Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и впоследствии выбираются Департаментом по миграционной политике во время миссий по переселению. До 2025 г. Нидерланды принимали в среднем до 500 переселенцев, в настоящее время их количество снизилось до 200 чел. в год. Нидерланды также сыграли основную роль в соглашении ЕС с Турцией (от 18 марта 2016 г.) о приеме ею ближневосточных беженцев в обмен на финансирование и обещание отмены виз в 2016 г. (EU-Turkey Statement... 2016). По данному соглашению иммигрантов должны были доставлять на паромной переправе из Турции в Грецию, и если они проходили фильтрационные процедуры, то имели возможность дальше продолжить свой путь, если нет, то им приходилось возвращаться в Турцию (Швейцер 2016: 124). Миграция беженцев составляет небольшую часть общей миграции в Нидерланды. В последние годы 8 из 10 мигрантов приехали на работу или учебу, по партнерскому соглашению. В процентном соотношении за последние 10 лет около 11% мигрантов прибыли в поисках убежища.

Рассмотрим ситуацию с беженцами в 2020 г. Согласно данным Службы по иммиграции и натурализации, пандемия и связанные с ней меры по предотвращению распространения коронавируса повлияли на количество заявлений о предоставлении убежища и их обработку в первые шесть месяцев 2020 г. Для сравнения: общее количество первых ходатайств о предоставлении убежища в 2019 г. составило 22 533, а в

2018 г. – 20 353. В первую пятерку стран происхождения входят Афганистан, Ирак, Нигерия, Сирия, Марокко (Asylum... 2021). Ввиду пандемии и ограничений реального общения особую популярность приобрели так называемые цифровые практики мигрантов при использовании цифровых технологий (Alencar et al. 2025; Leurs et al. 2025).

Таблица 2

Миграция в Королевство Нидерландов, 2014–2024 гг.

Показатель	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общее количество мигрантов	182 949	204 615	230 739	234 957	243 737	269 064	220 853	252 528	403 108	335 668	316 305
Лица, ходатайствующие о предоставлении убежища	–	44 970	20 945	18 210	24 025	25 200	15 255	26 525	37 025	39 710	33 435

Источник: Составлено автором по данным за 2014–2024 гг. Евростата, Центрального статистического бюро Нидерландов, Службы по иммиграции и натурализации Нидерландов.

В Нидерландах политика интеграции децентрализована, и положение беженцев зависит от политики интеграции на местах (Damen et al. 2022). Она носит умеренный характер, где вновь прибывшие могут «подчиняться общей политике участия, которая распространяется на всех граждан Нидерландов» (2022). На муниципальные органы власти и местные комитеты возлагается больше ответственности при реализации программ по работе с беженцами. Применяются целевые меры в области языковых курсов, гражданская интеграция, проверка прежних навыков и образования, помощь в поиске жилья.

Одним из оснований для интеграции и социализации мигрантов в любое общество является диаспора, роль которой может меняться. В 2007 г. специалисты из Ирландии и Нидерландов провели качественные исследования, предположив в качестве гипотезы, что «агентства по развитию могут извлечь прибыль от коллаборации с местными диаспорами в Нидерландах» (Groot, Gibbons 2007: 445). Голландские агентства по разви-

тию не были заинтересованы привлекать диаспоры в деятельность организаций по предоставлению помощи мигрантам (446). Отмечалось негласное правило: не отправлять беженцев в страны их происхождения. Для достижения максимального эффекта и использования диаспоры как «проводника интересов» в развитии страны необходимо взаимодействовать, с одной стороны, представителям диаспоры, с другой – ad-hoc институты, в которую бы входили специалисты из различных министерств и некоммерческой организации, базирующейся в Нидерландах (2007: 445).

Соотношение законодательства Нидерландов и законодательства ЕС в области миграции

Нидерландское миграционное законодательство нельзя рассматривать без учета законодательства по миграционной политике Европейского союза: например, Дублинского регламента № 604/2013 от 26 июня 2013 г., Директивы Совета ЕС 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. о минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца, Директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2013/32/ЕС от 26 июня 2013 г. об общих процедурах для предоставления и отмены международной защиты, Директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2021/1883 от 20 октября 2021 г. об условиях въезда в ЕС и проживания граждан третьих стран для целей осуществления высококвалифицированной трудовой деятельности и т.д. Несмотря на то, что основное внимание по-прежнему уделяется правам граждан ЕС, правила ЕС все чаще вводят права, непосредственно применимые к гражданам третьих стран. Еще при внедрении Директивы 2002/90/ЕС о законодательстве против содействия несанкционированному въезду, транзиту и проживанию Нидерланды приняли оговорку об освобождении от уголовной ответственности по гуманитарным основаниям и инициировали закрепление данного пункта в этой директиве. «В рамках национального законодательства подтверждена целесообразность учитывать специфику, связанную с гуманитарными обстоятельствами при процессе рассмотрения дел» (Управление миграцией 2020: 108). Будучи на посту председателя ЕС, Нидерланды еще в 2016 г. достигли с Европарламентом соглашения о создании европейских пограничных служб и береговой охраны, которые, по словам государственного секретаря Дейкофа, должны были «улучшить контроль над миграционными потоками и повысить безопасность» [Нидерландов] (Dutch presidency... 2016).

В 2016 г. Нидерландский институт по социальным исследованиям выпустил доклад «Доверие, удовлетворенность жизнью и мнения об иммиграции в 15 европейских странах» (Trust, life satisfaction and opinions on

immigration in 15 European countries, с англ.). Оценивая эффективность демократии по 8-балльной шкале, Нидерланды занимали 5-е место, деля его с Германией и Финляндией (Trust, Life Satisfaction... 2016: 12). 15% коренного населения считали, что в большинстве случаев мигрантам «должно быть позволено приезжать и жить здесь [в Нидерландах]». Исследователи рассматривали миграцию как экономическую угрозу, как культурную угрозу и как угрозу роста преступности. Миграция как экономическая угроза не вызывала беспокойства у граждан Нидерландов. Касательно культурной угрозы голландцы наравне со словенцами и поляками выражали больший скепсис. По третьему пункту «миграция как угроза увеличения преступности» Нидерланды занимали 10-е место из 15 стран ЕС. Менее 30% граждан выступали за разработку «более щедрой процедуры предоставления убежища» (2016: 42). В 2020 г. британский «Гардиан» опубликовал статью «Правительство Нидерландов находится под растущим давлением, чтобы принять детей-беженцев» («Dutch government under growing pressure to take in child refugees», с англ.), в которой авторы отмечали противоречия в общественном мнении и точке зрения официальных властей при решении принять 500 детей – беженцев из греческих лагерей (Runkin 2020).

В настоящее время миграционная политика в Нидерландах регулируется Законом об иностранцах 2000 г., являющимся основным законодательным актом и работающим в рамках разрешений, прав и обязанностей иностранных граждан (Vreemdelingenwet 2000). Принятые поправки 2015 г. ввели требования для пограничной процедуры, международной защиты, правил приема. При формулировании правил приема беженцев и предоставления международной защиты за основу бралась Директива 2013/33 / EU Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г., устанавливающая стандарты приема заявителей на международную защиту (Wet van 8 juli... 2015). С 2015 г. Нидерланды увеличили интенсивность работы так называемого мобильного монитора безопасности, например, были введены выборочные проверки, которые могут проводиться в приграничных районах в соответствии со статьей 21 Шенгенского пограничного кодекса (van der Woude 2015; Wet van 8 juli... 2015). Последние поправки о внесении изменений в основание для использования биометрии в автоматическом режиме были приняты 9 июля 2025 г. Нужно отметить, что в Нидерландах нет основополагающего закона о предоставлении убежища, только в Законе об иностранцах формулируются процедуры предоставления убежища и условия приема просителей убежища.

В 2021 г. был принят новый закон об интеграции, который вступил в силу 1 января 2022 г. Законом декларируется три способа («пути») интеграции: первый путь – через изучение голландского языка, сдачу письменного и устного экзамена на знание голландского языка (уровень B1), экзамен на знание голландского общества (статья 7). Второй путь заключается

в образовательной интеграции через обучение в школе, получение аттестата и получение профессионального образования (статья 8). Третий путь декларируется как «путь самообразования», согласующийся «с личными возможностями» (статья 9). Статья 11 гласит, что «гражданин должен соблюдать обязательство гражданской интеграции в течение 3 лет». Статья 16 устанавливает положения об интеграции для лиц, обладающих статусом беженцев. В данном законе подчеркивается роль муниципалитета, сопровождающего мигранта в его интеграции (статьи 13–18); вводится активное участие мигрантов в жизни голландского общества (волонтерство, стажировка) во время интеграции (Wet Inburgering 2021).

В новом законе о гражданстве Нидерландов 2023 г. статья 6 устанавливает различные варианты получения голландского гражданства иностранным гражданином и включает в себя несколько положений. Статья 6а предусматривает отказ в получении голландского гражданства для иностранного гражданина, «если он имеет другое гражданство и не обеспечил возможность утраты этого гражданства или не готов обеспечить возможность после установления факта утраты этого гражданства, за исключением случаев, когда этого нельзя требовать». Например, данное исключение дается гражданам, проживающим на территории Королевства Нидерландов, в Арубе, Синт-Мартене и Кюрасао и имеющим статус беженца (Rijkswet op het Nederlanderschap 2023).

Закон о равном обращении обеспечивается статьей 1 Конституции Нидерландов, последние изменения в которую были внесены в 2023 г., чтобы прямо распространить запрет дискриминации на сексуальную ориентацию и инвалидность (Algemene wet gelijke behandeling 2020).

Министр по вопросам социальной политики и занятости Эдди ван Хеюм 4 июля 2025 г. представил Палате представителей письмо по миграции в области удержания талантов и «экономики знаний», где предложил изучить вопрос в связи с ужесточением схемы привлечения квалифицированных мигрантов из-за пределов ЕС и пересмотра положений «голубой карты»: установление более строгих правил для компаний, нанимающих высококвалифицированных мигрантов из-за пределов ЕС с ускоренной процедурой; пересмотр критериев заработной платы и увеличение минимальной заработной платы для высококвалифицированных мигрантов (Verkenning aanscherping 2025).

При рассмотрении соотношения европейского законодательства и законодательства Нидерландов особое положение занимает трудовая миграция. В данной области государства – члены ЕС больше всего подвержены страху потерять свой суверенитет, несмотря на попытки договориться по остальным видам миграции. Европейская комиссия играет роль в обеспечении равенства при соблюдении прав граждан третьих стран, находящихся на территории Европейского союза и проходящих процедуру выявления нарушений (infringement procedure). Например,

Нидерландам, как и другим странам ЕС, пришлось снижать сумму сборов за выдачу разрешений, что выяснилось в ходе имплементации директивы о «голубой карте» (Управление миграцией 2020: 63). Работа Суда Европейского союза занимает важное место при выстраивании миграционной политики ЕС и стран – членов ЕС.

Миграционная повестка ЕС, представленная Европейской комиссией 13 мая 2015 г., содержала главу о «Новой политике в области легальной миграции» (Martin et al. 2015; Minderhoud 2021). Предложенные рекомендации не сформировали последовательный политический набор инструментов и не компенсировали недостатки текущей политики ЕС в области трудовой миграции. Профессор Лейденского университета Пол Миндерхуд определял данный вид миграции как общую компетенцию между ЕС и государствами-членами (Minderhoud 2021). Государства-члены должны отказаться от возможности создания своих собственных национальных схем приема высококвалифицированных работников параллельно с системой «голубой карты» (2021). Возникающие споры из-за различий в социально-экономическом уровне, демографической ситуации и положении иностранных работников на рынке труда привели к выработке политики, которая адаптирована к потребностям внутреннего рынка труда для каждой страны в ЕС. При этом разделение полномочий между ЕС и его государствами-членами должно оставаться неизменным. Данный принцип стал для Нидерландов ключевым (2021).

Миграционный кризис 2015–2016 гг. постепенно поменял фокус внимания с трудовой миграции на миграцию беженцев, нелегальную миграцию и на урегулирование вопроса о пересечении границ.

Новый Европейский пакт о миграции и убежище

Следующий период в миграционной политике Нидерландов наступает после февраля 2022 г. и связан с началом специальной военной операции на Украине.

Королевство Нидерландов стало одним из двух (наряду с Австрией) государств в ЕС, кто «призвал» ускорить возвращение нелегальных мигрантов в страну исхода. Так называемый неофициальный документ, подготовленный Австрией и Нидерландами и поддержанный 12 государствами – членами ЕС (Хорватией, Чехией, Германией, Данией, Грецией, Финляндией, Францией, Италией, Люксембургом, Мальтой, Словакией и Швецией), а также тремя ассоциированными странами Шенгенского соглашения (Лихтенштейном, Норвегией и Швейцарией), излагал возможные цели законодательного предложения по замене «Директивы об общих стандартах и процедурах в государствах – членах ЕС по возвращению незаконно пребывающих граждан третьих стран» (Netherlands leads... 2024).

В сентябре 2024 г. коалиционное правительство Дика Схофа предложило программу в области миграции и предоставления убежища

(Regeerprogramma 2024). Согласно документу, выделялись следующие пункты:

1. Приведение в действие исключительного положения Закона об иностранцах 2000 г. (ст. 110), суть которого заключается в необходимости принять временные меры для сдерживания притока лиц, ищущих убежища, без немедленного одобрения обеими палатами парламента (2024: 19).

2. Введение закона о предоставлении убежища в кризисных ситуациях на 2 года в связи с резким ростом притока беженцев (2024: 20); внесение изменений в существующие нормативные акты.

3. Положение об отказе от европейской политики предоставления убежища и миграции, включая стремление Нидерландов к сотрудничеству с соседними странами во время структурного миграционного кризиса и в рамках «мини-шенгена» (2024: 20).

4. Пакет реформ в сфере предоставления убежища: признанные беженцы могут привезти с собой в страну членов семьи только в том случае, если они сохраняют статус постоянного жителя не менее 2 лет, имеют соответствующее жилье и «стабильный и достаточный доход» (2024: 20). Отменяется правило, согласно которому просители убежища автоматически получают постоянный вид на жительство по истечении 5 лет (2024: 21–22).

5. Сокращение выплат на проживание для перемещенных лиц с Украины при наличии достаточного уровня заработной платы (2024: 23).

6. Ужесточение требований к натурализации: повышение требований к знанию нидерландского языка от уровня A2 до B1, увеличение срока натурализации с 5 до 10 лет (2024: 132).

7. Стремление привлекать высококвалифицированных мигрантов для развития инновационного потенциала экономики Нидерландов; расширение работы голландской инспекции труда и работы агентства временной занятости (2024: 25).

8. Разумная образовательная миграция: введение требований к уменьшению преподаваемых программ высшего образования на английском языке и увеличению программ на нидерландском языке (2024: 26).

Новый миграционный пакт включает 9 нормативных актов и одну директиву. Положения призваны ограничить потоки просителей убежища в Нидерландах и других государствах – членах ЕС, а также обеспечить более комфортное распределение «бремени» между государствами, например, в трудовой миграции. В Нидерландах компании все чаще нанимают работников из стран, которые не являются членами Европейского союза, так как наблюдается нехватка рабочей силы, особенно в здравоохранении, бизнесе, строительстве. В первой половине 2024 г. такие организации подали 18 000 заявок.

В декабре 2024 г. Нидерланды представили Европейской комиссии свой национальный план по реализации Европейского пакта по миграции

и предоставлению убежища. Выступая в Брюсселе, министр по вопросам миграции и предоставления убежища Марьолейн Фабер (представитель Партии свободы) подчеркнула важность принятия пакта, в том числе в области безопасности внешних границ, усовершенствования досмотра и ускоренных процедур. Данные меры должны были продемонстрировать «значительный шаг на пути к ужесточению политики предоставления убежища...» (The Netherlands submits... 2024). Выделялся пункт о расширении возможностей в изучении голландского языка и введении так называемых стартовых работ для беженцев, способствующих их скорейшему выходу на рынок труда Нидерландов (Netherlands: Action Agenda... 2024).

Рассмотрение и принятие Европейского пакта по миграции и предоставлению убежища, вступающем в силу 12 июня 2026 г., вызвали много разногласий внутри Нидерландов. В письме Министерства по вопросам миграции и предоставления убежища от 25 июня 2025 г. указывалась возможность оптимизации процедуры предоставления убежища, в первую очередь при приеме мигрантов, приведения существующей процедуры к более строгим нормам (Betreft Implementatie Asiel 2025: 2).

Заключение

Исследование миграционных процессов в Нидерландах за последние десять лет позволило проанализировать сложную картину взаимодействия между реальностью и правовыми новациями. Главный исследовательский вопрос заключался в определении влияния миграционных волн на реформирование миграционного законодательства, учитывая два значимых периода: миграционный кризис в Европе 2015–2016 гг., вызванный ситуацией на Ближнем Востоке, и рост конфликтного потенциала на территории Восточной Европы после февраля 2022 г.

«Либеральная» миграционная политика претерпела преобразования с принятием нового закона о гражданстве Нидерландов 2023 г., закона об интеграции 2021 г., модификации закона об иностранцах 2000 г., демонстрирующие переход к более жесткой модели регулирования миграции. Одним из ключевых факторов стала острая дискуссия внутри голландского общества о сохранении своей идентичности и актуальности понятия «мультикультурализм». Внеочередные парламентские выборы в 2023 г. и назначенные выборы в октябре 2025 г. констатируют, что протекционистская риторика выходит на передний план.

Исследование подтвердило значимую роль международного контекста и обязательств Нидерландов в рамках ЕС. Анализ соотношения голландского национального законодательства и законодательства Европейского союза показал, что Королевство активно участвует в формиро-

вании миграционной европейской политики и зависит от договоренностей с ЕС, исходит из своих национальных интересов и международных стандартов в области прав человека и приема беженцев.

Принятые меры в области миграционной политики в рассматриваемый период оказали влияние на правовой статус мигрантов и беженцев: 1) рост барьеров для получения убежища; 2) увеличение требований к интеграции; 3) изменения в правилах воссоединения с семьей; 4) ужесточение условий натурализации; 5) ограничение социальных гарантий; 6) активизация проверок с целью выявления и депортации нелегально проживающих мигрантов.

Таким образом, Королевство Нидерландов снова оказывается перед дилеммой: с одной стороны, обеспечивает приток высококвалифицированных мигрантов и формирует новую «экономику знаний», с другой стороны, стремится проводить сбалансированную миграционную политику при сочетании эффективных механизмов контроля с поддержкой интеграции и наличием терпимости к мультикультурному ландшафту внутри страны, несмотря на нестабильную международную конъюнктуру.

Список источников

- Костюченко А.С.* Бенилюкс в путях миграции // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 58–68.
- Остинди Г.* Возвращенная история Нидерландов: постколониальные миграции и новая правда о рабстве / пер. с англ. Нины Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (142). С. 78–92.
- Сидорова Г.М.* Миграционные проблемы стран Бенилюкса в контексте общеевропейской политики // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 3 (69). С. 356–365.
- Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски: [сб. статей] / [отв. ред. Ал.А. Громыко]. М.: ИЕ РАН, 2020. 188 с.
- Швейцер В.Я.* Нидерланды // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 123–126.
- Alencar A., Sarria Sanz C. Mawazini J.* Aspirational place-making and digital practices of refugees in the Netherlands // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2025. № 51 (14). P. 3716–3733.
- Algemene wet gelijke behandeling [General Equal Treatment Act]. Den Haag, 2020 (in Dutch).
- Asylum influx in 2020. Immigration and Naturalisation Service. The Hague, 2021.
- Betreft Implementatie Asiel- en Migratie pact [Implementation of the Asylum and Migration Pact]. Ministerie van Asiel en Migratie. Den Haag, 2025. 32 p. (in Dutch).
- Brechenmacher S., Kapoor D., van Lindert Th.* The Undeportables: An insight into the invisible lives of “undepotable” migrants in the Netherlands // Humanity in Action. 2012.
- Bringing Human Rights Home: Contribution of Dutch Non-Governmental Organizations to the Third Universal Periodic Review of the Netherlands. Nederlands Juristen Comité voor de Mensenrechten (NJCM). The Hague, 2017. 14 p.
- Brysk A.* Global good Samaritans: human rights as foreign policy. Oxford: Oxford. University Press, 2009. 304 p.
- Damen R. et al.* About but not without: Recently Arrived Refugees’ Understanding of and Expectations for Integration within a Local Policy Context in the Netherlands’ // Journal of Immigrant & Refugee Studies. 2022. Vol. 22 (2). P. 278–290.
- EU-Turkey Statement and Action Plan.* European Affairs. OR 6056/16. European Parliament, 2016.

- European immigrants, refugees push up NL population* // Dutch News. 4 January, 2024. URL: <https://www.dutchnews.nl/2024/01/european-immigrants-refugees-push-up-nl-population/>
- Dutch presidency reaches an agreement on European border controls and coast guards* // Government of the Netherlands. 22 June 2016. URL: <https://www.government.nl/topics/immigration-to-the-netherlands/news/2016/06/22/dutch-presidency-reaches-an-agreement-on-european-border-controls-and-coast-guards>
- Groot M.C., Gibbons P. Diasporas as 'agents of development': transforming brain drain into brain gain, The Dutch example // *Development in Practice*. 2007. № 17 (3). P. 445–450.
- Hines T.A. Netherlands. The Myth of Ethnic Equality // *Migration and immigration: A global view* / Ed. M.I. Toro-Morn, M. Alicea. Westport, Conn: Greenwood Press, 2004. P. 147–161.
- Hoon M. de, Vink M., Schmeets H. A ticket to mobility? Naturalisation and subsequent migration of refugees after obtaining asylum in the Netherlands // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 46 (7). P. 1185–1204.
- How many residents of the Netherlands have a non-Dutch background? Statistics Netherlands (CBS). The Hague, 2023.
- Identificatie met Nederland: WRR rapport № 79. De Wetenschappelijke Raad voor Regeringsbeleid (WRR). Den Haag; Amsterdam, 2007. 247 p. (in Dutch).
- Jennissen R. et al. The Netherlands as a Country of Immigration // *Migration Diversity and Social Cohesion. Research for Policy*. Springer, Cham. 2023.
- Leurs K. et al. Encountering the digital border: smartphone screening in the Dutch asylum procedure // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2025. Vol. 51 (14). P. 3649–3674
- Martin Iv. et al. Exploring New Avenues for Legislation for Labour Migration to the European Union. European Parliament's Study. September 2015. Brussels. 92 p.
- Minderhoud P. Regulation of EU Labour Migration: At a Crossroads after the New Pact on Migration and Asylum? // *Utrecht Law Review*. 2021. Vol. 17 (4). P. 31–44.
- Netherlands: Action Agenda for integration and an open society* // European Commission. Directorate-General for Migration and Home Affairs. 7 February 2025.
- Netherlands as Immigration Society. Wetenschappelijke Raad voor het Regeringsbeleid, WRR Report No 60. The Hague, 2001. 78 p.
- Netherlands. Key findings // *Migrant Integration Policy Index*. [s.l.], [s.a.]. URL: <https://mipex.eu/>
- Netherlands leads group of countries calling for EU to speed up migrant returns – Migration Minister wants to install controversial warning signs in asylum centres and reduce length. European Council for Refugees and Exiles, 2024.
- Netherlands: Numbers of TCN workers increasing in Dutch companies // European Commission. Directorate-General for Migration and Home Affairs. 1 August 2024.
- Regeerprogramma. Uitwerking van het hoofdlijnenakkoord door het kabinet [Government program. Elaboration of the main points of the agreement by the cabinet]. Den Haag, 2024 (in Dutch).
- Rijkswet op het Nederlanderschap [Dutch Nationality Act]. Regering van Nederland. Den Haag, 2023 (in Dutch).
- Robeyns I. The Capabilities Approach: A Theoretical Survey // *Journal of Human Development*. 2007. Vol. 6 (1). P. 93–117.
- Runkin J. Dutch government under growing pressure to take in child refugees // *The Guardian*. 2020. 21 June.
- Schnabel P. Immigration and the question of Dutch identity // *Van Tilburg Lecture*. [S. l.], 2008.
- The Netherlands submits its National Implementation Plan for the European Pact on Migration and Asylum to the European Union // Government of the Netherlands. 2024. 12 December.
- Trust, Life Satisfaction and Opinions on Immigration in 15 European Countries. Ed. J. Boelhouwer, G. Kraaykamp, I. Stoop. The Hague: The Netherlands Institute for Social Research, 2016. 50 p.
- van Bruggen A. The Rise of Dutch Neo-Nationalism: Three Explanations for the Recent Upsurge in Nationalist Mobilization // *The Yale Review of International Studies*. [S. l.], 2012.

- van der Pijl Y. et al. "We Do Not Matter": Transgender Migrants / Refugees in the Dutch Asylum System" // *Violence and Gender*. 2018. № 5 (1). P. 1–11.
- van der Woude M. The Dutch Response to the Refugee Crisis // University of Oxford. Faculty of Law Blogs. 2015.
- van Heelsum A. Aspirations and frustrations: experiences of recent refugees in the Netherlands // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. № 40. P. 2137–2150.
- van Selm J. Migration in the Netherlands: Rhetoric and Perceived Reality Challenge Dutch Tolerance // Migration Information Source. Online Journal. [S. l.], 2019.
- Verkenning aanscherping kennismigrantenregeling [Exploration of tightening the knowledge migrant scheme]. Ministerie van Sociale Zaken en Werkgelegenheid. Den Haag, 2025. 30 p. (in Dutch)
- Vreemdelingenwet [Aliens Act]. Den Haag, 2000 (in Dutch).
- Wet Inburgering [Civic Integration Act]. Den Haag, 2021 (in Dutch).
- Wet van 8 juli 2015 tot wijziging van de Vreemdelingenwet 2000 ter implementatie van Richtlijn 2013/32/EU van het Europees Parlement en de Raad van 26 juni 2013 betreffende gemeenschappelijke procedures voor de toekenning en intrekking van de internationale bescherming (PbEU 2013, L 180) en Richtlijn 2013/33/EU van het Europees Parlement en de Raad van 26 juni 2013 tot vaststelling van normen voor de opvang van verzoekers om internationale bescherming (PbEU 2013, L 180). Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden. [Law of 8 July 2015 amending the Aliens Act 2000 to implement Directive 2013/32 / EU of the European Parliament and the Council of 26 June 2013 on common procedures for granting and withdrawing international protection (PbEU 2013, L 180) and Directive 2013/33 / EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing standards for the reception of applicants for international protection (PbEU 2013, L 180) Official Journal of the Kingdom of the Netherlands] (in Dutch).

References

- Alencar A., Sarria Sanz C., Mawazini J. (2025) Aspirational place-making and digital practices of refugees in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 51(14), pp. 3716–3733.
- Algemene wet gelijke behandeling [General Equal Treatment Act] (2020). Regering van Nederland [Government of the Netherlands]. Den Haag (in Dutch).
- Asylum influx in 2020 (2021) *Immigration and Naturalisation Service*. The Hague.
- Betreft Implementatie Asiel- en Migratie pact [Implementation of the Asylum and Migration Pact] (2025). *Ministerie van Asiel en Migratie* [Ministry of Asylum and Migration], Den Haag (in Dutch)
- Boelhouwer J. et al. (2016) *Trust, Life Satisfaction and Opinions on Immigration in 15 European Countries*. The Hague: The Netherlands Institute for Social Research.
- Brechenmacher S. et al. (2012) The Undeportables: An insight into the invisible lives of “undepotable” migrants in the Netherlands, *Humanity in Action*. [S. l.]
- Bringing Human Rights Home: Contribution of Dutch Non-Governmental Organizations to the Third Universal Periodic Review of the Netherlands (2017). *Nederlands Juristen Comité voor de Mensenrechten (NJCM)*. The Hague.
- Brysk A. (2009) *Global good Samaritans: human rights as foreign policy*. Oxford: Oxford. University Press.
- Damen R. et al. (2022) About but not without: Recently Arrived Refugees’ Understanding of and Expectations for Integration within a Local Policy Context in the Netherlands’. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 22(2), pp. 278–290.
- European Commission (2024) Netherlands: Numbers of TCN workers increasing in Dutch companies. *European Commission. Directorate-General for Migration and Home Affairs*. Brussels.
- European Commission (2025). Netherlands: Action Agenda for integration and an open society, *European Commission. Directorate-General for Migration and Home Affairs*. Brussels.

- European immigrants, refugees push up NL population. *Dutch News*. 4 January, 2024. Available at: <https://www.dutchnews.nl/2024/01/european-immigrants-refugees-push-up-nl-population/>
- EU-Turkey Statement and Action Plan (2016). European Affairs. OR 6056/16. *European Parliament*. Brussels.
- Government of the Netherlands (2016). Dutch presidency reaches an agreement on European border controls and coast guards, *Government of the Netherlands*. 22 June 2016. Available at: <https://www.government.nl/topics/immigration-to-the-netherlands/news/2016/06/22/dutch-presidency-reaches-an-agreement-on-european-border-controls-and-coast-guards>
- Gromyko A.A. et al (2020) *Upravljenje migracij i modeli migracionnoj politiki: возможности i riski* [Migration Governance and Migration Policy Models: Opportunities and Risks]. Moscow: Institute of Europe RAN.
- Groot M.C., Gibbons P. (2007) Diasporas as ‘agents of development’: transforming brain drain into brain gain, The Dutch example. *Development in Practice*. 17 (3). pp. 445–450.
- Hines T.A. (2004) Netherlands. The Myth of Ethnic Equality. In: *Migration and immigration: A global view*. Ed. Toro-Morn M. I., Alicea M. Westport, Conn: Greenwood Press
- Hoon M. de, Vink M., Schmeets H. (2019) A ticket to mobility? Naturalisation and subsequent migration of refugees after obtaining asylum in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 46 (7). pp. 1185–1204
- How many residents of the Netherlands have a non-Dutch background? (2023). *Statistics Netherlands (CBS)*. The Hague.
- Identificatie met Nederland: WRR rapport № 79 [Identification with the Netherlands: WRR report № 79] (2007), *De Wetenschappelijke Raad voor Regeringsbeleid (WRR)* [The Netherlands Scientific Council for Government Policy]. Den Haag; Amsterdam. 247 p. (in Dutch)
- Jennisen R. et al. (2023). The Netherlands as a Country of Immigration. In: *Migration, Diversity, and Social Cohesion. Research Policy*. Springer, Cham.
- Kostjuchenko A.S. (2006) Beniljuks v putah migratsii [Benilux in the Shackles of Migration], *Sovremennaja Evropa [Contemporary Europe]*. 4 (28). pp. 58–68.
- Leurs K. et al. (2025) Encountering the digital border: smartphone screening in the Dutch asylum procedure. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 51 (14). pp. 3649–3674.
- Martin Iv. et al. (2015) Exploring New Avenues for Legislation for Labour Migration to the European Union. *European Parliament's Study*. Brussels. 92 p.
- Minderhoud P. (2021) Regulation of EU Labour Migration: At a Crossroads after the New Pact on Migration and Asylum? *Utrecht Law Review*. 17 (4). pp. 31–44.
- Netherlands as Immigration Society (2001) *Wetenschappelijke Raad voor het Regeringsbeleid*, WRR Report No 60. The Hague. 78 p.
- Netherlands. Key findings [s.a.], *Migrant Integration Policy Index*, [s.l.]. URL: <https://mipex.eu/>
- Netherlands leads group of countries calling for EU to speed up migrant returns — Migration Minister wants to install controversial warning signs in asylum centres and reduce length (2024). *European Council for Refugees and Exiles*. [S.l.]
- Oostindie G. (2016) Vozvrashennaja istorija Niderlandov: postkolonial'nye migracii i novaja pravda o rabstve (per. s angl. Niny Stavroginoj) [History Brought Home: Postcolonial Migrations and the Dutch Rediscovery of Slavery (Translated from English by Nina Stavryuguina)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6 (142). pp. 78–92.
- Regeerprogramma. Uitwerking van het hoofdlijnenakkoord door het kabinet [Government program. Elaboration of the main points of the agreement by the cabinet] (2024). Regering van Nederland [Government of the Netherlands]. Den Haag. (in Dutch).
- Rijkswet op het Nederlanderschap [Dutch Nationality Act] (2023). *Regering van Nederland*. Den Haag (in Dutch)
- Robeyns I. (2007). The Capabilities Approach: A Theoretical Survey, *Journal of Human Development*, no. 6 (1), pp. 93–117.
- Runkin J. (2020) Dutch government under growing pressure to take in child refugees. *The Guardian*. 21.06.2020.

- Schnabel P. (2008) Immigration and the question of Dutch identity, *Van Tilburg Lecture*. [S. l.]
- Shveitser V.Ya. (2016) Niderlandy [Netherlands], *Sovremennaja Evropa [Contemporary Europe]*. 2 (68). pp. 123–126.
- Sidorova G.M. (2024). Migracionnye problemy stran Benilyuksa v kontekste obshcheevropejskoj politiki [Migration problems of the Benelux countries in the context of joint European policy], *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, vol., 18, no 3(69). pp. 356–365.
- The Netherlands submits its National Implementation Plan for the European Pact on Migration and Asylum to the European Union (2024). *Government of the Netherlands*. The Hague.
- van Bruggen A. (2012) The Rise of Dutch Neo-Nationalism: Three Explanations for the Recent Upsurge in Nationalist Mobilization. *The Yale Review of International Studies*. [S. l.]
- van der Pijl Y. et al. (2018) “We Do Not Matter”: Transgender Migrants / Refugees in the Dutch Asylum System”. *Violence and Gender*. 5 (1). pp. 1–11.
- van der Woude M. (2015) The Dutch Response to the Refugee Crisis. *University of Oxford. Faculty of Law Blogs. Online*. [S. l.]
- van Heelsom A. (2017) Aspirations and frustrations: experiences of recent refugees in the Netherlands. *Ethnic and Racial Studies*. 40. pp. 2137–2150.
- van Selm J. (2019) Migration in the Netherlands: Rhetoric and Perceived Reality Challenge Dutch Tolerance. *Migration Information Source. Online Journal*. Migration Policy Institute. [S. l.]
- Verkenning aanscherping kennismigrantenregeling [Exploration of tightening the knowledge migrant scheme] (2025). *Ministerie van Sociale Zaken en Werkgelegenheid*. Den Haag (in Dutch)
- Vreemdelingenwet [Aliens Act] (2000), Regering van Nederland [Government of the Netherlands], Den Haag (in Dutch)
- Wet Inburgering [Civic Integration Act] (2021), Regering van Nederland [Government of the Netherlands], Den Haag (in Dutch)
- Wet van 8 juli 2015 tot wijziging van de Vreemdelingenwet 2000 ter implementatie van Richtlijn 2013/32/EU van het Europees Parlement en de Raad van 26 juni 2013 betreffende gemeenschappelijke procedures voor de toekenning en intrekking van de internationale bescherming (PbEU 2013, L 180) en Richtlijn 2013/33/EU van het Europees Parlement en de Raad van 26 juni 2013 tot vaststelling van normen voor de opvang van verzoekers om internationale bescherming (PbEU 2013, L 180) (2015). *Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden*. [Law of 8 July 2015 amending the Aliens Act 2000 to implement Directive 2013/32 / EU of the European Parliament and the Council of 26 June 2013 on common procedures for granting and withdrawing international protection (PbEU 2013, L 180) and Directive 2013/33 / EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing standards for the reception of applicants for international protection (PbEU 2013, L 180) (2015) *Official Journal of the Kingdom of the Netherlands*] (in Dutch)

Сведения об авторе:

СМОЛЕНЧУК Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: smolenchuk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Olga Yu. Smolenchuk, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smolenchuk@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 октября 2025;
принята к публикации 15 ноября 2025.*

*The article was submitted 10.10.2025;
accepted for publication 15.11.2025*

Научная статья
УДК 314.7
doi: 10.17223/2312461X/50/4

«Мигрантская» инфраструктура в сибирском городе (кейс сети кафе «Ош» в Томске)

Ираида Владимировна Нам^{1, 2}
Диана Евгеньевна Горшкова³
Антон Алексеевич Садырин^{4, 5}
Федор Анатольевич Сметанин⁶

^{1, 3, 4, 6} Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия

^{2, 5} Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

¹ namirina@bk.ru
³ br.diana21@yandex.ru

⁴ sadyrin.1994@mail.ru

⁶ f-smetanin@mail.ru

Аннотация. Исследуется «мигрантская» инфраструктура в сибирском городе на примере кафе восточной кухни «Ош» в Томске. Цель работы – выявить, какую роль подобные заведения играют в городе в контексте проблемы этнического предпринимательства. Исследование основано на материалах полевой работы, проводимой авторами в 2019–2025 гг. Сбор данных осуществлялся методами включенного наблюдения, полужформализованных интервью с владельцами и сотрудниками кафе, анализа цифровых источников. Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на этническую маркированность, сеть заведений «Ош» изначально была ориентирована не только на мигрантов, но и горожан. Ее популярность и экономическая успешность обусловлены особой стратегией ведения бизнеса, основанного на гибком подходе в сочетании с использованием «мигрантского» и «местного» капиталов для преодоления экономических ограничений и институциональных барьеров. Кафе «Ош» в Томске выполняют функцию точек неформальной интеграции мигрантов, способствуя формированию их позитивного образа в глазах горожан.

Ключевые слова: мигрантская инфраструктура, этническое предпринимательство, трудовая миграция, этнические кафе, интеграция мигрантов

Благодарности: Авторы выражают благодарность С.Д. Джанызаковой за участие в исследовании в качестве одного из исполнителей проекта РНФ по изучению мигрантской инфраструктуры.

Для цитирования: Нам И.В., Горшкова Д.Е., Садырин А.А., Сметанин Ф.А. «Мигрантская» инфраструктура в сибирском городе (кейс сети кафе «Ош» в Томске) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 66–86. doi: 10.17223/2312461X/50/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/4

Migrant” Infrastructure in the Siberian City (the Case of “Osh” Café Chain)

Iraida V. Nam^{1, 2},
Diana E. Gorshkova³,
Anton A. Sadyrin^{4, 5},
Fedor A. Smetanin⁶

^{1, 3, 4, 6} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{2, 5} Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

¹ namirina@bk.ru

³ br.diana21@yandex.ru

⁴ sadyrin.1994@mail.ru

⁶ f-smetanin@mail.ru

Abstract. This article examines “migrant” infrastructure in a Siberian city, using the case study of the “Osh” café chain in Tomsk. The aim of this study is to identify the role that businesses play in the city within the context of ethnic entrepreneurship. The research is based on field study. These data were collected by the authors between 2019 and 2025. The data were gathered using methods of participant observation, semi-structured interviews with café owners and staff, and analysis of digital sources. The results of the study demonstrate that despite the ethnic markers, the “Osh” café chain was initially oriented not only towards migrants but also towards local society. Its popularity and economic success are attributed to a unique business strategy. This strategy is based on a flexible approach to problem-solving and combines the use of “migrant” and “local” capital to overcome economic constraints and institutional barriers. The “Osh” cafes in Tomsk function as hubs for the informal integration of migrants, contributing to the formation of a positive image of migrants in the eyes of the local community.

Keywords: migrant infrastructure, ethnic entrepreneurship, labor migration, ethnic cafes, integration of migrants

Acknowledgements: The authors express their gratitude to S.D. Dzhanyzakova for participating in the study as one of the executors of the Russian Science Foundation’s project on the study of migrant infrastructure.

For citation: Nam, I.V., Gorshkova, D.E., Sadyrin, A.A. & Smetanin, F.A. (2025) “Migrant” Infrastructure in the Siberian City (the Case of “Osh” Café Chain). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 66–86 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/4

Введение

Присутствие трудовых мигрантов в российских городах заметно меняет их облик. Приезжие используют и создают новую городскую инфраструктуру, влияющую на уровень интенсивности контактов между

«местными» и «иностранцами», что позволяет судить о создаваемых мигрантами локациях (рынки, кафе, парикмахерские и др.) как о потенциальных городских точках или «для своих» (мигрантов), или «для всех» (горожан), что отражается на социокультурной адаптации приезжих. Часто создаваемая мигрантами инфраструктура воспринимается и описывается горожанами исключительно в этническом дискурсе. Широко распространены представления о формирующихся этнически однородных мигрантских городских районах (анклавах), которые, с одной стороны, определяются как угроза (Бажан 2025; Бедрина 2018), с другой – как возможное решение мигрантского вопроса (Дятлов 2008; Дятлов, Григоричев 2014). В журналистских публикациях этот феномен сопровождается формированием многочисленных мифов, вращающихся вокруг этничности – от «этнических кварталов» и «этнических гетто» до «этнических» заведений общепита, поликлиник и прочих локальностей, якобы свидетельствующих о существовании «города в городе», возникающего из «нежелания интегрироваться» (Малахов 2020: 568). Все это влечет за собой распространение алармистского подхода к миграционной проблематике как во властной риторике и масс-медиа, так и в академических текстах.

Проблематика этнической мигрантской анклавизации, характерной для Москвы, Екатеринбурга, Красноярска и других крупных российских городов, сегодня активно разрабатывается в науке (Варшавер, Рочева, Иванова 2021; Варшавер и др. 2021). В результате оказывается, что исследуемые районы фактически не являются анклавами в классическом понимании, а *протоанклавами*, т.е. «пространственно-географическими и социально-институциональными феноменами с признаками анклава» (Волох, Сандугей 2024: 64; Ирхин 2021: 48). Одним из структурных элементов формирования мигрантских «анклавов» называется создание и функционирование «этнических» кафе, рассматриваемых также в контексте «этнического» предпринимательства. Сама тема этнического предпринимательства разрабатывается российскими исследователями с 1990 – нач. 2000-х гг. (Радаев 1993), в том числе в контексте адаптации мигрантов (Рязанцев 2000). К этому времени относятся также исследования, направленные на преодоление этноцентризма, господствовавшего в отечественном общественном сознании (Воронков, Освальд 1998; Бредникова, Паченков 2000; Мультикультурализм... 2002; Осипов 2002). Российские исследователи, изучавшие миграцию, поставили под сомнение «естественный» характер этнических категорий, показывая, что за ними стоят на самом деле социальные отношения (Малахов 2020: 566). Не менее значимые результаты связаны с изучением «этнических» кафе (Варшавер, Рочева 2014; Пешкова 2015b), создаваемых представителями одной этнической группы исключительно и/или преимущественно для

«своих», которые на самом деле являются сложными структурами с множеством функций, способствующих созданию мест интеграции мигрантов в городской социум (Малахов 2020: 568).

В этом контексте представляет интерес исследование возникновения и функционирования в Томске – городе, являющемся одним из центров притяжения трудовых мигрантов из Центральной Азии, в том числе из Узбекистана – сети кафе восточной кухни («Ош»), которое показывает, что трудовые мигранты, создающие социально-экономическую инфраструктуру в городе, не имеют изначально намерения использовать фактор этничности как инструмент достижения экономического успеха с ориентацией на создание бизнеса для «своих». Целью нашей работы было понять, чем обусловлена популярность кафе «Ош» в Томске? Какие факторы этому способствуют? Какую роль они играют в городской инфраструктуре? Можно ли считать кафе «Ош» элементом «мигрантской» инфраструктуры, создаваемой мигрантами и для мигрантов? Являются ли они средой консолидации этнических мигрантских сообществ? Способствуют ли адаптации и интеграции мигрантов в местное сообщество?

В качестве теоретической рамки для интерпретации полевых данных мы обращаемся к концепции Я. Рата (Kloosterman, van der Leun, Rath 1999), в которой критикуются существующие концепции «этнической» экономики и предпринимательства в мигрантской среде. В своих исследованиях эти авторы обосновывают необходимость отказа от фокуса на этнических ресурсах, которые рассматриваются как основа для организации бизнеса мигрантами в стране приема, в пользу других факторов и условий, которые выходят за пределы этничности. К ним относятся: (1) социальные сети мигрантов – обращение к семейным и земляческим связям, взаимодействия внутри мигрантских сообществ, которые зачастую выходят за рамки этнической общины; (2) экономические условия, включающие доступ мигрантов к финансовым ресурсам, логистические возможности, конъюнктуру локального рынка (уровень конкуренции, наличие спроса на предлагаемые товары или услуги, особенности рынка труда); (3) институциональный контекст, который связан, прежде всего, с условиями миграционного режима, трудового и налогового законодательства, условий для ведения бизнеса и др. (Immigrant Business... 2000).

Помимо этого, Я. Рат обращает внимание на тесную связь этнического предпринимательства с формальными и неформальными механизмами ведения бизнеса, которые зачастую связаны с социокультурными особенностями мигрантов-предпринимателей. Выбор в пользу формальных или неформальных практик определяет стратегии ведения бизнеса мигрантами в условиях жесткой конкуренции, труднопреодолимых барьеров для входа на рынок, ограниченного доступа к ресурсам, которые

обусловлены перечисленными выше условиями. Такой подход позволяет выйти за рамки дискуссий о (не)легальности этнического предпринимательства и включить в задачи исследования анализ способов и стратегий выживания и развития мигрантских «предприятий», которым в научной литературе уделяется недостаточно внимания – в фокусе таких исследований чаще оказывается анализ стимулов и причин распространения мигрантских бизнесов (Rath, Schutjens 2019).

Опираясь на подходы Е. Деминцевой и В. Пешковой (Деминцева, Пешкова 2014; Пешкова 2015а) к изучению городской инфраструктуры, создаваемой мигрантами, мы рассматриваем в качестве таковой заведения восточной кухни «Ош». Это, на наш взгляд, может позволить выявить механизмы и практики, определяющие основу функционирования этих заведений в качестве этнически маркированной городской инфраструктуры, обозначающей присутствие мигрантов, но не закрытой для местного населения. С этой точки зрения такие заведения могут рассматриваться не только как точки притяжения «своих» (узбеков, кыргызов, «мигрантов» и т.д.), но и как часть городского пространства, выделяющуюся из общей канвы, но ориентированную на привлечение клиентов не по этническим признакам, а по экономическим критериям, вкусовым предпочтениям, географической доступности.

Сбор полевых данных проводился в три этапа, которые включали серии включенного наблюдения за посетителями и сотрудниками в заведениях сети кафе «Ош» в Томске, полуформализованные интервью с основателями и владельцем, менеджерами и сотрудниками кафе, работающими в зале, а также цифровые наблюдения за социальными сетями заведений, отзывами и обсуждениями кафе в геоинформационных системах и агрегаторах отзывов (2ГИС, Яндекс Карты, Фламп, Отзовик).

Пилотные наблюдения и глубинные интервью были собраны в 2019 г. в рамках исследования мигрантской инфраструктуры, проводившегося коллективом Лаборатории социально-антропологических исследований ТГУ в рамках проекта РНФ. Ключевым методом сбора данных на этом этапе стали включенные наблюдения, в ходе которых фиксировались следующие характеристики: местоположение заведений, меню, стоимость блюд, график работы, национальный состав персонала, «халяльность» продуктов и блюд, интерьер зала, посещаемость и категории посетителей, а также выяснялось, проводятся ли мигрантами корпоративные мероприятия. Наблюдения дополнялись глубинными интервью с управляющей одного из заведений из семьи основателя кафе и с его бизнес-партнером. Кроме того, отслеживались и анализировались отзывы посетителей в Интернете и на странице одного из кафе в «Инстаграме»*.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

В 2022 г. был реализован второй этап исследования, проводившийся А.А. Садыриным в рамках написания им кандидатской диссертации (Садырин 2024), с целью актуализации информации, полученной на первом этапе. Сбор дополнительных данных был основан на наблюдении и проведении полуформализованных интервью с сотрудниками нескольких заведений сети.

Наконец, на заключительном этапе сбор данных осуществлялся в 2025 г. Основными задачами на этом этапе стало реконструирование ситуации периода пандемии (2020–2021 гг.), связанного со стратегиями приспособления владельцев и сотрудников кафе «Ош» (в просторечии «Ошек») к карантину, локдауну, закрытию государственных границ, а также анализ текущего состояния изучаемой сети в контексте введенных в 2022 г. ограничений на занятость мигрантов в некоторых сферах деятельности. Основными методами на этом этапе являлись глубинные интервью с владельцами кафе, наблюдения, а также анализ экспертных интервью и высказываний владельцев «Ошек» и других заведений восточной кухни Томска, опубликованных в СМИ, в том числе связанных с оценкой последствий введения в ноябре 2024 г. ограничений для индустрии общепита и рынка труда Томской области.

История создания и описание сети кафе восточной кухни «Ош» в Томске

Заведения «восточной» кухни в Томске принято называть «узбечками». «Узбечки» – собирательное название для всех кафе восточной кухни в городе. Сеть кафе «Ош» пока единственная в городе и, как показало исследование, пользующаяся популярностью у жителей.

Всего в Томске было открыто семь кафе этой сети в разных районах города (рис. 1). Первое кафе («точка») было создано в 2004 г. Его открыли два человека – молодой предприниматель-томич и мигрант из г. Ош М. (дядя Миша, так его привычно называло окружение). Трудовой мигрант, закончивший престижный университет в Оше с красным дипломом, был вынужден искать работу в России. Сначала он «ашималаничал», т.е. привозил из Кыргызстана разный товар на продажу, в основном постельное белье, велюровые халаты и т.д. Эта торговля шла плохо, поэтому он попробовал открыть чебуречную, и вот тут-то и пересеклись пути молодого предпринимателя-томича и мигранта-узбека из Кыргызстана с намерением открыть кафе восточной кухни. Сначала не было никакой уверенности, что дело пойдет. Первое кафе было организовано в «ржавом» вагончике, но уже под названием «Ош». Со стороны местного предпринимателя толчком к созданию «кухни» послужил банковский кризис 2004 г.: *Началось, да. Я занимался еще лесом параллельно... В лесу, там, обанкротился, да... Я приехал. Они говорят: «Давай, кухню*

поставим». Ну, они мне. Я говорю: «Ну, куда кухню?». Вот, у нас мойка была на Тимакова, там, в тупике. Привез я этот вагончик... Говорю: «Ну, вот, вагончик есть ржавый. Ну, давай». Вот, это сделали его. Пристройечку сделали. С этого начали. Как бы, вы говорите, что мы думали о студентах. Там это был... Вот... То есть, кризис, да, получается.? И мы не думали... о студентах. Студентов мы будем кормить, либо, ну, понятно дело, студенты, ну, как прост... Вот. Место, место и было. И к этому месту мы... Начали. Все говорили: «Ничего не пойдет... Как бы, тупик, кто к вам пойдет?» Ну, вот. А они же усердные все равно, мусульмане, люди, да? То есть они приехали работать... (ПМА 2019а).

Затем предприниматели арендовали, а позже полностью выкупили помещение автобазы на территории завода «Сибэлектромотор». Сейчас здесь располагается кафе «Ош» и чайхона «Бай-Казан». Затем одна за другой появились «узбечки» под общим брендом «Ош» на улицах Шишкова, Яковлева, Розы Люксембург, проспекте Ленина и в 2019 г. точка «Шаурма» на проспекте Кирова.

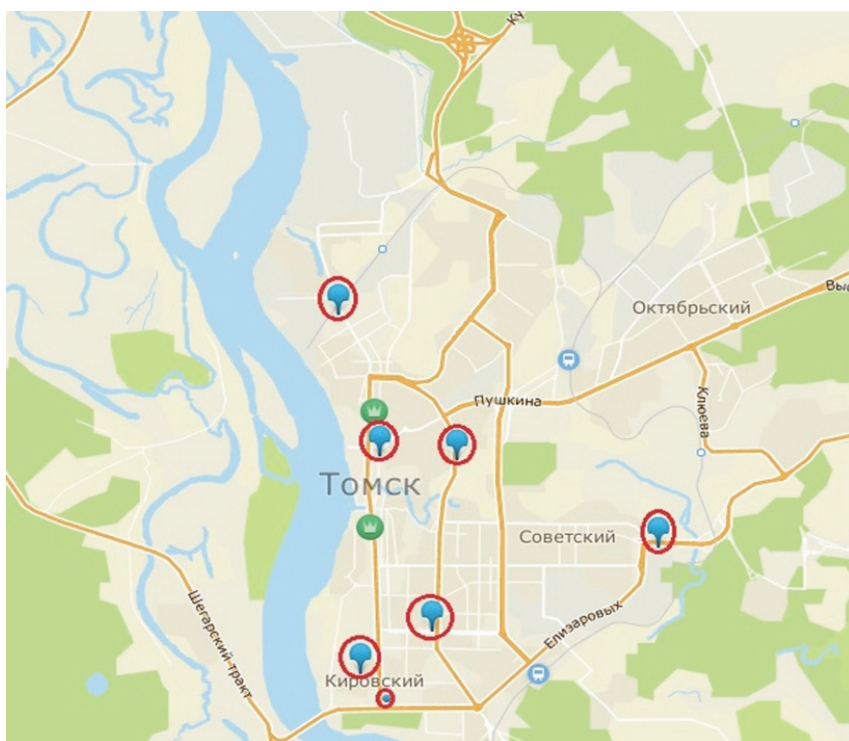

Рис. 1. Расположение заведений восточной кухни сети «Ош» в Томске

Выбор конкретных мест под организацию новой кухни сами основатели «Ош» объясняют магической «чуйкой» племянника дяди Миши и

настаивают на том, что специально не определяли ни одно место в городе, учитывая какие-либо критерии экономической эффективности: *Кто-то предлагает помещение. Сами, в основном, мы не искали, наверное, даже. Как-то попало, так что... Ну, вот есть, предлагают, аренда пустая... приезжаем, Б.... У него чуйка. Ну, куда не делай, у него чуйка есть. Вот, здесь да, здесь давай будем. Мы даже в Молчаново на рыба[лку]... на охоту ездили. Он мясник, как бы, он по натуре своей. То есть в Узбекистане он... Ну, вот, с мясом он начинал, то есть он... И, вот, идет стадо барашков... Ну, метров 200–250. Он, говорит, вот тот, говорит, баран наш. То есть, ну, никто там... Все, вот, как бы, наш. И все... Вот... Ну, как-то, не знаю. Тут да, место. Здесь берем, либо не берем, как бы да. То есть в принципе мы... Не было у нас точки, чтобы мы... Ну, закрылись и, как бы, сказали – не получилось, да. Мы либо продавали, и люди сейчас до сих пор работают, да... (ПИМА 2019а).*

С самого начала кафе «Ош» в Томске открывались и работают для всех жителей города, хотя персонал этих заведений составляют только узбеки. Основными посетителями являются самые разные представители горожан. Это обусловлено изначальным отсутствием позиционирования бизнеса «для своих», доступностью цен для самых разных категорий населения, а также весьма успешным расположением элементов сети кафе «Ош». Исключением можно назвать чайхону «Бай Казан», 80% посетителей которой – преимущественно «старые», укоренившиеся в Томске мигранты из Центральной Азии. Но вход туда не закрыт любым желающим.

При этом локализация элементов сети кафе выглядит крайне удачной и привлекающей разнообразных клиентов. Рисунки, представленные ниже, демонстрируют наличие важных городских инфраструктурных объектов близ кафе. Томск в силу статуса «студенческой столицы Сибири» является точкой притяжения студентов, в том числе учебных мигрантов из Центральной Азии, которых привлекает возможность перекусить в заведениях эконом-класса, близко расположенных к учебным корпусам. Так, кафе «Ош» на улице Тимакова и проспекте Ленина, 1 вкраплены в «кампусную среду» Томского политехнического университета (ТПУ).

Это подтверждается и данными из полевого дневника: *В обеденное время в будний день в кафе очень много посетителей, преимущественно, студенты. В течение часа на кассе длинная очередь из посетителей, многие берут еду на вынос. Из-за большого наплыва посетителей наблюдается нехватка столов, многим приходилось подсаживаться к незнакомым людям. Мигрантов среди посетителей кафе не наблюдалось, за исключением иностранных студентов. Среди работников – на кухне 2 человека, мужчина средних лет (в прошлое посещение работал на кассе), и молодой человек (оба узбеки). На кассе – женщина средних*

лет (в прошлое посещение помогала разобраться кассиру с кассовым аппаратом). Среди официантов – 2 молодые девушки (ПМА 2019b).

Запись из полевого дневника, описывающая кафе «Ош» на проспекте Ленина, 1 (представленная выше), может быть транслирована почти на каждый будний день в данном кафе, за исключением выходных и каникулярного времени.

Другие элементы сети также вкраплены в общий городской массив. Сотрудники близлежащих офисных зданий и государственных учреждений охотно посещают кафе «Ош». Материалы полевого дневника подтверждают эту ситуацию: *За время моего присутствия среди посетителей не было ни одного мигранта. Публика была представлена в основном людьми с близлежащих офисов. Я понял это по наличию на столах ключей, пропусков и поведению, которое говорило о том, что человек регулярно ходит в это заведение. 2 официантки и 1 кассир – узбечки. Несколько человек приходили для того, чтобы взять заказ с собой – «на вынос» (2 шашлыка и 6 картошек фри), что позволило мне выдвинуть предположение о том, что эта пища будет отнесена в офис. Все посетители выглядели опрятно, с персоналом вели себя спокойно. Рядом со мной сидели два полицейских, решивших перекусить. За столиками были слышны разговоры о работе. Кухня представлена «традиционными» для Ошеч блюдами, которые пользуются спросом: мясо по-тайски; мясо по-казахски; манты; шашлык; курники и др. Заказ блюда и выдача заказа также организованы «традиционно» по типу: «два маленьких по-казахски» (крик в сторону кухни) далее продвигаемся на кассу, где, как правило, задают дополнительный вопрос: «что у Вас еще было» (из заказа), затем производится расчет и выдача заказа в порядке живой очереди (ПМА 2019b).*

И только одно из заведений сети (кафе на улице Яковлева) показалось нам чуть более «мигрантоориентированным» (по косвенным признакам), хотя владельцы бизнеса в интервью не подтвердили данное предположение (рис. 2). Это кафе располагается вдоль загруженной автомобильной дороги, соединяющей между собой три административных района города. При этом пешая доступность к этой «узбечке» крайне неудобная, рядом нет значимых городских локальностей, сообщества которых могли бы быть клиентами данного заведения. Однако свой путь по этой улице часто выбирают таксисты, которые совершают поездки из одного района в другой. Часть трудовых мигрантов была активно задействована в сфере пассажирских перевозок (до 2024 г.). Как показало наблюдение, зачастую именно таксисты – трудовые мигранты становятся посетителями данного заведения, особенно в вечернее и ночное время (это единственный элемент сети кафе, работающий круглосуточно), когда магазины и большинство заведений эконом-класса в сфере общественного питания закрываются.

Рис. 2. Чайхана «Ош» (кафе «Бай Казан») на ул. Елизаровых*

Еще одним косвенным признаком, указывающим на чуть большее присутствие в этом кафе мигрантов, является продажа курта/куртапа/курута – специфического сухого кисломолочного продукта, излюбленной пищи многих выходцев из Центральной Азии (рис. 3).

Однако все это не говорит о проявлении некоей замкнутости этого места или его закрытости. Скорее, на фоне остальных кафе из сети эта «Ошка» чуть более выделяется видимым присутствием мигрантов. Среди посетителей все так же доминирует «местное» население, представленное, например, таксистами, но из числа «местных», или студентами Томского государственного архитектурно-строительного университета, чьи общежития расположены в относительной близости с этим кафе.

Демонстрируют это положение также материалы полевого дневника: *Повара и обслуживающий персонал (на раздаче, официантки, повара) – узбеки, причем не только из Ошской области, но и из Узбекистана. Повар – молодой парень, хорошо говорит по-русски, женщина на раздаче тоже отлично знает русский язык, кухонные работники знают русский хуже). После 14:00, когда мы пришли, уже не было некоторых блюд, например, шурпы, потом быстро закончилось мясо по-казахски и др. Посетители очень быстро менялись, видимо, по причине обеденного перерыва. В вечернее время посещаемость по-прежнему активная, посетители преимущественно «русские», одиночные или по одному-двое чел.*

* Фото из электронных карт 2ГИС, 2025.

Была только одна компания в 6 чел. Удалось переговорить с двумя мигрантами. Один сезонный, узбек, другой – киргиз, живет в Томске с 6 лет, его привез дядя, который теперь уже уехал на родину, а племянник остался, полностью адаптировался, но очень любит восточную кухню, поэтому «Ошку» посещает часто, преимущественно на Яковлева, кухня нравится и обслуживание (ПИМА 2019б).

Рис. 3. Продажа курута в одном из заведений сети кафе «Ош» (ПИМА 2022)

Еще одной «точкой» сети «Ош», обладающей специфическими чертами, является чайхана «Бай казан». Наблюдение показало, что это место днем является обычной «узбечкой» с ранее вышеописанными атрибутами, например, в виде основных посетителей из числа «местных» (работники находящихся рядом автомобильных мастерских). Однако вечером или в праздничные дни это заведение выступает в роли места встреч «старых» мигрантов. В силу своего внутреннего убранства (два этажа, фонтан внутри заведения, клетки с поющими птицами, резные украшения залов кафе, молельная комната, расположенная на втором этаже заведения, специальный зал для мероприятий, в том числе встреч лидеров местных национально-культурных автономий) «Бай казан» стал некоторой попыткой создания элитарной «этнической кухни», которая повлекла за собой приток статусных мусульман («старых» мигрантов) Томска, маркирующих это пространство как пространство элиты, однако оно

не отделено «стеклянной стеной» от местных, зачастую проводящих там время.

Трансформация сети кафе «Ош»: практики трудоустройства и механизмы выживания в условиях пандемии COVID-19 и ограничений на занятость мигрантов

Как показали наши наблюдения и интервью, основными работниками кафе по-прежнему являются трудовые мигранты из Центральной Азии. Во многом это вызвано логикой самой структуры управления сетью «Ош». Правовыми вопросами занимается предприниматель-томич, члены его семьи задействованы в осуществлении схожих трудовых функций. За рекрутинг, подбор персонала, а также за процессы, протекающие непосредственно на кухне, ответственность несет племянник ныне покойного трудового мигранта М. (дяди Миши). В силу этого, как правило, семья или земляки племянника являются основным обслуживающим персоналом кафе. Женщины чаще задействованы в зале, а мужчины на кухне. Новые сотрудники работу в «Ош» находят благодаря двум основным способам: 1) наличие общего для выходцев из Центральной Азии чата в WhatsApp*, тематикой которого в том числе является поиск вакансий в Томске; 2) рекомендации бывших или ныне действующих сотрудников «Ош» в качестве места для работы своим приятелям и землякам.

Данный общепит, по словам самих участников исследования, является для многих желанным местом работы. Это обусловлено тем, что работодатель берет на себя решение проблем, связанных с легализацией в России и трудоустройством. Кроме того, работникам предоставляется жилье, которое, как правило, располагается близ самих кафе. Жилье трудовых мигрантов разделено по гендерному принципу: женщины живут в одних квартирах с женщинами, мужчины, соответственно, только с мужчинами. Квартиры обычно двухкомнатные, а число проживающих в них мигрантов равно четырем – по два человека в каждой из комнат. Соседи по комнате – родственники или близкие земляки.

Сотрудники сети кафе «Ош» обладают значительными социальными гарантиями, которые предоставляет им работодатель: возможность брать листки нетрудоспособности официально или договариваться в устной форме с руководителем о большем количестве выходных дней в связи с протекающей болезнью; возможность ухода в отпуск с гарантией выплат в этот период; наличие официального выходного дня, заранее отраженного в графике работы; помимо этого, сотрудники «Ош» обладают

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

актуальными трудовыми книжками; работодателем оплачивается стоимость прохождения медицинского осмотра, а также обучения в рамках приобретения знаний по санитарному минимуму; самостоятельно иностранным работником оплачивается лишь ежемесячная сумма за получение патента на работу. Работодатель в беседе отмечал, что принцип полной легализации его иностранных сотрудников поддерживается им с самого основания кафе. По его мнению, это позволяет ему не переживать за возможное нарушение законодательства в этой сфере и полностью сосредоточиться на ведении бизнеса.

Важно отметить, что бизнес в сфере общепита отличается гибкостью и адаптивностью к изменению соотношения спроса и предложения. Это определяет динамику изменений, происходивших с сетью заведений в период проведения исследования. Владельцы заведений в 2019 г. отмечали, что данный бизнес является достаточно прибыльным, что определяло их ориентацию на расширение бизнеса и открытие новых «точек». Кроме того, прибыль от работы заведений позволила принять решение в пользу отказа от аренды помещений под кафе и приобретения собственного помещения: владельцы выкупили дом на ул. Тимакова и запланировали постройку нового здания, где предполагалось открыть обновленное кафе вместо существующего сейчас. Процесс переезда был заморожен в связи с трудностями и ограничениями, вызванными внешними условиями. Однако в настоящее время работа в этом направлении продолжается, строительство завершается, и открытие новой точки планируется в декабре 2025 г. (рис. 4).

Рис. 4. Строительство нового здания на ул. Тимакова (ПМА 2025а)

Одним из ключевых факторов, ограничивших развитие сети, стали пандемия COVID-19 и локдаун. Все заведения в этот период были закрыты на 2 недели. В результате сотрудники заведений остались без работы и возможности возвращения домой. В этой ситуации владельцы «Ошек» оказывали поддержку сотрудникам – предоставляли жилье на безвозмездной основе, платили денежное довольствие, оплачивали питание, медицинскую страховку, помогали оплачивать дорогу домой для тех, кто выбрал стратегию возвращения на родину.

Отсутствие прибыли и затраты на поддержку и содержание сотрудников в период локдауна привели к серьезным убыткам, за которыми последовали финансовые трудности организаторов бизнеса. Часть этих трудностей удавалось решить за счет государственной и региональной поддержки малого и среднего бизнеса: *...Потом какое-то послабление. Плюс нам государство выделило поддержку в тот момент – порядка пяти миллионов безвозмездно. То есть это на зарплату, на налоги, на какие-то вещи, на аренду... Потому что кто-то аренду не брал, а кто-то все равно – как платите, так и платите. То есть не все входили в положение (ПИМА 2025b).*

Управляющие сети сформировали стратегии постепенного выхода на рынок в условиях ограничений – некоторые «точки», вблизи которых оставался спрос на готовую еду, работали на вынос. В одном из заведений сети была запущена доставка еды через сервис Яндекс (которая работает до сих пор). Кроме того, в этот период началась активная работа по продвижению услуг кафе через социальные сети. Важно отметить, что в период пандемии владельцы заведений активно участвовали в благотворительных акциях, в частности, готовили обеды для врачей, медсестер и санитаров медицинских учреждений Томска (Плов помощи... 2020).

После отмены локдауна работа сети «Ош» вернулась к прежнему режиму. Кроме того, были предприняты попытки трансформации сети за счет расширения бизнеса. В 2022 г. на базе двух «Ошек» (на ул. Яковлева и проспекте Ленина, 1) были открыты отдельные «точки» доставки еды под названием «Институт плова». Однако опыт оказался неудачным, и в 2024 г. эти заведения по доставке еды, не выдержав конкуренции, закрылись.

Высокая конкуренция и последствия социально-экономической ситуации после локдауна наложились на введение в ноябре 2024 г. в Томске и Томской области ограничений на занятость мигрантов в различных сферах, в том числе в общепите, что стало новым вызовом в работе «Ошек» (Об установлении... 2024). В настоящее время из семи заведений только три «Ошки» остались в основе прежней сети. Две «Ошки» были проданы родственникам основателей кафе и продолжают функционировать под прежним названием; еще два кафе полностью закрылись. Таким образом, несмотря на смену владельцев, «Ошки» продолжают функционировать как сеть – сохраняются название, единый стиль, меню и цены, формы и каналы рекрутинга сотрудников.

Владельцы «точек» подчеркивают, что серьезные ограничения в работе кафе в настоящее время связаны с запретом на трудовую деятельность мигрантов, работающих по патентам в сфере общепита. В публичных комментариях для СМИ они отмечали, что в результате этих ограничений «Ош» лишилась трети своих сотрудников: *Нам тяжело, у нас минус 20 сотрудников из 60 по сети с 1 ноября. Это одна треть сотрудников практически. Сейчас испытываем дефицит в кадрах. Он и до*

этого был, но сейчас гораздо сложнее. У нас были резиденты из Узбекистана с патентами – они (теперь) не имеют права работать. Но резиденты Кыргызстана – узбеки с паспортами Кыргызстана – есть, они остались... (Томская сеть... 2024).

Сокращение штата «Ошек» привело к необходимости поиска новых сотрудников и поддержания статуса заведений. В результате появляются новые каналы поиска сотрудников – привлечение молодежи из стран Центральной Азии, обучающихся или проживающих в Томске, поиск по личным каналам менеджеров заведений, а также через телеграм-каналы в Кыргызстане. Помимо этого, формируется новая стратегия приспособления бизнеса к сложным условиям, которая основана на его диверсификации, – готовится открытие заготовочного цеха, который формально не относится к сфере общепита, но позволяет нанимать мигрантов, работающих по патентам, и в то же время поддерживать бесперебойную работу кафе.

Выводы

Таким образом, сеть кафе «Ош» в Томске, безусловно, является созданной мигрантами элементом городской инфраструктуры, однако изначально и сейчас эти этнические «кафе работают не для «своих». Сеть кафе «Ош», прежде всего, представляет собой «мигрантский» бизнес, считающийся «народным» (закусочные эконо-класса без «этнической окраски»). Само кафе и сообщества внутри не интегрируют мигрантов в классическом – административном понимании этого феномена; при этом они являются основополагающей ступенью при выстраивании социальных сетей мигрантов, которые важны при реализации социально-экономических интеграционных практик. Анализ отзывов в интернете, а также интервью, показывает, что «восточная кухня», скорее, создает положительный образ приезжего в глазах местного сообщества. Элементы сети «Ош» не скрыты от глаз местного сообщества и тем более не являются частью этнического мигрантского «анклава» или «кластера».

Степень распространенности восточной кухни в городе наряду с качеством подаваемых блюд и демократичностью цен в «Ошках» определяют открытость и доступность заведений для различных категорий гостей – кафе посещают как мигранты, так и местное население (горожане, работающие в деловом центре города, студенты, водители такси и грузового транспорта и т.д.). Помимо этого, успешная адаптация к меняющейся конъюнктуре локального рынка – от выбора местоположения заведений и графика работы до переориентации на новые условия работы – обеспечивает экономическую рентабельность этнически маркированного бизнеса, которая, в свою очередь, обеспечивает расширение сети.

Одним из ключевых факторов успеха здесь можно назвать сочетание «мигрантского» и «местного» капиталов организаторов бизнеса. Созда-

ние первых «Ошек» в результате союза мигранта из Кыргызстана и местного бизнесмена с самого начала определило стратегию ведения бизнеса: за счет «мигрантского» капитала решались и решаются до сих пор вопросы содержания работы кафе (название, визуальное оформление, интерьер заведений, меню), качество работы (навыки приготовления блюд восточной кухни хозяина-мигранта и его семьи), вопросы логистики (поставки приправ, продуктов, в том числе халальных), рекрутинга сотрудников. За счет «местного» капитала в первую очередь решаются вопросы институциональных и экономических ограничений.

Трансформация сети «Ош» вследствие локдауна и последних ограничений миграционной политики демонстрирует гибкость предпринимательской стратегии хозяев сети. С одной стороны, происходит внутренняя диверсификация бизнеса (разделение полномочий по владению и управлению отдельными «точками» между предпринимателем-мигрантом и местным бизнесменом). С другой стороны, новые вызовы, возникающие в процессе функционирования кафе, демонстрируют, что стратегия по разделению капиталов может привести к закрытию кафе. Так, в случае пандемии COVID-19 одной из ключевых стратегий выживания стало обращение к мерам поддержки бизнеса региональных и местных органов власти, получением которой занимался российский предприниматель. В случае ограничения трудовой деятельности мигрантов в сфере общепита в Томской области, и последовавшей за этим проблемой на ориентацию «Ошек» на поиск работников через мигрантские сети, попытка обращения к другим механизмам рекрутинга сотрудников, выходящая за пределы использования «мигрантского» капитала, успехом не увенчалась. В результате предприниматели вынуждены адаптироваться к текущим институциональным ограничениям и создавать новые формы предприятий, которые будут вовлечены в работу «Ошек» и в то же время позволят оставить работу заведений в легальном поле.

В целом можно заключить, что создание мигрантами городской инфраструктуры не всегда ассоциировано с закрытостью и анклавизацией на этнической основе. Во-первых, это связано с тем, что экономическая эффективность предприятий ориентирована на местные рынки и уровень конкуренции, которая вынуждает мигрантов выходить за пределы мигрантоориентированного бизнеса. Во-вторых, «этнический» или «мигрантский» бизнес зачастую по своей сути не всегда является таковым. В основе работы «этнических» кафе могут лежать этнические и культурные особенности их владельцев, что является фактором притяжения не только «своих», но и «местных» (за счет экзотичности, инаковости, элитарности и других признаков). Однако кейс сети заведений восточной кухни «Ош» демонстрирует, что наиболее экономически успешными «мигрантскими» предприятиями являются те, что сочетают в себе раз-

личные формы капитала, а также отличаются гибкими стратегиями ведения бизнеса, ориентированного прежде всего на локальные особенности города.

Список источников

- Бажан Т.А. Этнический анклав как экономическое явление в современной России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2025. Т. 22, № 2 (140). С. 61–77.
- Бедрина Е.Б. Этнические анклавы мигрантов в городском пространстве российских регионов // Российские регионы в фокусе перемен. Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: сб. докладов XII Международной конференции. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. С. 697–704.
- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика. Сборник статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999) / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб., 2000. Вып. 8. С. 47–54.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 104–114.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 425–449.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Дело, 2021.
- Волох В.А., Сандугей А.Н. О противодействии созданию в Российской Федерации анклавов и некоторых мерах по формированию условий для временного проживания иностранных работников в России // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 61–68.
- Воронков В., Освальд И. Постсоветские этничности // Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 6–36.
- Деминцева Е., Пеикова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597–598. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn1 (дата обращения: 11.10.2025).
- Дятлов В.И. Россия в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16.
- Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.
- Ирхин И.В. Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Ч. 2 // Lex russica. 2021. Т. 74, № 12. С. 44–57.
- Малахов В.С. От сообществ к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (4). С. 561–576.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
- Об установлении на 2024 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Томской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности: Постановление Губернатора Томской области от 16.07.2024 № 60 // Официальный интернет-портал правовой

- информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7000202407180001> (дата обращения: 01.10.2025).
- Осинов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // *Расизм в языке социальных наук* / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45–68.
- Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // *Мир России*. 2015. № 2. С. 129–151.
- Пешкова В.М. Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // *Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 186–202.
- Плов помощи: как томские узбеки поддерживают медиков, борющихся с COVID-19 // *Вести-Томск*. 13.11.2020. URL: <https://www.tvtomsk.ru/news/63694-plov-pomoschi-kak-tomskie-uzbeki-podderzhivajut-medikov-borjuschih-s-covid-19-fotoreportazh.html> (дата обращения: 01.10.2025).
- Полевые материалы авторов (ПМА). Интервью с Ю.В. Томск, 2019а.
- Полевые материалы авторов (ПМА). Интервью с Ю.В. Томск, 2025а.
- Полевые материалы авторов (ПМА). Полевые заметки. Томск, 2019б.
- Полевые материалы авторов (ПМА). Фотоархив. Томск, 2022.
- Полевые материалы авторов (ПМА). Фотоархив. Томск, 2025б.
- Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // *Политические исследования*. 1993. № 5. С. 79–87.
- Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 73–86.
- Садырин А.А. Создание и использование мигрантами из Центральной Азии городской и пригородной инфраструктуры (на примере г. Томска): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2024. 190 с.
- Томская сеть «Ош» лишилась трети работников из-за запрета на мигрантов // *РИА Томск*. 22.11.2024. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20241122/kafe-osh-deficit-personalavvoljnenie-migrantov/> (дата обращения: 06.10.2025).
- Immigrant Business. The Economic, Politic and Social Environment / ed. by J. Rath. London: Macmillan Press Ltd, 2000.
- Kloosterman R., van der Leun J., Rath J. Mixed Embeddedness: (In)formal Economic Activities and Immigrant Businesses in the Netherlands // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. № 23 (2). P. 252–266.
- Rath J., Schutjens V. Advancing the Frontiers in Ethnic Entrepreneurship Studies // *Journal of Economic and Human Geography*. 2019. № 110 (5). P. 579–587.

References

- Bazhan T.A. (2025) Etnicheskii anklav kak ekonomicheskoe iavlenie v sovremennoi Rossii [Ethnic Enclave as Social and Economic Phenomenon in Today's Russia]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. Vol. 22, 2 (140). pp. 61–77.
- Bedrina E.B. (2018) Etnicheskie anklavy migrantov v gorodskom prostranstve rossiiskikh regionov [Ethnic Enclaves of Migrants in Urban Space of Russian Regions]. *XII Mezhdunarodnaia konferentsiia "Rossiiskie regiony v fokuse peremen. Ekaterinburg, 16-18 noiabria 2017: sbornik dokladov* [XII International Conference "Russian Regions in the focus of changes". Ekaterinburg, November 16-18, 2017: Collection of reports]. Ekaterinburg. pp. 697–704.
- Brednikova O. & Pachenkov O. (2000) Etnichnost' "etnicheskoi ekonomiki" i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the "Ethnic Economics" and Social Networks of Migrants]. In:

- Etnichnost' i ekonomika. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 9-12 sentyabrya 1999)* [Ethnicity and the Economics. Collection of the Articles Based on the Materials of the International Seminar (St. Petersburg, September 9-12, 1999)]. ed. by O. Brednikova, V. Voronkov, E. Chikadze. St. Petersburg. Vol. 8. pp. 47–54.
- Demintseva E. & Peshkova V. (2014) Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoscope Weekly*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn1 (Accessed 11 October 2025).
- Dyatlov V.I. & Grigoriev K.V. (2014) Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva [Siberia: The Dynamics of Urban Space Ethnization in the Resettlement Society]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* = *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 10. pp. 8–19.
- Dyatlov V.I. (2008) Rossiia v predchuvstvii chainataunov [Russia anticipating Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 6–16.
- Immigrant Business. The Economic, Politic and Social Environment*. Ed. by J. Rath. London: Macmillan Press Ltd, 2000.
- Irkhin I.V. (2021) Natsional'no-etnicheskie anklavy v sovremennom mire: priroda, instrument reguliatsii (publichno-pravovoi aspekt). Chast' 2 [National and Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulatory Instruments (Public Law Aspect). Part 2]. *Lex russica*. 74 (12). pp. 44–57.
- Kloosterman R., van der Leun J. & Rath J. (1999) Mixed Embeddedness: (In)formal Economic Activities and Immigrant Businesses in the Netherlands. *International Journal of Urban and Regional Research*. 23 (2). pp. 252–266.
- Malakhov V.S. (2020) Ot soobshchestv k prostranstvu: issleduiia izmeneniia gorodskoi sredy pod vlianiem migratsii [From Communities to Space: Studying Urban Change Driven by Migration]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* = *The Journal of Social Policy Studies*. 18 (4). pp. 561–576.
- Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetских obshchestv* [Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies]. ed. by V.S. Malakhov, V.A. Tishkov. Moscow, 2002.
- Ob ustanovlenii na 2024 god zapreta na privlechenie khoziaistviuiushchimi sub'ektami, osushchestvliaiushchimi deiatel'nost' na territorii Tomskoi oblasti, inostrannykh grazhdan, osushchestvliaiushchikh trudovuiu deiatel'nost' na onovanii patentov, po otdel'nym vidam ekonomicheskoi deiatel'nosti: Postanovlenie Gubernatora Tomskoi Oblasti jn 16 Iiulia 2024 g. № 60 [On the establishment of a ban for 2024 on the involvement of foreign citizens engaged in employment on the basis of patents in certain types of economic activity by economic entities operating in the Tomsk Region: Resolution of the Governor of the Tomsk region dated July 16, 2024, № 60]. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* = *Official Online Portal of Legal Information* (Accesses October 01, 2025).
- Osipov A. (2002) Konstruirovaniie etnicheskogo konflikta i rasistskii diskurs [Constructing of the ethnic conflict and Racist Discourse]. In: *Rasizm v iazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Sciences] / ed. by V. Voronkov, O. Karpenko, A. Osipov. St. Petersburg. pp. 45–68.
- Peshkova V.M. (2015) Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii* = *Universe of Russia*. 2. pp. 129–151.
- Peshkova V.M. (2015) Sredneaziatskie etnicheskie kafe Moskvy: migrantskaia infrastruktura v gorodskom prostranstve [The Central Asian “Ethnic” Café in Moscow: Migrant Infrastructure in the Urban Space]. In: *Etnicheskie rynki Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: Space of Bargaining and Place of Meeting]. Ed. by V.I. Dyatlov, K.V. Grigoriev. Irkutsk. pp. 186–202.

- Plov pomoshchi: kak tomskie uzbeki podderzhivaiut medikov, boriushchikhsia s COVID-19 [Pilaf of Helping: How the Uzbeks of Tomsk Support Medical Workers Who Fight COVID-19]. *Vesti-Tomsk*. November 13, 2020. Available at: <https://www.tvtomsk.ru/news/63694-plov-pomoschi-kak-tomskie-uzbeki-podderzhivajut-medikov-borjuschih-s-covid-19-fotoreportazh.html> (Accessed October 01, 2025).
- Polevy materialy avtorov (PMA). Fotoarkhiv. Tomsk, 2022 [Authors' Field Materials. Photo Archive. Tomsk, 2022].
- Polevy materialy avtorov (PMA). Fotoarkhiv. Tomsk, 2025b [Authors' Field Materials. Photo Archive. Tomsk, 2025b].
- Polevy materialy avtorov (PMA). Interv'iu s Iu.V. Tomsk, 2019a [Authors' Field Materials. Interview with Iu. V. Tomsk, 2019a].
- Polevy materialy avtorov (PMA). Interv'iu s Iu.V. Tomsk, 2025a [Authors' Field Materials. Interview with Iu. V. Tomsk, 2025a].
- Polevy materialy avtorov (PMA). Polevy zametki. Tomsk, 2019b [Authors' Field Materials. Field notes. Tomsk, 2019b].
- Radaev V.V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoi opyt i Rossiia [The Ethnic Entrepreneurship: World Experience and Russia]. *Polis. Politicheskoe issledovanie = Polis. Political Studies*. 5. pp. 79–87.
- Rath J. & Schutjens V. (2019) Advancing the Frontiers in Ethnic Entrepreneurship Studies. *Journal of Economic and Human Geography*. 110 (5). pp. 579–587.
- Riazantsev S.V. (2000) Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [The Ethnic Entrepreneurship as a Form of Migrant Adaptation]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 73–86.
- Sadyrin A.A. (2024) *Sozдание i ispol'zovanie migrantami iz Tsentral'noi Azii gorodskoi i priгородnoi infrastruktury (na primere g. Tomska): diss. ... kand. ist. nauk* [Creation and Using the Urban and Suburban Infrastructure by Central Asian Migrants (Case of Tomsk). Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Tomsk.
- Tomskaia set' "Osh" lishilas' treti rabotnikov iz-za zapreta na migrantov [Tomsk Café Chain "Osh" Lost a Third of Its Employees because of the Ban on Migrants]. *RIA Tomsk*. November 22, 2024. Available at: <https://www.riatomsk.ru/article/20241122/kafe-osh-deficit-personala-uvolnenie-minrantov/> (Accessed October 06, 2025).
- Varshaver E.A. & Rocheva A.L. (2014) Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnikh migrantov v Moskve [Café Communities as an Environment for the Ethnic Integration of Migrants in Moscow]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3 (131). pp. 104–114.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L. & Ivanova N.S. (2021) Faktory i mekhanizmy skladyvaniia mest reditentnoi kontsentratsii migrantov vokrug rynkov [Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 5. pp. 425–449.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. & Andreeva A.S. (2021) *Migranty v rossiiskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiia, integratsiia* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration]. Moscow.
- Volokh V.A. & Sandugei A.N. (2024) O protivodeistvii sozdaniu v Rossiiskoi Federatsii anklavov i nekotorykh merakh po formirovaniu uslovii dlia vremennogo prozhivaniia inostrannykh rabotnikov v Rossii [On countering the Creation of Enclaves in the Russian Federation and Some Measures to Create Conditions for the Temporary Residence of Foreign Workers in Russia]. *Vlast'*. 32 (1). pp. 61–68.
- Voronkov V. & Osval'd I. (1998) Postsovetskie etnichnosti [Postsoviet Ethnicities]. In: *Konstruirovaniie etnichnosti: etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga* [Constructing the Ethnicity: Ethnic Communities of St. Petersburg]. St. Petersburg. pp. 6–36.

Сведения об авторах:

НАМ Ираида (Ирина) Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: namirina@bk.ru

ГОРШКОВА Диана Евгеньевна – ассистент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: br.diana21@yandex.ru

САДЫРИН Антон Алексеевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

СМЕТАНИН Федор Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии и музеелогии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Iraida V. Nam, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

Diana E. Gorshkova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: br.diana21@yandex.ru

Anton A. Sadyrin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Fedor A. Smetanin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 октября 2025;
принята к публикации 15 ноября 2025.*

*The article was submitted 10.10.2025;
accepted for publication 15.11.2025.*

Научная статья
УДК 314.7
doi: 10.17223/2312461X/50/5

Границы «свой-чужой» в пространстве Новосибирска: случай Хилокского рынка

Диана Евгеньевна Горшкова¹,
Федор Анатольевич Сметанин²

^{1, 2} *Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *br.diana21@yandex.ru*

² *f-smetanin@mail.ru*

Аннотация. Представлено описание границ «свой-чужой» территории Хилокского рынка в пространстве Новосибирска. Миграционный рост и «видимое» присутствие мигрантов из Центральной Азии в данном городе способствуют развитию и формированию экономических и торговых сетей. Это, в свою очередь, приводит к столкновению мигрантов с «местным» населением и к увеличению напряженности как на рыночной территории, так и в окружающем пространстве района города. Цель исследования – выявить и описать функционирование Хилокского рынка как элемента мигрантской инфраструктуры в рамках выстраивания границ «свой-чужой» в городе. Гипотеза исследования заключается в том, что данная рыночная локальность становится местом не только производства конфликтов, но и создания неформальных мигрантских сетей, которые способствуют включению мигрантов в городское пространство. Ключевой вывод состоит в том, что конфликтность отношений, связанных с рынком, влечет за собой выстраивание сети неформальных отношений, которые регулируют конкуренцию, социальные проблемы и функционирование «невидимой» инфраструктуры. Ориентация органов власти на представления о доминировании межэтнических отношений в существовании локальности искажает меры по их разрешению и приводит к ликвидации Хилокского рынка из жизни города.

Ключевые слова. Хилокский рынок, мигранты, Новосибирск, мигрантская инфраструктура

Благодарности: статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства Приоритет-2030 «Адаптация узбекского этноса и Узбекистана к внутренним и международным кризисам XX–XXI вв.: вызовы и возможности для национальной безопасности России».

Для цитирования: Горшкова Д.Е., Сметанин Ф.А. Границы «свой-чужой» в пространстве Новосибирска: случай Хилокского рынка // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 87–105. doi: 10.17223/2312461X/50/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/5

The Boundaries “Friend-or-Stranger” in Novosibirsk Urban Space: The Case of the “Khiloksky Market”

Diana E. Gorshkova¹

Fedor A. Smetanin²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ br.diana21@yandex.ru

² f-smetanin@mail.ru

Abstract. This article describes the boundaries of the “friend-or-stranger” territory of the “Khiloksky market” in Novosibirsk. The growth of migration and the “visible” presence of migrants from Central Asia in this city contribute to the development and formation of economic and trade networks. This situation leads to clashes between migrants and the “local” population, increasing tensions both within the market and in the surrounding area of the city. The purpose of the study is to identify the complex of problems centered around the “Khiloksky market”. The research hypothesis is as a result of the market's formation as a migrant infrastructure, it becomes a site for conflict production and the creation of informal migrant networks that regulate conflicts and social ties. The objective of the study was to enter the locality of the “Khiloksky market”, study the factors influencing the conflict potential of the space, identify the main participants, and answer the question of which strategies contribute to the development of this particular infrastructure. The crucial conclusion is that the conflict of relations related to the market is based on the promotion of an international agenda that hides economic competition and social problems, and the government's disregard of the “invisible” infrastructure and the desire to criminalize it reinforces existing problems.

Keywords: “Khiloksky market”, migrants, Novosibirsk, migrant infrastructure

Acknowledgments. This article was prepared as part of the priority 2030 strategic academic leadership program, “Adaptation of the Uzbek ethnicity and Uzbekistan to domestic and international crises of the 20th and 21st centuries: challenges and opportunities for Russia’s national security”.

For citation: Gorshkova, D.E. & Smetanin, F.A. (2025) The Boundaries “Friend-or-Stranger” in Novosibirsk Urban Space: The Case of the “Khiloksky Market”. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 87–105 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/5

Введение

Миграционные процессы, разворачивающиеся на постсоветском пространстве с конца 1980-х гг., становятся значимым фактором не только на общероссийском уровне, внося свой вклад в трансформацию демографической и экономической ситуации, но и на локальном, определяя и изменяя социальные взаимосвязи, экономические процессы и трансформации городского пространства. Существенное влияние миграция из

стран Центрально-Азиатского региона оказывает на крупные сибирские города и административные центры в силу их географической близости, транспортной доступности и экономической привлекательности для трудовых и образовательных мигрантов. Одним из таких примеров является Новосибирск – экономический центр и один из самых быстрорастущих городов Сибири (Зотиков, Григорьева 2023). Интенсивность миграционных процессов в Новосибирске не уступает миграционной динамике столичных городов и административных центров Центральной России (Вавилина, Шригунова 2024).

Миграционная привлекательность Новосибирска объясняет формирование экономических ниш, в которых активно трудятся мигранты. В связи с тем, что данный город является крупным логистическим центром и узлом торгово-экономических связей, одной из главных сфер занятости мигрантов является торговля. Исследования демонстрируют, что 90-е гг. XX в. являются периодом активного развития оптово-розничной торговли и формирования рынков под открытым небом (Авдашкин 2024; Базар и город... 2019; Журавская 2014), которые стали одним из основных мест занятости мигрантов. Это, в свою очередь, обуславливает их «видимое» присутствие в городах (Варшавер и др. 2020; Мухаметшина 2014; Сметанин 2022). Таким образом, появление новых этнических групп в составе населения, их активное присутствие и участие в экономике и повседневной жизни города актуализируют проблему формирования механизмов сосуществования и бесконфликтных взаимодействий между принимающим и мигрантскими сообществами. Эта ситуация становится предметом регулярного контроля и мониторинга со стороны региональных и местных властей (Состояние межэтнических... 2020), поскольку в условиях жесткой конкуренции за ресурсы и диверсификации способов взаимодействия растут риски усиления социальной напряженности, в том числе на межэтнической основе.

Данные социологических опросов, регулярно проводимых в Новосибирской области, демонстрируют в целом благоприятную этноконфессиональную обстановку: на протяжении последних шести лет представления населения о состоянии межнациональных отношений сохраняются на высоком уровне – положительно их оценивает более 80% населения. Однако в самом Новосибирске наблюдается рост негативных оценок межэтнических взаимодействий с местным населением: в 2023 г. около 14% оценили их как конфликтные и напряженные (что в 2 раза выше по сравнению с показателем 2022 г. – 7%), в то время как тот же показатель по другим муниципальным образованиям в 2023 г. не превышает 5–7% (Состояние межэтнических... 2023).

По данным того же исследования, наибольшее раздражение у жителей Новосибирска вызывают представители таджикского и узбекского сообществ. В отношении местного населения к данным мигрантским

группам наблюдается негативная динамика – в последние годы растет доля населения, рассматривающего межнациональные отношения с участием этих групп как конфликтные и проблемные (Состояние межнациональных... 2023). В то же время, по данным всероссийских переписей населения, наблюдается снижение численности и доли присутствия узбекского населения, проживающего на территории Новосибирской области, в отличие от других центральноазиатских народов (таблица). Принимая во внимание, что переписи фиксируют данные по численности населения, постоянно проживающего на территории РФ, и что большая часть мигрантов, прибывающих на территорию Новосибирской области, сосредоточена в городах, тем не менее фиксируется, что постоянное присутствие мигрантских сообществ в повседневной жизни горожан способствует росту раздражения в отношении к мигрантам (Шевцова 2024). Вынося за скобки влияние усложняющейся экономической ситуации, внешне- и внутривнутриполитического контекста, в данном исследовании мы концентрируемся на поиске наиболее «болевых» точек, определяющих конфликтность и рост негативных настроений в отношении мигрантов в Новосибирске, и фокусируемся на выявлении факторов и условий, определяющих межнациональные отношения в этом городе.

**Численность мигрантов из стран Центральной Азии в Новосибирской области
(Всероссийская перепись населения 2002; 2010; 2020)**

Новосибирская область	2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %
Киргизы	1 423	0,05	6 506	0,26	6 047	0,26
Таджики	2 784	0,10	10 054	0,40	9 192	0,40
Узбеки	2 047	0,08	12 655	0,50	8 199	0,35

Одним из камней преткновения в отношении жителей Новосибирска к приезжим являлся комплекс проблем, формирующихся в связи с высокой концентрацией присутствия мигрантов из стран Центральной Азии в районе расположения Хилокского рынка – одного из крупнейших в Новосибирске хабов оптовой торговли овощами и фруктами. Видимое присутствие мигрантов в городе вызывало бурную общественную реакцию, которая ярко проявлялась в жалобах жителей района к органам государственной власти не только местного, но и федерального уровня, в обращениях с просьбой «навести порядок» на данной территории, запретить торговлю, расселить мигрантов и т.д. (Драки, мусор и оружие... 2023;

Жители улицы Малыгина... 2022; «Наша улица остается кишлаком»... 2024). Ситуация осложнялась нехваткой механизмов контроля «этнических» предпринимателей и взаимоотношений на рынке, в результате чего Хилокский рынок становился местом «производства» конфликтов и споров. Это, в свою очередь, способствовало ухудшению криминогенной обстановки данной части города и вовлечению мигрантов в неформальные или даже нелегальные практики. Нам представляется, что анализ данного кейса позволит пролить свет на проблемы межэтнических взаимодействий в городе, выявить формы коммуникации «свой-чужой». Изучение кейса Хилокского рынка, который был полностью ликвидирован и исключен из жизни города, может способствовать выработке эффективных мер по разрешению проблем и конфликтов, формирующихся в местах резидентной концентрации мигрантов в городах (Варшавер и др. 2020) взамен ориентации и реализации, направленных на ликвидацию таких локальностей из пространства города.

На основе полевых наблюдений, проведенных в июле 2024 г. на Хилокском рынке и прилегающем пространстве – кафе, различных сервисах, мечети, магазинах, а также на материалах неформализованных интервью с работниками рынка и экспертных интервью с представителями руководства рынка, органов местной и региональной администрации, был проанализирован характер межэтнических взаимодействий представителей узбекских сообществ с представителями других национальных и этнических групп, задействованных в работе рынка. Объектами наблюдения стали преимущественно узбекские предприниматели и неформальные лидеры, торгующие на рынке продовольственными и непродовольственными товарами. Выбор узбекского сообщества для исследования обусловлен тем, что в отношении данной группы наблюдался рост недовольства со стороны местного населения, выявленного по результатам опросов, представленных выше. Помимо полевых материалов в число источников исследования вошли данные Росстата по миграционной ситуации в Новосибирской области, материалы новосибирских и всероссийских медиа, посвященные Хилокскому рынку, а также материалы обсуждения в социальной сети «ВКонтакте», центральной темой которого является освещение и решение проблем жителей района, в котором располагается рынок.

В основу анализа полевых материалов положены концепции формирования мигрантской инфраструктуры и производства городского пространства. В качестве мигрантской инфраструктуры в статье рассматриваются как физические объекты городского ландшафта (рынок, кафе, мечети и т.д.), так и «невидимая» инфраструктура, создаваемая мигрантами (мигрантские социальные сети, неформальные экономики, механизмы найма, каналы поставки товаров и др.) (Деминцева, Пешкова 2014; Пешкова 2015). Это комплекс объектов и сетей, создаваемых мигрантами для приспособления и выживания в принимающей среде, которая может

враждебно или нейтрально воспринимать «чужих». Используя идеи о производстве городского пространства (Лефевр 2015), город и его инфраструктуру (в том числе мигрантскую) мы рассматриваем как результат реализации повседневных практик и взаимодействий городских сообществ. С одной стороны, такой подход позволяет анализировать «текучесть» и неустойчивость социальных отношений, пронизывающих рынок, с другой – рассматривать данную локальность не как место в городе, а как пространство взаимодействий горожан, мигрантов, представителей органов власти и бизнеса (Alvarado 2025). В контексте концепции «права на город» (Харви 2019) эти взаимоотношения могут рассматриваться как ключевой фактор городских преобразований в соответствии с теми практиками, которые характерны для пространства рынка и конфликтов, наблюдаемых во взаимоотношениях «своих» и «чужих».

Хилокский рынок Новосибирска как «мигрантская» локальность: «видимая» и «невидимая» инфраструктуры рынка

История Хилокского рынка началась в 1995 г., когда мэр Новосибирска Виктор Толоконский создал ЗАО «ТЦ Хилокский». По данным из открытых источников, рынок формировался как пространство, стягивающее на себя все близлежащие точки мелкооптовой и розничной торговли. Рынок находился на левом берегу по улице Хилокской Ленинского района около Клещинского кладбища, с которым соседствует до сих пор. Формирование данной локальности в качестве крупного торгового хаба зиждилось на внешнеэкономических связях, которые активно выстраивались в Новосибирске и в Новосибирской области после распада СССР (Чернобай 2009). По словам представителей местной администрации, формирование этого пространства стало важной частью внешнеэкономической стратегии Новосибирска (ПМА 2024).

Помимо проблем экономического контроля, Хилокский рынок на протяжении всей истории существования рассматривается в качестве криминогенного фактора в городе, со временем отягощенного проблемами нелегальной миграции. В середине 1990-гг. *«нелегальных торговцев изредка гоняют контролирующие органы <...> После проверок стихийные базары возникают в течение нескольких часов»* (Чернобай 2009). Рост числа правонарушений, происходящих на территории рынка, по мнению представителей местной администрации и общественности, напрямую связан с присутствием мигрантов при обнаружении оборота наркотиков на рынке (80 килограммов героина... 2012).

Кроме того, торговый центр «Хилокский» регулярно привлекает внимание сотрудников миграционных служб – проводятся регулярные рейды по выявлению незаконных мигрантов (Восток – дело тонкое...

2017), визиты контролирующих органов, отвечающих за проверку пожарной безопасности, соблюдение санитарно-гигиенических норм и др. (Рай для мигрантов... 2022). Примечательно, что подобные практики, по мнению представителей органов власти, зачастую не влекут за собой реальных последствий и мер по урегулированию ситуации на рынке: *«Мы несколько раз приходили (на Хилокский рынок. – Прим. авт.), но получалась такая видимость деятельности. Принципиально вопросы не менялись <...> Раньше, когда проводились облавы, о них знали все заранее и выдавались 3–4 человека, чтобы закрыть этот вопрос...»* (ПМА 2024).

В настоящее время за Хилокским рынком закреплена территория на левом берегу Оби в районе ул. Хилокской, между Клещихинским кладбищем и мусорным полигоном «Левобережный». Основная деятельность рынка связана с оптовой торговлей овощами, фруктами, сухофруктами и орехами; на рынке также продаются специи, посуда (керамика, казаны), тандырные лепешки. Помимо оптовой торговли на рынке практикуется розница, о чем свидетельствуют импровизированные прилавки с товаром, выкладываемым сразу с фур, на которых доставляют товар. Территория рынка представляет собой обширную площадь, которая заполнена КАМАЗами и грузовыми автомобилями с российскими, казахскими, таджикскими и узбекскими номерами (рис. 1). В отсутствии контролирующих механизмов и законодательной базы, регламентирующей торговлю, возникла необходимость учредить контроль за предпринимательской деятельностью и установить бесперебойные поставки плодово-овощной продукции. Для власти необходимо соблюдать порядок, которого требует и оптовая торговля – в первую очередь продуктами питания. По мнению властей, *«предприимчивые граждане бывших союзных республик продают овощи и фрукты с грузовиков, нередко припаркованных прямо на обочине дороги»* (Перестрелки, мигранты и наркотики... 2023).

Рис. 1. Территория Хилокского рынка (ПМА 2024)

Помимо самодельных прилавков для розничной торговли и фур, на рынке имеются торговые павильоны и ангары для хранения и сортировки продукции. При въезде на территорию рынка дежурит охранник, который берет плату за въезд автомобилей. На близлежащей к рынку территории имеется множество заведений восточной/узбекской кухни, магазины с халяльной продукцией, парикмахерская. Жилые кварталы, окружающие рынок, представляют собой районы старой застройки с домами барачного типа, а также деревянный частный сектор (СНТ «Восход Заобский», «Рассвет», «Спутник-Элсиб», «Украина» и др.) (рис. 2).

Рис. 2. Территория расположения Хилокского рынка в Новосибирске с типами жилой застройки близлежащих районов

Деятельность рынка была ориентирована преимущественно на оптовую торговлю, поэтому пешеходные пространства практически отсутствовали. Практики розничной торговли на Хилокском рынке являлись второстепенной деятельностью, и посетителей наблюдалось немного вне зависимости от того, какой это день недели или какое время суток. Учитывая, что пространство рынка по большей части было организовано как автомобильное, большинство посетителей приезжали сюда на личных автомобилях, закупая товар ящиками и мешками.

Сопутствующая инфраструктура рынка была представлена заведениями общепита и парикмахерской, в которых, так же как и на самом рынке, работали мигранты. Общепит представлял собой восточную кухню, традиционную для Центральной Азии, в некоторых случаях смешанную с русской. В целом все заведения общепита, а также продовольственные магазины позиционировали себя как «халяль» (то, что разрешено в исламе. – *Прим. авт.*). Вокруг территории Хилокского рынка были организованы стихийные торговые павильоны (на карте обозначены как «пустое», незанятое никакими физическими объектами пространство, рис. 3). По словам работников рынка, данные павильоны

или нелегальными практиками. В качестве примера можно привести «панель по предложению рабочей силы» – место, в котором каждый день можно наблюдать компанию мигрантов-мужчин, готовых выполнить любую работу (рис. 4). По словам одного из наших информантов, это наемные рабочие, у которых «...есть патент, но нет разрешения на работу, нет трудовых договоров...» (ПИМА 2024), поэтому они вынуждены предлагать свои услуги и по более низкой стоимости и в обход официальных механизмов принятия на работу.

Хилокский рынок Новосибирска как пространство межэтнических взаимодействий

Согласно официальным статистическим данным, динамика числа прибытий мигрантов из Узбекистана в Новосибирскую область была наиболее интенсивной в первой половине 1990-х гг. (что совпадает с периодом формирования Хилокского рынка) и в 2011–2017 гг. (рис. 4), когда были введены новые правила въезда, существенно упростившие процедуру легализации (О внесении изменений... 2011).

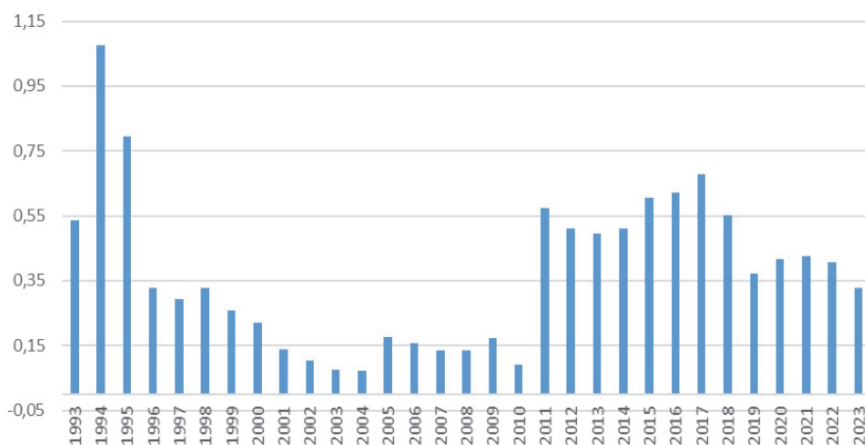

Рис. 4. Динамика интенсивности прибытий из Узбекистана в Новосибирскую область в 1993–2023 гг., %*

С 2018 г. наблюдается уменьшение интенсивности прибытий из Узбекистана, в настоящее время это число практически в 2 раза меньше по сравнению с показателями предыдущего периода. По экспертным оценкам, сокращение притока мигрантов из Узбекистана связано с сокращением экономических предпочтений от трудовой деятельности в России,

* Расчеты авторов по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

ужесточением миграционного режима, а также с усложнением логики: *«А вот сейчас там поменялось – таджики в основном, киргизы... Я так понимаю, Узбекистану тяжело же до нас добраться. Сейчас три границы надо пересекать. И поэтому они вынуждены везти продукцию в другие регионы. Хотя раньше Новосибирск для Узбекистана был такой площадкой... Преимущественной...»* (ПМА 2024).

Значительное присутствие в Новосибирске мигрантов из Узбекистана наблюдается со второй половины 90-х гг. прошлого века вплоть до настоящего времени. Важно отметить, что рост напряженности в обществе в отношении мигрантов из Центральной Азии в целом и из Узбекистана в частности сопряжен по большей части с их активным присутствием в административном центре. Присутствие мигрантов в городе характеризуется стремлением к компактному проживанию в местах трудовой деятельности и расселения:

– *Хилокский рынок – это основное их место деятельности? Или еще есть какие-то места?*

– *Нет... <...> Просто, Хилокский рынок исторически сложился как центр притяжения...* (ПМА 2024).

Важно отметить, что Хилокский рынок выполняет функцию «точки входа» в город, в его экономическое и социальное поле, для вновь прибывших мигрантов. Это происходит благодаря активному включению новоприбывших в местные мигрантские сети. Занятость и ведение бизнеса в рамках рынка дает финансовые возможности, расширяя присутствие мигрантов в городе и формируя устойчивые социальные связи между Ленинским и Кировским районами: *«Хилок – это место входа <...> Он зарабатывает деньги, и Хилок становится для них не таким престижным местом проживания. Они уезжают в другие районы <...> Для жителей Хилка Кировский район является <...> более престижным местом проживания. Они видят там себя в безопасности, возможность обучения детей в школе. Там уже вступает семейная история и возможности благополучия <...> И соответственно эти два района как два сосуда – туда вливается с внешнего, потом из него переливается в Кировский район...»* (ПМА 2024).

Одним из наиболее активных участников межэтнических отношений на рынке является сообщество узбеков. Его возглавляют неформальный лидер и бизнес-партнер, обеспечивающий юридическую поддержку. Неформальный лидер осуществляет налаживание поставок товара, контроль за деятельностью рынка (его «узбекской» части) и решение широкого круга проблем – от бытовых до взаимодействия с представителями органов власти и правоохранительных структур. Большинство конфликтных ситуаций, возникающих на территории Хилокского рынка между представителями различных этнических групп, обусловлено экономической конкуренцией между группами, контролирующими рынок.

Неформальный лидер сообщества узбеков, работающих на рынок, отмечал в интервью, что они не ищут поводов для драки или конфликта, однако провокации случаются как внутри сообщества, так и с участием таджиков, киргизов и других этнических групп. По его мнению, главная причина конфликтогенности рынка заключается в отсутствии стремления работников рынка решать возникающие проблемы законными способами.

Важно отметить, что мигранты из Узбекистана, трудящиеся на рынке, описывают межнациональные отношения и свое положение в терминах уязвимости, незащищенности, которая тесно связана с трудностями во взаимодействии с правоохранительными органами и иными органами власти. Лидеры узбекской общины рассуждают об этих проблемах в терминах криминализации, нелегальности, нарушения российского законодательства обеими сторонами конфликта. В качестве примера приводятся многочисленные случаи нападения на работников рынка представителей других этнических общин, бюрократизация взаимоотношений с правоохранительными органами, отсутствие возможностей представительства своих интересов в органах власти.

На момент проведения нашего исследования в Новосибирске была всего одна национально-культурная организация (НКО), представляющая Узбекистан, – Узбекско-русский национально-культурный центр. Данная организация активно сотрудничала с городской и областной администрацией в сфере проведения культурных, просветительских мероприятий, реализации социально значимых проектов. Однако лидеры узбекской общины Хилокского рынка никак не взаимодействовали с этой НКО, рассматривая ее как неспособную решать реальные проблемы узбеков.

В свою очередь, представители органов власти отмечали, что со стороны узбекской общины предпринимались попытки создания собственной организации, а также попытки налаживания контактов с органами власти на официальном уровне: *«Так как мы ведем общественную деятельность, у них (у узбеков. – Прим. авт.) на первоначальном этапе был интерес войти во все органы власти... <...> Чтобы они могли своим же, которые плохо понимают, говорить: “Я еще в совете при губернаторе”. То есть это повышало их статус внутри общины, внутри диаспоры»* (ПМА 2024). Однако этот проект остался незавершенным, так как местная администрация не была заинтересована в сотрудничестве с национальными организациями и в неформальном характере деятельности подобных общин.

Попытки получить защиту со стороны органов власти тесно связаны с созданием легальных форм привлечения рабочей силы на рынок. Так, лидер узбекской общины рассказал об одном из самых серьезных бизнес-проектов по созданию рекрутингового агентства работников из Уз-

бекистана. Основная идея заключалась в создании профсоюзной организации мигрантов, через которую осуществлялась бы финансовая и социальная помощь при первичной адаптации мигрантов из Узбекистана. За ширмой общественной деятельности планировалось создание юридической фирмы, которая должна была заниматься рекрутингом и организацией приезда трудовых мигрантов из Узбекистана в Новосибирск, а также обеспечением их жильем и оказанием помощи в оформлении разрешительных документов.

Кульминацией реализации данного проекта являлось получение разрешения на строительство жилья для мигрантов в одном из районов города. Однако осуществить данный проект не получилось, поскольку, по словам информанта, возникли серьезные барьеры не только со стороны органов власти Новосибирской области, но и правительства Узбекистана.

Во взаимоотношениях с внешними акторами, помимо представителей властных структур, наблюдается не менее острая ситуация. Конкуренция на рынке сбыта плодовоовощной продукции из стран Центральной Азии выходит за рамки Хилокского района. Включение других крупных торговых предприятий в торговлю, как и внутреннее соперничество за клиентов на рынке, создает конфликтогенные условия, в результате чего одним из инструментов экономического соперничества становится использование дискурса межэтнических отношений, затрагивающего проблему ксенофобии и антимигрантских настроений со стороны принимающего сообщества: *«Ситуация, которая упорно раскачивается... В определенный момент мы поняли, что идет раскачка межнациональных отношений и антимигрантских настроений на Хилокском рынке»* (ПМА 2024).

Результатом этих действий становится активизация жителей Хилокского района, основанная на мигрантофобии и отстаивании «права на город» (Харви 2019). Эта деятельность проявляется преимущественно в обсуждении местным населением возникающих проблем и конфликтов в социальных сетях, составлении жалоб и обращений в органы местной и федеральной власти (Жители Хилокского жилмассива... 2024), исключая прямые столкновения местных жителей и мигрантов.

Выводы

Кейс Хилокского рынка демонстрирует, что особенности городского пространства задают условия для формирования специфических мигрантских локальностей, которые представляют собой «точки» концентрации создаваемой мигрантами инфраструктуры, которая, с одной стороны, ориентирована на потребности мигрантов, с другой – не является изолированной от городского сообщества. Появление рынка в отдаленном районе города

определило притягательность данной локальности для мигрантского бизнеса и самих мигрантов в силу низких цен на аренду жилья и места для торговли. Это позволяет рассматривать Хилокский рынок как место резидентной концентрации мигрантов (Варшавер и др. 2020). Несмотря на открытость данной локальности по отношению к городу и его жителям (возможность свободного проезда и прохода на рынок, практики розничной торговли), исследование позволило зафиксировать обособленность данной территории. Из-за визуального присутствия большого числа иноэтничных мигрантов, заведений центральноазиатской кухни и тому подобного сформировались довольно четкие границы района – от железнодорожного переезда вокруг рынка и дальше до конца микрорайона, – который стал обособленной территорией.

Кроме того, Хилокский рынок отличался наличием «видимой» и «невидимой» инфраструктуры, ориентированной на неформальные отношения мигрантских общин и основанной прежде всего на экономических взаимосвязях. Решение любых спорных вопросов между работниками рынка строилось на иерархических отношениях, в которых неформальный лидер узбекской общины и его юридический консультант принимали решение о том, каким образом будут решаться возникающие вопросы – на основе внутри- и межобщинных связей или с использованием официальных механизмов. Полевое исследование показало, что в большинстве случаев конфликты, возникающие на рынке, связаны с вопросами реализации торговых практик и экономической конкуренцией. Однако в случаях, когда подобные ситуации приобретали массовый характер, практически всегда они описывались в терминах межэтнических отношений. В результате рыночная локальность стигматизировалась извне на основе отношения к мигрантам как к «чужакам».

Таким образом, рынок оказывается исключенным из физического и социального пространства города. Создание четких визуальных и социальных границ Хилокского рынка определяет анклавный характер существования данной локальности. Одновременно рынок долгое время играл для мигрантов роль «точки входа» в город, так как концентрировал в себе механизмы и инструменты, нивелирующие уязвимость мигранта, нехватку доступа к ресурсам, незнание законов и норм принимающей среды. Фактически рынок выполнял функции социального и экономического лифта для приезжих – заработав деньги, мигранты переезжали в более престижные районы города, интегрируясь в городское пространство на новых условиях. Парадокс Хилокского рынка заключается в том, что его анклавный характер обеспечивал последующую деанклавизацию мигрантов и инкорпорацию «чужих» в городское пространство, но не в принимающее сообщество.

Вместе с тем анклавность, непрозрачность и неподконтрольность взаимоотношений на рынке для принимающего сообщества и органов вла-

сти становились ключевой причиной борьбы за данную локальность, основанной на представлении о «чужом». Распространение мигрантофобии среди жителей города и включение экономических конкурентов Хилокского рынка в стратегию решения его проблем стали важными ресурсами в борьбе за «право на город». Попытки органов власти и правоохранительных структур, направленные на разрешение конфликтов, не учитывали реальные причины их возникновения. В результате фокус их деятельности был смещен от взаимодействия с местным населением и неформальными структурами рынка на их выдавливание из пространства города. Вследствие этого Хилокский рынок формально перестал существовать, но фактически его деятельность и работники-мигранты «переехали» на периферийные территории. Анализ этих процессов не являлся предметом данной статьи, однако существующие исследования (Базар и город... 2019) показывают, что такого рода меры не позволяют разрешить проблемы, которые ассоциированы с подобными локальностями.

Список источников

- «Наша улица остается кишлаком»: жители Новосибирска просят Баstryкина избавить их от Хилокского рынка // Infopro54.ru – Новости Новосибирска. 04.09.2024. URL: <https://infopro54.ru/news/nasha-ulica-ostaetsya-kishlakom-zhiteli-novosibirska-prosyat-glavu-skr-bastrykina-izbavit-ix-ot-xilokskogo-rynka/> (дата обращения: 29.09.2024).
- 80 килограммов героина, спрятанных внутри яблок, ввезла в Новосибирск банда наркоторговцев // Новосибирские новости. 2011. URL: <https://nsknews.info/materials/80-kilogrammov-geroina-spryatannykh-vnutri-yablok-vvezla-v-novosibirsk-banda-narkodilerov-121356/> (дата обращения: 18.12.2024).
- Авдашкин А.А. Вьетнамский рынок в постсоветском городе: история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска) // Журнал фронтальных исследований. 2024. № 1. С. 36–59.
- Базар и город: люди, пространства, образы / К.В. Григоричев, В.И. Дятлов, Д.О. Тимошкин, Д.Е. Брызгина. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.
- Вавилина Н.Д., Шригунова Ю.М. Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса // Регион: экономика и социология. 2024. № 3 (123). С. 75–97.
- Варишавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. № 2, Т. 19. С. 225–253.
- Восток – дело тонкое: нужны ли Новосибирску агрохабы // РБК. Новосибирск. 24.07.2017. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/24/07/2017/597646219a79473cf671e2a9> (дата обращения: 18.12.2024).
- Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 29.09.2024).
- Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2024).
- Всероссийская перепись населения 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 29.09.2024).
- Деминцева Е., Пешикова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597–598. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn1 (дата обращения: 11.10.2025).

- Драки, мусор и оружие. Новосибирцы жалуются на мигрантов на Хилокском рынке // Аргументы и факты в Новосибирске. 21.06.2023. URL: https://nsk.aif.ru/society/draki_musor_i_oruzhie_novosibirscy_zhaluyutsya_na_migrantov_na_hilokskom_rynke (дата обращения 29.09.2024).
- Жители улицы Малыгина потребовали закрытия Хилокского рынка в Новосибирске // МК в Новосибирске. 17.08.2022. URL: <https://novos.mk.ru/social/2022/08/17/zhiteli-ulicy-malygina-potrebovali-zakrytiya-khilokskogo-rynka-v-novosibirske.html> (дата обращения: 17.12.2024).
- Жители Хилокского жилмассива в Новосибирске обратились за помощью к Бастрыкину из-за нелегальных кафе мигрантов // Новости Новосибирска и Сибири. Сиб.фм. 04.09.2024. URL: <https://sib.fm/news/2024/09/04/zhiteli-hilokskogo-zhilmassiva-v-novosibirske-obratilis-za-pomoschyu-k-bastrykinu-iz-za-nelegalnyh-kafe-migrantov> (дата обращения: 17.12.2024).
- Журавская Т.Н. «Собственники без собственности»: неформальные практики в условиях открытого рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5, Т. 15. С. 52–69.
- Зотиков Н.З., Григорьева Т.А. Демографическая ситуация, ее роль в экономике Иркутской и Новосибирской областей Сибирского федерального округа // Национальные приоритеты России. 2023. № 3 (50). С. 53–59.
- Лефевр А. Производство пространства. М., 2015. 432 с.
- Мухаметишина Н.С. «Мигрантские кластеры» в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3 (2), Т. 16. С. 638–642.
- О внесении изменений в федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 20.03.2011 № 42-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111778/ (дата обращения: 20.12.2024).
- Перестрелки, мигранты и наркотики: история «Хилка» – как живет крупнейший рынок Сибири и кому он принадлежит // НГС.РУ. 20.03.2023. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2023/03/20/72135020/> (дата обращения: 17.12.2024).
- Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. № 2. С. 129–151.
- Полевые материалы авторов (ПМА). Новосибирск, июль 2024.
- Рай для мигрантов или любителей фруктов? Хилокский рынок наводит ужас на новосибирцев // Царьград. 29.06.2022. URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles/raj-dlja-migrantov-ili-ljubitelej-fruktovej-hilokskij-rynok-navodit-uzhas-na-novosibircev_574048 (дата обращения: 18.12.2024).
- Сметанин Ф.А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 180–190.
- Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области: отчет по результатам социологического исследования, 2020 г. // Министерство региональной политики Новосибирской области. URL: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/soc_is_sledovanie_2020_0.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
- Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Новосибирской области: отчет по результатам социологического исследования, 2023 г. // Министерство региональной политики Новосибирской области. URL: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/soc_is_sledovaniya_2023.pdf (дата обращения: 29.09.2024).
- Харви Д. Право на город. Екатеринбург, 2019. 36 с.

- Чернобай О.Л. Международные связи Новосибирской области в 1990-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 2. С. 108–111.
- Шевцова Е.В. Этнодемографическая и миграционная ситуация в Новосибирской области: вызовы и риски // Вестник Омского государственного университета. Серия: Исторические науки. 2024. № 3 (43), Т. 11. С. 99–105.
- Alvarado N.A. Urban infrastructure and migrant citizenships: Notes towards migrant-state relations in the urban peripheries // *Environment and Planning Politics and Space*. 2025. Vol. 43, Is. 6. P. 1053–1069.

References

- Avdashkin A.A. (2024) V'etnamskiy rynek v postsovetском gorode: istoriya, sotsial'nye granitsy i infrastruktura (na primere Magnitogorska) ["The Vietnamese market in a post-soviet city: history, social boundaries, and Infrastructure (based on Magnitogorsk)"]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy = Journal of Frontier Studies*. 1. pp. 36–59.
- Grigoriev K.V., Dyatlov V.I., Timoshkin D.O. & Bryazgina D.E. (2018) *Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and City: people, spaces, images]. Irkutsk: Ottisk.
- Vavilina N.D. & Shrigunova Y.M. (2024) Sotsial'noe distantsirovanie kak protsess sotsial'nogo vzaimodeystviya v usloviyakh megapolisa [Social distancing as a process of social interaction in a megalopolis]. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: economics and sociology*. 3 (123). pp. 75–97.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. & Ermakova M. (2020) Mesta rezidentnoy koncentratsii migrantov v rossiyskikh gorodakh: est' li pattern? [Places of residential concentration of migrants in russian cities: is there a Pattern] // *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*. 19 (2). pp. 225–253.
- Vostok – delo tonkoe: nuzhny li Novosibirsku agrokhaby [The East is a delicate matter: does Novosibirsk need agrohubs]. *RBK. Novosibirsk = RBC. Novosibirsk*. Available at: <https://nsk.rbc.ru/nsk/24/07/2017/597646219a79473cf671e2a9> (Accessed 18.12.2024).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya [All-Russian population census] 2002 g. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (Accessed 29.09.2024).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya [All-Russian population census] 2010 g. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Accessed 29.09.2024).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya [All-Russian population census] 2020 g. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (Accessed 29.09.2024).
- Demintseva E. & Peshkova V. (2014) Migranty iz sredney Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoskop weekly*. 597–598. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn1 (Accessed 11.10.2025).
- Draki, musor i oruzhie. Novosibirtsy zhaluyutsya na migrantov na Khilokskom rynke [Fights, Litter, and Weapons. Novosibirsk residents complain about migrants at the Khilok Market]. *Argumenty i fakty v Novosibirske*. 21.06.2023. Available at: https://nsk.aif.ru/society/draki_musor_i_oruzhie_novosibircy_zhaluyutsya_na_migrantov_na_hilokskom_rynke (Accessed 29.09.2024).
- Zhiteli ulitsy Malygina potrebovali zakrytiya Khilokskogo rynka v Novosibirske [Residents of Malygina street demanded the closure of the Khilok Market in novosibirsk]. *MK v Novosibirske*. 17.08.2022. Available at: <https://novos.mk.ru/social/2022/08/17/zhiteli-ulicy-malygina-potrebovali-zakrytiya-khilokskogo-rynka-v-novosibirske.html> (Accessed 17.12.2024).
- Zhuravskaya T.N. (2014) «Sobstvenniki bez sobstvennosti»: neformal'nye praktiki v usloviyakh otkrytogo rynka [Owners without property": informal practices in an open market]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of sociology and social anthropology*. 15 (5). pp. 52–69.
- Zotikov N.Z. & Grigor'eva T.A. (2023) Demograficheskaya situatsiya, ee rol' v ekonomike Irkutskoy i Novosibirskoy oblastey Sibirskogo federal'nogo okruga [The demographic

- situation and its role in the economy of the Irkutsk and Novosibirsk oblasts of the Siberian federal district]. *Natsional'nye priority Rossii*. 3 (50). pp. 53–59.
- Zhiteli khilokskogo zhilmassiva v novosibirsk obratilis' za pomoshch'yu k Bastrykinu iz-za nelegal'nykh kafe migrantov [Residents of the Khiloksky housing estate in Novosibirsk appealed to Bastrykin for help due to illegal migrant cafes]. *Novosti Novosibirska i Sibiri*. Sib.fm. 04.09.2024. Available at: <https://sib.fm/news/2024/09/04/zhiteli-hilokskogo-zhilmassiva-v-novosibirske-obratilis-za-pomoschyu-k-bastrykinu-iz-za-nelegalnyh-kafe-migrantov> (Accessed 17.12.2024).
- Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow.
- Mukhametshina N.S. (2014) «Migrantskie klasteri» v sotsial'nom prostranstve goroda [Migrant clusters in the social space of the city]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 16. no. 3 (2). pp. 638–642.
- «Nasha ulitsa ostaetsya kishlakom»: zhiteli Novosibirska prosyat Bastrykina izbavit' ikh ot Khilokskogo rynka [Our street remains a kishlak': Novosibirsk residents ask bastrykin to rid them of the Khilok market]. *Infopro54.ru - Novosti Novosibirska*. 04.09.2024. Available at: <https://infopro54.ru/> (Accessed 29.09.2024).
- O vnesenii izmeneniy v federal'nyy zakon "o migratsionnom uchete inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 20.03.2011 № 42-FZ [On amendments to the federal law "on migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation" and certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of march 20, 2011, no. 42-FZ]. *Consultant plus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111778/ (Accessed 20.12.2024).
- Perestrelki, migranty i narkotiki: istoriya «Khilka» — kak zhivet krupneyshiy rynek Sibiri i komu on prinadlezhit [Shootouts, migrants, and drugs: the history of Khilok – How siberia's largest market lives and who owns it]. *NGS.RU*. 20.03.2023. Available at: <https://ngs.ru/text/gorod/2023/03/20/72135020/> (Accessed 17.12.2024).
- Peshkova V.M. (2015) Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoy Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Infrastructure of labor migrant workers in modern Russian cities (based on migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii*. 2. pp. 129–151.
- Polevye materialy avtorov (PMA). Polevye zametki [Authors' Field Materials. Field notes]. Novosibirsk, July 2024.
- Ray dlya migrantov ili lyubiteley fruktov? Khilokskiy rynek navodit uzhas na novosibirtsev [A Paradise for migrants or fruit lovers? The Khilok market strikes terror in Novosibirsk residents]. *Tsargrad*. 29.06.2022. Available at: https://nsk.tsargrad.tv/articles/raj-dlja-migrantov-ili-ljubitelej-fruktov-hilokskij-rynek-navodit-uzhas-na-novosibircev_574048 (Accessed 18.12.2024).
- Smetanin F.A. (2022) Religioznye lidery kak aktory proizvodstva islamskikh prostranstv Tomska [Religious leaders as actors in the production of islamic spaces in Tomsk]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (57). pp. 180–190.
- Sostoyanie mezhetnicheskikh i mezkhkфессиональных otnosheniy v Novosibirskoy oblasti: otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya, 2020 g. [The state of interethnic and interfaith relations in the Novosibirsk region: a report on the results of a sociological survey]. *Ministerstvo regional'noy politiki Novosibirskoy oblasti* [Ministry of regional policy of the Novosibirsk region]. Available at: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/soc_issledovanie_2020_0.pdf (Accessed 29.09.2024).
- Sostoyanie mezhetnicheskikh i mezkhkфессиональных otnosheniy v Novosibirskoy oblasti: otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya, 2023 g. [The state of interethnic and interfaith relations in the Novosibirsk region: a report on the results of a sociological survey]. *Ministerstvo regional'noy politiki Novosibirskoy oblasti* [Ministry of regional policy of the Novosibirsk

- region]. Available at: https://minregion.nso.ru/sites/minregionnew.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2020/04/soc_issledovaniya_2023.pdf (Accessed 29.09.2024).
- Harvey D. (2019) *Pravo na gorod* [The Right to the City]. Ekaterinburg.
- Chernobay O.L. (2009) Mezhdunarodnye svyazi novosibirskoy oblasti v 1990-e gg. [International Relations of the Novosibirsk Region in the 1990s]. *Gumanitarnye nauki v sibiri. ser.: otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 108–111.
- Shevtsova E.V. (2024) Etnodemograficheskaya i migratsionnaya situatsiya v Novosibirskoy oblasti: vyzovy i riski []. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: istoricheskie nauki*. Vol. 11. no. 3 (43). pp. 99–105.
- 80 kilogrammov geroina, spryatannykh vnutri yablok, vvezla v Novosibirsk banda narkodilerov [A gang of drug dealers imported 80 kilograms of heroin hidden inside apples into Novosibirsk]. *Novosibirskie novosti*. Available at: <https://nsknews.info/materials/80-kilogrammov-geroina-spryatannykh-vnutri-yablok-vvezla-v-novosibirsk-banda-narkodilerov-121356/> (Accessed 18.12.2024).
- Alvarado N.A. (2025) Urban infrastructure and migrant citizenships: Notes towards migrant-state relations in the urban peripheries. *Environment and Planning C Politics and Space*. 43 (6). pp. 1053–1069.

Сведения об авторах:

ГОРШКОВА Диана Евгеньевна – ассистент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: br.diana21@yandex.ru

СМЕТАНИН Федор Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Diana E. Gorshkova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: br.diana21@yandex.ru

Fedor A. Smetanin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 октября 2025;
принята к публикации 15 ноября 2025.*

*The article was submitted 10.10.2025;
accepted for publication 15.11.2025.*

Научная статья
УДК 316:4
doi: 10.17223/2312461X/50/6

«В Новосибирск еду торговать, в Тюмень работать...»: транснациональные сценарии киргизских мигрантов

Андрей Александрович Авдашкин

*Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия;
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
adrianmaricka@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается киргизская миграция в приграничные с Казахстаном регионы Сибири. После распада СССР сложился специфический набор миграционных сценариев и транснациональных связей, которые влияли на расселение киргизских мигрантов. В Сибири ими выбирались регионы и региональные столицы для осуществления торговых и предпринимательских сценариев (Красноярск и Новосибирск), трудовых (Тюменская область) и образовательных миграций (Томск). Источниковую базу составили материалы переписи населения, а также полевые материалы автора, собранные в Новосибирске, Тюмени, Красноярске и Иркутске в 2022–2025 гг. Всего было взято 62 глубинных неструктурированных интервью с мигрантами из Кыргызстана, в местах работы и жительства информантов проводилось включенное наблюдение. Концептуальную рамку составляет транснациональный подход, применение которого открывает возможность для исследования связей и отношений поверх нескольких государственных границ и жизненных сценариев выходцев из Кыргызстана. Это дает возможность получить представление о транснациональных обменах ресурсами, вещами и информацией, понять особенности идентичности киргизских мигрантов, предпочитающих оставаться одновременно «здесь» и «там». Сибирские регионы играют одну из ключевых ролей в формировании и развитии сложной сети отношений через всю Центральную Азию в регионы российско-казахстанского приграничья. Представленный материал продвигает поле миграционных исследований тем, что иллюстрирует механизмы реализации транснациональности, которые выработали киргизские мигранты в регионах Сибири: торговые связи и отношения между рынками Дордой (Бишкек) и Кара-Суу (Ош), торговыми площадками Новосибирска, движение вещей и денег, выработка миграционных сценариев, включающих перемещение из южных районов Кыргызстана в северные с целью оптимизации предпринимательских стратегий и жизненных сценариев и участия в торговых операциях от границы между Кыргызстаном и КНР до приграничья России и Казахстана.

Ключевые слова: миграция, транснациональные сети, киргизы, приграничье, Новосибирск

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467/>. Автор благодарит всех

анонимных информантов, без участия которых это исследование бы не состоялось, а также выражает признательность Д.А. Функу и И.В. Нам за советы и рекомендации, позволившие улучшить первоначальный текст рукописи.

Для цитирования: Авдашкин А.А. «В Новосибирск еду торговать, в Тюмень работать...»: транснациональные сценарии киргизских мигрантов // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 106–124. doi: 10.17223/2312461X/50/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/6

“I’m Going to Novosibirsk to Trade, to Tyumen to Work...”: Transnational Scenarios of Kyrgyz Migrants

Andrei A. Avdashkin

*Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation;*

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;*

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
adrianmaricka@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to Kyrgyz migration to the Siberian regions bordering Kazakhstan. After the collapse of the USSR, a specific set of migration scenarios and transnational ties emerged that determined the settlement of Kyrgyz migrants within these territorial boundaries. One of the important features of Kyrgyz migration is the high degree of concentration of Kyrgyz citizens in such a large center as Moscow and the Moscow region, but there is little information in the literature on the formation and development of other centers of attraction for Kyrgyz migration to Russian regions, in particular in Siberia. In relation to them, regions and regional capitals were clearly identified for the implementation of trade and entrepreneurial scenarios (Krasnoyarsk and Novosibirsk), labor (Tyumen region) and educational migrations (Tomsk). The source base consisted of population census materials, the results of the author's field work in Novosibirsk, Tyumen, Krasnoyarsk and Irkutsk in 2022–2025. The conceptual framework of the article is a transnational approach, the application of which allows us to consider connections and relations across several state borders and life scenarios of people from Kyrgyzstan. This allows us to get a complex picture of transnational exchanges of resources, things and information, to understand the peculiarities of the identity of Kyrgyz migrants who prefer to remain both “here” and “there”. In this sense, the Siberian regions play one of the key roles in the formation and development of a complex network of relations across Central Asia to the regions of the Russian-Kazakh borderland. The presented material advances the field of migration studies by illustrating the mechanisms for implementing transnationality that Kyrgyz migrants have developed in the regions of Siberia: trade links and relations between the markets of Dordoi (Bishkek) and Kara-Suu (Osh), the Khiloksky market (Novosibirsk), the movement of things and money, the development of migration scenarios, including movement from the southern regions of Kyrgyzstan to the northern ones in order to optimize entrepreneurial strategies and life scenarios and participation in trade operations from the border between Kyrgyzstan and China to the borderland of Russia and Kazakhstan.

Keywords: migration, transnational networks, Kyrgyz, borderland, Novosibirsk

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467/>. The author expresses gratitude to all anonymous informants, without whose participation this research would not have been possible, and also acknowledges D.A. Funk and I.V. Nam for their advice and recommendations, which helped improve the initial manuscript.

For citation: Avdashkin, A.A. (2025) “I’m Going to Novosibirsk to Trade, to Tyumen to Work...”: Transnational Scenarios of Kyrgyz Migrants. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 106–124. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/6

Введение

Киргизской миграции посвящен заметный объем литературы, но значительная часть исследований выполнена на макроуровне, что препятствует детализации многих процессов и сюжетов (Миграция из России в Кыргызстан... 2023). Ощутимо недостает работ, выполненных на локальном уровне, в особенности это касается регионов на границе с Казахстаном. Постсоветские перемещения в приграничье, практики мобильности и отношения, сложившиеся поверх новых государственных границ, только недавно стали объектом пристального внимания исследователей, поэтому в развитии проблемы остаются историографические лакуны (более подробно см.: Смирнова, Блинова 2024; Соколов, Руднева 2023). В литературе российско-казахстанское приграничье описывается как целостная локальность, связанная контактами с различными частями Центральной Азии. Они включают как вынужденную, так и трудовую миграцию, обмена различными ресурсами, вещами и информацией. Приграничные базары в Центральной Азии способствовали формированию межрегиональных сетей, по которым перемещались люди, вещи, товары и денежные средства (см.: Kaminski, Mitra 2012). В результате в одних регионах практически не представлены сообщества киргизов, а в других они сами, их публичная активность становились достаточно заметны для принимающей и отправляющей сторон. Укреплению миграционных связей с Кыргызстаном способствовали цепочки доставки товаров из КНР, наличие определенных сфер занятости на рынках труда, формирование и развитие крупных торговых площадок, связавших районы Кыргызстана с региональными столицами Сибири, в данном случае с Новосибирском.

В территориальных рамках сибирских регионов получили освещение вопросы возникновения этнических рынков и формирования районов концентрации мигрантов (Варшавер и др. 2021), рассмотрены некоторые интеграционные траектории (Рочева, Варшавер, Иванова 2019) и транснациональные стратегии выходцев из Центральной Азии (Варшавер и др. 2020; Джанызакова 2019; Kosygina 2017). Научная новизна данного исследования состоит в том, что раскрыты различия транснациональных

стратегий киргизских мигрантов в регионах Сибири. С одной стороны, ими поддерживаются прочные связи с отправляющим обществом, вырабатываются социальные практики, позволяющие сохранять статус членов сообщества «здесь» и «там». Эти связи включают отправку денежных средств, периодические поездки на родину для подтверждения и сохранения статуса члена отправляющего сообщества. Все это формировало транснациональное пространство, в рамках которого мигрант попадал в двойственное состояние, регулярно переключаясь между разными статусами (свой и чужой, успешный и прозябающий и т.д.). Повседневные практики адаптируются к этим сменам ролей, расстояниям и средствам связи. Члены сообщества, оставшиеся «там», аналогичным образом адаптируются к цикличности возвращений и отъездов, сохраняя привычные роли и устоявшуюся иерархию.

Как показывают полевые данные, эти практики заметно различаются между собой в зависимости от региона проживания. В случае киргизских мигрантов в Тюменской области это трудовая миграция, направленная на заработок и перевод денежных средств «домой». В свою очередь, для живущих в Новосибирске киргизских мигрантов транснациональные сценарии предполагают использование преимуществ одновременного членства в двух обществах с целью организации и развития предпринимательства. Тем самым они выполняют посреднические функции в доставке товаров на крупные рынки Новосибирска. Кроме того, представленный полевой материал позволяет детализировать сюжеты, связанные с идентичностью мигрантов, отношением к стране исхода, со стратегиями принятия российского гражданства, взаимодействием с родственниками, а также с формированием планов на возвращение в Кыргызстан.

Цель статьи – показать формирование транснациональных сценариев киргизских мигрантов в регионах российско-казахстанского приграничья на примере Тюменской и Новосибирской областей. В статье решаются следующие исследовательские задачи: изучить, как приграничные регионы, города и точки «остановок» мигрантов встраиваются в транснациональные пространства; выявить влияние миграционного опыта на жизненные сценарии и идентичность акторов. Объектом являются сообщества киргизских мигрантов в регионах Сибири, а предметом – их транснациональные практики и сети отношений.

Источниковую базу статьи составили материалы переписи населения (1989–2020 гг.) и результаты полевой работы автора в Красноярске, Новосибирске, Тюмени и Иркутске в 2022–2025 гг. Несмотря на определенные познавательные ограничения, итоги переписи населения отражают особенности миграции и расселения киргизов в российских регионах. В ходе полевого исследования у мигрантов из Кыргызстана взято 62 глубоких неструктурированных интервью продолжительностью от 30 ми-

нут до полутора часов, осуществлялось включенное наблюдение в местах работы информантов. Для формирования доверительных отношений средства записи не применялись. Ключевые сюжеты фиксировались на цифровой носитель. В Новосибирске собрано 29 интервью, 17 – в Тюмени, 9 – в Красноярске и 7 – в Иркутске. Основная часть информантов характеризовала себя как предпринимателей или работников сферы торговли и обслуживания, несколько человек назвали профессии строителей, педагогов и врачей. Продолжительность проживания в России составляла от 2 до 25 лет. Примерно половина (27 человек) отправилась в Россию из Ошской области, 12 – из Баткенской, 8 – из Бишкека, остальные умолчали об исходной точке своих перемещений. Имена информантов изменены по согласованию с ними. Концептуальную рамку составляет транснациональный подход, что позволяет рассматривать связи и отношения поверх нескольких государственных границ и жизненные сценарии выходцев из Кыргызстана. Тем самым фиксируются транснациональные обмены ресурсами, вещами и информацией, становятся понятны особенности идентичности киргизских мигрантов, предпочитающих оставаться одновременно «здесь» и «там» (см.: Капустина, Борисова 2021).

В Новосибирск торговать, в Тюмень работать...

За прошедшие десятилетия численность киргизов в приграничных регионах заметно возросла, в особенности в Тюменской и Новосибирской областях. Из 103 тыс. киргизов, зафиксированных переписью населения 2010 г., примерно четверть проживали в приграничье. Хотя общая численность киргизов в России за последние годы увеличилась, их доля в приграничных регионах несколько сократилась (примерно на 3%) в результате более активных перемещений в регионы за пределами приграничья, в основном в Москву и Московскую область, а также Екатеринбург, Красноярский край и др. (табл. 1, 2).

Миграционные потоки из Кыргызстана следовали по нескольким ключевым маршрутам. Одним из наиболее приоритетных направлений являлся путь из Бишкека в Москву, далее следовали рейсы в Новосибирск, Екатеринбург, Красноярск (см.: Из Азии в Сибирь... 2013: 11–12). По словам информантов, они сами и их земляки перемещались между отправляющим и принимающим сообществами по этим направлениям. Так формировалась география расселения киргизских мигрантов, развивались торговые площади в городах Сибири и Урала. По данным государственной службы миграции при Правительстве Кыргызстана, в августе 2018 г. киргизские мигранты распределялись по территории России следующим образом: Центральный федеральный округ (47% в Москве и

Московской обл.), Приволжский и Уральский – по 14%, Северо-Западный – 7%, Сибирский – 12%, Дальневосточный – 3%, Южный – менее 1% (Габдрахманова, Сагдиева, Фрайер 2020).

Таблица 1

Численность киргизов в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. (Всероссийская перепись... 2002, 2010, 2020)

	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Астраханская область	69	402	244
Волгоградская область	173	292	257
Саратовская область	311	547	708
Самарская область	733	2 105	2 406
Оренбургская область	393	688	606
Челябинская область	604	1 410	1 430
Курганская область	141	504	290
Тюменская область	3 075	8 652	10 800
Омская область	644	1 578	900
Новосибирская область	1 423	6 506	6 047
Алтайский край	163	558	672
Республика Алтай	439	238	222
Регионы приграничья	8 168	23 480	26 602
Итого РФ	31,8 тыс.	103,3 тыс.	137,7 тыс.

Таблица 2

Численность граждан Кыргызстана в регионах российско-казахстанского приграничья по данным переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. (Всероссийская перепись... 2002; 2010; 2020)

	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Астраханская область	135	180	28
Волгоградская область	360	122	21
Саратовская область	477	160	147
Самарская область	1 071	1 212	474
Оренбургская область	471	256	123
Челябинская область	763	942	435
Курганская область	139	192	34
Тюменская область	1 892	2 760	1 304
Омская область	689	549	182
Новосибирская область	1 219	3 362	1 224
Алтайский край	1 026	272	200
Республика Алтай	80	43	27
Регионы приграничья	8 322	10 050	6 219
Итого РФ	28 843	44 611	32 511

Регионы Сибири условно дифференцировались на те, где стоит в основном заниматься бизнесом («зарабатывать на торговле»), а где предпочтительно получать образование и(или) работать. Понятие «работать»

в собранных интервью означало трудовую миграцию, суть которой состоит в отправке денежных переводов на родину. Нередко этот жизненный сценарий рассматривался информантами в негативном контексте, поскольку сопряжен со множеством жизненных тягот и лишений. В свою очередь, «заработок на торговле» воспринимался как занятие более престижное и прибыльное. Это предполагало высокий социальный статус актора, возможность оставаться представителем принимающего и отправляющего сообществ, использовать репутацию, связи для доставки и распространения товаров на рынках сибирских городов. К примеру, «Урал» в повествованиях информантов в основном исчерпывался Екатеринбургом, что связано с функционированием там крупных рыночных комплексов, развитого рынка труда для привлечения международных мигрантов. Новосибирск фигурировал как «хорошее» место для заработка денег и участия в челночной торговле, поскольку на рынках города сходятся многие потоки товаров, идущих из КНР и Центральной Азии. Челночное предпринимательство в Сибири, в частности в Новосибирске или Красноярске, оценивалось информантами как занятие более безопасное, нежели на Урале. Старожилы этого бизнеса рассказали, как их знакомые или деловые партнеры подвергались рэкету, становились жертвами грабежей или погибали в ходе конфликтов в Екатеринбурге. Одним из наиболее таких громких случаев стало убийство бизнесмена, соучредителя и главы Свердловской общественной организации «Кыргызстан-Урал» К. Каримова в июле 2019 г. (В Екатеринбурге застрелили...).

Исходной локацией на пути в Сибирь с целью предпринимательства названы Ош или Бишкек, испытывавшие стремительный рост розничной и оптовой торговли (Alff 2016; Kaminski, Raballand 2009). Размышления информантов о своей роли в доставке товаров, сама ситуация границы, созданная в пространстве этих рынков принимающей стороной и другими мигрантами (т.е. киргизские торговые ряды), обозначают транснациональные взаимодействия. В эти отношения включены не только информанты или рынки, на которых они торгуют, но и крупнейшие центры пограничной торговли в Китае, Казахстане и Кыргызстане, многие локация вдоль казахстанско-китайской и киргизско-китайской границ. Хилокский и Гусинобродский рынки в Новосибирске – крупные оптово-логистические центры, которые встроились в систему международной торговли, и не последнюю роль в этом играли кыргызстанские челноки, торговцы, поставщики и посредники. Так, Хилокский рынок является крупнейшим плодоовощным рынком в Сибири, вокруг него сложилась разветвленная инфраструктура для мигрантов из Центральной Азии (хостелы, кафе, парикмахерские, торговые точки, молитвенная комната). Гусинобродский вещевой рынок выполнял важную роль в распределении товарных потоков из Центральной Азии в другие сибирские регионы. В 2015 г. власти официально остановили работу рынка, но основная

часть предпринимателей продолжают свою деятельность на других торговых площадках Новосибирска.

По словам информантов, государство Кыргызстан и они лично приобретают немало преимуществ от гибкого режима торговли и посредничества между Китаем, Турцией и другими государствами Центральной Азии, а также Россией, куда следует основной объем реэкспорта (Kaminski, Mitra 2012). Товары, закупленные в Иу, продавались оптом на Дордое, откуда через Казахстан попадали на российские рынки и в магазины, в том числе и Новосибирска. В итоге такие крупные базары, как Кара-Суу и Дордой, обеспечивали прямо или опосредованно занятость фактически пятой части трудоспособного населения Кыргызстана, что объясняет видную роль киргизстанцев в продвижении китайских товаров на российский рынок (Alff 2016; Karrar 2016, 2018).

Нужда и стремление встроиться в торговые сети, сулившие извлечение доходов, становились фактором миграции киргизстанцев с Юга на Север. К примеру, семья Абаз была вынуждена покинуть Кара-Кульджинский район, поскольку на Севере более мягкий климат, а вокруг Бишкека появилось много возможностей заработать. Тогда «начиналась коммерция и Абаз понял, что это нужно использовать и возить товар в Россию» (ПМА-1, август 2025 г.). Однако значительный приток новых жителей осложнил социальную и экологическую ситуацию в Бишкеке – «воздух грязный, товары некачественные, вода плохая» (ПМА-1, август 2025 г.). Абаз уехал в Новосибирск, где сложились его предпринимательские сети, и приглашал родственников и хороших знакомых уже как успешный предприниматель, что, с одной стороны, усиливало его авторитет «там», а с другой – заметно укрепляло позиции «здесь», поскольку «было на кого опираться».

Предприниматель Эламан занимался отправкой товаров в Екатеринбург и Новосибирск, опираясь на разветвленные сети неформальных отношений, в основе которых находились доверие и репутация (т.е. «отправил деньги на карту и жду товар, без договора на бумаге – многое на личной репутации и авторитете»). Деловая репутация охватывала партнеров – информантов в Кыргызстане, Казахстане, России, а в некоторых случаях даже в КНР. Именно киргизские уйгуры становились для Эламана деловыми партнерами, с помощью которых китайские товары пересекали киргизско-китайскую границу, а затем следовали через Казахстан в Россию. Как отметили информанты, выгодное положение Новосибирска в приграничье позволило задействовать преимущества неформальной экономики (Polese et al. 2022) и торговли, процветающих в Кыргызстане, найти многим свое место в практиках преодоления неэффективности государства на просторах Евразии (более подробно см.: Polese 2021).

Хотя многие информанты высказывали желание открыть свой бизнес и уехать на родину, относительная устойчивость интересов в сфере торговли и вокруг оптовых рынков в Новосибирске объяснялась тем, что это стабильный источник доходов. Воплотить замыслы по созданию своего дела удастся далеко не всем, поэтому роль успешного челнока-предпринимателя, живущего на две-три страны, оказывается намного привлекательнее. Большинство киргизских челноков, принимавших участие в исследовании, предпочитают опираться на созданные ранее торговые связи и получать регулярные доходы, нежели «терять все, вкладываясь в создание бизнеса в Кыргызстане» (ПМА-4, февраль 2023 г.).

Если Новосибирск воспринимается как город для предпринимательства, то Тюмень и Тюменская область выглядят привлекательными для трудовой миграции и переезда на постоянное место жительства. Как отметили информанты, одними из первых киргизов, прибывших в 1960–1980-е гг. в Тюменскую область, являлись нефтяники-вахтовики, что закрепило нарратив о преимуществах региона для трудовой миграции (Рочева и др. 2019). Как отметил Алтынбек, «если не можешь торговать или нет связей для этого», всегда можно найти работу на предприятиях, связанных с нефтедобычей или в строительном секторе, доставке, такси и т.д. У многих «куплена квартира, живет семья в Тюмени», а отцы семейства находятся на заработках в ХМАО и Тюменской области (ПМА-2, август 2024 г.).

В материалах интервью информантами нередко упоминался Томск в качестве крупного кластера образовательной и трудовой миграции, в том числе из Кыргызстана. У нескольких информантов нашлись родственники или знакомые, которые получили в этом городе образование или учатся/работают на момент проведения исследования. Пространство Томска воспринимается не только сквозь призму высокого академического статуса и концентрации ведущих университетов. Информанты приводили аргументы в пользу более высокого уровня культуры и более уважительного отношения к культурным различиям. Несколько раз интервьюируемые с улыбкой называли Томск «Питером в миниатюре».

Хотя мигранты из Центральной Азии ощущают, что маркированы культурно, социально и этнически, это не вызывает у них существенного дискомфорта в пространстве Томска. Например, Ойбек, который закончил один из томских университетов шесть лет назад и потом уехал в Кыргызстан в надежде найти работу по специальности, но потом, осознав отсутствие перспектив из-за низкой заработной платы, вернулся в Новосибирск, занялся бизнесом с земляками и подрабатывал таксистом. Ойбек, когда жил и работал в Новосибирске, неоднократно слышал в свой адрес ругательства и оскорбления, чего не припомнит в Томске. Кроме того, Томск в сравнении с Новосибирском или Тюменью не вос-

принимается как место постоянной и напряженной конкуренции за ресурсы среди жителей, представителей принимающей стороны и мигрантов, а также различных групп мигрантов. Нарратив о жизни в этом городе предполагает, что «здесь никому и ничего не нужно постоянно доказывать» (ПМА-1, август 2025 г.), но заработки зачастую могут быть ощутимо меньше, поэтому сюда приезжают, опираясь на уже крепко сложившиеся социальные сети, дающие определенное стартовое преимущество.

Жизнь «здесь» и «там»

В собранных интервью прослеживалась мысль о том, что транснациональная идентичность киргизских мигрантов крайне противоречива. Будучи четко разделены, прежде всего на региональные и земляческие группы, выходцы из Кыргызстана болезненно чувствуют свою непринадлежность как к отправляющему, так и к принимающему сообществу (Насритдинов, Рахимов 2021: 202–231). Киргизские мигранты создают разветвленные сети отношений поверх государственных границ, проживая словно в двух мирах, «здесь» и «там», осуществляя множественное планирование будущего (Джанызакова 2019; Liebert 2020; Schröder 2020).

Мигранты сохраняют прочные связи с членами семьи и земляками, осуществляют денежные переводы и периодически возвращаются «домой», тем самым публично подтверждая успешность своего миграционного сценария и подчеркивая принадлежность к сообществу, из которого отправились в трудовую миграцию. Для этого выработана цикличность перемещений между принимающей страной и страной исхода. Как показало анкетирование возвратившихся в Кыргызстан¹, примерно половина опрошенных планировала вернуться (22%) или еще не определилась (29%) со своими планами. Эта группа респондентов поддерживала интеграцию Кыргызстана в ЕАЭС и демонстрировала более высокую мотивацию получить гражданство РФ (Osadchaya et al. 2023: 137). Решение о повторном возвращении зависит от опыта миграции, личных качеств и соответствия условий жизни своим представлениям. Участники нашего исследования характеризовали свои планы как нестабильные и изменчивые, «даже решив вернуться, никогда нельзя быть уверенным, что это так и будет – через несколько месяцев опять приехал работать в Новосибирск» (ПМА-1, май 2024 г.). Миграция рассматривается информантами не только как неотъемлемая часть образа жизни, но и как важное преимущество в конкуренции за доступ к социальным благам и ресурсам, связанным с транснациональностью.

Участники исследования посещают Кыргызстан от одного до пяти раз в году, что иногда влечет за собой нежелание тратить время и ресурсы на поездки. Однако необходимость совершать поездки на родину

вызвана рядом прагматических соображений и моральных обязательств. Необходимо доказывать, что жизнь в России «не испортила и никого не забыл, не зазнался», в то же время информанты, не будучи уверенными в будущем «здесь», сохраняют стабильные отношения с родственниками и знакомыми «там». Во многом поэтому большинство интервьюируемых признались, что они или их родственники имеют определенную сумму на непредвиденные расходы, которые могут внезапно потребоваться «там» (юбилей, похороны, свадьба, ремонт дома и др.). Транснациональные жизненные сценарии предполагают и следование определенной календарной обрядовости, чтобы потом никто не говорил «даже к родственникам на свадьбу или день рождения не приехали». Это включает посещение мероприятий, признанных сообществами в принимающей и отправляющей странах обязательными для «сохранения лица», подтверждения своей принадлежности и соответствия нормам «правильности» киргизского общества.

Организация праздников (майрам, той), которые воспринимаются как социальное обязательство и способ демонстрации статуса, часто может приводить к неэффективному распределению ресурсов. Приоритетной статьей расходов домохозяйств становится потребление, в том числе демонстративное, а не инвестиции в образование, здоровье или открытие бизнеса. Информантки критически оценивали поведение своих родных, оставшихся на родине, которым «сложно понять все тяготы трудовой миграции» (ПМА-1, август 2025 г.).

Необходимость подтверждения социального статуса, особенно в сельских сообществах на юге Кыргызстана, нередко приводит к расточительности, которая способствует формированию эмоциональной дистанции между находящимися на заработках и теми, кто осваивает денежные переводы. Для легитимации таких расходов нередко из уст родственников и соседей звучат аргументы о хороших заработках членов домохозяйства, что, по мнению окружающих, позволяет осуществить такие незапланированные траты (ПМА-1, август 2024 г.). Однако девушки и женщины признавались, что по этой причине ощущают эмоциональную дистанцию в отношениях со своими родственниками (Хрупкая сила миграции... 2018: 36). Во многом поэтому, как отмечали К. Кюнаст и Н. Дадвик, социальные сети в постсоветском Кыргызстане подвергались жесткой экономической сегрегации. Богатые домохозяйства. «презентовавшие себя успешными», по словам информантов, в основном взаимодействовали с другими богатыми домохозяйствами и старательно исключали «бедных родственников» из своих социальных связей (Kuehnast, Dudwick 2004; Satybaldieva 2018).

Транснациональный характер приобретают не только повседневные практики мигрантов, но и идентичность, поскольку происходит ее адаптация к образу жизни «здесь» и «там». На это влияют успешность миграционного сценария, прочность личных, семейных, земляческих и иных

связей со страной исхода. Удачный сценарий миграции включает получение гражданства РФ, наличие стабильного источника дохода, создание собственного бизнеса, формирование и поддержание положительной репутации «там» и «здесь».

Важным вопросом, на котором останавливались информанты, является отношение к родине. Киргизские мигранты, получившие российское гражданство, признавали, что их решение нередко было продиктовано прагматическими соображениями (Fryer, Nasritdinov, Satybaldieva 2014; Ruget, Usmanalieva 2008; 2010). Гражданство России значительно упрощало пребывание мигрантов в принимающей стране, ощутимо сокращало влияние политической нестабильности, коррупции и низкого уровня жизни в Кыргызстане. В то же время победы на соревнованиях киргизстанских спортсменов, президентские выборы, политическая нестабильность на родине – все это ситуативно актуализирует «кыргызскость». Чувство гордости за Кыргызстан связано с уникальной природой, особенностями киргизской культуры (к примеру, упоминались Всемирные игры кочевников см.: Polese, Sheranova 2023) и обретением государственной независимости. В то же время присутствие негативных эмоций, главной из которых назван «стыд», связано с бедностью и высоким уровнем коррупции. Информанты ностальгировали о «доме» и «родине», но всякий раз прерывали их описанием бедственного положения основной части жителей родного села или города. Хотя информанты представляли свой опыт транснациональности позитивно («достиг успеха», «заработал денег», «получил статус»), сложное социальное положение и «необходимость терпеть унижения ради заработка на кусок хлеба» усиливают чувство фрустрации, укрепляют ощущение стыда за свое текущее положение и состояние дел в стране исхода, ставшее основной причиной отъезда. Как сказал один из успешных киргизских предпринимателей, возможно, осознанно используя слова Верещагина из фильма «Белое солнце пустыни»: «...за державу обидно» (ПМА-1, апрель 2025 г.).

Отправка в трудовую миграцию или приобретение гражданства РФ заметно осложняют покупку собственности на родине и реализацию избирательного права, но в то же время представления об обязанностях перед отправляющей стороной трансформируются в «экономический патриотизм», а перед принимающей – в подчинение сложившимся неформальным нормам фактически без признания своих элементарных прав. Миграция для информантов выглядит лояльностью через выход, сочетаясь с настойчивой критикой «пороков» киргизского государства и общества. Так, Чингиз рассказал историю, как ему несколько месяцев не могли (или не хотели) выдать паспорт, поскольку у него не было «возможности дать взятку» (ПМА-2, август 2024 г.). Еще одним аргументом

информантов в критике государственных институтов на родине, нашедшим определенное отражение в полевых данных А. Исмаилбековой (Ismailbekova 2013), стала стратегия избегания конфликтов, принятая после столкновений в Ошской области в 2010 г. Молодых мужчин – киргизов и узбеков – домохозяйства стремились отправить в трудовую миграцию, чтобы они «находились подальше» от возможных преследований и поборов силовиков.

Принятие российского гражданства рассматривается как важный шаг в интересах страны исхода: «не обременяем Кыргызстан, но приносим ему большую пользу на расстоянии» (ПМА-3, май 2025 г.). Информанты описывают текущее состояние как «лояльность и уважение к родине через отъезд» (ПМА-1, июль 2025 г.), что позволяет снизить нагрузку на социальные институты, сгладить социальную напряженность и поддерживать домохозяйства с помощью денежных переводов, осуществлять рекрутирование родственников и земляков в трудовые коллективы. Желание «когда-нибудь в будущем вернуться» сосуществует с критическим отношением к киргизскому государству.

Возвращение становится обязательным атрибутом историй мигрантов, но всегда подчеркивается, что оно произойдет «только после улучшения ситуации в стране». Представления о родном районе или городе важны для формирования долгосрочных планов на возвращение, согласования ностальгических нарративов о родине и объяснения причин отъезда в миграцию. Возвращение становится благим пожеланием о том, что киргизам следует «помнить родину и быть готовыми вернуться в родные села» (ПМА-4, сентябрь 2022 г.). Хотя это высказывается публично, постоянная смена биографических контекстов каждый раз отдалляет этот момент на неопределенную перспективу. Информанты рассказывают, как они сами или их родственники и знакомые всякий раз изыскивают все новые аргументы в пользу включенности в транснациональные пространства.

Еще одним механизмом формирования и поддержания транснациональности, по мнению участников исследования, является отсутствие ресурсов для самоорганизации в стране исхода, чтобы добиваться от государства выполнения важных проектов (ремонт или прокладка водопровода, дороги, школы и др.). Если северные регионы, такие как Бишкек или Иссык-Куль, более урбанизированы и социально-политически стабильны, что сказывается на уровне и направлениях гражданской активности, то в южных частях страны ситуация сложнее. Интервьюируемые констатировали, что трудовая миграция и поддержание транснационального образа жизни выступают в качестве немногочисленных альтернатив гражданской активности (ПМА-1, июль 2025 г.; ПМА-2, август 2024 г.).

Хотя жизнь в миграции сопряжена со множеством тягот, идеи об активном субъекте, ищущем заработок и перспективы, встраиваются в

представления о «пассивном» и «активном» гражданине. Трудовая миграция и транснациональные стратегии вписываются в модели поведения активных граждан в условиях слабого государства. Киргизстанцы, имеющие возможность взять на себя существенную долю ответственности за собственное благосостояние, «полезны» (денежные переводы, снижение социальной нагрузки и др.) в условиях, когда государственные институты не способны предоставить важные услуги. Транснациональные стратегии информантов дополняют идеи об активном гражданстве, которые, с одной стороны, подчеркивают конкурентные преимущества автономных и рациональных граждан, а с другой – легитимируют и закрепляют представления о функциональной неспособности Кыргызстана выполнять ряд важных функций (Owen 2020; Ruget, Usmanalieva 2008, 2010).

Заключение

Мобильность и транснациональные практики прочно встроились в повседневную жизнь мигрантов из Кыргызстана в регионах Сибири. В создаваемые ими транснациональные пространства вовлекаются все новые акторы: от участия в предпринимательских проектах с опорой на репутацию до приглашения членов семьи и земляков приехать в сибирские города на заработки. Устойчивость предпринимательских проектов, рассредоточенных информантами от Китая до Новосибирска и во многом основанных на неформальных договоренностях и репутации, обусловлена тем, что многие готовы терпеть определенные лишения «здесь», но поддерживать и воспроизводить позитивное представление о себе как об успешном предпринимателе «там», «большом человеке», который реализовал свой миграционный сценарий и способен стать компетентным советником, знающим проводником и надежной опорой для земляков, решившихся на переезд. Материальный ущерб и репутационные риски от выхода из этих сетей зачастую представляются многократно превышающими потенциальные выгоды. Эти соображения играют не последнюю роль в поддержании транснациональных связей, протянувшихся от «надежных» поставщиков на границе Китая и Кыргызстана, рынков Оша и Бишкека до партнеров в Казахстане и(или) в России. Информанты воспроизводят усвоенные механизмы транснациональности, что укрепляет представления об определенной специфике миграционных стратегий для различных регионов Сибири. Так, Новосибирск и Красноярск рассматриваются как города для реализации предпринимательских сценариев, Тюмень – для заработка и жизни, Томск – для учебы и в какой-то мере поиска себя.

Очевидно, что эта дифференциация имеет условный характер и нужна для маркирования сетей и ролей, которые первоначально приводят мигрантов в эти города и регионы. Однако реализация этих сценариев подвержена влиянию многих обстоятельств, что приводит к их совмещению, ситуативному переключению с образовательного сценария на трудовой, предпринимательский и обратно. При этом, признавая все положительные эффекты и преимущества транснациональности, нельзя не учитывать диссонанс, порождаемый ситуацией, когда актер фактически живет в двух мирах и приспосабливается к данному состоянию. Это влечет за собой рефлексию о глубинных мотивах перемещений, причинах сегментации киргизского общества, а также относительно своего личного опыта миграции и коридора возможностей для эффективного взаимодействия с государственными институтами, в конце концов, будущего страны исхода. Информанты нацелены максимально использовать преимущества транснационального образа жизни, позволяющего, с одной стороны, оставаться киргизами и киргизстанцами в приемлемых и социально одобряемых рамках, что позволяет «сохранить лицо», а с другой – минимизировать влияние рисков на повседневную жизнь и ключевые биографические стратегии. Лояльность по отношению к стране исхода находится под вопросом, поскольку информанты видят свою миссию в том, чтобы «быть кыргызами и оставаться кыргызстанцами, но на расстоянии».

Примечание

¹ В октябре-ноябре 2022 г. в Кыргызстане было опрошено 515 вернувшихся из России мигрантов, взято 37 глубинных интервью с ними, в ноябре-декабре 2022 гг. опрошено 425 трудовых мигрантов из Кыргызстана, взято 52 глубинных интервью с ними. Исследование проведено Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) при коллаборации с Кыргызско-Российским Славянским университетом (руководитель проекта – Г.И. Осадчая).

Список источников

- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: Расселение, концентрация, интеграция. М.: Дело, 2021.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 2. С. 225–253.
- В Екатеринбурге застрелили экс-главу киргизской диаспоры на Урале // 03.06.2019. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ural-news/6624325> (дата обращения: 08.11.2025).
- Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (дата обращения: 01.06.2025).
- Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom11.htm (дата обращения: 01.06.2025).
- Всероссийская перепись населения 2020 // ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/otkrito-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения: 01.06.2025).

- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П. Опыт изучения киргизской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 54–70.
- Джанызакова С.Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 72–86.
- Из Азии в Сибирь, или в поисках «Нового света» (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013.
- Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.
- Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023.
- Насритдинов Э., Рахимов Р. Транснациональная идентичность киргизских трудовых мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 202–232.
- ПМА-1 – Полевые материалы автора, г. Новосибирск, 2024–2025 гг.
- ПМА-2 – Полевые материалы автора, г. Тюмень, август 2024 г.
- ПМА-3 – Полевые материалы автора, г. Иркутск, май 2025 г.
- ПМА-4 – Полевые материалы автора, г. Красноярск, 2022–2023 гг.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 166–175.
- Смирнова Т.Б., Блинова А.Н. Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9, № 3 (35). С. 281–303.
- Соколов А.А., Руднева О.С. Региональные особенности демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 30–42.
- Хрупкая сила миграции: потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией. MOM, 2018.
- Alff H. Flowing Goods, Hardening Borders? China's Commercial Expansion into Kyrgyzstan Re-examined // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57 (3). P. 433–456.
- Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E. Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic // Central Asian Affairs. 2014. Vol. 1 (2). P. 171–198.
- Kaminski B., Mitra S. Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia. Washington: The World Bank, 2012.
- Kaminski B., Raballand G. Entrepôt for Chinese consumer goods in central Asia: the puzzle of re-exports through Kyrgyz bazaars // Eurasian Geography and Economics. 2009. Vol. 50 (5). P. 581–590.
- Karrar H.H. Kyrgyzstan's Dordoi and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets // Globalizations. 2016. Vol. 14 (4). P. 643–657.
- Karrar H.H. Between Border and Bazaar: Central Asia's Informal Economy // Journal of Contemporary Asia. 2018. Vol. 49 (2). P. 272–293.
- Kosygina L. Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): the case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43 (6). P. 1026–1043.
- Kuehnast K., Dudwick N. Better a hundred friends than a hundred rubles? Social networks in transition – the Kyrgyz Republic. Washington: The World Bank, 2004.
- Liebert S. Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States // International Journal of Public Administration. 2020. Vol. 43 (2). P. 151–165.

- Osadchaya G.I. et al. Return Migration From Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, Causes, and Structure // *Changing Societies & Personalities*. 2023. Vol. 7 (3). P. 122–140.
- Owen C. Active Citizens in a Weak State: ‘Self-Help’ Groups and the Post-Soviet Neoliberal Subject in Contemporary Kyrgyzstan. *Asian Journal of Middle // Eastern and Islamic Studies*. 2020. Vol. 14 (3). P. 464–479.
- Polese A. What is informality? (Mapping) “the art of bypassing the state” in Eurasian spaces – and beyond // *Eurasian Geography and Economics*. 2021. Vol. 64 (3). P. 322–364.
- Polese A., Moisé G.M., Tokyzhanova T. et al. Informality versus shadow economy: reflecting on the first results of a manager’s survey in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 42 (1). P. 149–170.
- Polese A., Sheranova A. When “branding” meets “building:” the consequences of nation branding on identity in Kyrgyzstan and Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2023. Vol. 55 (2). P. 435–457.
- Rugut V., Usmanalieva B. Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27 (2). P. 129–141.
- Rugut V., Usmanalieva B. How much is citizenship worth? The case of Kyrgyzstani migrants in Kazakhstan and Russia // *Citizenship Studies*. 2010. Vol. 14 (4). P. 445–459.
- Satybaldieva E. Working Class Subjectivities and Neoliberalisation in Kyrgyzstan: Developing Alternative Moral Selves // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2018. Vol. 31. P. 31–47.
- Schröder P. Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39 (1). P. 116–134.
- Ismailbekova A. Coping strategies: public avoidance, migration, and marriage in the aftermath of the Osh conflict, Fergana Valley // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41 (1). P. 109–127.

References

- Alff H. (2016) Flowing Goods, Hardening Borders? China’s Commercial Expansion into Kyrgyzstan Re-examined. *Eurasian Geography and Economics*. 57(3). pp. 433–456.
- Dzhanyazakova S.D. (2019) “Zdes' i tam” v migrantskikh istoriyah vyhodcev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchaj Tomska) [“Here and There” in Migrant Stories of People from Kyrgyzstan in Russia (the Case of Tomsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 72–86.
- Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E. (2014) Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic. *Central Asian Affairs*. 1 (2). pp. 171–198.
- Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Frajer P. (2020) Opyt izucheniya kirgizskoj migracii v postsovetsoj Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala [Experience of Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital], *Etnograficheskoe obozrenie*. no 3. pp. 54–70.
- Hrupkaya sila migracii: potrebnosti i prava zhenshchin i devochek Respubliki Tadzhikistan i Kyrgyzskoj Respubliki, zatromutyyh trudovoy migraciej [The fragile power of migration: the needs and rights of women and girls in the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic affected by labor migration]. MOM, 2018.
- Ismailbekova A. (2013) Coping strategies: public avoidance, migration, and marriage in the aftermath of the Osh conflict, Fergana Valley. *Nationalities Papers*. 41 (1). pp. 109–127.
- Iz Azii v Sibir', ili v poiskah “Novogo sveta” (polozhenie trudovykh migrantov iz Central'noj Azii v Buryatii) [From Asia to Siberia, or in Search of the “New World” (the Situation of Labor Migrants from Central Asia in Buryatia)]. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2013.
- Kaminski B., Mitra S. (2012) *Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia*. Washington: The World Bank.

- Kaminski B., Raballand G. (2009) Entrepôt for Chinese consumer goods in central Asia: the puzzle of re-exports through Kyrgyz bazaars. *Eurasian Geography and Economics*. 50 (5). pp. 581–590.
- Kapustina E., Borisova E. (2021) Obzor teoreticheskoy diskussii o koncepcii transnacionalizma [Review of the theoretical discussion on the concept of transnationalism]. In: *Zhit' v dvuh mirah: pereosmyslyaya transnacionalizm i translokal'nost'* [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Ed. by S.N. Abashin, O.E. Brednikova. Moscow: New Literary Review. pp. 14–29.
- Karrar H.H. (2016) Kyrgyzstan's Dordoi and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets. *Globalizations*. 14 (4). pp. 643–657.
- Karrar H.H. (2018) Between Border and Bazaar: Central Asia's Informal Economy. *Journal of Contemporary Asia*. 49(2). pp. 272–293.
- Kosygina L. (2017) Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): the case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 43 (6). pp. 1026–1043.
- Kuehnast K., Dudwick N. (2004) *Better a hundred friends than a hundred rubles? Social networks in transition — the Kyrgyz Republic*. Washington: The World Bank.
- Liebert S. (2020) Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States. *International Journal of Public Administration*. 43 (2). pp. 151–165.
- Migraciya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskie i sociologicheskie aspekty* [Migration from Russia to Kyrgyzstan: Demographic and Sociological Aspects]. Ed. by G. I. Osadchaya. Moscow: Publishing House "Econ-Inform", 2023.
- Nasritdinov E., Rahimov R. (2021) Transnacional'naya identichnost' kyrgyzskih trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labor Migrants in Russia]. In: *Zhit' v dvuh mirah: pereosmyslyaya transnacionalizm i translokal'nost'* [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Ed. by S.N. Abashin, O.E. Brednikova. Moscow: New Literary Review. pp. 202–232.
- Osadchaya G.I. et al. (2023) Return Migration From Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, Causes, and Structure. *Changing Societies & Personalities*. 7 (3). pp. 122–140.
- Owen C. (2020) Active Citizens in a Weak State: 'Self-Help' Groups and the Post-Soviet Neoliberal Subject in Contemporary Kyrgyzstan. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 14 (3). pp. 464–479.
- PMA-1 – Polevy materialy avtora, g. Novosibirsk, 2024–2025 gg. [PMA-1 – Author's field materials, Novosibirsk, 2024–2025].
- PMA-2 – Polevy materialy avtora, g. Tyumen', avgust 2024 g. [PMA-2 – Author's field materials, Tyumen, August 2024].
- PMA-3 – Polevy materialy avtora, g. Irkutsk, maj 2025 g. [PMA-3 – Author's field materials, Irkutsk, May 2025].
- PMA-4 – Polevy materialy avtora, g. Krasnoyarsk, 2022–2023 gg. [PMA-4 – Author's field materials, Krasnoyarsk, 2022–2023].
- Polese A. (2021) What is informality? (Mapping) “the art of bypassing the state” in Eurasian spaces – and beyond. *Eurasian Geography and Economics*. 64 (3). pp. 322–364.
- Polese A., Moisé G.M., Tokyzhanova T., Aguzzi T., Kerikmäe T., Sagynbaeva A., ... Seliverstova O. (2022) Informality versus shadow economy: reflecting on the first results of a manager's survey in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. 42 (1). pp. 149–170.
- Polese A., Sheranova A. (2023) When “branding” meets “building”: the consequences of nation branding on identity in Kyrgyzstan and Estonia. *Journal of Baltic Studies*. 55 (2). pp. 435–457.
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N. S. (2019) Integraciya migrantov vtorogo pokoleniya iz Zakavkaz'ya i Srednej Azii v Tyumenskoj oblasti: social'nye, yazykovye i identifikacionnye aspekty [Integration of Second-Generation Migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Oblast: Social, Linguistic, and Identification Aspects]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2 (45). pp. 166–175.

- Ruget V., Usmanalieva B. (2010) How much is citizenship worth? The case of Kyrgyzstani migrants in Kazakhstan and Russia. *Citizenship Studies*. 14 (4). pp. 445–459.
- Ruget V., Usmanalieva B. (2008) Citizenship, migration and loyalty towards the state: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan. *Central Asian Survey*. 27 (2). pp. 129–141.
- Satybaldieva E. (2018) Working Class Subjectivities and Neoliberalisation in Kyrgyzstan: Developing Alternative Moral Selves. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 31. pp. 31–47.
- Schröder P. (2020) Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou. *Central Asian Survey*. 39 (1). pp. 116–134.
- Smirnova T.B., Blinova A.N. (2024) Etnodemograficheskie processy v prigranichnyh regionah Aziatskoj Rossii v novyh usloviyah povorota na Vostok [Ethnodemographic processes in the border regions of Asian Russia in the new conditions of the turn to the East]. *Journal of Frontier Studies*. 3 (35). pp. 281–303.
- Sokolov A.A., Rudneva O.S. (2023) Regional'nye osobennosti demograficheskikh processov v rossijsko-kazhastanskom transgranich'e [Regional features of demographic processes in the Russian-Kazakh cross-border]. *Narodonaselenie*. 3. pp. 30–42.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. (2021) *Migranty v rossijskikh gorodah: Rasselenie, koncentraciya, integraciya* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration]. Moscow: Delo.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020) Mesta rezidentnoj koncentracii migrantov v rossijskikh gorodah: est' li pattern [Places of Residential Concentration of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2 (19). pp. 225–253.
- V Ekaterinburge zastrelili eks-glavu kirgizskoi diaspori na Urale [Former head of Kyrgyz diaspora in Urals shot dead in Yekaterinburg]. *TASS*. 03.06.2019. Available at: <https://tass.ru/ural-news/6624325> (Accessed 08 November 2025).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 [All-Russian Population Census 2002]. *VPN-2002*. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (Accessed 1 July 2025)
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [All-Russian Population Census 2010]. *VPN-2010*. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom11.htm (Accessed 1 July 2025)
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 [All-Russian Population Census 2020]. *FADN Rossii* [FADN of Russia]. Available at: <https://fadm.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossiyskaya-perepis-naseleniya-2020/> (Accessed 1 July 2025)

Сведения об авторе:

АВДАШКИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Пермь, Россия); старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrei A. Avdashkin, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russian Federation); Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23 августа 2025;
принята к публикации 15 ноября 2025.

The article was submitted 23.08.2025;
accepted for publication 15.11.2025.

Научная статья
УДК 314.74
doi: 10.17223/2312461X/50/7

Интеграционные стратегии релокантов в Израиле

Анна Дмитриевна Кудревич

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия
Ravioly405@gmail.com*

Аннотация. Начало специальной военной операции спровоцировало в марте 2022 г. миграционную волну, получившую, с легкой руки федеральных СМИ, обозначение «релокация». Настоящее исследование сфокусировано на релокантах, уехавших в Израиль. На общем фоне они отличались особыми правами, которыми их наделяла принимающая сторона, и невозможностью спонтанного переезда. Цель исследования состояла в том, чтобы выделить основные факторы, способствующие интеграции релоканта в принимающее сообщество Израйля и сформулировать варианты интеграционных стратегий. Полевое исследование по методу повторного интервью было призвано помочь решить такие задачи, как определение отличительных черт израильских релокантов; выявление взаимозависимости исходных мотивов релокации и ее успешности в конкретный временной промежуток; разработка рекомендации относительно наиболее успешного алгоритма поведения для релоканта, который хочет интегрироваться в принимающее сообщество Израйля. Сначала было проведено 16 неформализованных интервью-знакомств. Далее было проведено 10 повторных интервью, для которых респонденты готовили карты города, в котором живут, фото и видео мест, которые считают значимыми для своей интеграции, и даже иллюстрации к этим местам. Временной промежуток между первым и вторым интервью составлял в среднем 2 месяца. Метод повторного интервью позволил наблюдать процесс интеграции в динамике. Анализ полевого материала дал возможность выявить и описать интеграционные стратегии, представляющие собой осознанные поведенческие модели и содержащие определенный набор действий, способствующих достижению поставленных релокантом перед переездом целей. Также были выделены основные факторы, как способствующие, так и препятствующие интеграции релокантов в принимающее сообщество Израйля.

Ключевые слова: релоканты, репатрианты, Закон о возвращении, Израиль, интеграция, ассимиляция, транснационализм, сепарация, гибридная адаптация

Для цитирования: Кудревич А.Д. Интеграционные стратегии релокантов в Израиле // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 125–142. doi: 10.17223/2312461X/50/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/7

Integration Strategies of Relocates in Israel

Anna D. Kudrevich

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
Ravioly405@gmail.com*

Abstract. The start of the Special Military Operation triggered a new migration wave in March 2022, which, thanks to the federal media, was dubbed "relocation". According to estimates by various research centers, the number of relocates who left Russia from February 24, 2022 to August 31, 2024 amounted to 1 million people. This study focuses on relocates who left for Israel. Against the general background, they were distinguished by special rights that the host party granted them and the impossibility of spontaneous relocation.

The aim of the study was to identify the key factors facilitating the integration of relocates into the Israeli host community and to formulate options for integration strategies. A field study using repeated interviews was designed to address the following objectives: identifying the distinctive characteristics of Israeli relocates; identifying the relationship between the initial motives for relocation and its success over a specific time period; and developing recommendations regarding the most successful behavioral algorithm for relocates seeking to integrate into the Israeli host community. First, 16 informal interviews-acquaintances were conducted. Further, 10 follow-up interviews were conducted, during which respondents prepared maps of the city they live in, photos and videos of places they consider important for their integration, and even illustrations of these places. The time interval between the first and second interviews averaged 2 months. The follow-up interview method allowed us to observe the integration process in dynamics.

Analysis of field data allowed us to formulate integration strategies that are conscious behavioral models and contain a specific set of actions that help the relocate achieve the goals set before moving. The main factors that both contribute to and hinder the integration of relocates into the host community in Israel were also identified.

Keywords: relocates, repatriates, Law of Return, Israel, integration, assimilation, transnationalism, separation, hybrid adaptation

For citation: Kudrevich, A.D. (2025) Integration Strategies of Relocates in Israel. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 125–142. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/7

Введение

Начало специальной военной операции спровоцировало в марте 2022 г. миграционную волну, получившую с легкой руки федеральных СМИ обозначение «релокация». Термин «релокация» до начала СВО применялся отечественными учеными в основном для обозначения явления перемещения трудовых ресурсов с одной территории на другую. Так, можно встретить определение релокации как смены места житель-

ства в связи с получением более выгодного предложения о работе (Великих, Денежко 2018) либо как любых изменений места трудовой деятельности работника (Счисляева, Панова 2014).

После начала СВО термин «релокация» обрел политический оттенок и стал применяться по отношению к российским гражданам, уехавшим жить и работать в другие страны чаще всего во избежание мобилизации и/или в знак несогласия с внешней политикой страны (сайт Исследовательского проекта Outrush). Возможно условно разделить политических релокантов на три группы. В первую группу входят работники международных компаний, которые в связи с наложенными санкциями не могут продолжать профессиональную деятельность на российской территории. Вторую группу составляют сотрудники российских компаний, по собственному желанию покинувшие страну, но перешедшие на дистанционный формат отношений с российским работодателем. Третью группу представляют российские граждане, которые с переездом отказались от работы на российском рынке труда, сконцентрировав свои интересы на принимающей стороне (Архипова, Низайкинский, Седова 2024).

Настоящая статья посвящена релокантам, более подходящим под критерии третьей группы, а именно тем, кто выбрал в качестве страны релокации Израиль. Релоканты могут переехать в Израиль только на основе «Закона о возвращении» (сайт Министерства алии и интеграции). Этот закон юридически воплощает основной постулат идеологии сионизма об Израиле в качестве национального государства еврейского народа. Действующий с 1952 г. Закон о возвращении определяет как евреев тех, кто рожден матерью-еврейкой или прошел гиюр и не принадлежит к другой религии. Закон дает право на репатриацию ближайшим родственникам евреев: детям и внукам евреев, женам и мужьям евреев, вдовам евреев (если после смерти супруга они не вступали в брак повторно), усыновленным евреями детям. Таким образом, релоканты, приехавшие в Израиль, становятся новыми репатриантами (*олим хадашим*), получают гражданские права и доступ к обширному пакету мер государственной поддержки. В эту поддержку входит *саль клита* (корзина абсорбции – денежные выплаты в течение 6 месяцев), помощь в поиске и подборе жилья, доступ к языковым курсам на льготных условиях и помощь в трудоустройстве.

Традиционно вопросами интеграции иммигрантов в израильское общество занимается Министерство репатриации и абсорбции. Основанное в 1968 г., оно формирует политику абсорбции, устанавливает контакты с другими государственными учреждениями страны и координирует их деятельность в процессе интеграции в израильский социум. Государство Израиль относится к категории переселенческих обществ. Оплот идеологии сионизма, основанное в 1948 г. государство Израиль на протяжении всего своего существования основную свою цель формулирует

как «собрание» евреев со всего мира. В связи с этим на сегодняшний день Израиль обладает развитыми и успешно апробированными интеграционными методиками.

Комплекс государственных мер поддержки в помощь репатриантам вкупе с высоким уровнем жизни сделал Израиль привлекательной страной для части релокантов. Со стороны страны исхода точных данных об их численности нет: Федеральная миграционная служба России может формировать такие данные только исходя из статистики снявшихся с регистрации граждан, в то время как абсолютное большинство российских релокантов сохраняет российскую регистрацию. Таким образом, ориентиром по количеству уехавших из России граждан может служить только статистика миграционных служб принимающей стороны, опять же с небольшой погрешностью: она будет показывать количество въехавших, но не количество оставшихся.

Для Израиля численность релокантов, прибывших из России, в последние 2 года весьма ощутима: формируются русскоязычные кварталы, открывается русскоязычный бизнес, появляется возможность комфортно жить в стране без знания иврита. Принимающей стороне становится сложнее интегрировать в себя приехавших.

Существенная доля русскоязычного населения – иммигрантов из стран бывшего СССР – почти четверть всего населения страны или 17,2% способствует формированию особого отношения к русскоязычной общине (сайт Посольства РФ в государстве Израиль). С одной стороны, государственная политика поощряет ассимиляцию и ориентирована на создание единой нации, пусть и мультикультурной, но объединенной государственной идеологией. С другой стороны, для новых репатриантов всегда остается возможность существовать в рамках русскоязычной общины, не контактируя с коренным населением.

Одним из факторов для сплочения русскоязычной общины становится особый статус русского языка и его позиция в медийном пространстве Израиля. Так, в части государственных школ русский язык уже введен в учебные планы в качестве третьего языка, и количество часов на изучение русского языка постепенно увеличивается. По инициативе правительства русскоязычные школьники получили возможность сдавать экзамены средней школы на родном языке (Мошкова 2017).

Вторым по значимости фактором, способствующим сплочению русскоязычной общины, выступает неоднородность израильского общества. Наиболее крупные субэтнические общины Израиля представлены сабрами – уроженцами Израиля, составляющими большинство населения страны; ашкеназами или европейско-американскими евреями; сефардами – выходцами с севера Африки (Фельдман 2003). Кроме субэтнических различий, Израиль неоднороден и в религиозном плане. На

территории Израиля проживают иудеи, христиане и мусульмане. Несмотря на то, что иудеи в процентном соотношении значительно преобладают, внутри этой религиозной группы также есть разделения на разные направления – ортодоксов, реформистов и консерваторов. Такое религиозное многообразие приводит к множественным микроконфликтам и столкновению интересов по вопросам брака, развода, гиюра, статуса и роли религии в государстве. Расходится и представление каждой из этих групп о репатриации. В частности, под давлением религиозного лобби в 2025 г. значительно усложнился процесс прохождения собеседования в консульстве, успешность которого напрямую влияет на выдачу разрешения о репатриации.

Данные израильской статистики подтверждают гипотезу Марка Тольца (2023) о волне релокации 2022–2023 гг. как об *алие* отложенного спроса. Из аналитики данных об эмиграции из России в Израиль за последние 30 лет следует, что, во-первых, пики эмиграции совпадают с экономическими кризисами в России (1990–1991 гг., 1999–2000 гг., 2022 г.), а, во-вторых, после 2015 г. наблюдается устойчивый рост эмиграционного потока из России в Израиль. В 2019–2020 гг. эмиграционный поток существенно сокращается в связи с ограничениями на пересечения международных границ во время эпидемии COVID-19. После открытия границ и начала СВО эмиграционный поток снова становится интенсивнее.

Важной особенностью *алии* 2022–2023 гг. является ее половозрастная структура. В сравнении с предыдущими годами в 2022 г. репатрианты существенно помолодели: медианный возраст репатрианта снизился до 35,1 лет, а группа в возрасте 30–44 года составила значительную долю (30,7%) от общего количества эмигрантов. Половой состав также претерпел изменения: если ранее 2022 г. в эмиграционном потоке преобладали женщины, то с 2022 г. доля мужчин увеличивается, причем особенно это заметно в возрастной группе 20–24 лет, где на 100 женщин приходится 138 мужчин, притом что еще в 2019 г. приходилось 76 мужчин на 100 женщин. При этом в старшей возрастной группе, которая традиционно преобладала в эмиграционном потоке, доля мужчин, наоборот, сократилась, что Марк Тольц (2023) объясняет последствиями эпидемии COVID-19.

По данным израильской статистики только за 2022 г. из России в Израиль переехало порядка 45,5 тыс. человек (сайт Миграционной статистики Израиля). Для Израиля, численность населения которого только к концу 2024 г. превысила 10 млн чел. (сайт Новостного портала ВЕДОМОСТИ), а численность самых крупных городов (Тель-Авив, Хайфа, Ришон-Ле-Цион), куда в основном и едут релоканты, не превышает 500 тыс. чел. (исключение составляет Иерусалим с численностью чуть более 900 тыс. чел., но этот город менее популярен среди релокантов из-за высокой стоимости аренды жилья и небольшого количества открытых

вакансий), прирост на 45,5 тыс. экономически активного населения весьма ощутим. Это обуславливает повышенный интерес правительства к новым репатриантам 2022–2024 гг. и запрос к израильским ученым на выявление факторов, способствующих интеграции репатриантов «алии тыквенного латте»¹, и возможных точек совместного роста и соприкосновения интересов.

В связи с вышесказанным исследование поведенческих стратегий релокантов в Израиле приобретает ценность для всех трех сторон этого процесса. Российская сторона, выступающая донором квалифицированных трудовых ресурсов в этом случае, может использовать данные о поведенческих стратегиях релокантов, совершенствуя свою миграционную политику. Израильская сторона заинтересована в скорейшем «внедрении» новых репатриантов – релокантов последних лет – в принимающее сообщество как с позиции снижения нагрузки на бюджет за счет сокращения выплат по пособиям, так и с позиции предотвращения формирования русскоязычных анклавов в израильских городах. Непосредственно сами релоканты заинтересованы в обмене опытом в части успешных интеграционных практик.

Руководствуясь целью определить основные факторы, способствующие интеграции релоканта в принимающее сообщество Израиля, и сформулировать варианты поведенческих моделей или, иначе говоря, интеграционных стратегий, автор настоящего исследования уделял внимание отличительным чертам израильских релокантов, искал взаимосвязи исходных мотивов релокации и ее успешности в конкретный временной промежуток, и разрабатывал рекомендации относительно наиболее успешного алгоритма поведения для релоканта, который хочет интегрироваться в принимающее сообщество Израиля.

На первом этапе исследования было проведено 16 полуструктурированных интервью – знакомств. На втором этапе было проведено 10 углубленных, открытых интервью в формате виртуальной прогулки по городу. К началу этого этапа респондент готовил карту города, в котором живет, отмечал на ней места, которые считал важными для своей интеграции в принимающее сообщество, добавлял к этим местам иллюстрации. Второе интервью проводилось примерно через месяц после первого, что позволило наблюдать процесс интеграции в динамике.

В процессе анализа полевого материала были выявлены осознанные релокантами поведенческие модели, содержащие определенный набор действий, способствующий достижению ими поставленных перед переездом целей.

Интеграционные стратегии

Концептуальную основу для выделения интеграционных стратегий составила система идентифицируемых индикаторов интеграции транснацио-

нальных мигрантов в принимающее сообщество, разработанная Л. Ременник (профессор университета Бар-Илан, Израиль) (Remennick 2015). Лариса Ременник, израильский социолог, в 1991 г. репатрировалась из России и свой научный интерес сконцентрировала на изучении постсоветской иммиграции в Израиль. Система индикаторов интеграции, разработанная Л. Ременник, ориентирована на первое поколение мигрантов и основана на массовых социологических исследованиях в Израиле.

К числу выделяемых Л. Ременник индикаторов относятся владение языком принимающего сообщества, появление двуязычия; наличие квалифицированной работы; расширение видов социальных связей, включающих членов принимающего сообщества.

Исследование Л. Ременник перекликается с работами другого израильского социолога Т. Горовиц, которая выделяет следующие адаптационные сценарии иммигрантов из России в Израиле:

1) сценарий ассимиляции отличает то, что иммигрант ориентирован на конструирование новой идентичности и на полное принятие норм и ценностей израильского общества, а также на отказ от норм и ценностей общества исхода;

2) сценарий сепарации соответствует ситуации, когда иммигрант не только не планирует отказываться от своего культурного наследия, но и распространять и популяризировать его в среде принимающего сообщества;

3) сценарий транснациональности предполагает, что иммигранты сохраняют двойное гражданство и принадлежность одновременно к двум и более культурам;

4) сценарий гибридной адаптации, иллюстрирующий, как в разные жизненные периоды иммигрант может пользоваться любым из вышеперечисленных сценариев. Этот сценарий обуславливает взаимное влияние культуры иммигранта и местной культуры (Horowitz 2005).

В результате анализа собранного в ходе исследования полевого материала было выделено несколько интеграционных стратегий.

Часть релокантов после переезда в Израиль умышленно отказывается от взаимодействия с русской общиной, рассчитывая на более быструю интеграцию в принимающее сообщество. Эта стратегия перекликается с адаптационным сценарием ассимиляции Т. Горовиц. Безусловно, эта стратегия как нельзя лучше соответствует цели «стать своим» для коренных израильтян. Следуя этой стратегии, релокант уделяет особое внимание изучению иврита, проходит социальную «инициацию» в виде службы в армии, формирует свое окружение – профессиональное и личное – из израильтян. Релокант открыто воспринимает разницу культур, с интересом наблюдает за чуждыми для российской ментальности элементами поведения и старается им подражать. Например, одна из респонденток (ж., 30 лет) с восторгом делилась своими впечатлениями: «...как-

то я шла в яркой пышной юбке по улице. Ко мне подошла незнакомая женщина, поговору израильтянка, совершенно беззастенчиво потрогала мою юбку, похвалила и спросила, где я такую купила... в Израиле это нормально, вот так просто заговорить с чужим человеком на улице».

Высокий уровень интеграции в принимающее сообщество не мешает респондентке осознавать свою идентичность как двойственную, чувствовать себя частью и израильского народа, и российского. Респондентка не исключает себя из российского информационного поля, поддерживает связи с родителями, оставшимися в России.

Избранная респонденткой в силу жизненных обстоятельств стратегия положительно сказалась на ее интеграции в принимающее сообщество, позволила стать полноценным гражданином двух стран и жителем «двух миров».

Условно эту стратегию можно обозначить как стратегию полного принятия новой культуры. Она характеризуется избеганием общения с русскоязычной общиной, минимизацией в использовании русского языка, перениманием манеры поведения и речевых оборотов коренного населения.

Однако в ходе сбора полевого материалы встречались респонденты, настроенные по отношению к Израилю очень рационально и отчасти даже меркантильно. Например, одна из респонденток (ж., 26 лет) в интервью признавалась, что иврит ей не нравится, она учит его только потому, что хорошее знание языка – одно из условий при прохождении процедуры подтверждения диплома. Язык принимающей стороны воспринимается не с сентиментальной точки зрения как «язык далеких предков», а сугубо с рациональной позиции – как инструмент, который обеспечивает значительную долю успеха всего предприятия. Та же респондентка (ж., 26 лет) начала ходить на свидания с израильтянами «отчасти от скуки», но во многом для того, чтобы практиковать свой иврит, т.е. из рациональных мотивов.

Впрочем, такое сдержанное отношение к Израилю, его языку, культуре и менталитету, не помешало респондентке осуществить свои карьерные замыслы, успешно сдать экзамен на знание иврита, подтвердить свой диплом и участвовать в конкурсе в ординатуру в один из самых престижных медицинских центров мира.

Эту стратегию, по совокупности характеристик, обозначим как карьерную. Основной ее признак в том, что Израиль рассматривается не как страна постоянного проживания, но как страна карьерного старта. Однако даже в рамках этой стратегии речь идет не о краткосрочных перспективах до 1 года, а о необходимости прожить в стране 5 и более лет. Карьерная стратегия не предполагает как принятия культуры и ментальности новой страны, так и добровольных контактов с ее носителями.

Особняком от других респондентов стоят релоканты, осуществившие свой переезд только после тщательной подготовки, сбора информации и планирования. Так, респондентка (ж., 34 года) начала готовиться к репатриации вскоре после начала СВО. Будучи по профессии архитектором, она поставила себе цель не просто переехать в Израиль, а профессионально реализоваться в новой стране, работать по специальности в израильской компании.

В рамках подготовки к переезду она заранее подключилась к различным релокантским чатам в Израиле, консолидируя информацию о том, как проходит интеграция и к чему нужно быть готовым. В том числе она обратила внимание, что абсолютное большинство релокантов – новых репатриантов жалуются, что первые полгода проходят в эмоциональном напряжении от большого количества жизненных перемен и резкого выхода из зоны комфорта, и эти полгода могут быть совершенно непродуктивны в плане зарабатывания денег. Готовясь к этому периоду полугодовой адаптации, когда *«ты просто лежишь, как тюлень, и ничего не можешь и не хочешь делать»*, респондентка (ж. 34 г.) частично продала свою российскую собственность и часть вырученных от продажи денег отложила на 6 месяцев «простоя», обеспечив себе финансовую подушку. Более того, в течение всех 2 лет жизни в Израиле респондентка ведет *«финансовую модель»*, фиксируя все доходы и расходы, *«чтобы понять, когда мы выйдем в плюс»*. Наличие такой модели позволяет респондентке не просто планировать и контролировать финансовую сторону интеграции в новое общество, но и обеспечивает ей психологическое спокойствие и дает возможность принятия адекватных оперативных решений, в том числе относительно трат на интеграцию (частные уроки иврита, членские взносы в различные бизнес-клубы, арендная плата за более дорогое жилье и т.д.).

Первые 6 месяцев пребывания в Израиле действительно были для респондентки малопродуктивны в плане зарабатывания денег, но благодаря финансовой подушке и моральной готовности к долгому периоду невостребованности на рынке труда, респондентка не только успешно за эти 6 месяцев привыкла к жизни в Израиле, но и с пользой инвестировала все свободное время в изучение иврита, полагая, что *«уровень языка определяет твой круг общения»*.

Выбирая вместе с мужем город, чтобы снять квартиру, респондентка исходила из мнения, что *«вся экономическая жизнь кипит в центре, и предпринимателей здесь больше, и заказов больше, и активных людей»*. Поэтому, несмотря на сравнительно дорогую аренду, выбор был сделан в пользу Тель-Авива. Чтобы попасть в окружение людей того уровня дохода, каким респондентка сама хотела бы обладать, она вступила в клуб местного бизнес-сообщества, регулярно платила членские взносы, посещала все мероприятия, выстраивала новые социальные связи, в том числе практиковала иврит.

В плане выбора работы респондентка заняла принципиальную позицию: не работать не по специальности. Респондентка вспоминала, что при отъезде свекровь пугала ее, что *«придется полы мыть»*. И действительно, очень многие репатрианты в начале пути проходят через этап низкоквалифицированного труда, который не требует знания иврита или специальных профессиональных знаний. Однако респондентке удалось этого избежать. Первая ее работа в Израиле театральным художником была близка к специальности и позволила потренировать свой профессиональный иврит. Параллельно респондентка продолжала дистанционную работу над российскими проектами. На одном из мероприятий для новых репатриантов она познакомилась с архитектором из России, который уже реализовал ее мечту, устроившись на работу в одно из архитектурных бюро Тель-Авива. Респондентка показала ему свое портфолио и получила ряд рекомендаций с точки зрения повышения его привлекательности для работодателей. С целью повысить интерес работодателей к своему резюме респондентка также обратилась за платной консультацией в местное агентство по подбору персонала и переписала свое российское резюме под вкусы израильского работодателя.

Одной из профессиональных амбиций респондентки было желание проектировать и строить высотные здания. Чтобы психологически себя к этому настроить и заодно увеличить количество контактов с принимающим сообществом, респондентка время от времени меняла коворкинги для работы, предпочитая помещения в высотных зданиях.

Итогом последовательных и целенаправленных действий респондентки стало предложение о работе по специальности от израильской компании, причем по результатам испытательного срока респондентка получила заработную плату, соответствующую верхней планке зарплат в данной отрасли на этой должности в Израиле.

Пожалуй, одним из мерил «включенности» релоканта в принимающее сообщество может служить реакция на военные действия. Респондентка переехала в Израиль после начала Войны железных мечей в Газе, поэтому о каком-то прямом влиянии на нее этого военного конфликта говорить нельзя. Однако к началу военной операции в Иране, названной в Израиле «Народ как лев», респондентка уже прожила в Израиле 1,5 года. Респондентка так комментирует свои ощущения от войны с Ираном: *«...мы тут воюем изо всех сил: ходим в миклат, я репоцу мемы и иногда, когда мне нужно слить агрессию, пишу что-нибудь в тредс и борюсь с проиранцами пока не надоест... а вообще все, в целом, в порядке, в первую атаку мы что-то долго собирались в миклат... он общественный, хороший, до него всего 5 минут пешком ... и мы бежали уже под ракетами, их много было. Вот один момент страшно было и еще, когда ракета прилетела в центр в Сарону, это деловой центр у нас тут... мы как раз вот-вот как-то выровнялись финансово и есть запас*

на месяц-полтора повоевать без того, чтобы переживать из-за денег. Короче норм все...». Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что респондентка чувствует себя вполне комфортно в центре военного конфликта на Ближнем Востоке и уезжать из Израиля не планирует.

Таким образом, описанную совокупность обдуманных действий, которые должны привести к интеграции, можно назвать проектной стратегией, т.е. релокант рассматривает свою интеграцию как проект: ставит цели, которые должны быть решены в рамках реализации проекта, выделяет в этом проекте определенные этапы; определяет артефакты, которые будут соответствовать переходу с этапа на этап, определяет критерии успешности проекта и определяет бюджет.

В ходе проведения интервью с релокантами еще одна поведенческая модель привлекла наше внимание с точки зрения ее влияния на степень интеграции в принимающее сообщество. Респондент (м., 40 лет) в России занимался научной деятельностью, много лет проработал в химической лаборатории. После переезда в Израиль по программе экстренной репатриации он устроился работать в один из научных институтов по специальности. Окружение – завлабы, ученые и ассистенты, внешние атрибуты – сама лаборатория, пробирки, приборы, сфера деятельности – наука и даже режим дня этот респондент сохранил точно такими же, какими они были в России.

Сам он об этом говорит так: *«... вот есть два момента в адаптации, которые помогли мне чувствовать себя почти как дома. Это музыка и это институт. То есть, на самом деле, это был не институт, это был университет, аграрный факультет Еврейского университета в Иерусалиме, который располагался как раз в Реховете. Выглядело это как то же самое, те же центрифуги, те же... пипетки, все абсолютно то же самое. Да, я иду поздно с работы, тоже я ухожу почти последний. В общем, все было, говорю, дело совершенно так же, только пальмы...».*

Вторым элементом «чувства дома» для респондента стало хобби. Он увлекается современной академической музыкой, и всегда, независимо от внешних обстоятельств, имеет действующий абонемент в местную городскую филармонию. Когда он жил в России, он не реже одного раза в неделю посещал концерт академической музыки. Эту привычку он без всяких изменений сохранил в Израиле. Сразу после переезда респондент и его семья жили на юге страны, ближе к сектору Газа. После начала военного конфликта были вынуждены переехать севернее. И первое, что сделал респондент после того, как смог арендовать квартиру с отдельным бомбоубежищем, – он снова купил абонемент в местную филармонию.

При переезде респондент весьма ответственно отнесся к переносу своего хобби на новое место и заранее подбирал израильские коллективы, на концерты которых будет ходить, просчитывал логистику от

предполагаемого места жительства до концертных площадок. *«...На самом деле, когда я смотрел весной 22 года, как я буду жить в Израиле, я выбирал не только работу. Я выбирал еще то, как я буду слушать музыку. И я уже знал этот Ансамбль 21 века, я нашел его в интернете, я его слушал, это было потрясающе. И теперь я, вот сейчас я уехал из Реховета в Хайфу, от Хайфы до Тель-Авива гораздо дальше...».*

Третий элемент, который респондент сам не выделяет, но который красной линией проходит через все интервью, – близость к морю. Респондент в начале разговора упоминает, что родился во Владивостоке, и всю свою взрослую жизнь в России в центре страны ему не хватало близости большой воды. При описании Хайфы и своей новой квартиры респондент несколько раз упоминает, что если подняться от его дома немного в гору, то обязательно увидишь море и это «очень успокаивает».

Во время второй части интервью в формате виртуальной прогулки по городу респондент в Хайфе выделяет канатно-кресельную дорогу, с кабинок которой «можно любоваться морем»: *«...на море надо смотреть. А купаться, ну, время от времени, летом поехать отдохнуть на островах, искупаться. А так море, оно должно быть все время видно из окна. Радовать глаз. Да, где я живу, из окна не видно, потому что мы живем практически на уровне моря. И тут до моря надо пройти минут 10. И его не видно. А если подняться на одну улицу выше, всего лишь по лесенке, то это море видно. И вот я очень люблю, и вот сейчас, когда... когда бомбежка, когда далеко идти нельзя, потому что на море нет бомбоубежищ. Ну, почему-то нет там бомбоубежищ. Вот. То можно просто подняться, и уже видно это море. И мне этого достаточно...».*

Таким образом, этот респондент, хотя и не осознавая, как способ интеграции, но осознанно реконструируя в новой стране проживания все то, что ему нравилось и в старой – работу, хобби и природный ландшафт, создал для себя эмоционально комфортные условия. Однозначно в его текущем положении прослеживается некоторая сепарация, отдаленность от коренных израильтян, однако его нынешний уровень интеграции позволяет ему успешно осуществлять профессиональную деятельность, проводить свободное время за любимым делом и любоваться морем. Такую поведенческую модель можно обозначить как стратегию переноса привычного образа жизни в новое окружение.

Все четыре выявленные интеграционные стратегии отражают разные поведенческие модели, достигающие одной цели – успешной реализации человеческого и профессионального потенциала в принимающем обществе.

Факторы, способствующие интеграции и препятствующие ей

Во всех четырех выделенных стратегиях респонденты уделяли много внимания изучению иврита. Хотя официальный язык Израиля – иврит,

но Израиль как страна переселенческая и постоянно консолидирующая людей из разных стран свободно говорит на английском языке. Респонденты, не знавшие иврит, но хотя бы немного говорящие на английском языке, уже были успешнее в своих попытках получить работу или расширить круг своих социальных связей, чем те, кто не знал никаких других языков, кроме русского. Таким образом, первостепенным фактором, способствующим интеграции, выступает знание языка и культуры принимающего сообщества, а дополнением к нему выступает знание английского языка.

Второй фактор, который отмечают все респонденты, это профессиональная самореализация в принимающем сообществе. Как правило, она недостижима без должного уровня знания языка (за исключением случаев, когда релоканты открывают бизнес, ориентированный на таких же русскоговорящих релокантов, как они сами).

Общение с коллегами по работе или сокурсниками по учебе, взаимодействие в рамках очных и онлайн-мероприятий для репатриантов, посещение клубов по интересам и тематических вечеринок – все это важные элементы интеграции, дающие релоканту чувство дома. Социальная активность может выражаться в регулярных прогулках в местах скопления людей, в стремлении почувствовать себя в толпе «своих». Включенность в социальную активность вне дома можно отметить как третий существенный фактор.

Можно выделить следующие инструменты, способствующие интеграции:

- отказ от взаимодействия с русскоговорящим сообществом;
- попытка найти пару из местных как при помощи очных мероприятий и «тусовок», так и при помощи приложений для знакомств;
- клубы по интересам, например закрытый клуб предпринимателей;
- повышение уровня языка, в том числе при помощи частных уроков;
- продвижение в рамках своей профессии, в том числе участие в школе стартапов и найм профессиональных HR-ров для корректировки резюме, или участие в мероприятиях карьерного центра;
- занятия спортом в смешанных группах – серфинг, фрисби, тайчи, йога и т.д.;
- психологическая гигиена, работа с психологом, медитации;
- концентрация на интернациональных сферах, например на музыке.

К факторам, препятствующим интеграции, в первую очередь относится разница культур, так называемый культурный шок (Чернышева 2007). Эта разница проявляется в столкновении российского коллективистского и израильского индивидуалистического сознаний (например, одна из респонденток (ж., 39 лет) отмечала, что израильтяне гораздо более раскованные и не стесняются выразить свои эмоции, могут «неожжи-

данно громко запеть песню, просто потому что у них соответствующее настроение, и мнение окружающих их не заботит»), в дистанции по отношению к власти (например, респондент (м., 40 лет) с удивлением комментировал взаимодействие израильтян в рабочей обстановке, отмечая, что в рамках лаборатории лаборант и завлаб придерживались нейтральных отношений, но выходя на обед, начинали кричать друг на друга, отстаивая противоположные политические взгляды), в базовых человеческих ценностях (в российской культуре принято больше внимания уделять воспитанию, эрудиции, «качеству» человека, в то время как в израильской культуре больший акцент делается на амбициозности и целеустремленности человека).

Незнание языка и невозможность удовлетворить базовые потребности в общении могут вызывать фрустрацию или «культурный шок». Скоротечный переход от одного типа культуры к другому может вызывать «социальный шок». Невостребованность профессии релоканта на израильском рынке труда и невозможность трудоустроиться по специальности, необходимость устраиваться на низкоквалифицированную работу вызывает «профессиональный шок». Ранее среди социологов было принято выделять еще и «фугуро-шок» (Чернышева 2007), вызванный стрессом от разницы технологического развития стран исхода и прибытия, однако на сегодняшний день эта ситуация изменилась на прямо противоположную – многие респонденты отмечают, что испытали стресс от бытовой «простоты» израильской жизни, отсюда и рождение мема про «тыквенный латте». Респонденты, переехавшие в Тель-Авив из Москвы, особо подчеркивают «провинциальность» столицы, нередко говорят, что культурная жизнь Израиля «застряла в 90-х».

Фактором, оказывающим неоднозначное влияние на степень интеграции релоканта, по результатам исследования, признано наличие детей и семьи. С одной стороны, наличие детей может стимулировать релоканта быстрее выходить из привычной «зоны комфорта» и осознанно предпринимать меры для интеграции в израильское сообщество, чтобы обеспечить детям «будущее в Израиле». Кроме того, русскоязычные дети, попадая в ивритоговорящую среду, как правило, быстрее взрослых овладевают языком и поведенческими моделями, характерными для израильтян, и таким образом родители интегрируются в том числе и через собственных детей. С другой стороны, страх за физическую безопасность детей в условиях агрессивной внешней политики Израиля отталкивает часть родителей как от процесса интеграции, так и от репатриации в целом.

Аналогично неоднозначен фактор наличия или отсутствия постоянного партнера. Часть респондентов отмечают, что больше нуждались в общении и легче находили контакт с местным населением, когда были одинокими, а будучи в браке, концентрировали свое внимание только на партнере. Другая часть респондентов отмечает, что наличие постоянного

партнера сыграло положительную роль в их интеграции, потому что они чувствовали поддержку и вместе преодолевали трудности.

Заключение

Анализ интеграционных стратегий релокантов в Израиле показывает, что процесс интеграции является многомерным и адаптивным, отражая как индивидуальные особенности релокантов, так и специфику принимающего общества. В исследовании выделены четыре ключевые стратегии интеграции: полное принятие новой культуры (ассимиляция), карьерная, проектная и стратегия переноса привычного образа жизни. Эти стратегии гармонично коррелируют с концепциями, предложенными Л. Ременник и Т. Горовиц. Кроме того, выделенные стратегии созвучны с классической теорией культурной адаптации Д. Берри (Berry 1997), выделяющего ассимиляцию, сепарацию, интеграцию и маргинализацию как базовые стратегии аккультурации.

Стратегия полного принятия новой культуры подтверждает доминирующую роль языковой, культурной и социальной адаптации для формирования чувства принадлежности к принимающему сообществу, подерживая выводы Л. Ременник о значимости освоения языка, профессиональной и социальной интеграции. Карьерная и проектная стратегии демонстрируют более инструментальный подход к интеграции, где получение образования, профессиональная реализация и финансовое планирование становятся ключевыми факторами включения в новое общество.

Одновременно отмечается, что, даже полностью интегрируясь в общество Израиля, релоканты нередко сохраняют двойственную идентичность, подтверждая концепцию культурной гибридности и транснационализма.

В результате исследования были выявлены факторы, способствующие интеграции, и отдельные инструменты, сознательно применяемые релокантами для сближения с принимающим сообществом.

Вместе с тем одни и те же факторы могут способствовать интеграции или препятствовать ей в зависимости от того, какую позицию занимает релокант по отношению к этому фактору. Например, одна из респонденток (ж., 37 лет), владелица собственного бизнеса, готовясь к репатриации, освоила востребованную в Израиле специальность грумера, что позволило ей с первых же дней начать достойно зарабатывать в новой стране. Другой респондент (м., 46 лет), будучи журналистом по специальности, не получил никакой дополнительной специальности заранее, до переезда, в интервью постоянно сетовал, что он «гуманитарий», по итогу первый год жизни в Израиле работал на низкоквалифицированной

работе. Способность видеть в каждой новой задаче не трудность, но возможность, делает одного релоканта более успешным в интеграционном процессе относительно другого.

Примечания

¹ В данном случае слово «алия» используется с иронией, потому что к «алие» с 2022 г. стали относить не только возвращение евреев, а вообще любую массовую релокацию, причем осуществляемую не из-за религиозных или национальных мотивов, а чаще из-за политических, экономических или идеологических причин. Тыквенный латте – это символ новой городской интеллигенции, представителей модных профессий, фрилансеров, айтишников, креаторов, т.е. людей, зачастую далеких от традиционной религиозной еврейской идентичности, но близких к западной городской культуре. Тыквенный латте – популярный осенний кофе в Starbucks, который ассоциируется с современной «урбанистической» молодежью и стилем жизни. Таким образом, термин «алия тыквенного латте» возник как ёмкая ироничная формула массового исхода молодых профессионалов из России – не вследствие религиозных или этнических причин, а как следствие политических изменений, иронизируя над мотивами и образом жизни уезжающих. Считается, что он активно стал использоваться в соцсетях и медиа в 2022 г., быстро распространился и стал мемом. В Telegram существует паблик (канал) с названием, связанным с этим мемом, – например, популярный канал «Алия тыквенного латте» (<https://t.me/lattealiyah>). Этот канал посвящен жизни русскоязычных релокантов в Израиле и обычно обсуждает темы переезда, адаптации, менталитета, бытовых и юридических аспектов, а также разные мемы на тему релокации.

Список источников

- Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л. Релокация персонала: новые вызовы и возможности // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 1. С. 8–26. doi: 10.28995/2073- 6304-2024-1-8-26
- Великих П.К., Денежко А.А. Релокация персонала: новые возможности трудоустройства в современном бизнес-пространстве // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2018. С. 145–147.
- Исследовательский проект Outrush. URL: <https://outrush.io>
- Миграционная статистика Израиля משרד העלייה והקליטה URL: <https://www.gov.il/he/pages/aliyah-data-2024>
- Мошкова Т.Д. Факторы формирования современной русскоязычной общины государства Израиль // Международные отношения. 2017. № 2. С. 16–24. doi: 10.7256/2454-0641.2017.2.23059
- Новостной портал ВЕДОМОСТИ URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/12/31/1084655-naselenie-izrailya-10-mln>
- Сайт Министерства алии и интеграции. URL: https://www.gov.il/ru/pages/absorption_basket
- Сайт Посольства РФ в государстве Израиль. URL: https://israel.mid.ru/ru/countries/informatsiya_ob_izraile
- Счисляева Е.Р., Панова Е.А. Релокация персонала в системе управления мобильностью трудовых ресурсов // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 6. С. 381–384.
- Толь М. Эмиграция из России в Израиль: динамика потока и его составляющие в 1990–2023 гг. // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (4). С. 52–68.
- Фельдман Э. «Русский» Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет ДС, 2003.

- Чернышева Е.С. Профессиональная интеграция в израильский социум русскоязычных ученых-репатриантов (1985–2006 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 56 (4-2). С. 172–176.
- Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. № 46. С. 5-34. doi: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Horowitz T. The Integration of Immigrants from the Former Soviet Union // *Israel Affairs*. 2005. № 11 (1). P. 117–136. doi: 10.1080/1353712042000324481
- ICMPD Migration Outlook. International Center for Migration Policy Development. URL: https://www.icmpd.org/file/download/59104/file/230215_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_final.pdf
- Remennick L. Transnational Lifestyles among Russian Israelis: a Follow-Up Study // Современные проблемы исследований транснационализма и миграции: сборник научных трудов / под ред. П. Кивисто, А.В. Резаева. СПб., 2015. С. 28–36.
- The Jewish agency for Israel. URL: <https://www.jewishagency.org/ru/return-law/>

References

- Arkhipova N.I., Nazaikinsky S.V. & Sedova O.L. (2024) Personnel relocation: new challenges and opportunities. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law"*. 1. pp. 8–26. (In Russian) DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-8-26
- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 46. pp. 5–34. DOI:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Chernysheva E.S. (2007) Professional integration into Israeli society of Russian-speaking scientists-repatriates (1985–2006). *Bulletin of the Altai State University*. 56 (4-2). pp. 172–176.
- Feldman E. (2003) «Russkii» Izrail': mezhdu dvukh poliusov ["Russian" Israel: Between Two Poles]. M.: Market DS.
- Horowitz T. (2005) The Integration of Immigrants from the Former Soviet Union. *Israel Affairs*. 11 (1). pp. 117–136. DOI:10.1080/1353712042000324481
- ICMPD Migration Outlook. International Center for Migration Policy Development. Available at: https://www.icmpd.org/file/download/59104/file/230215_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_final.pdf
- Migration statistics of Israel משרד העלייה והקליטה Available at: <https://www.gov.il/he/pages/aliyah-data-2024>
- Moshkova T.D. (2017) Factors in the Formation of the Modern Russian-Speaking Community of the State of Israel. *Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2. pp. 16–24. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.2.23059
- News portal VEDOMOSTI. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/12/31/1084655-naselenie-izrailya-10-mln>
- Remennick L. (2015) Transnational Lifestyles among Russian Israelis: a Follow-Up Study. In: *Contemporary Problems of Transnationalism and Migration Research. Collection of Scientific Papers* / edited by P. Kivisto, A.V. Rezaev. St. Petersburg. pp. 28–36.
- Research project Outrush. Available at: <https://outrush.io>
- Schislyaeva E.R. & Panova E.A. (2014) Personnel Relocation in the Labor Mobility Management System. *Audit and Financial Analysis*. 6. pp. 381–384.
- The Jewish agency for Israel. Available at: <https://www.jewishagency.org/ru/return-law/>
- Tolts M. (2023) Emigration from Russia to Israel: Flow Dynamics and Its Components in 1990–2023. *Demographic Review*. 10 (4). pp. 52–68. (In Russian)
- Velikh P.K. & Denezhko A.A. (2018) Relokatsiia personala: novye vozmozhnosti trudoustroistva v sovremennom biznes-prostranstve [Personnel relocation: new employment opportunities in the modern business space]. In: *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potentsiala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost'*. Materialy I Mezhdunar.

nauchno-praktich. konf. Chast' 1 [Development of the intellectual and creative potential of young people: from the past to the present: Proceedings of the I Int. scientific and practical. conf. Part 1] / Ed. by S.V. Bespalova; Donetsk National University. Donetsk. pp. 145–147. Website of the Ministry of Aliyah and Integration Available at: https://www.gov.il/ru/pages/absorption_basket
Website of the Embassy of the Russian Federation in the State of Israel. Available at: https://israel.mid.ru/ru/countries/informatsiya_ob_izraile

Сведения об авторе:

КУДРЕВИЧ Анна Дмитриевна – магистр антропологии и этнологии, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).
E-mail: Ravioly405@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Anna D. Kudrevich, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: Ravioly405@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 октября 2025;
принята к публикации 15 ноября 2025.*

*The article was submitted 10.10.2025;
accepted for publication 15.11.2025.*

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 394; 001.891.55
doi: 10.17223/2312461X/50/8

Московская полевая этнография как документалистика: случай экспедиционной деятельности В.А. Туголукова

Святослав Олегович Ковальский

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
^{1, 2} sokovalsky@iea.ras.ru*

Аннотация. Исследуется экспедиционная деятельность московского этнографа-тунгусоведа В.А. Туголукова в контексте проблем характеристики послевоенного этнографического североведения и выделения научных школ в советской этнографии. На основе архивных и опубликованных материалов реконструируются параметры полевых выездов, совершенных В.А. Туголуковым в разные районы Сибири и Дальнего Востока с 1955 по 1981 г. Установленные организационные и временные рамки, пространственные формы и техники сбора материала интерпретируются в свете единиц экспедиционного изучения и тематики полевых выездов. Автор показывает, что значения установленных параметров полевых выездов могут находить свое объяснение в двойственном характере этих единиц и тематики. Указываются как формальные сходства, так и существенные расхождения с практикой раннесоветских московских этнографов. Делается вывод об определяющем значении работы с документами для экспедиционной деятельности В.А. Туголукова, что позволяет рассмотреть «документальность» как отличительную черту послевоенного московского этнографического североведения.

Ключевые слова: история этнографической науки, московская этнографическая школа, этнографическое североведение, полевая работа, Северная экспедиция Института этнографии АН СССР

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарности начальнику отдела архива ИЭА РАН В.В. Слисковой за помощь в подборе архивных дел; А.С. Басову и М.А. Мочаловой за вдохновляющее чувство общего дела; С.С. Алымову и С.С. Петряшину за побуждение взяться за этот текст; Е.А. Пивневой, Е.П. Батяновой, А.А. Сириной и М.М. Керимовой за поддержку историко-научных начинаний; А.О. Балихиной за терпение.

Для цитирования: Ковальский С.О. Московская полевая этнография как документалистика: случай экспедиционной деятельности В.А. Туголукова // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 143–185. doi: 10.17223/2312461X/50/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/8

Moscow Field Ethnography as a Documentary Practice: The Case of V.A. Tugolukov's Expeditionary Activity

Sviatoslav O. Kovalskii^{1, 2}

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

² Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

^{1, 2} sokovalsky@iea.ras.ru

Abstract. This article explores the expeditionary activities of Moscow-based ethnographer and Tungusologist V.A. Tugolukov in the context of the challenges associated with the characterization of post-war ethnographic northern studies and the identification of scientific schools in Soviet ethnography. Based on archival and published materials, the paper reconstructs the parameters of the field trips undertaken by V.A. Tugolukov to various regions of Siberia and the Russian Far East between 1955 and 1981. The established organizational and temporal frameworks, spatial forms, and techniques of data collection are interpreted in light of the units of expeditionary study and the themes of the field trips. The author demonstrates that the significance of the established parameters of field trips can be explained by the dual nature of these units and themes. The study identifies both formal similarities and significant differences with the practices of early Soviet Moscow ethnographers. The paper concludes that the crucial role of working with documents in Tugolukov's expeditionary activities allows for considering "documentality" as a distinctive feature of post-war Moscow ethnographic northern studies.

Keywords: history of anthropology, Moscow ethnographic school, ethnographic northern studies, fieldwork, Northern Expedition of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences

Acknowledgements: This research was carried out as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics. The author expresses gratitude to V.V. Sliskova, head of the archive department of the Institute of Ethnography, Russian Academy of Sciences, for her help in selecting archival materials; A.S. Basov and M.A. Mochalova the inspiring feeling of partaking in a collective action; S.S. Alymov and S.S. Petryashin for encouraging the author to take up this text; E.A. Pivneva, E.P. Batyanova, A.A. Sirina, and M.M. Kerimova for their support of the author's humble beginnings in the study of the history of anthropology; A.O. Balikhina for her patience.

For citation: Kovalskii, S.O. (2025) Moscow Field Ethnography as a Documentary Practice: The Case of V.A. Tugolukov's Expeditionary Activity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 143–185 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/8

Введение

В научной литературе по истории советской этнографии встречается противопоставление московского и ленинградского северо- и сибиреве-

дения¹. Последнее противопоставляется первому как традиционалистское – новаторскому (Schweitzer 2001: 228), академическое – прикладному (Головнев, Данилова 2021: 133) и полевое – теоретическому (Vitebsky, Alekseyev 2015: 444). Приводятся и более тонкие различия: ленинградские североведы характеризуются музейной базой, вниманием к материальной культуре (Sirina 2023: 595; Schweitzer 2001: 228), языку и фольклору (Sirina 2023: 595), а также приоритетом в изучении религии, в частности шаманизма (Funk 2018: 9); московские – сочетанием этнографических, архивных, антропологических и археологических материалов (Sirina 2023: 595).

Большинство этих противопоставлений относится к послевоенному периоду, однако некоторые исследователи идут дальше и рассматривают ленинградское и московское североведение как две школы, существование которых охватывает и раннесоветский период (см., напр.: Пивнева 2022; Сирина, Давыдов 2020; Sirina 2023). И в том и в другом случае есть некоторые проблемы, заслуживающие разрешения.

В первом случае нет ясных и общих критериев выделения различных признаков. В качестве критериев выступают то тематические предпочтения (Schweitzer 2001: 228), то – «стиль» (Vitebsky, Alekseyev 2015: 444), то – подход к изучению этногенеза (Sirina 2023: 595), или же они и вовсе не оговариваются (см. Головнев, Данилова 2021). Вместе с тем можно увидеть напряжение между некоторыми из выделяемых различительных признаков. Так, не вполне понятно, как в рамках названных дихотомий могут сочетаться в московском североведении упомянутые выше теоретичность (неполевой характер) и прикладной характер (не-академичность), особенно если учесть, что последний во многом выводится из практики подготовки для органов власти докладных записок, основанных на свежих полевых(!) наблюдениях (Предисловие 2004: 7). Более того, приоритет прикладных исследований для московских этнографов может быть поставлен под сомнение, как это было убедительно продемонстрировано на примере их основных публикаций (Funk 2018: 8).

Главная проблема второго случая во многом аналогична первому – здесь не ясны основания идентификации школ. В советской этнографии эта проблема поднималась еще в перестройку. Тогда Ю.В. Бромлей и М.В. Крюков (1987: 49–50) отметили, что школы выделяются «в соответствии с их теоретическими позициями, специфическими методами и степенью последующего воздействия на развитие этнографической мысли», а также, что «специфическое лицо различных школ» в значительной мере определяется «особенностями представлений о ...предмете и методе». Несмотря на вполне определенный перечень оснований (теория, объект, предмет, метод, влияние), по мнению позднесоветских этнографов, требовался «более дифференциальный подход», для которого, однако, еще не было выработано «должного таксономического

критерия». Необходимость эта вытекала из того, что термин «школа» применялся к явлениям разного порядка. В частности, к таковым были отнесены «школа Анучина» – частый синоним «московской этнографической школы» – и «ленинградская этнографическая школа»². Контекстом этого рассуждения выступала подготовка очередного выпуска «Свода этнографических терминов и понятий» (Этнография ... 1988). Впрочем, к его изданию «должный таксономический критерий» так и не был сформулирован³. Тем не менее ни «школа Анучина», ни «ленинградская этнографическая школа» в качестве статей раздела «Школы и направления» в выпуск не вошли. Это заставляет думать, что некоторый критерий у составителей справочного издания все же был, однако он так и остался не проясненным.

Пожалуй, наиболее определенную концепцию (если не сказать единственную) научной школы в рамках истории этнографической науки предложил А.А. Никишенков (1982: 55–57). В этом он опирался на идеи советских науковедов. Научная школа представлялась коллективом, объединенным фигурой лидера, под руководством которого осуществляется научная деятельность в рамках общей исследовательской программы. Десятилетием позже, однако, историк этнографической науки пересмотрел свои взгляды: признал свои прежние попытки неуспешными, охарактеризовал их как выполненные в «школярской манере» и отказался от строгих определений (ср.: Размышления ... 1996: 17).

В свете вышенаписанного неудивительно, что и в литературе по истории московского и ленинградского североведения читатель не найдет (во всяком случае автору этих строк не удалось найти) явных и согласованных определений «школы». Напротив, в иной позиции можно увидеть отказ в возможности таких определений, например, если эта позиция исходит из несомненности того, что понятие «научная школа» меняет «свое содержательное наполнение в разные временные и исторические периоды»⁴ (Сирина, Давыдов 2020: 14). Допустим, последнее – верно. Тогда, если не обращаться к науковедческой литературе и историзовать дихотомию «московский–ленинградский», выделение школ можно возвести к самоопределению и взаимному различению московских и ленинградских этнографов раннесоветского периода⁵ (см.: Алымов, Решетов 2003: 249–257; Благодарим судьбу за встречу с ним ... 1995: 161–162; От классиков к марксизму ... 2014; ср.: Давыдов, Сирина 2017: 41; Размышления о судьбах науки 1996: 17). Первое, что при этом бросается в глаза, – в определениях-различениях того времени некоторые признаки были обратными, приведенным выше: прикладным скорее являлся ленинградский проект (Алымов, Арзютов 2014: 61), а музейным – московский (см.: От классиков к марксизму ... 2014: 275–277, 292–293, 321, 333; Ипполитова 2021: 156; ср. Кадук, Кадук 2021: 118–

119). Ключевым же критерием различения выступала концепция полевой работы (Алымов, Арзютов 2014: 58), в свете чего обе школы предстают в качестве полевых.

При этом деление на школы охватывало этнографию вообще, не ограничиваясь какой-то одной региональной специализацией, и, хотя некоторая регионоведческая специфика все же имела место, здесь уместно задаться вопросом: насколько оправдана в свете наших нынешних знаний «проекция» положения дел в этнографии в целом на положение дел в североведении в частности? Так, если ленинградскую этнографическую школу можно назвать в известной степени североведческой⁶ (ср.: Вахтин 2016; Лярская 2016), то о московской того же сказать нельзя: главным объектом ее «полевой этнографии» выступала Центральная Россия и Поволжье (Алымов, Решетов 2003: 256; также см.: От классиков к марксизму ... 2014: 303, 331).

Если, тем не менее, брать за основание идентификации школ самоопределения и взаимные различия самих этнографов, то нельзя не учитывать, что в послевоенный период среди них авторитетным было мнение о прекращении существования прежних школ и о сложении единой «советской школы»⁷ (Токарев 1958: 87). Хотя степень действительной унификации советской этнографии была поставлена под сомнение в позднесоветский период (Вайнштейн, Крюков 1988: 114), положение об искоренении раннесоветского плюрализма продолжает определять современные периодизации истории российской антропологии (Винер 2020: 153), и с этим необходимо считаться: проблема преемственности и разрывов между периодами стоит, что усугубляет неясность оснований идентификации школ.

В случае Ленинграда особенно остро стоит вопрос разрывов в связи с прекращением существования «проекта Богораза», волной репрессий против вовлеченных в него (Лярская 2016: 159–161), военной блокады города и потерь на фронте в годы Великой Отечественной войны (Вахтин 2020: 443–444; см.: Решетов 1995). И хотя выжившие представители ленинградской школы сосредоточились в ленинградской же части реорганизованного после войны Института этнографии АН СССР (см.: Кабо, б. д.; Воспоминания... 2008: 72), следующее поколение местных этнографов нельзя безоговорочно отождествлять с раннесоветской этнографической школой, что видно на примере такой значимой фигуры послевоенной ленинградской этнографии, как Р.Ф. Итс, первично социализировавшегося в востоковедческой среде (см.: Решетов 2008), а в своей роли организатора образования ориентировавшегося не в последнюю очередь на «московскую» этнографию (Козьмин, Верняев, Новожилов 2008: 26; Решетов 2004б: 113; Arzyutov, Kan 2017: 36–37). Другой пример, непосредственно из североведения – этнограф-кетолог

Е.А. Алексеенко – сотрудница ленинградского сектора Сибири, но выпускница московской кафедры этнографии («...И можно сказать, что счастлив» 2010: 7–9; Федорова 2017).

Применительно к московскому североведению, чтобы в принципе говорить о преемственности и разрывах, необходимо сначала понять, что оно из себя представляло в раннесоветский период. По этому вопросу обнаруживаются две конфликтующие точки зрения. С одной стороны, это выдвинутое некогда положение об отсутствии особой сибиреведческой традиции при наличии отдельных этнографов-североведов до Второй мировой войны (Schweitzer 2001: 185). С другой, – не замечающее этого положения недавнее исследование, в котором прослеживаются связи между несколькими московскими этнографами разных поколений, как если бы особая традиция имела место (Сирина, Давыдов 2020: 13–17).

К первой точке зрения склоняет видимая рассредоточенность этнографов, так или иначе занимавшихся североведением в раннесоветской Москве. В отличие от своих ленинградских современников и послевоенных «москвичей» они не были организованы в качестве этнографов-североведов общим лидерством и/или объединяющей институцией в области этнографического североведения. С.А. Токарев (1899–1985) – выпускник факультета общественных наук Московского университета и ученик П.Ф. Преображенского – в сибиреведение пришел из кабинетной океанистики и свой первый «сибирский» полевой опыт получил в экспедиции на Алтай, направленной Институтом истории Коммунистической Академии; позже он руководил вновь созданным отделом Северной Азии Музея народов СССР (Анчабадзе 2010). Б.А. Васильев (1899–1976) – выпускник физико-математического факультета Московского университета⁸, ученик Б.А. Куфтина – был сотрудником отдела Сибири Центрального музея народоведения (Сирина, Давыдов 2020: 6); Б.О. Долгих (1904–1971) – вольнослушатель Института антропологии, позже студент этнографического отделения этнологического факультета Московского университета – являлся членом Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, но впоследствии был сослан в Восточную Сибирь (Савоскул 2004: 127; 2009: 100). М.Г. Левин (1904–1963) – выпускник кафедры антропологии физико-математического факультета МГУ и ученик В.В. Бунака и Б.А. Куфтина – был сотрудником, позже заведующим отделом Сибири Центрального музея народоведения (Алексеева, Арутюнов 2004; Алымов, Решетов 2003: 245; Васильев, Урысон 2004: 239, 255). А.М. Золотарев – этнограф-самоучка – был в первую очередь связан с Государственной академией истории материальной культуры: здесь он окончил аспирантуру, работал в московском отделении и участвовал в экспедициях, главным образом на Нижний Амур (Артемова 2003: 195–196). Н.П. Никульшин (1908–1941) – выпуск-

ник историко-философского факультета Московского университета⁹, становление которого в качестве североведа происходило уже по окончании университета и за пределами Москвы – на Туринской культбазе в Эвенкии, после – в ленинградских этнографических учреждениях (Решетов 2004а).

Приведенный конгломерат людей, учреждений и их подразделений¹⁰, конечно, не был совсем бессвязным, но те связи, которые имелись, в большинстве своем определялись не североведческими штудиями, а принадлежностью к этнографическому сообществу в целом. Если представить московскую этнографию этого периода как онтологически плоскую сеть (узлами в равной степени являются люди и организации, а ребрами – связи между ними), то, пожалуй, получится выделить лишь два условно-североведческих «кластера»: 1) научно-исследовательская группа по этнографии при Комитете Севера, включавшая М.Г. Левина, С.А. Токарева и А.М. Золотарева (Этнография в Москве 1934)¹¹; 2) сибиреведческий круг Б.А. Куфтина – сосредоточенные вокруг фигуры последнего: отдел Сибири Центрального музея народоведения (возглавлялся им; Ипполитова 2001: 146), Б.А. Васильев и М.Г. Левин (его ученики и сотрудники музея; см. выше), а также «антрополого-этнографическая секция» Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока (под его руководством; Общество изучения Урала... 1925: 139)¹². Оба этих «кластера» были недолговечными и, как видно, охватывают не всех московских этнографов-североведов. Тем не менее во втором из них, а именно в истории Тунгусской экспедиции 1927/1928 гг. под руководством Б.А. Куфтина можно увидеть некоторые начатки такой организации, которая сближает со второй точкой зрения. Однако, даже если признать «школу» Тунгусской экспедиции – особой московской сибиреведческой традицией, весьма остро стоит проблема разрывов. Б.А. Куфтин был репрессирован и впоследствии отошел от североведения, посвятив себя кавказской археологии (Алымов, Решетов 2003: 257–262). Б.А. Васильев тоже был репрессирован (Сем, б. д.) и, хотя от североведения не отошел, значимой роли в послевоенном московском североведении уже не играл. Из всех участников экспедиции только М.Г. Левин был видным деятелем послевоенной советской этнографии. Он возглавлял первую послевоенную организацию московских североведов – полужформальную группу Севера (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 43). Тем не менее определяющей фигурой послевоенного московского североведения стал не он, а его сверстник – Б.О. Долгих, прошедший иную «школу» в области североведения – вне Тунгусской экспедиции. Достаточно плотное взаимодействие М.Г. Левина и Б.О. Долгих, равно как и известные отдельные связи, с одной стороны, между Б.А. Васильевым, М.Г. Левиным и, с другой – послевоенными московскими этнографами (напр., А.В. Смоляк; см.: Батьянова 2000), безусловно, являются аргументами в пользу неко-

торой преемственности между этнографами поколений, однако эти аргументы проблемы не исчерпывают, и существование с раннесоветского периода особой московской североведческой традиции, тем более школы, продолжает требовать доказательства.

Можно, конечно, списать со счетов названные проблемы, сославшись на «сложный», «нелинейный» характер развития науки и конфигурации связей в научном сообществе, но в таком случае следовало бы отказаться и от понятий «ленинградская этнографическая школа», «московская этнографическая школа», «традиции московской сибиреведческой этнографической школы» и т.п. Критика дихотомии московский – ленинградский при сохранении терминов этой дихотомии приводит в экспозиционный тупик (ср.: Strathern 2020: 169–170): изложенный в этих терминах материал, вопреки намерению излагающих, скорее убеждает в верности дихотомии.

По-хорошему решение обозначенных проблем в любой из хронологических рамок требует проведения сравнительного исследования на четко сформулированных основаниях. Такая масштабная работа, пожалуй, не может быть выполнена одним исследователем, а ее результаты, пожалуй, невозможно было бы адекватно представить в формате единичной статьи. Представляемое читателю исследование значительно скромнее. Его цель – лишь подступиться к решению обозначенных проблем, рассмотрев одну из сторон дихотомии – московскую – на примере экспедиционной деятельности конкретного послевоенного североведа – Владилена Александровича Туголукова (09.01.1924–19.04.1986).

Выбор фигуры Туголукова случаен и во многом обуславливается исследовательскими интересами автора¹³. Тем не менее для подобного рода исследования этот выбор вполне оправдан: научная биография Туголукова неразрывно связана с московским североведением послевоенного периода. Фокус на экспедициях, напротив, не случаен. «Поле» – краеугольный камень дисциплинарной идентичности (в советской этнографической литературе эта «краеугольность» выражалась, главным образом, в утверждении, что метод «непосредственного наблюдения» является отличительной чертой дисциплины; см., напр., Толстов 1960: 12), поэтому именно в отношении к полю можно ожидать проявления наиболее значимых черт, в том числе позволяющих говорить о преемственности и разрывах, а в пределе – выйти на вопрос о школах в советской этнографии.

Под отношением к «полю» я понимаю как концепцию, так и практику полевой работы. Это отношение определяется как фактическими сроками, организационными рамками, пространственными формами и техниками сбора полевого материала, так и представлениями о том, какими им допустимо и/или необходимо быть.

Источником для реконструкции обозначенных параметров в рамках проведенного исследования послужил корпус текстов, так или иначе характеризующих полевую работу Туголукова. Главным образом это были тексты за его собственным авторством: полевые отчеты, полевые тетради, докладные записки, а также обоснования полевой работы и другие редкие архивные документы; публикации, часть которых содержала ценные для целей реконструкции сведения. В дополнение к перечисленному были использованы публикации за авторством современников Туголукова, как правило информационного характера¹⁴.

Обработка данных осуществлялась в два этапа, но на общих основаниях. В качестве описываемой сущности был взят «полевой выезд». В качестве ее атрибутов – обозначенные параметры полевой работы. На первом этапе под каждый полевой выезд заводилась «карточка», в которую по рубрикам, соответствующим параметрам, делались выписки с релевантными сведениями из источников. На втором этапе по составленным карточкам данные вносились в специально разработанную таблицу, строки которой отводились под конкретные выезды, а столбцы – под параметры. При этом устранялись противоречия и восполнялись пробелы за счет триангуляции данных. Результатом обработки стал синтетический источник в форме базы данных, позволяющий увидеть как общую картину, так и динамику экспедиционной деятельности Туголукова.

Во многом описанный выше подход совпадает с тем, что был применен в другом исследовании, в котором участвовал автор (Ковальский, Басов 2024). Таким образом, имеется сопоставимый набор данных, и там, где это будет уместно, сопоставления буду приводиться. В последующих разделах будут представлены результаты аналитической разработки полученных данных и их интерпретация в связи с поставленными проблемами.

Параметры экспедиционной деятельности В.А. Туголукова

По имеющимся источникам, в качестве сотрудника сектора Севера Туголуков совершил 24 полевых выезда с 1955 по 1981 г., не выезжая в поле лишь в 1956, 1964 и 1980 гг. Еще один выезд он совершил до трудоустройства в ИЭ – будучи заведующим Государственного архива Нижне-Амурской области. Об этом выезде известно мало: лишь что он состоялся в 1952 г. и охватил по крайней мере Охотский и Тугуро-Чумиканский районы (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 91)¹⁵, а также что собранные в ходе выезда полевые материалы были использованы при написании кандидатской диссертации (Туголуков 1957: 5, 9). Сами материалы мне, однако, обнаружить не удалось. Кроме того, в одном источнике есть указание (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 183), правда, не бесспорное¹⁶ на то, что Туголуков совершил еще один, дополнительный к установленным

24-м, выезд – в период 1974–1976 гг. Впрочем, каких бы то ни было подробностей об этом выезде не приводится. Наконец, есть косвенное указание на то, что в 1971 г. Туголуков совершил еще один выезд в дополнение к установленному¹⁷, однако подтверждений этому найти не удалось. В дальнейшем эти возможные выезды, а также упомянутый выезд 1952 г. учитываться не будут, что, однако, можно надеяться, не должно изменить общей картины.

№ п/п	Год	Полевые материалы	Полевой отчет	Докладная записка
1	1955	НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2926	Туголуков 1956	Туголуков 2004а
2	1957	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1608.	Туголуков 1959	Туголуков 2004б
3	1958	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1609	–	Туголуков 2004в
4	1959	НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 2371.	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 40. Л. 192–215 ¹⁸	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 40. Л. 216–219
5	1960	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1610	–	Туголуков 2005
6	1961	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1612	–	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Л. 58–73. ¹⁹
7	1962	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1613	Туголуков 1963	–
8	1963	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1616		НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 123–148 ²⁰
9	1965	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3338	–	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 66. Л. 31–43 ²¹
10	1966	–	–	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 70. Л. 37–62 ²²
11	1967	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1619	–	НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 9–26
12	1968	НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2928	–	–
13	1969	–	–	НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 27–48
14	1970	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3811	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108–118	НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 49–66
15	1971	–	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 87. Л. 164–189	–
16	1972	–	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 95. Л. 182–202	–

№ п/п	Год	Полевые материалы	Полевой отчет	Докладная записка
17	1973	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3481	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 174–191	НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 67–83
18	1974	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 15. Д. 4660	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 108. Л. 178–189	Туголуков 2006а
19	1975	НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 5589	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 111. Л. 156	–
20	1976	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 5945	–	НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 117. Л. 194–210
21	1977	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6193	–	–
22	1978	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6461	–	НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 91–111
23	1979	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6823.	НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 3. Л. 1–14	–
24	1981	НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 7699	–	Туголуков 2006б

Организационные рамки. Так или иначе удалось установить организационные рамки для всех полевых выездов, однако не всегда с желаемой точностью. Последнее в одних случаях связано с ограниченностью источниковой базы (выезды 1966, 1969 и 1972 гг.), в других – с неоднозначностью ее трактовки (выезды 1963, 1967, 1968, 1970, 1971 и 1977 гг.) – на каждом из этих случаев я остановлюсь подробнее дальше).

Большинство полевых выездов Туголуков совершил в рамках Северной экспедиции (22/24), из которых, в свою очередь, большинство было выполнено в рамках ее Эвенкийского отряда (13/22). Последний, однако, вопреки коллективистским коннотациям слова «отряд», как правило, состоял из одного человека – самого Туголукова. По крайней мере сведений о том, что были другие участники отряда в имеющихся источниках, мне обнаружить не удалось, за одним исключением, скорее подтверждающим «правило»²³. Речь идет о выезде 1960 г., когда параллельно с Туголуковым в рамках того же отряда полевые исследования проводила другой советский тунгусовед – ленинградский этнограф Г.М. Василевич (см. докладную записку, опубликованную дважды: Василевич 2005: 126; или Василевич 2022: 166–189). Акцент здесь на слове «параллельно», поскольку в поле этнографы не пересекались: первый работал в Амурской области у восточных эвенков, вторая – в Эвенкии у западных. И если для Г.М. Василевич за счет сотрудничества с неназванным фотографом (Василевич 2022: 187; Ермолова 2003: 33) отряд на уровне полевой работы хоть в некотором смысле являлся коллективным предприятием, то для

Туголукова – он был формальностью, за которой скрывался индивидуальный выезд (см.: Туголуков 2005: 228).

Формальностью предстают и другие отряды Северной экспедиции, в рамках которых Туголуков совершал выезды: Колымско-амурский (1969 г.), Юкагирско-эвенский (1970 г.), Северо-восточный (1971 г.), Анадырский (1973 г.), Енисейский (1974 г.) и Приамурский (1975 г.). Так, в полевом отчете по выезду 1971 г. Туголуков прямо пишет: «*Формально я входил в состав Северо-восточного отряда Северной экспедиции, возглавлявшегося И.С. Гурвичем, но в указанных районах работал один, без помощников* (курсив мой. – С.К.)» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 87. Л. 164). Есть и другие указания на индивидуальный характер полевой работы в рамках Северной экспедиции (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108; Тер-Саркисянц, Тульцева 1979: 255). Особенно примечателен в этом отношении следующий пассаж из «Обоснования полевой работы»: «Поездка носит индивидуальный характер *по примеру прошлых лет* (курсив мой. – С.К.)» (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 7). Вообще стоит сказать, что отрядную рамку того или иного выезда я в большинстве случаев устанавливал по полевым тетрадям (в отдельных случаях по карточке дела из картотеки НА ИЭА РАН), в то время как в имеющихся полевых отчетах соответствующих указаний, как правило, нет. Аналогичным образом обстоит дело и с информационными публикациями, где полевая работа Туголукова фигурирует, хоть и в контексте Северной экспедиции, но отдельно – наравне с работой отрядов. Есть пример и прямого расхождения источников: выезд 1977 г. в полевой тетради отнесен к Эвенкийскому отряду (НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6193. Л. 1), а в информационной публикации охарактеризован как «индивидуальный» (Тер-Саркисянц, Тульцева 1979: 255).

Три выезда (1967, 1968 и 1972 гг.²⁴) в рамках Северной экспедиции и вовсе не отнесены в источниках ни к какому отряду. Из них два выезда (1967, 1968) имели еще одну организационную рамку – «социолого-лингвистическое обследование» Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (об «обследовании» см.: Стракач, Туголуков 1969)²⁵. Эта рамка, по всей видимости, была не основной: из докладной записки по результатам первого выезда (1967) следует, что Туголуков проводил не только социолого-лингвистическое обследование, но и этнографическое, причем основной целью являлось решение именно этнографических задач (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 9). Двойную рамку также имел выезд 1962, с одной стороны, в рамках Сибирского отряда Комплексной экспедиции Института географии АН СССР, с другой – в рамках Эвенкийского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР²⁶. При этом в полевых тетрадях указаны обе рамки (НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1613. Л. 1, 99),

а в публикации, жанрово похожей на полевой отчет, – только первая (Туголуков 1963: 159). По всей видимости, Сибирский отряд был коллективным предприятием содержательно, а не формально как Эвенкийский: маршруты участников экспедиции хоть и не совпадали полностью, но в значительной мере пересекались, а при расхождении сопровождалось обменом собранного материала (см. Туголуков 1963: 161–162).

Наконец, два выезда (1955 и 1959 гг.) были осуществлены вне рамок Северной экспедиции. Первый (1955 г.) представлял собой индивидуальный выезд – «командировку», организованную ИЭ²⁷. Второй был совершен в рамках Енисейского отряда Комплексной экспедиции ИЭ²⁸. В состав отряда, помимо Туголукова, входил этнограф-самодист В.И. Васильев. Несмотря на общую рамку, маршруты этнографов настолько расходились, что их уместнее рассматривать как индивидуальные выезды²⁹.

Временные рамки. Для большей части выездов удалось установить более-менее точные сроки. Не удалось этого сделать для выездов 1966 и 1969 гг. Без учета этих выездов как средняя, так и медианная продолжительность выезда Туголукова составляет чуть более двух месяцев (~66 дней). Самым продолжительным был выезд 1962 г., который длился почти четыре месяца – 114 дней; самым коротким – выезд 1981 г., который продолжался меньше месяца – 19 дней и был последним для Туголукова. При этом в динамике продолжительности выездов наблюдается нисходящий тренд (рис. 1; в качестве длительности выездов 1966 и 1969 гг. взято медианное значение).

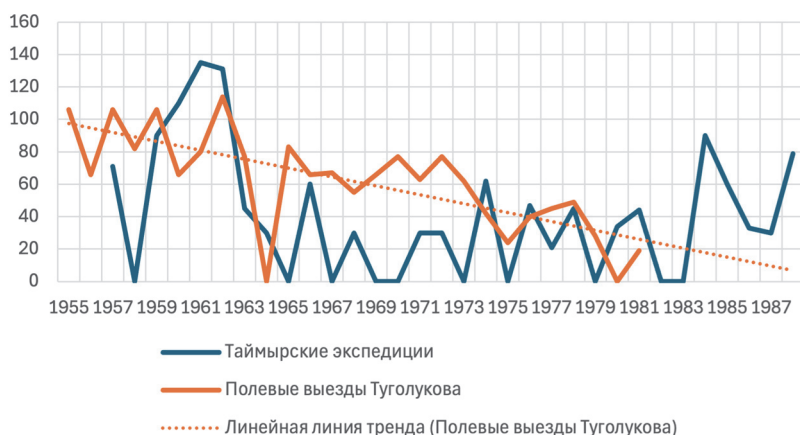

Рис. 1. Динамика продолжительности экспедиционных работ

Туголуков не совершал выездов календарной зимой, а большая часть «выездного» времени приходилась на летний и летне-осенний периоды (рис. 2).

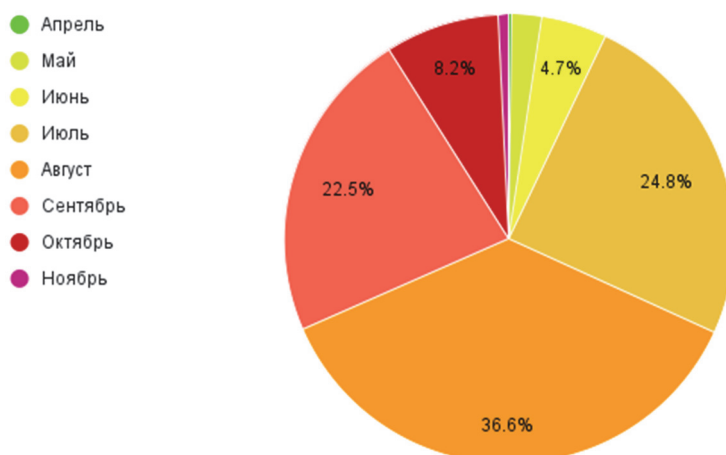

Рис. 2. Сезонность выездов В.А. Туголукова

Пространственная форма. В ходе своих выездов Туголуков посетил 158 населенных пунктов в 52 районах 16 регионов Сибири и Дальнего Востока: от западносибирской части Приуралья до Чукотки, от побережья Северного Ледовитого океана до границы с Монголией и Китаем. В среднем за полевой выезд этнограф посещал 7 населенных пунктов. Из этого явствует полилокальная форма полевой работы, или, в терминах советской этнографии, – маршрутный метод обследования. Пребывание в поле характеризуется высокой подвижностью – перемещениями из населенного пункта в населенный пункт на различных видах транспорта (в отдельных случаях – многодневными путешествиями на оленях с местными проводниками); экскурсиями за пределы поселков на летники, промысловые точки и т.п.; пересечением районов, а иногда и целых регионов.

№ п/п	Начало выезда	Конец выезда	Всего дней	География и кол-во посещенных н. п.*	
1	26.07.1955	06.11.1955	104	Тугуро-Чумиканский, Аяно-Майский и Охотский районы Нижне-Амурской области Хабаровского края	11
2	05.07.1957	18.10.1957	106	Тунгусско-Чунский и Илимпейский районы Эвенкийского национального округа Красноярского края	4
3	29.06.1958	~18.09.1958 ³⁰	82	Тунгукоченский, Борзинский, Кыринский, Шилкинский и Каларский районы Читинской области	11
4	04.07.1959	17.10.1959	106	Авамский и Дудинский районы Таймырского национального округа Красноярского края	8

№ п/п	Начало выезда	Конец выезда	Всего дней	География и кол-во посещенных н. п.*	
5	19.07.1960	22.09.1960	66	Селемджинский, Зейский, Джелтулакский районы Амурской области	9
6	19.06.1961	~06.09.1961	80	Северо-Байкальский, Баунтовский и Баргузинский районы Бурятской АССР	11
7	28.04.1962	~19.08.1962	114	Байkitский и Илимпейский районы Эвенкийского национального округа и Туруханский район Красноярского края	9
8	06.06.1963	21.08.1963	77	Качугский и Катангский районы Иркутской области и Туруханский район Красноярского края	10
9	08.07.1965	28.09.1965	83	Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы Хабаровского края	7
10	«Летом 1966 г.»		–	Катангский район Иркутской области, Верхнебуреинский и Хабаровский районы Хабаровского края и Ногликского района Сахалинской области	9
11	~31.08.1967	05.11.1967	67	Нанайский, Комсомольский, Амурский и Советский районы Хабаровского края и Тернейский район Приморского края	11
12	~31.08.1968	24.10.1968	55	Советско-Гаванский, имени Лазо районы Хабаровского края, Пожарский и Красноармейский районы Приморского края	6
13	«Летом и осенью 1969 г.»		–	Среднеканский, Северо-Эвенский и Ольский районы Магаданской области, Верхне-Колымский район Якутской АССР, район им. Осипенко Хабаровского края	10
14	10.07.1970	24.09.1970	77	Аллайховский, Нижнеколымский и Томпонский районы Якутской АССР	9
15	19.07.1971	18.09.1971	62	Анабарский, Оленекский, Жиганский и Булунский районы Якутской АССР	11
16	10.07.1972	22.09.1972	75	Каргасокский и Верхне-Кетский районы Томской области и Красноселькупский район Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области	11
17	16.07.1973	16.09.1973	63	Анадырский и Билибинский районы Чукотского национального округа Магаданской области	6
18	31.07.1974	13.09.1974	45	Енисейский и Туруханский районы Красноярского края	7
19	14.07.1975	06.08.1975	24	Джелтулакский район Амурской области	4

№ п/п	Начало выезда	Конец выезда	Всего дней	География и кол-во посещенных н. п.*	
20	19.07.1976	27.08.1976	40	Ногликский район Сахалинской области и Николаевский район Хабаровского края	6
21	19.07.1977	01.09.1977	45	Илимпейский район Эвенкийского национального округа Красноярского края	6
22	27.07.1978	13.09.1978	49	Охотский и Тугуро-Чумиканский районы Хабаровского края	6
23	28.07.1979	24.08.1979	28	Катангский район Иркутской области и Илимпейский район Эвенкийского национального округа Красноярского края	7
24	20.07.1981	07.08.1981	19	Хабаровский сельский район Хабаровского края	4

* н. п. – населенных пунктов.

Техники. Экспедиционный сбор материалов включал приемы как полевой работы *stricto sensu*, так и архивной эвристики и анализа документов. Об этом свидетельствуют как полевые тетради, так и некоторые полевые отчеты. Наиболее полно приемы сбора материалов изложены Туголуковым в отчете по выезду 1970 г.:

В Москве я знакомился с историей и этнографией районов, избранных для обследования, и определял перечень вопросов, требующих уточнения или изучения. Но вообще, находясь в том или ином месте, я собираю весь материал, который можно собрать там в учреждениях, архивах и из бесед с населением. Ориентиром служит многолетняя программа полевых исследований и заранее подготовленные вопросы.

Работа с информаторами строится на беседах на общие темы с переходом, по ходу беседы, к интересующим меня вопросам. Если информатора не смущает тетрадь, я записываю вслед за ним, если смущает, я записываю отдельные слова и термины – и не в тетрадь, а на клочке бумаги или в записную книжку³¹, а все остальное записываю в тетрадь несколько позже по памяти. Ежевечерне я просматривал свою записную книжку и в связном виде переписываю в тетрадь все необходимое, а заодно выясняю, что еще нужно уточнить или выяснить у информаторов.

Одним из методов полевой работы, которым я пользуюсь, является уточнение полученных от информаторов сведений путем проверки их у других информаторов, не исключая случаев «очной ставки», если в полученных сведениях имеются противоречия. В ходе дискуссии между информаторами можно получить ряд новых полезных сведений (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 109–110).

Это описание вполне применимо и к другим выездам. Как пишет сам Туголуков, эта «методика» была выработана «в течение предшествующих лет» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 109). И, действительно, в полевых тетрадях предшествующих выездов обнаруживаются и копии документов текущего делопроизводства советских учреждений, и вы-

писки из архивных дел, и записи-резюме бесед (в том числе свидетельствующие о проверке ранее добытых сведений), а также вопросники и метки программного характера, сопровождающие каждую единицу материала, зафиксированного в тетради. То же обнаруживается и в тетрадях последующих выездов. Более того, некоторые отчеты по этим выездам или прямо отсылают к приведенному описанию – «[м]етодика сбора полевых материалов изложена мною в отчете 1971 г. [здесь, очевидно, опечатка и должен быть 1970 г.]» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 87. Л. 166), или содержат указания на то, что «[м]етодическая сторона полевой работы в проведенном сезоне не претерпела изменений» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 95. Л. 202; см. также НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 176).

Представленную картину можно дополнить. Собственно полевая работа не ограничивалась собеседованием «информаторов»: имело место и непосредственное наблюдение, зафиксированное в полевых тетрадях, причем не только в виде записей, но и – зарисовок (планов населенных пунктов, сооружений, предметов материальной культуры и др.). Кроме того, Туголуков активно фотографировал³².

Анализ документов осуществлялся в организациях всех уровней: на местном – в колхозах, местных отделениях совхозов и промхозов, а также в сельсоветах; на районном – в районных исполнительных комитетах, отделах народного образования, здравоохранения и т.п.; на региональном – в краевых, областных и окружных управлениях – плановых, хозяйственных, статистических, образовательных, здравоохранительных. Приемом на стыке полевой работы и анализа документов было составление списка жителей населенных пунктов, в которых велась работа. При этом сам Туголуков классифицировал эти списки как полевой материал.

Вообще разграничение полевого и документального материала у Туголукова не всегда определялось техникой сбора, и иной раз зависело от «места». Полевой материал – это собранный в поселках, документальный – в районных и региональных центрах. Так, Туголуков, по всей видимости, не считал беседы с сотрудниками учреждений полевой работой. В полевом отчете 1963 г. о пребывании в Катангском районе он пишет: «[н]едостаток времени не позволил мне провести полевые исследования в этом районе, и я ограничился только сбором документальных материалов в местных учреждениях» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 123), вместе с тем при оценке численности эвенкийского населения того же района ссылается на беседы «с охотоведами и другими работниками» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 124), а в другом месте – на инструктора районного отдела народного образования (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 133). Записи этих бесед содержатся и в полевой тетради (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 123).

Интерпретация установленных параметров

Раннее нами была задана более общая рамка для интерпретации параметров полевой работы послевоенных советских этнографов-североведов как производной от марксизированной анучинской программы (Ковальский, Басов 2024: 22–37). Установленные здесь параметры в целом вписываются в нее. Вместе с тем они позволяют внести некоторые уточнения при увязке с единицами изучения и тематикой экспедиционных выездов.

Под единицами изучения понимаются непосредственные «объекты» полевого обследования, как они формулируются этнографом. В случае Туголукова эти единицы всегда двойки (невольный оксюморон). С одной стороны, в их качестве выступают территориальные группы этнических общностей, главным образом эвенков и эвенов (напр., охотские, витимо-олекминские, туруханские и другие эвенки). С другой – хозяйственные организации (колхозы, совхозы, промхозы) и административно-территориальные образования (сельсоветы и районы).

Двойственности единиц во многом соответствует двойственность тематики. Обследования ведутся параллельно по исторической этнографии и этнографии современности, пусть и не всегда официально: «Работа по ...теме [“Основные пути развития хозяйства, культуры и быта малых народов Севера” (тема Госплана)] была начата мною в 1955 г., когда был образован сектор малых народов Севера, и продолжалась вплоть до последнего выезда в экспедицию» (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 7–8); «По ... теме [“Этногенез народов Севера” (тема сектора)] в прошлом также производился сбор материалов, но в этом году она впервые официально включается в программу сборов. Данная тема обширна и охватывает все аспекты этногенеза и этнической истории, включая социальный строй и религию (в этногенетическом плане)» (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 8).

Параллельность достигалась за счет значительного пересечения двух выделенных классов единиц изучения: исследование территориальных групп сопровождалось посещением конкретных населенных пунктов и/или хозяйственных организаций в современных этнографу административных границах; обследование последних – взаимодействием с конкретными людьми того или иного этнического происхождения, связанного с теми или иными территориальными группами.

С единицами изучения и тематикой, в свою очередь, согласуются параметры полевых выездов. Последние во многом находят свое объяснение в первых. Для исторической этнографии и этнографии современности в рамках марксизированной анучинской программы характерно стремление к охвату этнических общностей, которое реализуется через обследование вполне конкретных территориальных единиц: «Выбор

районов обосновывается последовательным обследованием районов, заселенных эвенками и эвенками. В 1969 г. в сферу моих полевых исследований попали также юкагиры; в связи с этим (для завершения их обследования) включил Средне-Колымский и Нижне-Колымский районы» (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 8). Эта логика задает полилокальную пространственную форму и известное предпочтение летнего–летне-осеннего сезона, благоприятного с точки зрения транспортной доступности (в этом параметре сочетание внутренних и внешних факторов развития науки особенно заметно): «Учитывая отдаленность районов, маршрут составлялся с учетом следования с севера на юг, с тем чтобы август и сентябрь пришлись на более южные районы» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108)

«Комплексность» техники сбора материалов позволяет решать задачи исторической этнографии (напр., сочетание биографических бесед, анализа похозяйственных книг и местных архивных документов для реконструкции «родового» состава территориальных групп) и этнографии современности (напр., сочетание непосредственного наблюдения, анализа годовых отчетов и научно-технической документации для характеристики современного положения колхозов).

Не находят своего объяснения в единицах изучения и тематике – динамика продолжительности и организационная рамка. Первая, по всей видимости, объясняется внешними по отношению к логике исследовательского проекта Туголукова причинами. Вторую можно вывести из общей установки послевоенной советской этнографии на организацию многолетних экспедиций (Жданко, Крупянская, Терентьева 1956). Последние предполагали преобладание коллективных работ, но не исключали и индивидуальных. В этой перспективе индивидуальные выезды Туголукова предстают частью коллективных усилий по экспедиционному охвату Севера как макрорегиона (ср.: Левин 1949). С учетом «этнографического» определения Севера (см.: Сергеев 1949) эти усилия предполагали разделение труда «по народам» и не требовали коллективности при проведении конкретных полевых работ. Последняя достигалась, главным образом, на уровне обобщения материалов в рамках коллективных монографий, и в работе над текстами как таковой (ср.: Сирина, Давыдов 2020: 13–14).

Заключение

В установленных параметрах в связи с единицами изучения и тематикой полевых выездов прослеживается сходство с концепциями и практиками довоенной московской полевой этнографии. Практика полевой работы, что заметно на примере Тунгусской экспедиции 1927/1928 гг., имела сходные организационные формы коллективного предприятия с

подразделением на отряды, не исключая индивидуальную работу. Имеются, однако, и существенные отличия: в довоенной московской этнографии значимый упор делался на сбор музейных коллекций, и полевая работа во многом концентрировалась вокруг сбора сведений о тех или иных материальных предметах (ср. Загребин, Шарапов 2021). Того же нельзя сказать об экспедиционной деятельности Туголукова, в которой сбор и описание предметов, как видно, не играли заметной роли. Также в ней не нашла реализации «анучинская триада». Туголуков не проводил физико-антропологических и археологических исследований и не выезжал в поле вместе с физическими антропологами и археологами.

Из общей для раннесоветской и послевоенной советской этнографии черты «комплексности» этнографии и истории, а также «североведческой» комплексности этнографии и экономики (Толстов 1957: 34) выводится не выделявшийся до сих пор признак, которым можно охарактеризовать экспедиционную деятельность Туголукова: документальность. Именно работа с документами в рассмотренном случае экспедиционных техник проявляется в качестве отличительной черты, определяющей содержание экспедиционной деятельности: этнограф не только собирал «документальные материалы» в советских архивах и учреждениях, но и сам создавал документы – полевые тетради. Полевая работа *strictu sensu* выступала процессом документации.

Возможно, при проведении сравнительного исследования выявится, что эта черта отнюдь не специфически московская. Тем не менее по результатам представленного исследования мне бы хотелось выдвинуть именно ее в качестве гипотетического различительного признака. В то же время, даже если дальнейшие исследования опровергнут эту гипотезу, остается – в качестве перспективного – вопрос об истоках выявленной здесь этнографической документалистики. Возможно, постановка этого вопроса – более значимый исследовательский результат, чем предполагавшийся вклад в дебаты о сходствах/различиях (а подспудно – о достоинствах/недостатках) московской и ленинградской североведческих «школ». Тем более что местами эти дебаты уж больно похожат на обмен презентистскими нарративами о прошлом, призванными отстоять профессиональную идентичность повествующего в настоящее время (ср.: Размышления о судьбах ... 1996: 17).

Примечания

¹ В статье термины «североведение»/«северовед» и «сибиреведение»/«сибиревед» выступают как синонимы. При этом предпочтение отдается первой паре терминов. Во всех случаях речь идет об этнографическом северо- и сибиреведении и об этнографах-северо- и сибиреведах, поэтому «этнографический» и «этнограф» могут опускаться.

² С «разнопорядковостью» этих школ вполне можно согласиться. Ленинградская этнографическая школа достаточно четко очерчивается фигурами Штернберга и Богораза и

кругом их учеников и локализуется, главным образом, на «этнофаке» Географического института / «этноотделения» Ленинградского университета (см.: Гаген-Торн 1971; Ратнер-Штернберг 1935). В то время как школа Анучина представляла собой более сложную и протяженную во времени сеть людей и учреждений. Эта сеть насчитывала по меньшей мере четыре поколения ученых, причем к отцам-основателям, помимо самого Анучина, не в меньшей мере следует отнести В.Ф. Миллера (Керимова 2011: 16). Их учениками были как этнографы одного с Штернбергом и Богоразом поколения, например В.В. Богданов и Н.Н. Харузин, так и этнографы следующего поколения – например, Б.А. Куфтин (Алымов, Решетов 2003). Почти сверстником последнего был П.Ф. Преображенский (Ивановна 2002), который, не будучи напрямую связан ни с Анучиным, ни с Миллером, тем не менее занял одну из ключевых позиций в раннесоветской этнологии, тем самым еще более осложнив генеалогию последующего поколения московских этнографов. Эти этнографы – С.А. Токарев, С.П. Толстов, М.Г. Левин и др. – были в известной мере учениками всех этих ученых. Сеть этнографических учреждений Москвы также была исключительно разветвленной: это и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, кафедра/институт/музей антропологии Московского университета, параллельный этнофак, Центральный музей народоведения / Музей народов СССР, Музей центрально-промышленной области, Антирелигиозный музей, не говоря уже об этнографических подразделениях региональных организаций, таких как Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока.

³ Введение выпуска (Зельнов, Крюков 1988) почти дословно повторяет рассуждение Ю.В. Бромляя и М.В. Крюкова, лишь с чуть большим упором на значимость теории, а именно – преемственность между «учениками» и «учителями». По сути, это редакция того же текста, несмотря на различия в авторстве.

⁴ В этом месте авторы суждения ссылаются на статью А. Гупты и Дж. Фергюсона (2013; у авторов стоит ссылка на оригинал: Gupta, Ferguson 1997), в которой, однако, речи не идет о понятии научной школы. Возможно, это понятие усматривается за термином «традиции поля и полевой работы». В таком случае не вполне понятно, как соответствующие пассажи подкрепляют авторское положение, ведь в них приводятся конкретные исторические примеры «традиций», а не рассматривается само понятие с выводом об исторической изменчивости его содержания. Равно и приравнивание научной школы к традиции поля и полевой работы будто бы требует специальных оговорок.

⁵ С. Кан видит напряжение между московскими и санкт-петербургскими учеными и в позднеимперском периоде (Кан 2009: 185)

⁶ Некоторые исследователи даже усматривают «северную перспективу» в концепции «поля» этой школы (Arzyutov, Kan 2017). Впрочем, среди ее представителей были и те, кто проводили полевые исследования в «ожженных» регионах, напр., С.М. Абрамзон (о его работе в раннесоветский период см.: Алымов 2006: 97–99).

⁷ Ср. с понятием российской/отечественной этнографической школы (напр., Алексеева, Арутюнова 2004: 350).

⁸ Одни авторы указывают, что Б.А. Васильев «поступил на основанное профессором Д.Н. Анучиным отделение антропологии» (Сирина, Давыдов 2020: 6), другие авторы – что на «биологическое» (Сем, б. д.). Кроме того, есть указание на то, что физико-математический факультет он окончил «по специальности “народоведение”» (Балахонова 2013: 16). Вероятно, во всех случаях речь идет о кафедре антропологии этого факультета, возглавлявшейся упомянутым Д.Н. Анучиным, которая включала этнографическую подготовку (Соловей 2022: 328–330).

⁹ Сообщение А.М. Решетова, что «с 1 сентября 1927 г. Николай Никульшин – студент этнографического отделения историко-философского факультета Первого Московского университета... 30 декабря 1930 г. он окончил университет по циклу Запада РСФСР... получив специальность этнографа-антирелигиозника» (Решетов 2004а: 120), несколько противоречит тому, что известно об организационной структуре Московского универси-

тета тех лет: историко-философский факультет был создан лишь 3 февраля 1930 г. в составе исторического, философского и антирелигиозного отделений (Летопись историко-философского факультета, б. д.); этнографическое же отделение имелось в составе прежде существовавшего этнологического факультета, переименованного на излете в историко-этнологический и послужившего после переименования базой для создания историко-философского (Летопись этнологического факультета, б. д.). По всей видимости, Н.П. Никульшин поступил на этнографическое отделение этнологического факультета, а окончил антирелигиозное отделение историко-философского факультета вследствие реорганизаций, происходивших в университете.

¹⁰ В фокусе представленных характеристик – североведческие структуры, поэтому далеко не все научные учреждения, с которыми были аффилированы названные этнографы, нашли в них отражения. Также и перечень московских этнографов-североведов не претендует на исчерпывающую полноту. Тем не менее его охват значительно шире рассмотренной пары этнографов в обсуждаемом положении (ср.: Schweitzer 2001: 185).

¹¹ Надо полагать, что эта группа просуществовала совсем недолго, поскольку сообщение о ее создании как произошедшем «лишь в самое последнее время» фигурирует в публикации конца 1934 г. (см. ссылку перед номером сноски в тексте), в то время как к 1935 г. Комитет Севера начал сворачивать свою деятельность (Слѣзкин 2008: 319)

¹² Здесь стоит оговориться, что свидетельство участия Б.А. Куфтина в деятельности общества относится к 1925 г. В изданиях общества нет свидетельств дальнейшего участия ученого в его деятельности, что вкуче с сообщением 1926 г. о почетном председательстве в «этнографической секции» общества В.Г. Богораза (Урсынович 1926: 274) наводит на мысль об отходе Б.А. Куфтина от дел общества.

¹³ Эти интересы связаны с местами, первым профессиональным этнографическим исследователем которых был Туголуков. Кроме того, я работаю в том же отделе, где некогда работал этот советский этнограф.

¹⁴ Несмотря на официальный характер, информационные публикации не всегда точны. Так, в обзоре экспедиционной деятельности Института этнографии АН СССР в 1970 г. З.П. Соколова ошибочно приписывает Туголукову работу в «Аллайховском, Момском, Нижне-Колымском, Средне-Колымском и Томимском [sic] районах Якутской АССР (1971: 3), в то время как последний проводил исследования лишь в Аллайховском, Нижнеколымском и [NB] Томпонском районах (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108–109; НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3811. Л. 1, 82; НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 10). Источником ошибок, вероятно, послужил документ «Обоснование полевой работы В.А. Туголукова летом и осенью 1970 г.» (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 8), в котором изложены планы на выезд, а не фактический его ход.

¹⁵ В частности, в ходе выезда Туголуков, по всей видимости, посетил п. Урак (см.: Туголуков 1956: 145).

¹⁶ Спорность приводимых в источнике сведений состоит, с одной стороны, в том, что они представляют собой рукописную чернильную правку машинописного текста, с другой стороны, в том, что в другом источнике есть сведения прямо содержанию этой правки противоречащие (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 203).

¹⁷ В списке научных разработок Туголукова (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 169–171) 1971-м годом датированы два рукописных труда: «Характеристика хозяйства, быта и культуры коренного населения северозападной Якутии» и «Записка о положении удэгейцев Пожарского р-на Примор. края». К сожалению, обнаружить их пока не удалось. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что первый труд – докладная записка по итогам установленного выезда. Вторая рукопись будто бы тоже является докладной запиской. Если это так, то за ней должен стоять полевой выезд – в Пожарский район Приморского края «к» удэгейцам. Здесь смущает два момента:

отсутствие каких бы то ни было других свидетельств и сравнительно малый объем (указанное «кол-во листов» – 0,2 – наименьшее из всех приведенных в списке «научных разработок»). Возможно, это все же не «докладная записка», написанная по свежим полевым наблюдениям, а справка, подготовленная на основе ранее собранного материала – 1968 г., когда Туголуков, действительно, выезжал в Пожарский район и обследовал удэгейцев.

¹⁸ Полевой отчет опубликован (см. Васильев, Туголуков 1960). Собственно, сходство с этой публикацией позволяет считать полевыми отчетами и ряд других публикаций, в тех случаях, когда отчет о полевом выезде не удалось обнаружить в архиве.

¹⁹ Несмотря на заголовок «Отчет о результатах поездки в эвенкийские районы Бурятской АССР», в «Списке научных трудов и изобретений» Туголукова документ отнесен к «научным разработкам» в числе других докладных записок (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 169). Содержание документа также соответствует жанру докладной записки.

²⁰ Документ сочетает в себе жанровые признаки полевого отчета и докладной записки. В «Списке научных трудов и изобретений» Туголукова он отнесен к «научным разработкам» в числе других докладных записок (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 170), однако в нем содержатся такие избыточные для жанра последних сведения, как детальное описание маршрута со сроками и характеристика собранных материалов, которые не позволяют согласиться с таким отношением.

²¹ Несмотря на заголовок «Краткий отчет о результатах обследования эвенков Охотского побережья в 1965 г.» в «Списке научных трудов и изобретений» Туголукова документ отнесен к «научным разработкам» в числе других докладных записок (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 170). Содержание документа также соответствует жанру докладной записки.

²² Несмотря на заголовок «Отчет о результатах обследования эвенков Катангского района Иркутской области, Верхнебуреинского и Хабаровского сельского районов Хабаровского края и Ногликского района Сахалинской области летом 1966 года» Туголукова, документ отнесен к «научным разработкам» в числе других докладных записок (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 170). Содержание документа также соответствует жанру докладной записки.

²³ Заявленное участие в выезде 1976 г. В.П. Кобычева (НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 11) подтвердить не удалось.

²⁴ Правда, в последнем случае не удалось обнаружить полевых тетрадей, поэтому отрядная рамка установлена по карточке соответствующего дела из картотеки НА ИЭА РАН. В большинстве случаев указанная на карточках организационная рамка совпадает с той, что в дневниках, но в отдельных случаях есть расхождения. Например, в карточке на дело, содержащее полевые тетради выезда 1967 г., указан Эвенкийский отряд, в то время как на самих полевых тетрадях – только Северная экспедиция. Других источников, подтверждающих сведения с карточки, нет.

²⁵ В двух документах (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 179, 182) есть указания на то, что в этой рамке также проходил выезд 1969 г., причем в одном из них (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 182) указываются обследованные народы – удэгейцы и орочи. Вероятно, это ошибка, поскольку сам Туголуков в индивидуальном отчете за 1967–1970 гг. пишет, что участвовал в названном обследовании удэгейцев и орочей лишь в 1967 и 1968 гг. (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 200–201), а в 1969 г. им проводились исследования «среди эвенов, юкагиров, коряков и негидальцев» (НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 200). Совершенно исключить возможность того, что хотя бы часть выезда 1969 г. проходила в рамках социолого-лингвистического обследования, однако, нельзя. По этому выезду не удалось обнаружить ни полевого отчета, ни полевых тетрадей, а сведения о нем были подчерпнуты из докладной записки, пусть и подробной (см.: НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 27–48).

Вместе с тем известно, что в целом социолого-лингвистическое обследование продолжалось и в 1969 г. (Стракач, Туголуков 1969: 157).

²⁶ Также есть вероятность, что в тех же двойных рамках проходил выезд 1963 г., о котором Туголуков пишет: «[п]осещение Туруханского района было связано с продолжением работ Комплексной экспедиции АН СССР по исследованию природных ресурсов, возглавляемой Е.Е. Сыроечковским» (НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 135). Не исключено, однако, что связь была неформальной.

²⁷ И.С. Гурвич ошибочно относит этот выезд к Северной экспедиции (Гурвич 1990).

²⁸ Работа отряда была также учтена в контексте рассмотрения таймырских экспедиций, однако нами была допущена ошибка в датировке осуществленных в их рамках поездок Туголукова к эвенкам (Ковальский, Басов 2024: 29). В действительности, такая поездка была одна – в 1959 г. – к каменским и хантайским, а также потаповским эвенкам.

²⁹ По сути, общим полем у этнографов было лишь с. Потапово – конечный пункт маршрутов обоих этнографов.

³⁰ Тильдой помечены даты, установленные приблизительно.

³¹ К сожалению, «судьба» записных книжек Туголукова неизвестна.

³² В научном архиве Института этнологии и антропологии РАН отложились множество фотографий, сделанных Туголуковым (см. НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. Короб № 5, где содержится 779 фотографий из выездов 1957–1961 гг.).

Список источников

- «...И можно сказать, что счастлив» (интервью с Евгенией Алексеевной Алексеенко) // Сибирский сборник–2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко / отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 6–21.
- Алексеева Т.И., Арутюнов М.Г. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.
- Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН, 2006.
- Альмов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Альмова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.
- Альмов С.С., Решетов А.М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 227–268.
- Анчабадзе Ю.Д. С.А. Токарев: начало пути // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 120–133.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 43. Протоколы заседаний группы Севера Института этнографии АН СССР.
- Артемова О.Ю. А.М. Золотарев: трагедия советского ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 193–226.
- Балахонova Е.И. 130 лет Музею антропологии Московского университета имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 23. 2013. № 4. С. 4–22.
- Батьянова Е.П. Шестьдесят лет в российской науке // Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк / отв. ред. В.И. Харитонова. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2000. С. 17–29.
- Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке) / отв. ред.-сост. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1995.
- Бромлей Ю.В., Крюков М.В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // Советская этнография. 1987. № 3. С. 45–60.

- Василевич Г.М. О положении коренного населения Эвенкийского округа Красноярского края // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1959–1962 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 126–154.
- Василевич Г.М. Эвенки в советский период (из неопубликованных работ) / отв. ред. В.А. Беляева-Сачук, В.Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Васильев В.И., Туголуков В.А. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. 1960. № 5. С. 128–141.
- Васильев С.В., Урысон М.И. Виктор Валерианович Бунак: патриарх отечественной антропологии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 233–260.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Советская этнографическая школа // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С. 114–124.
- Вахтин Н. «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.
- Вахтин Н.Б. Петербургское североведение // «Полярные чтения – 2019». Арктика: вопросы управления / отв. ред. П.А. Филин. М.: Паулсен, 2020. С. 440–446.
- Винер Б.Е. Институциональная история российской этнологии: краткий обзор // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 150–166.
- Воспоминания о Рудольфе Фердинандовиче Итсе // Малые этнические и этнографические группы: сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора Рудольфа Фердинандовича Итса / отв. ред. В.А. Козьмин. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. С. 66–76.
- Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
- Головнев А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. Т. 52. № 1. С. 132–143.
- Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
- Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 198–204.
- Давыдов В.Н., Сирина А.А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 39–49.
- Ермолова Н.В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 10–46.
- Жданко Т.А., Крупянская В.Ю., Терентьева Л.Н. Об организации и методике полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР) // Советская этнография. 1956. № 3. С. 25–34.
- Загребин А.Е., Шаранов В.Э. Музейная этнография в контексте этнографического финно-угроведения в СССР (1920–1930-е гг.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 4. С. 715–721.
- Зельнов И., Крюков М.В. Введение // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 5–20.
- Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2002. С. 235–264.

- Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.
- Кабо В. Книги и люди // Владимир Кабо. Раздел сайта «Книги», подраздел «Дорога в Австралию: Воспоминания». URL: <https://vladimirkabo.com/books/road-to-australia/books-and-people> (дата обращения: 13.01.2025).
- Кадук Е.В., Кадук А.В. Полевые дневники Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. М.Г. Левина и Б.А. Куфтина: методология сбора и описания материала // Кунсткамера. 2021. Т. 12, № 2. С. 104–122.
- Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М.: Наука, 2011.
- Ковальский С.О., Басов А.С. Северное поле в советской этнографии: московские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 7–58.
- Козьмин В.А., Верняев И.И., Новожилов А.Г. Р.Ф. Итс – ученый, учитель, коллега // Малые этнические и этнографические группы: сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора Рудольфа Фердинандовича Итса / отв. ред. В.А. Козьмин. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. С. 8–28.
- Левин М. Полевые исследования Института этнографии в 1948 году // Советская этнография. 1949. № 2. С. 156–158.
- Летопись историко-философского факультета // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/content/letopis-istoriko-filosofskogo-fakulteta> (дата обращения: 25.01.2025).
- Летопись этнологического факультета // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/content/letopis-etnologicheskogo-fakulteta> (дата обращения: 25.01.2025).
- Ляльская Е.В. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.
- Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН). Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 169–171. Список научных трудов и изобретений (научные разработки) В.А. Туголукова. 26.10.1976.
- НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 179–180. Характеристика младшего научного сотрудника кандидата исторических наук В.А. Туголукова.
- НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 182. Гурвич И.С. Отзыв о работе младшего научного сотрудника, кандидата исторических наук В.А. Туголукова за 1967–69 гг.
- НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 183–184. Гурвич И.С. Отзыв о работе младшего научного сотрудника В.А. Туголукова за период 1974–76 гг. в связи с его переаттестацией,
- НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 200–202. Туголуков В.А. Отчет о работе с 1967 по май 1970 г.
- НА ИЭА РАН. Оп. Личные дела сотрудников Института. Д. 257. Л. 203–205. Туголуков В.А. Отчет за 1974–76 гг. в связи с переаттестацией на должность мл. научного сотрудника.
- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2926. Л. 1–87. Архивные и документальные материалы. Туголуков, В.А. Командировка на Охотское побережье 1955 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2926. Л. 166–238. Фольклор. Туголуков, В.А. Командировка на Охотское побережье 1955 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2926. Л. 88–165. Полевые материалы. Туголуков, В.А. Командировка на Охотское побережье 1955 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2928. Л. 1–93. Туголуков В.А. Поездка в Хабаровский и Приморский края. Тетрадь № 1. 1968.
- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2928. Л. 108–121. Туголуков В.А. Тетрадь № 3. 1968.

- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2928. Л. 94–107. Туголуков В.А. Тетрадь № 2. 1968.
- НА ИЭА РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 5589. Туголуков В.А. Полевая тетрадь. 1975.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 174–191. Туголуков В.А. Отчет об экспедиционной поездке в Чукотский национальный округ в 1973 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 108. Л. 178–189. Туголуков В.А. Отчет об экспедиционной поездке в Енисейский и Туруханский районы Красноярского края в 1974 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 111. Л. 156. Туголуков В.А. Отчет об экспедиционной поездке 1975 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 117. Л. 194–210. Туголуков В.А. Проблемы хозяйства и быта коренного населения на Северном Сахалине и Нижнем Амуре. 24.12.1976.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 40. Л. 192–215. Туголуков В.А. Отчет о работе Енисейского отряда Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 40. Л. 216–219. Краткие замечания и предложения по Таймырскому национальному округу на основе предварительных данных экспедиции 1959 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 53. Л. 58–73. Туголуков В.А. Отчет о результатах поездки в эвенкийские районы Бурятской АССР. 20.10.1961.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 62. Л. 123–148. Туголуков В.А. Отчет о результатах поездки к эвенкам Иркутской области и Туруханского района Красноярского края летом 1963 года.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 66. Л. 31–43. Туголуков В.А. Краткий отчет о результатах обследования эвенков Охотского побережья в 1965 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 70. Л. 37–62. Туголуков В. Отчет о результатах обследования эвенков Катангского района Иркутской области, Верхнебуреинского и Хабаровского сельского районов Хабаровского края и Ногликского района Сахалинской области летом 1966 года.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108–118. Туголуков В.А. Экспедиционный отчет о полевых работах 1970 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 87. Л. 164–189. Туголуков В.А. Предварительный отчет о поездке в северо-западные районы Якутской АССР в 1971 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 95. Л. 182–202. Туголуков В.А. Отчет о результатах полевой работы в 1972 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 15. Д. 4660. Туголуков В.А. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Енисейский отряд. Июль–сентябрь 1974.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1608. Л. 1–92. Туголуков В.А. № 1. Тунгусско-Чунский район Эвенкийского нац. округа. 1957.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1608. Л. 93–171. Туголуков В.А. № 2. Илимбийский район Эвенкийского нац. округа. 1957.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1609. Л. 1–100. Туголуков В.А. № 1. гор. Чита. р-ны Тунгокоченский, Борзинский, Кыринский, [Тунгиро-Олекминский], Шилкинский. 1958.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1609. Л. 101–172. Туголуков В.А. № 2. Каларский район. 1958.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1610. Л. 1–92. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. Амурская область. Селемджинский р-н. Зейский р-н. № 1. В. Туголуков. Лето 1960 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1610. Л. 93–138. Туголуков В.А. № 2. 1960.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1612. Л. 1–95. Туголуков В.А. Институт этнографии АН СССР. Сектор Севера. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. 1961 г. № 1. Чита, Улан-Удэ, Северо-Байкальский аймак БАССР. Июнь–июль 1961 г.

- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1612. Л. 96–162. Туголуков В.А. Институт этнографии АН СССР. Сектор Севера. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. 1961 г. № 2.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1613. Л. 1–98. Комплексная экспедиция Института географии АН СССР по исследованию природных ресурсов. Сибирский отряд. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР. Эвенкийский отряд. № 1. Байkitский район Эвенкийского национального округа. IV–V–VI–VII 1962. В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1613. Л. 99–182. Комплексная экспедиция Института географии АН СССР по исследованию природных ресурсов. Сибирский отряд. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР. Эвенкийский отряд. № 2. Илимпейский (Эвенкийский национальный округ) и Туруханский район Красноярского края. VII–VIII 1962. В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1616. Л. 1–99. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. 1. Иркутская область (7 VI – 6 VII 1963). В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1616. Л. 100–161. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. 2. Катангский район Иркутской обл. Туруханский район Красноярского края (8 VII – 21 VIII 1963). В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1619. Л. 1–74. Туголуков В.А. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Хабаровский край: Нанайский район, Комсомольский район, Амурский район, Советский район. 1967. № 1. Хабаровский край.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 1619. Л. 75–141. Туголуков В.А. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Приморский край: Тернейский район, Владивосток. 1967. № 2. Приморский край.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3338. Л. 1–74 об. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. № 1. Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края. Полевые материалы. 1965.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3338. Л. 76–141 об. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. № 2. Аяно-Майский район Хабаровского края. Полевые материалы. 1965.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3481. Северная экспедиция. Анадырский отряд. Районы Анадырский и Билибинский Чукотского н/о. В. Туголуков. Июль–сентябрь 1973.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3811. Л. 1–81. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Юкагиро-эвенкийский отряд. Нижне-Колымский р-н ЯАССР. Аллайховский р-н ЯАССР. 1. В. Туголуков. июль 1970.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 3811. Л. 82–171. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Томпонский р-н ЯАССР. 2. В. Туголуков. август 1970.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 5945. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. Ногликский р-н Сахал. обл. Николаевский р-н Хабар. края. июль–август 1976. В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6193. Л. 1–85. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. Район работ: Илимпейский р-н Эвенкийского нац. округа. Полевые и архивные материалы. Июль–август 1977. В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6461. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. Охотский, Тугуро-Чумиканский районы Хабаровского края. 1978.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 6823. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. Катангский район Иркутской области. пос. Юкта Илимпейского р-на Эвенкийского автономного округа. Материалы ГАКК и ГАИО. 1979. В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 4. Д. 7699. Институт этнографии АН СССР. Северная экспедиция. Эвенкийский отряд. Полевые материалы по Хабаровскому сельскому району. Июль–август 1981. В. Туголуков.
- НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 2371. Л. 1–97. В.А. Туголуков. Комплексная экспедиция. Енисейский отряд. Таймырский национальный округ. № 1. Лето 1959.

- НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 5. Д. 2371. Л. 98–109 об. В.А. Туголуков. Комплексная экспедиция. Енисейский отряд. Таймырский национальный округ. № 2. Лето 1959.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. Короб № 5. Фотоматериалы к научным трудам (рабочие материалы эксп. 1957–1961).
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 10. Туголуков В.А. Отчет об экспедиции в Якутскую АССР. 25.09.1970.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 11. Туголуков В.А. Заявка-обоснование на экспедиционное исследование в 1976 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 1. Л. 7–9. Туголуков В.А. Обоснование полевой работы В. А. Туголукова летом и осенью 1970 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 27–48. Туголуков В.А. Некоторые вопросы современного положения юкагиров, эвенов, коряков, негидальцев (по материалам полевой работы 1969 года).
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 49–66. Туголуков В.А. Некоторые вопросы современного положения эвенов и юкагиров северных районов ЯАССР. 25.12.1970.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 67–83. Туголуков В.А. Проблемы хозяйства, семьи и быта коренного населения Чукотского национального округа (по материалам поездки в Анадырский и Билибинский районы в 1973 г.).
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 9–26. Туголуков В.А. Записка об обследовании народов Севера Хабаровского и Приморского краев осенью 1967 г.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 2. Л. 91–111. Туголуков В.А. Проблема развития эвенов и эвенков Охотского побережья.
- НА ИЭА РАН. Ф. В.А. Туголукова. П. 1. Конверт 3. Л. 1–14. Научный отчет о полевой работе В.А. Туголукова в 1979 г.
- Никишенков А.А.* Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20–40-е годы XX в.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 55–66.
- Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока // Северная Азия: общественно-научный журнал. 1925. Кн. 1-2. С. 139–140.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Пивнева Е.А.* Этнографы и малочисленные народы Севера и Сибири в контексте советской этнонациональной политики // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартыновой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2022. С. 91–157.
- Предисловие // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1956–1958 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004. С. 5–8.
- Размышления о судьбах науки // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 3–24.
- Ратнер-Штернберг С.А.* Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904–1927 гг. (По личным воспоминаниям и архивным данным) // Советская этнография. 1935. № 2. С. 134–154.
- Решетов А.М.* О Н.П. Никульшине (1908–1941) (к 90-летию со дня рождения // Материалы полевых этнографических исследований. Вып. 5 / отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2004а. С. 120–127.
- Решетов А.М.* Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40–62.
- Решетов А.М.* Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР – воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3–20.
- Решетов А.М.* Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в боях за Родину // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 3–24.

- Решетов А.М. Отдание долга. Часть III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 3–17.
- Решетов А.М. Рудольф Фердинандович Итс (1928–1990): человек, ученый, педагог // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2004б. Вып. 1–2. С. 107–116.
- Решетов А.М. Рудольф Фердинандович Итс как синолог // Малые этнические и этнографические группы: сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора Рудольфа Фердинандовича Итса / отв. ред. В.А. Козьмин. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. С. 29–43.
- Савоскул С.С. Впервые на Севере: Б.О. Долгих – регистратор Приполярной переписи // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 126–147.
- Савоскул С.С. Этнограф Красноярского музея – Б.О. Долгих в 1937–1944 гг. // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 100–118.
- Сем Т.Ю. Васильев Борис Александрович // Российский этнографический музей. Раздел сайта «Ресурсы», подраздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/vasilev-boris-aleksandrovich/> (дата обращения: 02.02.2025).
- Сергеев М.А. К вопросу о применении термина «Крайний Север» // Летопись Севера. 1. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 189–208.
- Сирина А.А., Давыдов В.Н. Этнограф Борис Александрович Васильев и его очерк «Пять дней среди орочей»: стратегии письма в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 5–22.
- Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Соколова З.П. Экспедиции 1970 года Института этнографии АН СССР // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году / ред. кол.: В.Н. Басилов, З.П. Соколова, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. С. 3–11.
- Соловей Т.Д. История российской этнологии в очерках. XVIII – начало XXI в. М.: Этносфера, 2022.
- Стракач Ю.Б., Туголуков В.А. Социолого-лингвистические исследования в Сибири // Советская этнография. 1969. № 3. С. 156–158.
- Тер-Саркисянц А.Е., Тульцева Л.А. Экспедиции Института этнографии в 1977 г. // Полевые исследования Института этнографии. 1977 / отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1979. С. 254–260.
- Токарев С.А. Советская этнография за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. 1958. Т. 8, № 2. С. 78–98.
- Толстов С.П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // Советская этнография. 1960. № 6. С. 10–23.
- Толстов С.П. Сорок лет советской этнографии // Советская этнография. 1957. № 5. С. 31–55.
- Туголуков В.А. Вопросы современного положения эвенков, кетов и селькупов в Енисейском и Туруханском районах // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1963–1980 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006а. С. 253–268.
- Туголуков В.А. О положении коренного населения р. Кур (Хабаровский сельский район) // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1981–1984 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006б. С. 181–186.
- Туголуков В.А. О положении коренного населения Эвенкийского национального округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1956–1958 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004б. С. 222–243.
- Туголуков В.А. О положении эвенкийского населения в Тунгокоченском, Каларском и Тунгиро-Олекминском районах Читинской области // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004б. С. 342–368.

- Туголуков В.А. О результатах обследования эвенкийских колхозов Амурской области // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1959–1962 годы / под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 228–236.
- Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья (по материалам поездки в Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы Хабаровского края) // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России, 1956–1958 годы / под ред. З.П. Соколова, Е.А. Пивнева. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004а. С. 56–100.
- Туголуков В.А. Поездка к охотским эвенкам и эвенам // Советская этнография. 1956. № 3. С. 142–146.
- Туголуков В.А. У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края // Советская этнография. 1963. № 3. С. 159–165.
- Туголуков В.А. У эвенков реки Чуни и верховьев Вилюя // Краткие сообщения / Академия наук СССР; Ин-т этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. № 32. С. 111–121.
- Туголуков В.А. Эвенки охотского побережья (историко-этнографический очерк): дис. ... канд. ист. наук. М., 1957.
- Урсынович С. Этнографическая секция в Обществе изучения Урала, Сибири и Д. Востока // Этнография. 1926. № 1–2. С. 274–275.
- Федорова Е.Г. От редактора // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17: Памяти Евгении Алексеевны Алексеенко / под ред. Е.Г. Федоровой. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 5–7.
- Этнография в Москве // Советская этнография. 1934. № 4. С. 118–119.
- Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the “Field” in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, No. 1. P. 31–74.
- Funk D. Siberia, Anthropology in // *The International Encyclopedia of Anthropology* / ed. by H. Callan. Wiley, 2018. P. 1–15.
- Gupta A., Ferguson J. Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method, and Location in Anthropology // *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science* / Ed. by A. Gupta and J. Ferguson. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. P. 1–46.
- Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2009.
- Schweitzer P.P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research: Habilitationsschrift. Wien: Universität Wien, 2001.
- Sirina A. A History of Siberian Ethnography // *The Siberian World* / ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. London; New York: Routledge, 2023. P. 587–606.
- Strathern M. Relations: An Anthropological Account. Durham; London: Duke University press, 2020.
- Vitebsky P., Alekseyev A. Siberia // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44, No. 1. P. 439–455.

References

- "...I možno skazat', chto schastlivy" (interv'iu s Evgeniei Alekseevnoi Alekseenko) (2010) In: *Sibirskii sbornik–2. K iubilieu Evgenii Alekseevny Alekseenko* [Siberian collection-2. To the anniversary of Evgenia Alekseevna Alekseenko] / Ed. by E.G. Fedorova. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 6–21.
- Alekseeva T.I. & Arutiunov M.G. (2004) Maksim Grigor'evich Levin: uchenyi, uchitel', chelovek [Maxim Grigorievich Levin: scientist, teacher, man]. In: *Vydaishchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and

- anthropologists of the 20th century] / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow, pp. 331–357.
- Alymov S.S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoi etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the development of Soviet ethnography in the 1920s–1950s]. Moscow: IEA RAN.
- Alymov S.S. & Arziutov D.V. (2014) Marksistskaia etnografiia za sem' dnei [Marxist ethnography in seven days]. In: *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.) Kunstkamera – Arkhiv*. [From the classics to Marxism: meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929) Kunstkamera – Archive] / Ed. by D.V. Arziutov, S.S. Alymov, D.G. Anderson. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 21–90.
- Alymov S.S. & Reshetov A.M. (2003) Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti [Boris Alekseevich Kuftin: the twists and turns of his life path]. In: *Repressirovannye etnografy. Vyp. 2* [Repressed ethnographers. Issue 2] / Comp. and ed. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, pp. 227–268.
- Anchabadze Iu.D. (2010) S.A. Tokarev: nachalo puti [S.A. Tokarev: the beginning of the path]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 120–133.
- ARAN. F. 142. Op. 1. D. 43. Protokoly zasedanii gruppy Severa Instituta etnografii AN SSSR [Minutes of meetings of the North group of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences].
- Artemova O.Iu. (2003) A.M. Zolotarev: tragediia sovetskogo uchenogo [A.M. Zolotarev: the tragedy of a Soviet scientist]. In: *Repressirovannye etnografy. Vyp. 2* [Repressed ethnographers. Issue 2] / Comp. and ed. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, pp. 193–226.
- Arzyutov D.V. & Kan S.A. (2017) The Concept of the "Field" in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective. *Sibirica*. 16 (1). pp. 31–74.
- Balakhonova E.I. (2013) 130 let Muzeiu antropologii Moskovskogo universiteta imeni M.V. Lomonosova [130 years of the Museum of Anthropology of the Lomonosov Moscow State University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 23, no. 4, pp. 4–22.
- Bat'ianova E.P. (2000) Shest'desiat let v rossiiskoi nauke [Sixty years in Russian science]. In: *Shamanskii dar. K 80-letiiu doktora istoricheskikh nauk Anny Vasil'evny Smoliak* [Shamanic gift. To the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences Anna Vasilievna Smolyak] / Ed. by V.I. Kharitonova. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN, pp. 17–29.
- Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim (O Sergee Aleksandroviche Tokareve - uchenom i cheloveke) [We thank fate for the meeting with him (About Sergey Alexandrovich Tokarev - scientist and man)] (1995) / Ed.-comp. by S.Ia. Kozlov, P.I. Puchkov. Moscow: Institut etnologii i antropologii.
- Bromlei Iu.V. & Kriukov M.V. (1987) Etnografiia: mesto v sisteme nauk, shkoly, metody [Ethnography: place in the system of sciences, schools, methods]. *Sovetskaia etnografiia*. 3. pp. 45–60.
- Davydov V.N., Sirina A.A. (2017) Tungusskaia ekspeditsiia 1927–1928 gg. i ee mesto v istorii moskovskoi etnograficheskoi shkoly [The Tunguska expedition of 1927–1928 and its place in the history of the Moscow ethnographic school]. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [Field as life: To the 60th anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS] / Ed. and comp. by E.A. Pivneva. M.; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 39–49.
- Ermolova N.V. (2003) Tungusoved Glafira Makar'evna Vasilevich [Tungusologist Glafira Makarievna Vasilevich]. In: *Repressirovannye etnografy. Vyp. 2* [Repressed ethnographers. Issue 2] / Comp. and ed. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, pp. 10–46.

- Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods] (1988) / Ed. by M.V. Kriukov, I. Zel'nov. Moscow: Nauka.
- Etnografiia v Moskve [Ethnography in Moscow] (1934) *Sovetskaia etnografiia*. 4. pp. 118–119.
- Fedorova E.G. (2017) Ot redaktora [From the editor]. In: *Materialy polevykh issledovani MAE RAN. Vyp. 17: Pamiati Evgenii Alekseevny Alekseenko* [Materials of field research of the MAE RAS. Issue 17: In memory of Evgenia Alekseevna Alekseenko] / Ed. by E.G. Fedorova. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 5–7.
- Funk D. (2018) Siberia, Anthropology in. In: *The International Encyclopedia of Anthropology* / Ed. by H. Callan. Wiley, pp. 1–15.
- Gagen-Torn N.I. (1971) Leningradskaia etnograficheskaia shkola v dvadtsatye gody (u istokov sovetskoi etnografii) [The Leningrad ethnographic school in the twenties (at the origins of Soviet ethnography)]. *Sovetskaia etnografiia*. 2. pp. 134–145.
- Golovnev A.V. & Danilova E.N. (2021) Sovetskaia versia etnoekspertizy: dokladnye zapiski etnografov-severovedov 1950–1990-kh gg. [The Soviet version of ethno-expertise: memoranda of ethnographers-northerners from the 1950s–1990s]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 52 (1). pp. 132–143.
- Gupta A. & Ferguson J. (1997) Discipline and Practice: "The Field" as Site, Method, and Location in Anthropology. In: *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science* / Ed. by A. Gupta and J. Ferguson. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 1–46.
- Gupta A. & Ferguson J. (2013) Distsiplina i praktika: "pole" kak mesto, metod i lokal'nost' v antropologii [Discipline and practice: the "field" as a place, method and locality in anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 3–44.
- Gurvich I.S. (1990) Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR (issledovanie voprosov material'noi i dukhovnoi kul'tury) [Northern expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (study of material and spiritual culture)]. In: *Problemy izucheniia istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki*. Moscow, pp. 198–204.
- Gurvich I.S. (1990) Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR (issledovanie voprosov material'noi i dukhovnoi kul'tury) [Northern Expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (study of issues of material and spiritual culture)]. In: *Problemy izucheniia istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki* [Problems of studying the historical and cultural environment of the Arctic]. Moscow, pp. 198–204.
- Ippolitova A.B. (2001) Istoriia Muzeia narodov SSSR v Moskve [History of the Museum of the Peoples of the USSR in Moscow]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 144–160.
- Ivanova Iu.V. (2002) Petr Fedorovich Preobrazhenskii: zhiznennyi put' i nauchnoe nasledie [Petr Fedorovich Preobrazhensky: life path and scientific heritage]. In: *Repressirovannye etnografy. Vyp. 1* [Repressed ethnographers. Issue 1] / Comp. and ed. by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, pp. 235–264.
- Kabo V. (n.d.) *Knigi i liudi* [Books and people]. Vladimir Kabo. Razdel saita "Knigi", podrazdel "Doroga v Avstraliu: Vospominaniia". Available at: <https://vladimirkabo.com/books/road-to-australia/books-and-people> (accessed: 13.01.2025).
- Kaduk E.V. & Kaduk A.V. (2021) Polevye dnevniki Tungusskoi ekspeditsii 1927–1928 gg. M.G. Levina i B.A. Kuftina: metodologiya sbora i opisanii materiala [Field diaries of the 1927–1928 Tunguska expedition by M.G. Levin and B.A. Kuftin: methodology of collecting and describing material]. *Kunstkamera*. 12 (2). pp. 104–122.
- Kan S. (2009) *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln; London: University of Nebraska Press.
- Kerimova M.M. (2011) *Zhizn', otdannaiia nauke. Sem'ia etnografov Kharuzinykh. Iz istorii rossiiskoi etnografii (1880–1930-e gody)* [A life dedicated to science. The Kharuzin family

- of ethnographers. From the history of Russian ethnography (1880s–1930s)]. Moscow: Nauka.
- Koval'skii S.O., Basov A.S. (2024) Severnoe pole v sovetskoj etnografii: moskovskie ekspeditsii na Taimyr vo vtoroi polovine XX v. [The Northern field in Soviet ethnography: Moscow expeditions to Taimyr in the second half of the 20th century]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 7–58.
- Koz'min V.A., Verniaev I.I., Novozhilov A.G. (2008) R.F. Its – uchenyi, uchitel', kollega [R.F. Its – scientist, teacher, colleague]. In: *Malye etnicheskie i etnograficheskie grupy: Sbornik statei, posviashchennyi 80-letiiu so dnia rozhdeniia professora Rudol'fa Ferdinandovicha Itsa* [Small ethnic and ethnographic groups: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Professor Rudolf Ferdinandovich Its] / Ed. by V.A. Koz'min. Saint Petersburg: Novaia al'ternativnaia poligrafia, pp. 8–28.
- Letopis' etnologicheskogo fakul'teta [Chronicle of the Ethnological Faculty] (n.d.) *Letopis' Moskovskogo universiteta*. Available at: <https://letopis.msu.ru/content/letopis-etnologicheskogo-fakulteta> (accessed: 25.01.2025).
- Letopis' istoriko-filosofskogo fakul'teta [Chronicle of the Historical and Philosophical Faculty] (n.d.) *Letopis' Moskovskogo universiteta*. Available at: <https://letopis.msu.ru/content/letopis-istoriko-filosofskogo-fakulteta> (accessed: 25.01.2025).
- Levin M. (1949) Polevye issledovaniia Instituta etnografii v 1948 godu [Field research of the Institute of Ethnography in 1948]. *Sovetskaia etnografiia*. 2. pp. 156–158.
- Liarskaia E.V. (2016) "Tkan' Penelopy": "proekt Bogoraza" vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-kh gg. ["Penelope's Fabric": the "Bogoraz project" in the second half of the 1920s – 1930s]. *Antropologicheskii forum*. 29. pp. 142–186.
- Scientific archive of the IEA RAS (NA IEA RAN). F. 1. Op. 11. D. 2926. L. 1–87. Arkhivnye i dokumental'nye materialy. Tugolukov, V.A. Komandirovka na Okhotskoe poberezh'e 1955 g. [Archival and documentary materials. Tugolukov, V.A. Business trip to the Okhotsk coast 1955].
- NA IEA RAN. F. 1. Op. 11. D. 2926. L. 166–238. Fol'klor. Tugolukov, V.A. Komandirovka na Okhotskoe poberezh'e 1955 g. [Folklore. Tugolukov, V.A. Business trip to the Okhotsk coast 1955].
- NA IEA RAN. F. 1. Op. 11. D. 2926. L. 88–165. Polevye materialy. Tugolukov, V.A. Komandirovka na Okhotskoe poberezh'e 1955 g. [Field materials. Tugolukov, V.A. Business trip to the Okhotsk coast 1955].
- NA IEA RAN. F. 1. Op. 11. D. 2928. L. 1–93. Tugolukov V.A. Poezdka v Khabarovskii i Primorskii kraia. Tetrad' No. 1. 1968 [Tugolukov V.A. Trip to Khabarovsk and Primorsky Territories. Notebook No. 1. 1968].
- NA IEA RAN. F. 1. Op. 11. D. 2928. L. 108–121. Tugolukov V.A. Tetrad' No. 3. 1968 [Tugolukov V.A. Notebook No. 3. 1968].
- NA IEA RAN. F. 1. Op. 11. D. 2928. L. 94–107. Tugolukov V.A. Tetrad' No. 2. 1968 [Tugolukov V.A. Notebook No. 2. 1968].
- NA IEA RAN. F. 1. Op. 11. D. 5589. Tugolukov V.A. Polevaia tetrad'. 1975 [Tugolukov V.A. Field notebook. 1975].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 100. L. 174–191. Tugolukov V.A. Otchet ob ekspeditsionnoi poezdke v Chukotskii natsional'nyi okrug v 1973 g. [Report on an expeditionary trip to the Chukotka National District in 1973].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 108. L. 178–189. Tugolukov V.A. Otchet ob ekspeditsionnoi poezdke v Eniseiskii i Turukhanskii raiony Krasnoarskogo kraia v 1974 g. [Report on an expeditionary trip to the Yenisei and Turukhansk districts of the Krasnoyarsk Territory in 1974].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 111. L. 156. Tugolukov V.A. Otchet ob ekspeditsionnoi poezdke 1975 g. [Report on an expeditionary trip in 1975].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 117. L. 194–210. Tugolukov V.A. Problemy khoziaistva i byta korennoho naseleniia na Severnom Sakhaline i Nizhnem Amure. 24.12.1976 [Problems of

- economy and life of the indigenous population in Northern Sakhalin and the Lower Amur. 24.12.1976].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 40. L. 192–215. Tugolukov V.A. Otchet o rabote Eniseiskogo otriada Kompleksnoi ekspeditsii Instituta etnografii AN SSSR v 1959 godu [Report on the work of the Yenisei detachment of the Complex Expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1959].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 40. L. 216–219. Kratkie zamechaniia i predlozheniia po Taimyrskomu natsional'nomu okrugu na osnove predvaritel'nykh dannykh ekspeditsii 1959 g. [Brief remarks and suggestions on the Taimyr National District based on preliminary data from the 1959 expedition].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 53. L. 58–73. Tugolukov V.A. Otchet o rezul'tatakh poezdki v evenkiiskie raiony Buriatskoi ASSR. 20.10.1961 [Report on the results of a trip to the Evenki districts of the Buryat ASSR. 20.10.1961].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 62. L. 123–148. Tugolukov V. A. Otchet o rezul'tatakh poezdki k evenkam Irkutskoi oblasti i Turukhanskogo raiona Krasnoiarskogo kraia letom 1963 goda. [Report on the results of a trip to the Evenks of the Irkutsk region and the Turukhansk district of the Krasnoyarsk Territory in the summer of 1963].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 62. L. 123–148. Tugolukov V.A. Otchet o rezul'tatakh poezdki k evenkam Irkutskoi oblasti i Turukhanskogo raiona Krasnoiarskogo kraia letom 1963 goda [Report on the results of a trip to the Evenks of the Irkutsk region and the Turukhansk district of the Krasnoyarsk Territory in the summer of 1963].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 66. L. 31–43. Tugolukov V.A. Kratkii otchet o rezul'tatakh obsledovaniia evenkov Okhotskogo poberezh'ia v 1965 g. [Brief report on the results of the survey of Evenks of the Okhotsk coast in 1965].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 70. L. 37–62. Tugolukov V. Otchet o rezul'tatakh obsledovaniia evenkov Katangskogo raiona Irkutskoi oblasti, Verkhnebureinskogo i Khabarovskogo sel'skogo raionov Khabarovskogo kraia i Noglikskogo raiona Sakhalinskoi oblasti letom 1966 goda [Report on the results of the survey of Evenks of the Katangsky district of the Irkutsk region, Verkhnebureinsky and Khabarovsky rural districts of the Khabarovsk Territory and the Nogliksky district of the Sakhalin region in the summer of 1966].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 82. L. 108–118. Tugolukov V.A. Ekspeditsionnyi otchet o polevykh rabotakh 1970 g. [Expedition report on field work in 1970].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 82. L. 108–118. Tugolukov V.A. Ekspeditsionnyi otchet o polevykh rabotakh 1970 g. [Expedition report on field work in 1970].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 87. L. 164–189. Tugolukov V.A. Predvaritel'nyi otchet o poezdke v severo-zapadnye raiony Iakutskoi ASSR v 1971 g. [Preliminary report on a trip to the northwestern regions of the Yakut ASSR in 1971].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 87. L. 164–189. Tugolukov V.A. Predvaritel'nyi otchet o poezdke v severo-zapadnye raiony Yakutskoi ASSR v 1971 g. [Preliminary report on a trip to the northwestern regions of the Yakut ASSR in 1971].
- NA IEA RAN. F. 142. Op. 2. D. 95. L. 182–202. Tugolukov V.A. Otchet o rezul'tatakh polevoi raboty v 1972 g. [Report on the results of field work in 1972].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 15. D. 4660. Tugolukov V.A. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Eniseiskii otriad. Iiul'–sentiabr' 1974 [Tugolukov V.A. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Yenisei detachment. July–September 1974].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1608. L. 1–92. Tugolukov V.A. No. 1. Tungusko-Chunskii raion Evenkiiskogo nats. okruga. 1957 [Tugolukov V.A. No. 1. Tungusso-Chunsky district of the Evenki National District. 1957].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1608. L. 93–171. Tugolukov V.A. No. 2. Ilimpiiskii raion Evenkiiskogo nats. okruga. 1957 [Tugolukov V.A. No. 2. Ilimpiysky district of the Evenki National District. 1957].

- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1609. L. 1–100. Tugolukov V.A. No. 1. gor. Chita. r-ny Tungokochenskii, Borzinskii, Kyrinskii, [Tungiro-Olekminskii], Shilkinskii. 1958 [Tugolukov V.A. No. 1. City of Chita. districts: Tungokochensky, Borzinsky, Kyrinsky, [Tungiro-Olekminsky], Shilkinsky. 1958].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1609. L. 101–172. Tugolukov V.A. No. 2. Kalarskii raion. 1958 [Tugolukov V.A. No. 2. Kalarsky district. 1958].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1610. L. 1–92. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. Amurskaia oblast'. Selezmdzhinskii r-n. Zeiskii r-n. No. 1. V. Tugolukov. Leto 1960 g. [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. Amur region. Selezmdzhinsky district. Zeysky district. No. 1. V. Tugolukov. Summer 1960].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1610. L. 93–138. Tugolukov V.A. No. 2. 1960 [Tugolukov V.A. No. 2. 1960].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1612. L. 1–95. Tugolukov V.A. Institut etnografii AN SSSR. Sektor Severa. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. 1961 g. No. 1. Chita, Ulan-Ude, Severo-Baikal'skii aimak BASSR. Iiun'-iiul' 1961 g. [Tugolukov V.A. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. North Sector. Northern Expedition. Evenki detachment. 1961. No. 1. Chita, Ulan-Ude, Severo-Baikalsky aimak of the Buryat ASSR. June–July 1961].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1612. L. 96–162. Tugolukov V.A. Institut etnografii AN SSSR. Sektor Severa. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. 1961 g. No. 2 [Tugolukov V.A. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. North Sector. Northern Expedition. Evenki detachment. 1961. No. 2].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1613. L. 1–98. Kompleksnaia ekspeditsiia Instituta geografii AN SSSR po issledovaniuu prirodnkh resursov. Sibirskii otriad. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR. Evenkiiskii otriad. № 1. Baikitskii raion Evenkiiskogo natsional'nogo okruga. IV–V–VI–VII 1962. V. Tugolukov [Complex expedition of the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences for the study of natural resources. Siberian detachment. Northern Expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Evenki detachment. No. 1. Baikitsky district of the Evenki National District. IV–V–VI–VII 1962. V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1613. L. 99–182. Kompleksnaia ekspeditsiia Instituta geografii AN SSSR po issledovaniuu prirodnkh resursov. Sibirskii otriad. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR. Evenkiiskii otriad. № 2. Ilimpiiskii (Evenkiiskii natsional'nyi okrug) i Turukhanskii raion Krasnoiarskogo kraia. VII–VIII 1962. V. Tugolukov. [Complex expedition of the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences for the study of natural resources. Siberian detachment. Northern Expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Evenki detachment. No. 2. Ilimpiysky (Evenki National District) and Turukhansky district of Krasnoyarsk Territory. VII–VIII 1962. V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1616. L. 1–99. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. 1. Irkutskaiia oblast' (7 VI – 6 VII 1963). V. Tugolukov [Northern Expedition. Evenki detachment. 1. Irkutsk region (7 June – 6 July 1963). V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1616. L. 100–161. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. 2. Katangskii raion Irkutskoi obl. Turukhanskii raion Krasnoiarskogo kraia (8 VII – 21 VIII 1963). V. Tugolukov. [Northern Expedition. Evenki detachment. 2. Katangsky district of Irkutsk region. Turukhansky district of Krasnoyarsk Territory (8 July – 21 August 1963). V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1619. L. 1–74. Tugolukov V.A. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Khabarovskii krai: Nanaiskii raion, Komsomol'skii raion, Amurskii raion, Sovetskii raion. 1967. No. 1. Khabarovskii krai [Tugolukov V.A. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Khabarovsk

- Territory: Nanaisky district, Komsomolsky district, Amursky district, Sovetsky district. 1967. No. 1. Khabarovsk Territory].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 1619. L. 75–141. Tugolukov V.A. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Primorskii krai: Terneiskii raion, Vladivostok. 1967. No. 2. Primorskii krai [Tugolukov V.A. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Primorsky Territory: Terneysky district, Vladivostok. 1967. No. 2. Primorsky Territory].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 3338. L. 1–74 ob. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. No. 1. Tuguro-Chumikanskii raion Khabarovskogo kraia. Polevye materialy. 1965 [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. No. 1. Tuguro-Chumikansky district of Khabarovsk Territory. Field materials. 1965].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 3338. L. 76–141 ob. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. No. 2. Aiano-Maiskii raion Khabarovskogo kraia. Polevye materialy. 1965 [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. No. 2. Ayano-Maysky district of Khabarovsk Territory. Field materials. 1965].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 3481. Severnaia ekspeditsiia. Anadyrskii otriad. Raiony Anadyrskii i Bilibinskii Chukotskogo n/o. V. Tugolukov. Iiul'-sentiabr' 1973 [Northern Expedition. Anadyr detachment. Anadysky and Bilibinsky districts of the Chukotka Autonomous Okrug. V. Tugolukov. July–September 1973].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 3811. L. 1–81. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Yukagiro-evenskii otriad. Nizhne-Kolymskii r-n IaASSR. Allaikhovskii r-n IaASSR. 1. V. Tugolukov. Iiul' 1970 [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Yukagir-Even detachment. Nizhnekolymsky district of the Yakut ASSR. Allaikhovsky district of the Yakut ASSR. 1. V. Tugolukov. July 1970].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 3811. L. 82–171. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Tomponskii r-n IaASSR. 2. V. Tugolukov. avgust 1970 [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Tomponsky district of the Yakut ASSR. 2. V. Tugolukov. August 1970].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 5945. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. Noglikskii r-n Sakhal. obl. Nikolaevskii r-n Khabar. kraia. Iiul'-avgust 1976. V. Tugolukov [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. Nogliksky district of Sakhalin region. Nikolaevsky district of Khabarovsk Territory. July–August 1976. V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 6193. L. 1–85. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. Raion rabot: Ilimpiiskii r-n Evenkiiskogo nats. okruga. Polevye i arkhivnye materialy. Iiul'-avgust 1977. V. Tugolukov [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. Work area: Ilimpiysky district of the Evenki National District. Field and archive materials. July–August 1977. V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 6461. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. Okhotskii, Tuguro-Chumikanskii raiony Khabarovskogo kraia. 1978 [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. Okhotsky, Tuguro-Chumikansky districts of Khabarovsk Territory. 1978].
- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 6823. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. Katangskii raion Irkutskoi oblasti. pos. Yukta Ilimpiiskogo r-na Evenkiiskogo avtonomnogo okruga. Materialy GAKK i GAIО. 1979. V. Tugolukov [Northern Expedition. Evenki detachment. Katangsky district of Irkutsk region. Yukta village of Ilimpiysky district of Evenki Autonomous Okrug. Materials of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory and the State Archive of the Irkutsk Region. 1979. V. Tugolukov].

- NA IEA RAN. F. 44. Op. 4. D. 7699. Institut etnografii AN SSSR. Severnaia ekspeditsiia. Evenkiiskii otriad. Polevye materialy po Khabarovskomu sel'skomu raionu. Iiul'-avgust 1981. V. Tugolukov [Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. Northern Expedition. Evenki detachment. Field materials on Khabarovsky rural district. July–August 1981. V. Tugolukov].
- NA IEA RAN. F. 47. Op. 5. D. 2371. L. 1–97. V.A. Tugolukov. Kompleksnaia ekspeditsiia. Eniseiskii otriad. Taimyrskii natsional'nyi okrug. No. 1. Leto 1959 [V.A. Tugolukov. Complex expedition. Yenisei detachment. Taimyr National District. No. 1. Summer 1959].
- NA IEA RAN. F. 47. Op. 5. D. 2371. L. 98–109 ob. V.A. Tugolukov. Kompleksnaia ekspeditsiia. Eniseiskii otriad. Taimyrskii natsional'nyi okrug. No. 2. Leto 1959 [V.A. Tugolukov. Complex expedition. Yenisei detachment. Taimyr National District. No. 2. Summer 1959].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. Korob No. 5. Fotomaterialy k nauchnym trudam (rabochie materialy eksp. 1957–1961) [Box No. 5. Photographic materials for scientific works (working materials of expeditions 1957–1961)].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 1. L. 10. Tugolukov V.A. Otchet ob ekspeditsii v Yakutskuiu ASSR. 25.09.1970 [Report on the expedition to the Yakut ASSR. 25.09.1970].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 1. L. 11. Tugolukov V.A. Zaiavka-obosnovanie na ekspeditsionnoe issledovanie v 1976 g. [Application-justification for expeditionary research in 1976].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 1. L. 7–9. Tugolukov V.A. Obosnovanie polevoi raboty V.A. Tugolukova letom i osen'iu 1970 g. [Justification for the field work of V.A. Tugolukov in the summer and autumn of 1970].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 2. L. 27–48. Tugolukov V.A. Nekotorye voprosy sovremenного položenii iukagirov, evenov, koriakov, negidal'tsev (po materialam polevoi raboty 1969 goda) [Some issues of the current situation of the Yukaghirs, Evens, Koryaks, Negidals (based on materials from field work in 1969)].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 2. L. 49–66. Tugolukov V.A. Nekotorye voprosy sovremenного položenii evenov i yukagirov v severnykh raionov IaASSR. 25.12.1970 [Some issues of the current situation of Evens and Yukaghirs in the northern regions of the Yakut ASSR. 25.12.1970].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 2. L. 67–83. Tugolukov V.A. Problemy khoziaistva, sem'i i byta korenного naseleniia Chukotskogo natsional'nogo okruga (po materialam poezdki v Anadyrskii i Bilibinskii raiony v 1973 g.) [Problems of economy, family and life of the indigenous population of the Chukotka National District (based on materials from a trip to the Anadyrsky and Bilibinsky districts in 1973)].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 2. L. 9–26. Tugolukov V.A. Zapiska ob obsledovanii narodov Severa Khabarovskogo i Primorskogo kraev osen'iu 1967 g. [Note on the survey of the peoples of the North of the Khabarovsk and Primorsky Territories in the autumn of 1967].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 2. L. 91–111. Tugolukov V.A. Problema razvitiia evenov i evenkov Okhotskogo poberezh'ia [The problem of development of the Evens and Evenks of the Okhotsk coast].
- NA IEA RAN. F. V.A. Tugolukova. P. 1. Konvert 3. L. 1–14. Nauchnyi otchet o polevoi rabote V.A. Tugolukova v 1979 g. [Scientific report on the field work of V.A. Tugolukov in 1979].
- NA IEA RAN. Op. Lichnye dela sotrudnikov Instituta. D. 257. L. 169–171. Spisok nauchnykh trudov i izobretenii (nauchnye razrabotki) V.A. Tugolukova. 26.10.1976 [List of scientific works and inventions (scientific developments) of V.A. Tugolukov. 26.10.1976].
- NA IEA RAN. Op. Lichnye dela sotrudnikov Instituta. D. 257. L. 179–180. Kharakteristika mladshego nauchного sotrudnika kandidata istoricheskikh nauk V.A. Tugolukova. [Characteristic of junior researcher, candidate of historical sciences V.A. Tugolukov].

- NA IEA RAN. Op. Lichnye dela sotrudnikov Instituta. D. 257. L. 183–184. Gurvich I.S. Otzyv o rabote mladshogo nauchnogo sotrudnika V.A. Tugolukova za period 1974–76 gg. v sviazi s ego pereattestatsiei [Gurvich I.S. Review of the work of junior researcher V.A. Tugolukov for the period 1974–76 in connection with his re-certification].
- NA IEA RAN. Op. Lichnye dela sotrudnikov Instituta. D. 257. L. 182. Gurvich I.S. Otzyv o rabote mladshogo nauchnogo sotrudnika, kandidata istoricheskikh nauk V.A. Tugolukova za 1967–69 gg. [Gurvich I.S. Review of the work of junior researcher, candidate of historical sciences V.A. Tugolukov for 1967–69].
- NA IEA RAN. Op. Lichnye dela sotrudnikov Instituta. D. 257. L. 203–205. Tugolukov V.A. Otchet za 1974–76 gg. v sviazi s pereattestatsiei na dolzhnost' ml. nauchnogo sotrudnika. [Tugolukov V.A. Report for 1974–76 in connection with re-certification for the position of junior researcher].
- NA IEA RAN. Op. Lichnye dela sotrudnikov Instituta. D. 257. L. 200–202. Tugolukov V.A. Otchet o rabote s 1967 po mai 1970 g. [Tugolukov V.A. Report on work from 1967 to May 1970].
- Nikishenkov A.A. (1982) Nauchnye shkoly v period stanovleniia sovremennoi britanskoi sotsial'noi antropologii (20–40-e gody XX v.) [Scientific schools during the formation of modern British social anthropology (1920s–1940s)]. *Sovetskaia etnografiia*. 4. pp. 55–66.
- Obshchestvo izucheniia Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Society for the Study of the Urals, Siberia and the Far East] (1925) *Severnaia Aziia: obshchestvenno-nauchnyi zhurnal*. Book 1–2. pp. 139–140.
- Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From the classics to Marxism: meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)] (2014) / Ed. by D.V. Arziutov, S.S. Alymov, D.G. Anderson. Saint Petersburg: MAE RAN.
- Pivneva E.A. (2022) Etnografy i malochislennye narody Severa i Sibiri v kontekste sovetskoi etnonatsional'noi politiki [Ethnographers and small-numbered peoples of the North and Siberia in the context of Soviet ethno-national policy]. In: *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet ethnography in the history of state building and national policy] / Ed. by M.Iu. Martynova. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, pp. 91–157.
- Predislovie [Preface] (2004) In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1956–1958 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1956–1958] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: Izdatel'stvo IEA RAN, pp. 5–8.
- Ratner-Shternberg S.A. (1935) L.Ia. Shternberg i Leningradskaia etnograficheskaiia shkola 1904–1927 gg. (Po lichnym vospominaniiam i arkhivnym dannym) [L.Ya. Sternberg and the Leningrad ethnographic school 1904–1927 (Based on personal memories and archival data)]. *Sovetskaia etnografiia*. 2. pp. 134–154.
- Razmyshleniia o sud'bach nauki [Reflections on the fate of science] (1996) *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 3–24.
- Reshetov A.M. (1995) Otdanie dolga [Repaying the debt]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 40–62.
- Reshetov A.M. (1995) Otdanie dolga. Chast' II. Pamiati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR – voinov Velikoi Otechestvennoi voiny [Repaying the debt. Part II. In memory of the staff of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences – soldiers of the Great Patriotic War]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 3–20.
- Reshetov A.M. (1995) Otdanie dolga. Chast' II. Pamiati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR, pogibshikh v boiakh za Rodinu [Repaying the debt. Part II. In memory of the staff of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences who died in battles for the Motherland]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 3–24.
- Reshetov A.M. (1995) Otdanie dolga. Chast' III. Institut etnografii AN SSSR vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny (nekotorye voprosy istorii) [Repaying the debt. Part III. The Institute

- of Ethnography of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War (some questions of history)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 3–17.
- Reshetov A.M. (2004) O N.P. Nikul'shine (1908–1941) (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia) [About N.P. Nikulshin (1908–1941) (on the 90th anniversary of his birth)]. In: *Materialy polevykh etnograficheskikh issledovanií. Vyp. 5* [Materials of field ethnographic research. Issue 5] / Ed. by E.G. Fedorova. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 120–127.
- Reshetov A.M. (2004) Rudol'f Ferdinandovich Its (1928–1990): chelovek, uchenyi, pedagog [Rudolf Ferdinandovich Its (1928–1990): man, scientist, teacher]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriiá*. 1–2. pp. 107–116.
- Reshetov A.M. (2008) Rudol'f Ferdinandovich Its kak sinolog [Rudolf Ferdinandovich Its as a sinologist]. In: *Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy: Sbornik statei, posviashchennyi 80-letiiu so dnia rozhdeniia professora Rudol'fa Ferdinandovicha Itsa* [Small ethnic and ethnographic groups: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Professor Rudolf Ferdinandovich Its] / Ed. by V.A. Koz'min. Saint Petersburg: Novaia al'ternativnaia poligrafiiá, pp. 29–43.
- Savoskul S.S. (2004) Vpervye na Severe: B.O. Dolgikh – registrator Pripoliarnoi perepisi [For the first time in the North: B.O. Dolgikh – registrar of the Polar Census]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 126–147.
- Savoskul S.S. (2009) Etnograf Krasnoiarskogo muzeia – B.O. Dolgikh v 1937–1944 gg. [Ethnographer of the Krasnoyarsk Museum – B.O. Dolgikh in 1937–1944]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 100–118.
- Schweitzer P.P. (2001) *Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research: Habilitationsschrift*. Wien: Universität Wien.
- Sem T.Iu. (n.d.) *Vasil'ev Boris Aleksandrovich*. Rossiiskii etnograficheskii muzei. Razdel saita "Resursy", podrazdel "Sobirately". Available at: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/vasilev-boris-aleksandrovich/> (accessed: 02.02.2025).
- Sergeev M.A. (1949) K voprosu o primenenii termina "Krainii Sever" [On the question of the use of the term "Far North"]. *Letopis' Severa* [Chronicle of the North], no. 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi, pp. 189–208.
- Sirina A. (2023) A History of Siberian Ethnography. In: *The Siberian World* / Ed. by J.P. Ziker, J. Ferguson, V. Davydov. London; New York: Routledge, pp. 587–606.
- Sirina A.A., Davydov V.N. (2020) Etnograf Boris Aleksandrovich Vasil'ev i ego ocherk "Piat' dnei sredi orochei": strategii pis'ma v sovetskoj etnografii [Ethnographer Boris Aleksandrovich Vasiliev and his essay "Five Days among the Orochs": writing strategies in Soviet ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 5–22.
- Slezkine Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sokolova Z.P. (1971) Ekspeditsii 1970 goda Instituta etnografii AN SSSR [Expeditions of 1970 of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. In: *Itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1970 godu* [Results of field work of the Institute of Ethnography in 1970] / Ed. by V.N. Basilov, Z.P. Sokolova, A.E. Ter-Sarkisants. Moscow: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, pp. 3–11.
- Strakach Iu.B., Tugolukov V.A. (1969) Sotsiologo-lingvisticheskie issledovaniia v Sibiri [Socio-linguistic research in Siberia]. *Sovetskaia etnografiia*. 3. pp. 156–158.
- Strathern M. (2020) *Relations: An Anthropological Account*. Durham; London: Duke University press.
- Ter-Sarkisants A.E., Tul'tseva L.A. (1979) Ekspeditsii Instituta etnografii v 1977 g. [Expeditions of the Institute of Ethnography in 1977]. In: *Polevyie issledovaniia Instituta etnografii. 1977* [Field research of the Institute of Ethnography. 1977] / Ed. by S.I. Vainshtein. Moscow: Nauka, pp. 254–260.
- Tokarev S.A. (1958) Sovetskaia etnografiia za 40 let [Soviet ethnography over 40 years]. *Vestnik istorii mirovoi kul'tury*. 8 (2). pp. 78–98.

- Tolstov S.P. (1957) Sorok let sovetskoi etnografii [Forty years of Soviet ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*. 5. pp. 31–55.
- Tolstov S.P. (1960) Osnovnye teoreticheskie problemy sovremennoi sovetskoi etnografii [Main theoretical problems of modern Soviet ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*. 6. pp. 10–23.
- Tugolukov V.A. (1956) Poezdka k okhotskim evenkam i evenam [Trip to the Okhotsk Evenks and Evens]. *Sovetskaia etnografiia*. 3. pp. 142–146.
- Tugolukov V.A. (1957) *Evenki okhotskogo poberezh'ia (istoriko-etnograficheskii ocherk): diss. ... kand. ist. nauk* [Evenks of the Okhotsk coast (historical and ethnographic essay): Cand.(Hist.) dissertation thesis]. Moscow.
- Tugolukov V.A. (1959) U evenkov reki Chuni i verkhov'ev Viliuia [Among the Evenks of the Chuna River and the upper reaches of the Vilyuy]. In: *Kratkie soobshcheniia / Akademiia nauk SSSR; Institut etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaia* [Brief reports / USSR Academy of Sciences; N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, no. 32, pp. 111–121.
- Tugolukov V.A. (1963) U evenkov zapadnoi chasti Evenkiiskogo natsional'nogo okruga i Turukhanskogo raiona Krasnoiarskogo kraia [Among the Evenks of the western part of the Evenki National District and the Turukhansk district of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovetskaia etnografiia*. 3. pp. 159–165.
- Tugolukov V.A. (2004) O polozhenii evenkiiskogo naseleniia v Tungokochenskom, Kalarskom i Tungiro-Olekminskom raionakh Chitinskoi oblasti [On the situation of the Evenki population in the Tungokochensky, Kalarsky and Tungiro-Olekminsky districts of the Chita region]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1956–1958 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia. 1956–1958] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: izdatel'stvo IEA RAN, pp. 342–368.
- Tugolukov V.A. (2004a) O sovremennom polozhenii evenkov Okhotskogo poberezh'ia (po materialam poezdki v Tuguro-Chumikanskii i Aiarno-Maiskii raiony Khabarovskogo kraia) [On the current situation of Evenks of the Okhotsk coast (based on materials from a trip to the Tuguro-Chumikansky and Ayano-Maysky districts of the Khabarovsk Territory)]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1956–1958 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1956–1958] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: izdatel'stvo IEA RAN, pp. 56–100.
- Tugolukov V.A. (2004b) O polozhenii korenного naseleniia Evenkiiskogo natsional'nogo okruga [On the situation of the indigenous population of the Evenki National District]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1956–1958 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1956–1958] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: izdatel'stvo IEA RAN, pp. 222–243.
- Tugolukov V.A. (2005) O rezul'tatakh obsledovaniia evenkiiskikh kolkhozov Amurskoi oblasti [On the results of the survey of Evenki collective farms in the Amur region]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1959–1962 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1959–1962] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: Izdatel'stvo IEA RAN, pp. 228–236.
- Tugolukov V.A. (2006) O polozhenii korenного naseleniia r. Kur (Khabarovskii sel'skii raion) [On the situation of the indigenous population of the Kur River (Khabarovsk rural district)]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1981–1984 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1981–1984] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 181–186.
- Tugolukov V.A. (2006a) Voprosy sovremennogo polozheniia evenkov, ketov i sel'kupov v Eniseiskom i Turukhanskom raionakh [Issues of the current situation of Evenks, Kets and Selkups in the Yenisei and Turukhansk districts]. In: *Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1963–1980 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1963–1980] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, pp. 253–268.

- Ursynovich S. (1926) Etnograficheskaya sektsiia v Obshchestve izucheniia Urala, Sibiri i D. Vostoka [Ethnographic section in the Society for the Study of the Urals, Siberia and the Far East]. *Etnografiia*. 1–2. pp. 274–275.
- Vainshtein S.I., Kriukov M.V. (1988) Sovetskaya etnograficheskaya shkola [Soviet ethnographic school]. In: *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods]. Moscow: Nauka, pp. 114–124.
- Vakhtin N. (2016) "Proekt Bogoraza": bor'ba za ogon' ["The Bogoraz Project": the struggle for fire]. *Antropologicheskii forum*. 29. pp. 125–141.
- Vakhtin N.B. (2020) Peterburgskoe severovedenie [Petersburg northern studies]. In: *"Poliarnye chteniia – 2019". Arktika: voprosy upravleniia* ["Polar Readings – 2019". Arctic: management issues] / Ed. by P.A. Filin. Moscow: Paulsen, pp. 440–446.
- Vasil'ev S.V., Uryson M.I. (2004) Viktor Valerianovich Bunak: patriarch otechestvennoi antropologii [Viktor Valerianovich Bunak: patriarch of national anthropology]. In: *Vydaishchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century] / Ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, pp. 233–260.
- Vasil'ev V.I., Tugolukov V.A. (1960) Etnograficheskie issledovaniia na Taimyre v 1959 godu [Ethnographic research in Taimyr in 1959]. *Sovetskaya etnografiia*. 5. pp. 128–141.
- Vasilevich G.M. (2005) O polozhenii korenного naseleniia Evenkiiskogo okruga Krasnoyarskogo kraia [On the situation of the indigenous population of the Evenki district of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Etnologicheskaya ekspertiza: Narody Severa Rossii, 1959–1962 gody* [Ethnological expertise: Peoples of the North of Russia, 1959–1962] / Ed. by Z.P. Sokolova, E.A. Pivneva. Moscow: Izdatel'stvo IEA RAN, pp. 126–154.
- Vasilevich G.M. (2022) *Evenki v sovetskii period (iz neopublikovannykh rabot)* [Evenks in the Soviet period (from unpublished works)] / Ed. by V.A. Beliaeva-Sachuk, V.N. Davydov. Saint Petersburg: MAE RAN.
- Viner B.E. (2020) Institutsional'naya istoriia rossiiskoi etnologii: kratkii obzor [Institutional history of Russian ethnology: a brief overview]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 150–166.
- Vitebsky P., Alekseyev A. (2015) Siberia. *Annual Review of Anthropology*. 44 (1). pp. 439–455.
- Vospominaniia o Rudol'fe Ferdinandoviche Itse [Memories of Rudolf Ferdinandovich Its] (2008) In: *Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy: Sbornik statei, posviashchennyi 80-letiiu so dnia rozhdeniia professora Rudol'fa Ferdinandovicha Itsa* [Small ethnic and ethnographic groups: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Professor Rudolf Ferdinandovich Its] / Ed. by V.A. Koz'min. Saint Petersburg: Novaia al'ternativnaia poligrafia, pp. 66–76.
- Zagrebin A.E., Sharapov V.E. (n.d.) Muzeinaia etnografiia v kontekste etnograficheskogo finno-ugrovedeniia v SSSR (1920–1930-e gg.) [Museum ethnography in the context of ethnographic Finno-Ugric studies in the USSR (1920s–1930s)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniia*. 15 (4). pp. 715–721.
- Zel'nov I., Kriukov M.V. (1988) Vvedenie [Introduction]. In: *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods] / Ed. by M.V. Kriukov, I. Zel'nov. Moscow: Nauka, pp. 5–20.
- Zhdanko T.A., Krupianskaia V.Iu., Terent'eva L.N. (1956) Ob organizatsii i metodike polevykh etnograficheskikh issledovaniia (Iz opyta raboty Instituta etnografii AN SSSR) [On the organization and methodology of field ethnographic research (From the experience of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences)]. *Sovetskaya etnografiia*. 3. pp. 25–34.

Сведения об авторе:

КОВАЛЬСКИЙ Святослав Олегович – младший научный сотрудник Лаборатории региональных этнологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sviatoslav O. Kovalskii, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 октября 2025;
принята к публикации 2 декабря 2025.*

*The article was submitted 03.10.2025;
accepted for publication 02.12.2025.*

Научная статья
УДК 94(5)
doi: 10.17223/2312461X/50/9

Японисты в поле: первый опыт коллективного полевого исследования Японии в немецкоязычной науке

Наталья Сергеевна Любимова

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, lyubimova@iea.ras.ru*

Аннотация. Представлен анализ проекта Асо (1968–1969 гг.) венской школы японистики как попытки синтеза различных теоретических традиций для создания новой методологии изучения Японии. Венская школа, в противовес доминировавшей филолого-исторической парадигме, изначально позиционировала себя как этнологическая и в послевоенное время также сохраняла близость к этнологии. Рассматриваемый эпизод ее истории представляет собой частный пример поиска новой исследовательской парадигмы после крушения большой теории и в условиях нарастающего теоретического разнообразия. Теоретической основой проекта стало критическое переосмысление двух исследовательских подходов: американских community studies, которые критиковались за неспособность связать микроуровень с макропроцессами, и японских междисциплинарных региональных исследований (Кю:гаккай Рэнго:), очевидным недостатком которых была слабая интеграция результатов между дисциплинами, а также склонность к смелым обобщениям. Проект Асо стремился объединить глубинное изучение локальности по американской модели с японским подходом к региону как к промежуточной единице анализа, добавляя при этом исторический контекст. Однако на практике амбициозный синтез не состоялся. По причине нехватки ресурсов, слабой координации, а также из-за того, что каждый участник следовал своей узкой специализации, результатом проекта стала серия довольно разрозненных микро-социологических, этнографических и исторических работ. Несмотря на неудачу в создании универсальной модели, проект Асо имел огромное символическое значение, став «мифом основания» для венской школы японистики. Он наглядно доказал продуктивность методов социальных наук в изучении японской культуры и нормализовал изучение современности в немецкоязычной японистике. С точки зрения истории антропологии, это пример заимствования антропологических теорий и методов в смежных дисциплинах, который демонстрирует как продуктивность таких заимствований, так и возникающие при этом сложности.

Ключевые слова: история антропологии, немецкая японистика, антропология Японии, исследования села, полевые исследования, Александр Славик, Йозеф Крайнер, Зепп Линхарт

Для цитирования: Любимова Н.С. Японисты в поле: первый опыт коллективного полевого исследования Японии в немецкоязычной науке // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 186–213. doi: 10.17223/2312461X/50/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/9

Japanologists in the Field: First Experience of Collective Field Research of Japan in Germanspeaking Social Sciences

Nataliia S. Liubimova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, lyubimova@iea.ras.ru*

Abstract. The article analyzes the “Aso Project” (1968–69) of the Vienna School of Japanology as an attempt to synthesize various theoretical traditions in order to create a new methodology for studying Japan. The Vienna School, in contrast to the dominant philological-historical paradigm, initially positioned itself as ethnological and, in the postwar period, continued to maintain its closeness to ethnology. This episode in its history can be seen as a particular case of searching for a new research paradigm after the collapse of grand theory and amidst growing theoretical diversity. The theoretical basis of the project was a critical rethinking of two research approaches: American community studies, which were criticized for their inability to connect the micro level with macro processes, and Japanese interdisciplinary regional studies (Kyūgakkai Rengō), whose drawback was considered to be weak integration of results across disciplines as well as propensity for generalisations. The Aso Project sought to combine in-depth local studies in the American style with the Japanese approach to the region as an intermediate unit of analysis, while adding the historical context. In practice, however, this ambitious synthesis did not materialize. Due to a lack of resources, weak coordination, and the fact that each researcher pursued his own narrow specialization, the project resulted in a series of rather fragmented microsociological, ethnographic, and historical works. Despite failing to create a universal model, the Aso Project had enormous symbolic significance, becoming a “founding myth” for the Vienna School of Japanese Studies. It clearly demonstrated the productivity of social science methods in studying Japanese culture and normalized the study of contemporary Japan within German-language Japanology. From the perspective of the history of anthropology, this is an example of borrowing anthropological theories and methods into related disciplines, which illustrates both the productivity of such borrowings and the difficulties that arise in the process.

Keywords: History of anthropology, german Japanology, anthropology of Japan, rural studies, field research, Alexander Slawik, Josef Kreiner, Sepp Linhart

For citation: Liubimova, N.S. (2025) Japanologists in the Field: First Experience of Collective Field Research of Japan in Germanspeaking Social Sciences. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 186–213 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/9

История антропологии – популярная область исследований, составляющая особую субдисциплину в рамках антропологии¹. Тем не менее большая часть работ и размышлений в её рамках посвящена если не главным тенденциям международного уровня, в основном связанным с англо-американской наукой, то магистральным направлениям в рамках

отдельных национальных школ. Большое внимание уделяется и различным влияниям, которые антропология испытывала со стороны близких ей дисциплин. Однако не менее интересно рассмотреть, какое влияние сама антропология оказывала на соседние области исследований, как проходил этот процесс и насколько успешными оказались его результаты. Эта статья посвящена такого рода случаю взаимодействия антропологии с соседней дисциплиной регионального характера – японистикой – в период поиска новой научной парадигмы в 1960–1970-х гг.

В немецкоязычной научной среде японистика традиционно считается в первую очередь филологической и исторической дисциплиной. На этом фоне заметно выделяется школа японистики, сложившаяся в Венском университете. Её «отцы-основатели», Ока Масао и Александр Славик, изначально ставили себе целью создание института, где велось бы изучение Японии этнологическими средствами. Теоретической базой для этих этнологических исследований Японии служила Венская культурно-историческая школа, тесно связанная с фигурой Вильгельма Шмидта (Любимова 2019). Надо отметить, что немецкая этнология считала себя в первую очередь наукой о бесписьменных народах, а не о «культурных», в число которых входили и японцы. Таким образом, венская японистика изначально стояла на стыке двух мало интересующихся друг другом исследовательских традиций.

Открытие Института японистики произошло в 1939 г., и просуществовал он лишь до 1944 г., причем большую часть времени он функционировал без участия своих создателей: Ока уехал в Японию в 1940 г. и потом уже не смог вернуться, а Славик был призван на военную службу в 1941 г. Возрождение японистики в Венском университете началось в конце сороковых годов в рамках Института этнологии усилиями Славика, а самостоятельный институт был вновь организован лишь в 1965 г. Разумеется, более чем за четверть века, прошедшие между первым и вторым учреждением Института японистики, контекст, в котором происходило это событие, разительно изменился – в том числе и академический – тем не менее, этнология продолжала занимать значительное место в концепции исследований Японии, которую стремился реализовать Славик.

Добившись официального признания своей дисциплины, Славик решил реализовать крупный проект, который воплотил бы его собственные представления о должном изучении японской культуры, задал бы вектор дальнейшей работы института и открыл дискуссию о содержании японистики как дисциплины в немецкоязычной и, шире, европейской науке. Таким проектом стало коллективное полевое исследование, названное «Проект Асо». Венские японисты до сих пор называют проект Асо своим «мифом основания».

В этой статье проект Асо рассматривается как попытка опереться на этнологию/социокультурную антропологию в момент утверждения японистики как самостоятельной дисциплины в Венском университете вопреки сложившийся в немецкоязычном научном мире традиции исследования Японии.

Основная часть полевой работы в Асо была проведена в 1968–1969 гг. Главные результаты проекта представлены в трех томах 1975, 1976 и 1982 гг., вышедших в серии трудов Института.

В 2015 г. Институт (к тому времени уже Институт восточноазиатских исследований) праздновал свой юбилей, к которому был приурочен запуск проекта «Асо 2.0» – с тем, чтобы, с одной стороны, обратиться к своим истокам, а с другой – открыть новую главу в исследованиях японского села. В рамках этого проекта в 2016 г. вышла книга «Асо: прошлое, настоящее и будущее венского исследовательского проекта в сельской Японии» (Асо 2016), в которую наряду с историографическими работами и первыми результатами «Асо 2.0» вошли воспоминания участников первого проекта. Эти тексты, отчасти мемуарного, отчасти аналитического характера, дают представление о многих, часто неформальных обстоятельствах реализации проекта.

Анализируя перечисленные тексты, мы увидим, какие теоретические влияния испытывала венская японистика 60-х гг. XX в., в какой мере сохранялась изначально заложенная в основу Института японистики идея необходимости этнологического изучения Японии и какой облик она приняла на практике.

Венская японистика 1950–1960-х гг.

Славик формировался как исследователь в 1930-е гг. в рамках культурно-исторической школы этнологии Вильгельма Шмидта. Это диффузионистское направление вернулось в австрийскую науку по завершении Второй мировой войны – Шмидт пользовался огромным влиянием вплоть до своей смерти в 1954 г. Однако сразу после его смерти оно было отвергнуто большинством ведущих ученых. Альтернативной всеобщей парадигмы, однако, не появилось, и этнологи находились по большей части в индивидуальном поиске. Со временем все больше проявлялась тенденция сближения с глоболизирующей англо-американской антропологией.

Возрождающаяся японистика в послевоенный период продолжала существовать в тесной связи с этнологией. По окончании Второй мировой войны Славик на несколько лет подвергся денацификации (Linhart 2016: 35). В это время усилия по восстановлению этнологически ориентированного японоведения были предприняты этнологом Вильгельмом Копперсом, который вернулся в Вену из эмиграции в 1945 г. и вновь стал

руководителем Института этнологии. В 1947 г. он настоял, чтобы привезенная Ока из Японии в 1938 г. 4500-томная библиотека Института японистики, которую в военные годы эвакуировали из Вены, была передана Институту этнологии; затем там был организован курс японского языка, который с 1949 г. читал Славик. В дальнейшем Славик развил бурную деятельность по обособлению японистики в отдельную специальность, и в 1954 г. в Институте этнологии было создано Отделение японистики, однако лишь в 1965 г. был организован самостоятельный Институт японистики, а специальность «этнология с особенным интересом к Японии» была переименована в «японистику». Таким образом, до 1965 г. все студенты-японисты были в первую очередь этнологами, что само по себе оказывало огромное влияние на их подготовку и направление развития дисциплины.

Этим венская японистика резко выделялась на фоне других школ японистики в немецкоязычном пространстве. Славик специально во многом сохранял ориентацию на этнологический подход, невзирая ни на потрясения внутри венской этнологии, ни на обретение собственного Института. По его представлениям, важнейшие черты японской культуры обнаруживались в деревне, а не в городе. Сельская культура, как он полагал, представляла собой японскую народную культуру, которую и следовало изучать (Linhart 2016: 38). Это убеждение противоречило мейнстриму в немецкоязычной японистике того времени, который заключался в абсолютном доминировании филологических и исторических методов исследования. Изучалась «высокая» культура Японии, но не культура в широком этнологическом (культурно-антропологическом) смысле. Бруно Левин, ведущий немецкий японист того времени, считал 1868 г., «открытие» Японии, временной границей, после которой японская культура перестала их интересовать (поскольку после 1868 г. началась её европеизация). В свою очередь Славик и его ученики считали важным изучать и современное положение дел. В 1950–1960-х гг. в Вене было само собой разумеющимся, что каждый студент-японист завершал свое обучение диссертацией, основанной на полевом исследовании.

Крайнер, ученик и преемник Славика, упоминает, что тот часто повторял: «Другие японисты всегда смотрят на нас сверху вниз. Мы, этнологи и фольклористы, – изгой» (Kreiner 2016: 57). Славик также высказывался о присвоении филологами терминов «японистика», «корееведение» и «синология» и выражал неудовольствие таким положением дел (Ölschleger 2016: 89).

В итоге Славик замыслил проект-провокацию, который должен был продемонстрировать его видение японистики и доказать его продуктивность – проект Асо. Эта идея зародилась еще в 1959 г., однако в условиях маленького отделения в составе другого факультета венским японистам

он был еще не под силу, и его реализация началась только в 1968 г., спустя почти 10 лет.

Теоретические и методологические основы проекта Асо

Представление о том, какие исследовательские подходы оказали влияние на формирование идеи проекта Асо, дает введение к первому тому серии «отчетных» публикаций (Slawik et al. 1975). В нем помещен историографический обзор, посвященный двум традициям исследований японской сельской местности: американской и японской.

Обзор американской литературы сосредоточен на трудах антропологов, работавших в Японии в 1930–1950-е гг. Главенствующим подходом в этих исследованиях был подход *community studies* – исследований сообществ – порожденный структурно-функционалистским направлением антропологии, которое предполагало холистическое, синхронное описание культуры отдельного сообщества по результатам долгосрочного включенного наблюдения.

Классические работы такого рода – книги Джона Эмбри (1946 (1939)), Эдварда Норбека (1954), Джона Корнелла и Роберта Смита (1956) представляют собой описание сообществ, обозначенных авторами как в той или иной мере «типичные» (по крайней мере, представляющие собой какой-то «тип» сельских сообществ Японии). Эти труды названы «в определенной степени очень информативными», но раскрытываны за то, что они «предложили читателю слишком однородную картину японской сельской культуры, абсолютизируя результаты, полученные на самом низком локальном уровне» (Slawik et al. 1975: 12).

Большого внимания удостоилась монография антрополога Ричарда Бердсли, историка Джона Холла и политолога Роберта Варда «Деревня Япония» (Beardsley et al. 1969 (1959)). Это исследование уже демонстрирует сдвиг от чисто антропологических исследований сообществ в парадигме Рэдклиффа–Брауна и Чикагской школы в сторону мультидисциплинарных *area studies* – региональных исследований. Этот вариант *community studies* предполагал полевые исследования конкретных сообществ, деревень, средствами нескольких дисциплин. Тем не менее все еще подразумевалось, что подобное междисциплинарное исследование отдельного сообщества позволит составить представление о японском обществе в целом (Ölschleger 2016: 93). Однако и в отношении этой работы повторяется та же критика: теоретическая связь микро- и макросоциальных феноменов не была проработана (Slawik et al. 1975: 13), следовательно, не была решена задача получить знания о японском обществе в целом через исследования отдельных сообществ; это влекло за собой вопрос о релевантности таких точечных микроисследований, если их исследовательские кейсы нельзя было назвать типичными или репрезентативными.

В японской науке, утверждается австрийскими авторами, наблюдаются те же проблемы с необоснованными генерализациями, что и в американской. Тем не менее японская наука осознала важность изучения «промежуточного уровня» (Slawik et al. 1975: 13). В связи с этим больше всего внимания во введении уделено описанию японского опыта региональных исследований. Ещё в 1957 г., когда Славик впервые приехал в Японию, Ока познакомил его с текущими исследовательскими проектами. С 1947 г. в Японии действовала объединенная ассоциация девяти научных обществ – Кю:гаккай Рэнго: (далее – Ассоциация девяти наук). В центре этого объединения стояли этнология (Völkerkunde) и физическая антропология (их часто называли нигакай), постепенно к ним присоединились фольклористы, археологи, психологи, этнологи-музыковеды и др. Эта объединенная ассоциация была создана с целью изучения регионов методами разных наук. Один из их проектов как раз завершался в 1957 г., и Ока поделился со Славиком предварительными результатами, трудностями и ожиданиями (Kreiner 2016: 51).

Японскому опыту уделено несколько страниц. Авторы перечисляют несколько завершенных к концу 1960-х гг. проектов Кю:гаккай Рэнго: и при этом также не скупятся на критику: в первую очередь, «цель совместного развития знания о региональной культуре была сформулирована недостаточно четко, а в некоторых случаях и вовсе упущена из виду» (Slawik et al. 1975: 16), иными словами, принадлежащие к разным дисциплинам участники исследовательских проектов Ассоциации девяти наук работали самостоятельно, не координируясь с коллегами, и их работы не имели между собой внутренней связи.

От американских community studies исследования японских ученых отличались разнообразием используемых методов и фокусом на более крупных пространственных единицах, выходящих за узкие рамки локального деревенского сообщества (Manzenreiter 2016: 113). Австрийские японисты рассматривали эти региональные исследования как промежуточную ступень между исследованиями конкретных деревень и изучением японской культуры в целом (Slawik et al. 1975: 17), шагом «в направлении многократно востребованной, но так и не достигнутой взаимосвязи микро- и макросоциальных явлений» (Kreiner 1990: 393).

Очевидно, что идея междисциплинарности к 1960-м гг. вышла на первый план. И американские, и японские ученые создавали проекты, требующие включения разных гуманитарных и социальных дисциплин.

Нельзя не заметить, какое важное место все еще занимал историзм в глазах венских японистов-этнологов. Славик выделил как значительное достоинство одного из проектов Ассоциации девяти наук «сотрудничество фольклористики и истории, в частности, праистории, которое в остальных проектах совершенно отсутствует» (Slawik et al. 1975: 17). Крайнер тоже сетовал на отсутствие исторического аспекта в трудах

Кю:гаккай Рэнго: (Kreiner 1990: 393). Такое внимание к истории со стороны этнологически ориентированных исследователей можно рассматривать как наследие культурно-исторической школы или, шире, созвучных ей диффузионистских – а значит, исторических и релятивистских – подходов, принятых в довоенной венской этнологии, влияние которых сохранялось еще долгое время, несмотря на их критику и активный поиск новых направлений.

Концепция проекта Асо

Междисциплинарный подход к исследованиям культуры явно нравился Славику. Он пытался реализовать его еще на этапе подготовки специалистов в рамках своего отделения, а затем и Института. Поскольку студентов-японистов было мало, он хотел максимально использовать их потенциал и устроить так, чтобы каждый студент занимался своим предметом в рамках изучения Японии. Каждый студент представлял одну науку, они должны были не соревноваться друг с другом, а работать вместе с главной целью – внести свой вклад в познание японской культуры (Linhart 2016: 42). При этом Славик обладал такой твердой убежденностью в том, что полевые исследования в японистике абсолютно необходимы, что организовывал учебные полевые выезды по Австрии для всех своих студентов несмотря на то, что некоторые из них не понимали, зачем им уметь исследовать повседневную жизнь, если они занимались, например, древней историей или буддизмом (40–41).

Так же и главная идея проекта Асо заключалась в том, чтобы провести междисциплинарное полевое исследование, учтя при этом недостатки как американских, так и японских работ и добившись лучших результатов.

За счет привлечения нескольких студентов с разными специальностями Славик хотел добиться междисциплинарности и при этом – более тесной интеграции различных дисциплинарных подходов, чем это удавалось ученым из Кю:гаккай рэнго:. Так же, как в проектах Ассоциации девяти наук, объектом изучения был выбран регион, т.е. по сравнению с американскими исследованиями сообществ область изучения была расширена с деревни, узко определенной местности как общего пространства жизни, на более крупную территорию. При этом, отвечая склонности венских этнологов к историческому подходу, эта территория должна была быть не только четко определена географически, но и могла бы рассматриваться как единое целое в историческом плане: предполагалось обязательное привлечение исторических данных и материалов при описании (и анализе) региона (Slawik et al. 1975: 20; Manzenreiter 2016: 114).

В дополнение к сказанному, выбранный регион должен был быть условно типичным: он не должен был «представлять собой особый случай из общего процесса культурного развития Японии». В нем должна

была определяться «точка кристаллизации в виде системы управления влиятельного семейства, места поклонения или чего-то подобного», чтобы по итогам исследования было возможно «охарактеризовать на региональном уровне социальную структуру от семьи и рода до деревенской структуры и впоследствии сопоставить эти результаты с другими локальными системами или историко-культурным развитием на национальном уровне (great tradition)» (Slawik et al. 1975: 18–20).

Таким образом, Славик надеялся реализовать проект, который, с одной стороны, тщательно учитывал бы достижения микроисследований в духе структурно-функционалистских исследований сообщества, но с другой имел бы более широкий охват и давал бы результаты по целому региону, которые впоследствии могли бы использоваться в сравнительном ключе и работать на лучшее понимание общепонской культуры, т.е. провести ту самую теоретическую связь между микро- и макро-уровнем, за отсутствие которой он критиковал американских антропологов. В целом же, по словам участников проекта, главным ориентиром для него оставались исследования японской Ассоциации девяти наук. Так, Крайнер утверждает, что сама идея этого проекта пришла Славику, когда в 1959 г. он докладывал на одной из конференций о практике и результатах сотрудничества разных «антропологических наук» в Японии (Kreiner 2016: 51). Линхарт же пишет, что Кю:гаккай рэнго: стала для Славика образцом и полевых исследований, и организации обучения японистов – имеется в виду распределение студентов по разным «вторым» специализациям (Linhart 2016: 39, 42). Крайнер также упоминает, что анкеты, которые они подготовили для интервью, были разработаны на основе анкет, составленных японским антропологом Гамо Масао (ученик и ассистент Ока Масао) в Токийском университете для полевого проекта, спонсируемого Гарвардом, в ходе которого ученые надеялись разработать «что-то вроде региональной структуры японской культуры» (Kreiner 2016: 54).

В качестве места исследования был выбран регион Асо (Кюсю), который, несмотря на свое большое политическое значение с ранней древности, до тех пор практически не привлекал внимания исследователей. Объект исследования – внутренняя территория бассейна вулканического кратера площадью более 370 квадратных километров и его внешние районы. Этот регион был не сообществом, общиной в смысле антропологических исследований сообществ, а скорее административным районом, исторически сформировавшимся и характеризующимся собственной динамикой развития, с центром в ритуальном святилище Асо, одном из древнейших в Японии. Включенное наблюдение не предполагалось – для этого экспедиции были слишком короткими (Manzenreiter 2016: 114). Вместо этого предполагалось, что исследование будет растянуто во

времени и австрийские ученые будут возвращаться в Асо, чтобы фиксировать изменения и проводить новые исследования.

В экспедиционной части исследования приняли участие пять человек: сам Славик (июль–ноябрь 1968 г.), его недавно защитивший диссертацию аспирант Крайнер и студенты Пауэр (декабрь 1968 г. – апрель 1969 г.), Линхарт и Рут Фишер, его жена (февраль–март 1969 г.).

Такой скромный состав сам по себе ставил под сомнение возможность исполнения амбициозной идеи: кроме Славика единственным защитившимся среди участников был 28-летний Крайнер, только что ставший доцентом. В воспоминаниях Линхарт пишет, что одним из мотивирующих факторов для всего проекта Асо был тот факт, что Славик должен был в скором времени оставить свой пост главы Института по возрасту, а у него еще не было преемника. Быстро защитивший диссертацию Крайнер казался наилучшим претендентом, однако для ведущей должности в Институте он был еще слишком молод и неизвестен. Проект Асо должен был сделать ему имя и помочь хабилизироваться. Остальные участники были еще студентами; самый младший из них, Пауэр, в 1968 г. только начал третий семестр обучения, причем первые два семестра он провел в статусе вольнослушателя, а японистика была тогда для него только дополнительной специализацией. А сам Линхарт и его жена Рут Фишер находились в Японии на стажировке, собирая материал для собственных выпускных проектов (Linhart 2016: 37–43).

Кроме того, финансовое положение было крайне сложным – подавая заявку на грант для финансирования проекта, Славик запросил минимальную сумму, чтобы повысить шансы на успех. В результате, как несколько эмоционально пишет Линхарт, даже сам Славик, находясь в Токио до и после поездки в Асо, останавливался не в отеле, а в двухкомнатной квартире, которую снимали Линхарт с женой (Linhart 2016: 41).

Линхарт также отмечает, что несмотря на декларированную цель «сделать лучше», чем американцы и японцы, в том числе в плане большей интеграции разных исследовательских подходов и результатов, на деле Славик манкировал своей ролью научного руководителя проекта: «Славик предоставил нам полную свободу действий, его на самом деле интересовали только свои собственные изыскания, а не какая-нибудь общая концепция» (Linhart 2016: 44).

В подражание проектам Кю:гаккай Рэнго: каждому участнику была назначена тема исследований. Сам Славик взял на себя описание природно-географических условий, составление очерка о древнейшей истории и изучение истории поселений и топонимики; большая часть его полевой работы прошла в консультациях с японскими коллегами и в библиотеках и архивах. Крайнер как опытный полевик должен был заниматься антропологией деревни в духе community studies, уделяя особое внимание социальной структуре, а также обрядам и обычаям годового

цикла, и исследовать культ, сложившийся вокруг святилища Асо. Социологу Линхарту было поручено сосредоточиться на проблеме социального расслоения. Пауэр должен был помогать Крайнеру с этнографиями деревень и изучать экономику села, а также описывать и собирать сельскохозяйственные орудия (Slawik et al. 1975: 21–22).

В воспоминаниях Линхарта делается эмоциональный акцент на то, что распределение обязанностей произошло исходя не из общей концепции, а из личных предпочтений: Славик и Крайнер хотели продолжать свои предыдущие исследования на новом материале, Пауэр имел техническое образование и не имел этнографического опыта, поэтому ему доверили чертежи, а сам Линхарт числился социологом и потому должен был отвечать за изучение «общества» – а исследовательский вопрос ему предстояло сформулировать самостоятельно; жена Линхарта, литературовед Рут Фишер, поскольку им «не была известна никакая беллетристика о регионе Асо», должна была помогать мужу по принципу «Всё возможно, каждый может всё!» (Linhart 2016: 44). Так, концепция проекта – составить описания отдельных деревень, дать общую характеристику региону, в том числе и на основе этих этнографий, и таким образом представить воспроизводимое и пригодное для компаративистских размышлений исследование региона, на основе которого можно было бы рассуждать о японской культуре в целом – начала нарушаться уже в самом начале.

Таким образом, результаты проекта Асо оказались, по оценке его участников, скромнее заявленных, и, кроме того, их публикация растянулась на много лет, в том числе и потому, что в 1969 г. Крайнер отправился работать в Университет Бонна и сосредоточился на написании хабилитационной работы.

Публикация результатов

Публикация основных результатов, как уже было упомянуто, состоялась в серии трудов Института японистики (*Beiträge zur Japanologie*) под общим названием «Асо: прошлое и настоящее сельского пространства на юге Японии».

Первый том этих трудов вышел в свет в 1975 г. Помимо введения с общей информацией о проекте, он содержит ряд обзорных работ о регионе Асо в целом. Открывают его результаты изысканий Славика под названием «Асо как естественное пространство» (Slawik 1975); этот очерк представляет собой описание географических и климатических особенностей региона.

Крайнер представил в первом томе очерк об истории региона, взяв на себя часть работы Славика. В этом очерке прослеживается судьба региона с древности до середины XX в. с упором на его внутреннее админи-

стративное деление и место в японском государстве; сюда же вошли некоторые результаты работы Славика по местной топонимике (Kreiner 1975).

Завершает первый том социологический обзор Линхарта. Он представляет собой характеристику демографических процессов, протекавших в регионе Асо с конца 1940-х до конца 1960-х гг. Источниками служили опубликованные статистические отчеты по префектуре Кумамото, а также некоторая доступная статистика по отдельным административным единицам региона Асо, например, городам Асо и Итиномия (Linhart 1975: 125–169). В целом этот обзор рисует картину меняющейся жизни сельского региона: параллельно с одновременным падением как рождаемости, так и смертности. Асо терял население в пользу индустриальных регионов Японии, особенно работоспособных мужчин, в результате чего в структуре населения было больше детей и пожилых людей, чем в среднем по стране. Более половины населения в Асо все еще были заняты в сельском хозяйстве, с чем, как отмечает Линхарт, должны быть связаны высокие значения занятости женщин. При этом уже в те годы нарастало значение туристического сектора в северной части Асо, поскольку там располагается национальный парк, главное святилище Асо, есть горячие источники и пр., в то время как южная долина оставалась чисто сельскохозяйственной, в результате чего темпы убыли населения на юге были значительно выше, чем на севере. Как отметил Линхарт, именно с туризмом были связаны надежды региона на будущее (Linhart 1975: 169–171).

Надо отметить, что Линхарт остался не очень доволен своей частью исследования. Изначально он решил изучать социальные последствия послевоенной аграрной реформы, которая передала арендуемую землю в собственность арендаторов. Однако никто из местных не пожелал говорить с иностранным студентом о том, что до войны они были нищими, или, наоборот, о том, как их семья финансово пострадала. Когда же Линхарт решил обратиться к архивам, то хотя ему предоставили все документы о передаче земель от собственника к собственнику, их оказалось слишком много – на каждый участок было по листу, а участок мог быть совсем крохотным куском земли, вплоть до 9–10 квадратных метров, – десятки тысяч страниц, которые было невозможно обработать за пару месяцев. Таким образом, задуманное исследование Линхарту не удалось, и он ограничился написанием для первого тома общего обзора экономической и социальной структуры региона Асо (Linhart 2016: 41).

Таким образом, первый том «Асо» представлял собой обзорный труд, включавший в себя общие географические, исторические и социально-экономические сведения о регионе. Также в нем был издан обширный библиографический список всех имеющих отношение к долине Асо работ, изданных до 1972 г. (Slawik et al. 1975: 177–216).

Второй том целиком составили результаты исследований Пауэра. По плану он должен был изучать экономику села, однако в этом он также столкнулся с трудностями. Идея заключалась в том, чтобы проанализировать данные, собранные в ходе опроса по отдельным домохозяйствам, а также данные о размере фермы, арендной платы или поголовья скота, зарегистрированные по каждому домохозяйству в ходе сельскохозяйственной переписи, которые исследователи смогли изучить в муниципалитете, чтобы определить экономические изменения за конкретный период времени для отдельных групп районов и домохозяйств. Данные за 1960 и 1965 г. уже можно было получить из переписи, а за 1969 г. – из анкет. Дальнейший сбор данных из переписи планировался на последующие годы. Однако с 1970 г. по соображениям защиты данных стало невозможно извлекать из переписи сведения об отдельных домохозяйствах. В открытом доступе были только обобщенные данные по деревне, но разрешение на получение информации об отдельных домохозяйствах не выдавалось. Таким образом, получалось, что и данные по отдельным домохозяйствам, с большими усилиями собранные раньше, вряд ли можно было использовать, по крайней мере, в исследовании экономики (Pauer 2016: 29).

Более успешной и результативной оказалась работа над вторым заданием, которое дал ему Крайнер. В то время Крайнер, по его собственному утверждению, стремился не к университетской, а к музейной карьере. В 1965 г. в венском Этнографическом музее (ныне Всемирный музей, Weltmuseum) состоялась большая выставка, посвященная Японии, и ее куратор, Альфред Яната, был заинтересован в дальнейшем пополнении коллекции. Крайнер уже собирал для него предметы в своих прежних экспедициях, и экспедиция в Асо, как он пишет, также интересовала его в первую очередь с этой точки зрения (Kreiner 2016: 52–53). Крайнер вспоминает, что одной из причин, почему эта работа казалась особенно важной в те годы, была стремительная механизация сельского хозяйства в Японии: это мог быть последний шанс собрать инструменты, которые «едва ли изменились с периода Яёй» (Klien, Kreiner 2015). СобираТЕЛЬСкая деятельность и была поручена в итоге Пауэру.

Хотя Пауэр был самым неопытным участником экспедиции, у него уже было первое техническое образование (радиомеханик), благодаря чему ему отлично удавались зарисовки хозяйственного инвентаря – он должен был создать компендиум сельскохозяйственных инструментов для работ, проводящихся в течение года, помимо того, чтобы искать инструменты и механизмы для Этнографического музея; таковых было в итоге собрано 263 экземпляра, две трети которых представляли собой сельскохозяйственные орудия. Нужно было приобрести не только красивые или специально украшенные орудия, но и обычные рабочие инструменты, поскольку эта коллекция должна была представлять собой

«репрезентативный срез сельскохозяйственных орудий конкретного района Японии». Первые публикации об этой коллекции, написанные Пауэром в соавторстве с Крайнером и Яната, появились в серии «Сельскохозяйственные орудия Японии» в журнале Этнографического музея «Этнографический архив» (Archiv für Völkerkunde) в 1969–1973 гг. А в изданном в 1976 г. втором томе «Асо» изначальные материалы были дополнены материалами экспедиции весны–лета 1973 г. (Pauer 1976: 1–4).

Этот каталог орудий труда предваряется введением, в котором подробно описаны принципы проведенной работы, и обосновывается ее значение. Помимо позитивистского исторического взгляда на исследования материальной культуры в этом тексте прослеживается и музееведческая оптика, а именно фиксируется концептуальный кризис музееведения. При исследовании материальной культуры, пишет Пауэр, в том числе в историческом аспекте, изучаемыми (собираемыми, анализируемыми и систематизируемыми) «фактами» являются предметы – артефакты. Следовательно, они должны быть доступны науке, что объясняет необходимость коллекционирования. При этом в музей нередко попадают «интересные» предметы, а не рядовые; moreover, он же сам отмечает, что идея собирать в музеях образцы всех предметов «граничит с утопией». Кроме музейного хранения есть и иные формы документации артефактов – рисунки, фотографии и описания. Однако сбор данных всегда подчинен исследовательскому вопросу, за которым стоит некая теория или гипотеза. В то время как другие науки развивают методы сбора и обработки данных, в том числе и заимствуя инструменты других дисциплин, в области изучения материальной культуры наблюдается стагнация, если не деградация, замечает Пауэр (Pauer 1976: 5–8). На этом фоне он выделяет подход венгерского этнолога-европеиста Кароя Гааля, который с середины 1950-х гг. жил в Австрии, с середины 60-х преподавал в Венском университете, а в 1970-х возглавил там направление европейской этнологии (фольклористики – Volkskunde). Гааль, имевший опыт работы в нескольких музеях, разработал вид документации хранящихся в музеях орудий труда, а также предложил новый метод их классификации. Он ввел понятие «инструментальное единство» (Geräteeinheit), которое «выходило за рамки принятых тогда типологизаций, отражая взаимосвязь между орудиями, которые нельзя было формально или функционально отнести к одной группе» (8–9). Пауэр классифицировал свой материал по системе Гааля, группируя инструменты «в соответствии с функциональными аспектами рабочего процесса», т.е. объединяя основной инструмент для какого-то типа работ с вспомогательными приспособлениями, без которых работа невозможна. Например, плуг (основной инструмент) сам по себе не может использоваться, вместе с ним используется ряд других предметов – от упряжи тяглового скота до лопаты для очистки пашни, которые различаются на вторичные

(в случае с плугом, например, лопата) и вспомогательные предметы (веревки для упряжи), которые используются только в сочетании с основным), а также дополнительные предметы (седло, упряжь), которые в другом комплекте могут являться основными (9).

Большое внимание Пауэр уделил обоснованию использования именно технического чертежа (вместо обычной зарисовки, фотографии и т.п.) при документации, суть которого сводится к возможности создать точную реплику орудия, которая, в свою очередь, дает возможность судить о его технических характеристиках, применении и т.п. (Pauer 1976: 10–11). Также он следует схеме Гааля при описании предметов, состоящей из 19 пунктов (12–13).

Пауэр поднимает вопрос о необходимости документации не только традиционных, но и новых технических средств, и пишет, что это было бы логично, однако о механизации пишут в различных отраслевых журналах, поэтому этнографу не обязательно фиксировать современные инструменты. Тем не менее он отмечает, что механизация сельского хозяйства приводит не только к полной замене традиционных инструментов на современные, но и к появлению новых приспособлений, использующихся в сочетании с машинным оборудованием, о которых в технических журналах не упоминают и которые, следовательно, стоит документировать этнографам, тем более что часто они распространены в какой-то одной местности. Также он пишет о необходимости фиксировать сами процессы изготовления и применения орудий, для чего идеальной была бы видеодокументация, однако признает, что провести полную видеофиксацию всех производственных процессов представляется невозможным (Pauer 1976: 14–15).

Основная масса представленных орудий относится к заливному земледелию, и они расположены в порядке работ сельскохозяйственного цикла (вспашка, полив, посев и т.д.). Пауэр в общем описывает этот цикл во введении, а каждый раздел, посвященный той или иной группе орудий, предваряет исторической и этнографической справкой.

Надо отметить, что именно эта часть проекта Асо оценивается как успешная самими участниками проекта, причем успех этот был достигнут несмотря на то, что выбранный для полевого этапа сезон был крайне неудачен для изучения сельскохозяйственных работ – зимой на полях не велась никакая работа, пронаблюдать рабочий процесс было невозможно. Крайнер пишет, что Пауэру удалось не только достойно пополнить собрание Этнографического музея, но также и привнести нечто новое в японоведение, даже в самой Японии: он утверждает, что этот опыт повлиял на японского этнолога Аруга Кидзаэмон: он ввел обучение рисованию для учителей из регионов, которые занимались изучением материальной культуры в рамках краеведческой деятельности (Kreiner 2016: 55).

Третий и последний том этой серии появился лишь в 1982 г. В него вошли работы Крайнера и Мартина Канэко. Канэко – один из студентов Крайнера, с которыми он организовал экспедицию в Асо в 1973 г., пытаясь реализовать изначально заложенную в проект Асо идею лонгитюдного исследования региона. Канэко в то время проводил исследования, связанные с социальными последствиями индустриализации в университете Киото (Kreiner 1982: 2), а тут представил работу о дискриминации буракуминов² в сельской местности на примере деревни Одзима. Крайнер же опубликовал монографию о социальной и экономической структуре японской деревни на примере деревни Огинокуса.

Изначально предполагалось, что Крайнер опишет социальную организацию трех поселений (Саканаси, Ниситэно и Огинокуса), различающихся между собой по размеру, возрасту и типу хозяйствования, которые входили в муниципальный район города Итиномия (сейчас он объединен с городом Асо), где находится и святилище Асо. Однако на полное исследование трех деревень не хватило сил и времени, а самого его в первую очередь интересовали вопросы религии.

С точки зрения изучения календарных обрядов и верований удачей оказалось, что Крайнер приехал в Асо в декабре и смог пронаблюдать и поучаствовать во всех новогодних мероприятиях (Kreiner 2016: 52). Тем не менее этот материал в данную серию публикаций не был включен, а вышел отдельно в 1979 г. под названием «К вопросу о развитии представлений о богах в синтоистском святилище: новогодние церемонии в святилище Асо» (Kreiner 1979).

Работа об Огинокуса также была вдохновлена исследованиями религии. Защищенная в 1965 г. диссертация Крайнера была посвящена культу норо на острове Амами-Оосима, и во время реализации проекта Асо он уже находился в процессе подготовки хабилитационной работы, также посвященной народным верованиям (Linhart 2016: 36). Его исследования культа норо начались как продолжение темы марэбито – «приходящих божеств» или «священных гостей». Концепция марэбито принадлежала японскому этнологу Орикути Синобу; через диссертацию Ока её перенял и на протяжении многих лет развивал Славик. Марэбито в определении Славика – это разного рода сверхъестественные существа (в том числе божества, духи предков и т.п.), которые являются в деревню из другого мира в определенное, переходное, время года, и к явлению таких «гостей» приурочены маскарадные шествия и карнавалы. Однако Крайнер после работы на Амами пришел к противоположной теории – идее постоянного присутствия божества в деревне: деревенское божество-хранитель без имени, пола и образа всегда присутствует, поэтому деревня – священное место, и поэтому, например, никому из посторонних не разрешается входить туда во время праздников (Kreiner 2016: 53).

Эта концепция изначально была выдвинута Харада Бинмэй (То-сиаки), который утверждал, что древнейшие формы социальной организации обнаруживаются не в периферийных регионах (как утверждал Янагита Кунио, а вслед за ним многие другие), а в центральных в историко-культурном смысле, и на материале региона Кансай развил свою идею о том, что такой формой была религиозная община *миядза*: В сельских обществах, организованных по такому принципу, все семейства (точнее, их главы) на равных основаниях участвовали в религиозной жизни деревни, по очереди выдвигали кандидатуры на жреческий пост и становились ведущими организаторами деревенских фестивалей (Kreiner 2017: 54). Важность идей Харада и его последователей, включая в данном случае Крайнера, заключается в следующем: они предлагали альтернативу установившемуся как в японской, так и западной науке мнению, что основой японского деревенского общества являются *до:дзоку* – иерархические объединения семей, состоящие из основной (*хонкэ*) и подчиненных ей побочных (*бункэ*). Большинство исследований сельской Японии в послевоенные десятилетия сосредоточивались на вопросах родства, и основные дискуссии разворачивались вокруг сущности *до:дзоку* (Nakane 1974). Крайнер же вслед за Славиком и Харада подходил к вопросу о сельском обществе с точки зрения религиозных институтов и хотел дополнить историографию о *миядза*: полным описанием социальной структуры деревни.

Вторая задача исследования была сформулирована в соответствии с общими целями проекта: определить, какая форма социальной организации характерна именно для региона Асо (Kreiner 1982: 7–8).

Крайнер в своем анализе сосредоточился в первую очередь всё же на родстве: тщательно задокументировал структуру всех семейств в Огинокуса и их брачные и генеалогические связи и взаимодействия как в хозяйственной (совместные работы, работы на храмовой земле), так и в религиозной жизни. Он определил несколько *до:дзоку*, однако отметил, что по всей видимости иерархические отношения между семьями *хонкэ* и *бункэ* сохраняются всего пару поколений; большинство же семейств считали себя самостоятельными (Kreiner 1982: 44–48). Кроме этого, он описал разделение деревни (расположенной в протяженной долине) на верхнюю, среднюю и нижнюю части, которые образовывались переселенцами в эту долину поступательно. «Верхняя» и «средняя» Огинокуса, согласно его выводам, в ряде аспектов составляют единое целое, обособляясь от «нижней» деревни. «Нижняя» часть была заселена позже всего и является самой бедной.

Хотя в Огинокуса есть несколько семей, которые не считают себя членами культа местного божества, они не отказываются от жертвований и работ в пользу святилища, как и от участия в праздниках, и считаются членами местной религиозной общины, *удзико*. Удзико, таким образом,

практически идентична деревенскому сходу. При этом жители деревни делятся на три «праздничных группы», которые по очереди организуют общедеревенские религиозные праздники, причем разделение по этим группам не соответствует ни родственным связям, ни территориальному делению деревни. Точный принцип их формирования Крайнер так и не установил. Религиозная община более закрыта, чем деревенская (для вступления в «праздничную группу» и в удзико надо прожить в деревне несколько лет, а для исполнения некоторых функций – родиться в ней), однако их функции практически полностью пересекаются (Kreiner 1982: 70–73).

Общие выводы его таковы, что для описания социальной структуры Огинокуса недостаточного одного объяснительного принципа, её определяют множество факторов разных уровней. В этой структуре прослеживается принцип формального равенства, но он нередко перекрывается разного рода иерархиями. Среди выявленных Крайнером факторов, влияющих на внутридеревенские иерархии, он выделил историю заселения, владение землей, соседство, родовую систему (до:дзоку), родство и брачные связи, возраст и опыт (Kreiner 1982: 80–82).

Можно заметить, что эти выводы не вполне соответствуют заявленным задачам исследования. В них нет (и определенно, к лучшему) попытки экстраполировать результаты исследования на весь регион, напротив, ряд аспектов объясняется географическим положением и историей конкретного селения. Непонятно, насколько можно трактовать её как доказательство в пользу теории о *миядза*:, поскольку властные полномочия, как светского, так и – особенно – религиозного характера, сосредоточивались в руках нескольких семейств, обладавших наибольшей древностью и (или) земельными угодьями.

Канэко, который присоединился к исследованию Асо лишь в 1973 г., также продолжил свою основную тему – изучение дискриминируемого меньшинства буракуминов, модное в те годы направление. Однако в рамках проекта Асо он изучал их не в городской, а в сельской среде, и исследовал деревню Одзима, считавшуюся традиционным поселением буракуминов. Он описывает сельскую общину (*бураку*), почти все жители которой относились к буракуминам, и отмечает особенности ее устройства и жизни, которые могут быть связаны с дискриминацией в отношении представителей этой общины. Основной упор в его работе сделан на демографические и экономические данные, собранные им в Одзима с помощью анкетирования. Он приводит их в сравнении с данными по всему региону Асо, подчеркивая расхождения, указывающие на последствия дискриминации. Например, брачная статистика показала, что сохраняется принцип эндогамии (в 63% пар оба супруга были буракуминами, из Одзима или других дискриминируемых бураку; в оставшихся случаях не-буракуминами были женщины, которых чаще всего

местные мужчины привозили из городов, куда отправлялись на заработки, и которых часто не ставили в известность о своей принадлежности к буракуминам); признаком дискриминации можно считать и то, что браки по сватовству (*о-миаи*) в основном заключались между буракуминами, а в случае браков с не-буракуминами сватовство происходило значительно реже. Как свидетельство экономически неблагоприятной ситуации Канэко отметил тот факт, что из приезжих в Одзима жили только те, кто вышел замуж за местных, ни одной переехавшей туда семьи он не обнаружил (Kaneko 1982: 131–132).

Интересно отметить, насколько отличный от Крайнера подход выбрал Канэко для своего исследования. Если Крайнер опирался на японскую этнологическую традицию, то Канэко обратился к марксистской теории. Он попытался выявить классовое строение Одзима, выделив предпринимателей (правда, таковой обнаружился лишь один – глава строительной бригады), «мелкую буржуазию» (самозанятых) и рабочих. Также Канэко проанализировал занятость в Одзима, включая такие аспекты, как общая структура, размер предприятий, где работают местные жители, количество рабочих часов (в день и месяц), длительность занятости конкретной работой, частота и причины смены деятельности, отпуска и выходные пособия, (не)удовлетворенность текущей работой и т.п.

Отдельный раздел посвящен образованию: больше четверти взрослых жителей Одзима имели только начальное, и только двое (оба младше 29 лет) – полное школьное образование. Хотя ситуация с образованием буракуминов улучшается, пишет Канэко, именно осознание, что их родители не имели доступа к школьному образованию, дает детям буракуминов глубокое понимание, какой дискриминации подвергается их социальная группа (Kaneko 1982: 162–163).

Канэко приходит к выводам о том, что социальная стратификация и структура занятости буракуминов в Одзима являются признаком продолжающейся дискриминации. «Это типичный случай аграрного бураку, который расположен в рисоводческом районе, но жители которого не могут зарабатывать на жизнь сельским хозяйством» (Kaneko 1982: 140), потому что даже после послевоенной земельной реформы получили крохотные участки земли плохого качества. Фермерство было не в состоянии обеспечить жизнь, поэтому многие дополнительно были заняты микропредпринимательством, в основном торговлей сувенирами у кратера вулкана Асо, что было не только экономически нестабильным и регулируемым со стороны государства занятием, но и опасным для здоровья. Почти половина населения зарабатывала наемным трудом; большинство – в сфере строительства, транспорта и гостиничного бизнеса на самых низовых должностях. Таким образом, почти три четверти трудоспособного населения Одзима Канэко, пользуясь терминологией Маркса, оценивал как «относительное перенаселение», «промышленную

резервную армию труда». Одновременно дискриминация в отношении буракуминов не позволяет им даже «пролетаризироваться»: в периоды экономического роста они устремляются в города, где требуется неквалифицированная, дешевая рабочая сила, однако в случае спада экономики они первыми теряют работу и вынуждены возвращаться в родные села, где, однако, крайне мало рабочих мест. «Причиной сохранения дискриминации бураку является не абсолютное продолжение феодальной статусной дискриминации и, следовательно, полное исключение буракуминов из рынка труда, а ее реорганизация в угоду капиталу», – пишет Канэко, утверждая в заключении, что важнейшая задача для эмансипации бураку – это борьба с дискриминацией при найме и увольнении и создании рабочих мест, аспект, который по большей части игнорируется правительственными мерами по борьбе с дискриминацией (Kaneko 1982: 175–178).

Марксистский подход к проблеме дискриминации буракуминов Канэко, очевидно, воспринял из японской научной традиции. В послевоенные десятилетия антидискриминационное движение буракуминов сотрудничало с Коммунистической партией Японии, а исследованием проблемы их дискриминации занимались в основном историки-марксисты, таким образом, основные дискуссии протекали в рамках марксистской теории. К началу 1950-х гг. был сформирован дискурс о дискриминации буракуминов как о пережитке, особом статусе внутри экономического класса феодального общества, от которого не смогла избавиться незавершенная в Японии буржуазная революция и который мешает буракуминам объединиться с пролетариатом в борьбе с капитализмом (Amos 2007: 162–168). Этот дискурс главенствовал в японской историографии несколько десятилетий, и Канэко также работал в его рамках, хотя его выводы в некоторой степени – там, где он подвергает сомнению положение о продолжении «феодальной статусной дискриминации» – идут с ним вразрез.

Заключение

Главным успехом проекта Асо сами его участники называют оказанное им влияние на мир немецкоязычной японоведности: от японоведов последовало «удивление, восхищение, но также и отторжение»; «важны были не столько результаты проекта или его теоретические основы, сколько тот факт, что мы взялись за него и справились», «после этого проекта немецкоязычное японоведение уже никогда не было таким, как раньше; оно перестало быть чисто филологической наукой, занимавшейся в основном Японией до 1868 года, этот проект стал отправной точкой для того огромного разнообразия, которое сегодня имеет японоведение в немецкоязычном мире» (Linhart 2016: 47; см. также Kreiner

2016: 55–57). Их преемники, современные представители Института, также отмечают особое место проекта в истории европейской японистики (Manzenreiter 2016: 120). Оценка влияния проекта Асо на судьбы европейской японистики не является задачей данной работы, однако можно наверняка сказать, что для венской школы этот проект действительно стал важной вехой.

Одновременно все авторы сходятся во мнении, что поиск теоретических основ, новой парадигмы для изучения японской культуры и попытка создания универсальной модели комплексного исследования региона не увенчались успехом. «Мы думали: “Мы можем это сделать”. Но мы не смогли этого сделать», – прямо пишет Крайнер (2016: 55).

По опубликованным материалам видно, что общая концепция подразумевала в том числе попытку сблизиться с американской моделью антропологических исследований. Причем влияние американской антропологии было и непосредственным – через работы американских японистов, – и опосредованным – через заимствования из японской науки, которая также сотрудничала с американской. Идею исследования отдельных сообществ, реализовавшуюся в трудах Крайнера и (в меньшей степени) Канэко, можно считать заимствованием из этой традиции.

Тем не менее заметно, что представления Славика и его старших учеников об изучении культуры складывались изначально на основе венского диффузионистского учения с его своеобразным историзмом, восходящим еще к представлениям XIX в. о возможности обнаружить где-то «дикость», аналогичную нашему собственному доисторическому периоду. Венские японисты не были готовы отказаться ни от поиска реликтов прошлого в современном обществе, ни от пристального интереса к истории в целом. Диффузионистская основа также противоречила и холистическим идеям, свойственным довоенной американской антропологии. Манценрайтер, рассуждая о влиянии структурно-функциональной антропологии на проект Асо, видит холистическую логику в венском историзме, поиске «базисной культуры» (Manzenreiter 2016: 119–120), однако эта логика едва ли имеет отношение к американскому холизму. Источники показывают, что в представлении исследователей существовало общее понятие японской культуры, однако подобное представление было скорее общим местом как в европейской японистике, так и в японской этнологии/фольклористике (Мещеряков 2020; Blümmel, Antoni 2001). В то же время высокая роль сравнительного подхода в концепции проекта Асо скорее говорит об отказе от априорных представлений о гомогенности японской культуры. Таким образом, хотя современные авторы вспоминают об австрийской диффузионистской этнологии в основном в контексте влияния Шмидта на Ока (см.: Scheid 2016), представляется, что некоторые её основополагающие установки можно проследить в научных взглядах венских японистов и в 1960–1970-х гг.

Так или иначе, несмотря на попытку Славика инкорпорировать в свою японистику некоторые подходы американской антропологии, вряд ли это влияние можно назвать решающим. Гораздо больше венские ученые ориентировались на работы своих японских коллег. Это относится и к общей концепции проекта, вдохновленной Кю:гаккай Рэнго:, и к отдельным работам в его рамках. Очевидно, что крепкие связи между венской японистикой и японской наукой поддерживались и личными связями Славика и Ока, и строгой установкой на стажировку и полевую работу в Японии для учеников Славика, где они знакомились с японскими коллегами и их теориями. Венские японисты считали важным встраиваться именно в японский дискурс о Японии. И Славик, и Крайнер, и Канэко развивали теории, выдвинутые японскими учеными.

О сохраняющейся тесной связи с австрийской этнологией и фольклористикой говорит и многолетнее сотрудничество с Этнографическим музеем, и тот факт, что Пауэр в своем методологическом поиске пришел к методу Гааля.

Сам факт полевых исследований «этнологизировал» японистику Славика: эта практика пришла в венскую японистику напрямую из этнологии и ассоциировалась у самих японистов в первую очередь с этой дисциплиной.

При этом Славик ощущал – и писал об этом (Slawik 1972: 38) – что в этнологии не было четкого представления о том, как исследовать современные общества. Решением проблемы ему виделась междисциплинарность. Этот подход, по его мнению, должен был и определить устройство японистики как дисциплины, и помочь в выработке новой методологии – а может быть и новой «большой теории» – в изучении японской культуры.

Однако амбициозный план создания универсальной модели комплексного исследования регионов, который как раз и требовал выработки общего теоретического обоснования, не увенчался успехом. Как видно из представленного анализа, каждый из участников проекта следовал существующим теоретическим и методологическим наработкам в собственной теме. Преодолеть отмеченный венскими учеными разрыв в теоретической связи микроисследований (community studies) с общими суждениями о японской культуре через «средний», т.е. региональный, уровень также не удалось. Так, Крайнер отказался от генерализаций в своем «микроисследовании», а Канэко видел Одзиму как поселение типичное – но не для региона, а для представленного в нем слоя населения – буракуминов.

Выработка принципов междисциплинарного взаимодействия в исследованиях могла иметь не только чисто научное, но и институциональное значение. Отсутствие решения этой задачи, возможно, сделало Институт более зависимым от научных предпочтений его руководителя: если для

Славика и Крайнера этнология виделась интегральной частью японистики, то при следующем директоре, Линхарте, венская японистика отошла от этнологии, сблизившись с социологией (Scheid 2016: 63–64).

Стоит отметить, что несмотря на критическое отношение самих участников проекта Асо к его теоретическим результатам, их неудачи не лежат исключительно на их совести: в 60–70-х гг. этнология/антропология, на которую они еще во многом опирались, сама переживала серьезные потрясения: глобальные политические процессы (окончание колониальной эпохи, холодная война, молодежные политические выступления) пошатнули позитивистский оптимизм формирующейся на основе англо-американской традиции глобальной антропологии и подтолкнули её к переопределению самых базовых своих понятий (объекта, поля); в антропологии постепенно наступала эпоха постмодерна, характеризующаяся размытием интеллектуальных жанров и дисциплинарных границ (Stocking 1995: 951–955). Таким образом, антропология не могла предложить готовых решений. Тем не менее, как пишет Манценрайтер, австрийские ученые предвосхитили в своей работе многие тенденции современных социокультурных исследований: учитывали исторические факторы, однако не были склонны использовать «традиционность» как основное объяснение, и отказывались от дуализма «традиционности» и «современности», а также сделали изучение японского языка не только данью филологической традиции, но и средством погрузиться в живую жизнь современных японцев (Manzenreiter 2016: 120).

В условиях дефицита ресурсов им удалось решить свою главную задачу: представить немецкоязычному академическому миру альтернативный, основанный на социальных науках, подход к изучению культуры Японии и этим изменить само представление о том, что понимается под японской культурой как предметом научного изучения.

Рассматривая эту попытку синтеза дисциплин с точки зрения истории антропологии, можно сделать несколько замечаний. Подход, принятый австрийскими японистами к подбору литературы для решения своих задач, сложно назвать удовлетворительным. Манценрайтер отмечает, что они ограничивались исключительно книгами, написанными на японском материале, что априори отсекало основную массу антропологической литературы, и не предпринимали попыток даже ознакомиться с современными им теоретическими дискуссиями (Manzenreiter 2016: 113). К этому можно добавить, что их внимание концентрировалось на методологических приемах, причем их интересовали конкретные полевые, локальные исследования. Так, книга Рут Бенедикт («исследование на макроуровне» (Slawik et al. 1975: 12)) упоминается вскользь, теоретические основы прочих американских работ также не обсуждаются. Большие этнологические теории японской науки были венским ученым, очевидно, знакомы, однако обсуждения удостоивается в первую очередь

именно практика междисциплинарных исследований. Надо отметить, что декларировалось создание японистики нового типа, практически новой дисциплины, которая и не должна была укладываться в какую-либо антропологическую теорию. Тем не менее нарастающее теоретическое разнообразие в антропологии вряд ли позволило бы легко решить такую задачу, даже если бы она была поставлена.

Также этот австрийский опыт показывает пример того, как антропологические теории заимствуются смежными дисциплинами с некоторым «джетлагом»: та американская исследовательская парадигма, которую пытался интегрировать в японистику Славик, к концу 60-х гг. уже уходила в прошлое. Проанализированные здесь источники не дают возможности рассуждать о причинах такого отставания, однако наглядно иллюстрируют его.

Одновременно важно отметить, что именно из этнологии/антропологии в венскую японистику пришло широкое понимание культуры, включающее в себя и социальные институты, и экономические практики, которое открыло путь как к изучению современности (как сельской, так позже и городской), так и к привлечению других социальных дисциплин к проблемам изучения японской культуры.

Примечания

¹ В данной статье предлагается считать термины «этнология» и «(социокультурная) антропология» взаимозаменяемыми; в каждом конкретном случае выбор будет обусловлен контекстом. Так, вслед за источниками преимущественно будет употребляться термин «этнология», поскольку именно он является устоявшимся переводом немецких терминов *Ethnologie* и *Völkerkunde*. Слово «антропология» будет преимущественно использоваться в общих рассуждениях и там, где будет идти речь об американской традиции.

² Дискриминируемая социальная группа в Японии, история которой восходит к «нечистым» кастам эпохи Эдо.

Список источников

- Любимова Н.С. Александр Славик и истоки этнологического японоведения в Вене // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 124–143.
- Мещеряков А.Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020.
- Amos T. Binding Burakumin: Marxist Historiography and the Narration of Difference in Japan // *Japanese Studies*. 2007. Vol. 27:2. P. 155–171. doi: 10.1080/10371390701494168
- Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016.
- Beardsley R.K., Hall J.W., Ward R.E. Village Japan. University of Chicago Press, 1959. 512 p.
- Cornell J.B., Smith R.J. Two Japanese Villages: Matsunagi, A Japanese Mountain Community; Kurusu, A Japanese Agricultural Community. 1956.
- Embree J.F. A Japanese Village. Sue Mura. 1946 (1939). URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.274734/page/n9/mode/2up> (Accessed: 29.07.2025).

- Kaneko M.* Buraku-Diskriminierung im Distrikt Aso. Die Lage im diskriminierten Buraku Ojima // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1982. S. 101–191.
- Klien S., Kreiner J.* Susanne Klien interviews Prof emer. Josef Kreiner // Japan Anthropology Workshop, 2015. URL: <https://japananthropologyworkshop.org/interview-with-prof-emer-josef-kreiner/> (Accessed: 29.07.2025).
- Kreiner J.* Kurzer historischer Abriss des Aso-Raumes // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 56–123.
- Kreiner J.* Zur Entwicklung der Gottesvorstellung im Shrein-Shinto: Die Frühjahrszeremonien des Aso-Schreines // Festgabe Herbert Zachert 70 Jahre. Bonner Zeitschrift für Japanologie, 1979, 1. S. 201–218.
- Kreiner J.* Oginokusa. Soziale und wirtschaftliche Struktur eines edo-zeitlichen Rodungsdorfes im Aso-Gebiet, Präfektur Kumamoto, SüdJapan // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1982. S. 5–99.
- Kreiner J.* Anfang und Ende eines Versuches zum interdisziplinären Arbeiten in Japan. Gedanken zur Auflösung der Kyūgakkai-rengō // Japanstudien. 1990. Vol. 1:1. S. 385–397. doi:10.1080/09386491.1990.11826972
- Kreiner J.* Erinnerungen an das Aso-Projekt // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 49–58.
- Kreiner J.* Brief Remarks on Paradigm Shifts in Japanese Anthropology during the 20th Century // Global perspectives on Japan. 2017. P. 23–65.
- Linhart S.* Zur Sozial- und Wirtschaftsstruktur des Aso-Beckens // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 125–176.
- Linhart S.* Aso, Februar 1969 // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 35–48.
- Manzenreiter W.* Das Aso-Projekt der Wiener Japanologie im Kontext ethnologischer Community Studies // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 104–124.
- Nakane Ch.* Cultural anthropology in Japan // Annual Review of Anthropology. 1974. Vol. 3. P. 57–72.
- Norbeck E.* Takashima, a Japanese fishing community. 1954.
- Ölschleger H.D.* Das Aso-Projekt aus Sicht von ethnologischen Ansätzen in der Japanforschung // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 88–103.
- Pauer E.* Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band II. Der Landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes (= Beiträge zur Japanologie; 13). Wien, 1976. 255 s.
- Pauer E.* Erinnerungen an das Aso-Projekt 1968/69 // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 19–34.
- Scheid B.* Oka Masao und das schwierige Erbe der Wiener Kulturkreislehre // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 61–87.

- Slawik A. Die Bibliothek des Instituts für Japanologie der Universität Wien // Wiener völkerkundliche Mitteilungen, XIX.JG., N.F., Bd. XIV, Wien, 1972. S. 35.
- Slawik A., Kreiner J., Linhart S., Pauer E. Einleitung. Problemstellung, Planung und Durchführung des Projekts // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 11–35.
- Slawik A. Das Aso-Land als natürlicher Raum // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan. Band I. Einführung und Überblick. (Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 36–55.
- Stocking G.W. Delimiting Anthropology: Historical Reflections on the Boundaries of a Boundless Discipline // Social Research. 1995. Vol. 62, № 4. Defining the Boundaries of Social Inquiry. P. 933–966.

References

- Lyubimova, N.S. (2019) Alexander Slawik and the Origins of Ethnological Japanology in Vienna. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 124–143. (In Russian)
- Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostat'sya yapon'tsem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of the Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika.
- Amos, T. (2007) Binding Burakumin: Marxist Historiography and the Narration of Difference in Japan. *Japanese Studies*. 27:2. pp. 155–171. DOI: 10.1080/10371390701494168
- Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016.
- Beardsley, R.K., Hall, J.W. & Ward, R.E. (1959) *Village Japan*. University of Chicago Press. 512 p.
- Cornell, J.B. & Smith, R.J. (1956) *Two Japanese Villages: Matsunagi, A Japanese Mountain Community; Kuruu, A Japanese Agricultural Community*.
- Embree, J.F. (1946 (1939)) *A Japanese Village. Sue Mura*. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.274734/page/n9/mode/2up> (Accessed 29 July 2025)
- Kaneko, M. (1982) Buraku-Diskriminierung im Distrikt Aso. Die Lage im diskriminierten Buraku Ojima. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 101–191.
- Klien, S. & Kreiner, J. (2015) Susanne Klein interviews Prof emer. Josef Kreiner. *Japan Anthropology Workshop*. Available at: <https://japananthropologyworkshop.org/interview-with-prof-emer-josef-kreiner/> (Accessed 29 July 2025).
- Kreiner, J. (1975) Kurzer historischer Abriss des Aso-Raumes. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 56–123.
- Kreiner, J. (1979) Zur Entwicklung der Gottesvorstellung im Shrein-Shinto: Die Frühjahrszeremonien des Aso-Schreines. *Festgabe Herbert Zachert 70 Jahre. Bonner Zeitschrift für Japanologie*. 1. pp. 201–218.
- Kreiner, J. (1982) Oginokusa. Soziale und wirtschaftliche Struktur eines edo-zeitlichen Rodungsdorfes im Aso-Gebiet, Präfektur Kumamoto, Südjapan. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 5–99.
- Kreiner, J. (1990) Anfang und Ende eines Versuches zum interdisziplinären Arbeiten in Japan. Gedanken zur Auflösung der Kyūgakkai-rengō. *Japanstudien*. 1:1. pp. 385–397. DOI: 10.1080/09386491.1990.11826972

- Kreiner, J. (2016) Erinnerungen an das Aso-Projekt. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 49–58.
- Kreiner, J. (2017) Brief Remarks on Paradigm Shifts in Japanese Anthropology during the 20th Century. In: *Global perspectives on Japan*. pp. 23–65.
- Linhart, S. (1975) Zur Sozial- und Wirtschaftsstruktur des Aso-Beckens. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 125–176.
- Linhart, S. (2016) Aso, Februar 1969. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 35–48.
- Manzenreiter, W. (2016) Das Aso-Projekt der Wiener Japanologie im Kontext ethnologischer Community Studies. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 104–124.
- Nakane, Ch. (1974) Cultural anthropology in Japan. *Annual Review of Anthropology*. 3. pp. 57–72.
- Norbeck, E. (1954) *Takashima, a Japanese fishing community*.
- Ölschleger, H.D. (2016) Das Aso-Projekt aus Sicht von ethnologischen Ansätzen in der Japanforschung. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 88–103.
- Pauer, E. (1976) *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band II. Der Landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes (= Beiträge zur Japanologie; 13). Wien.
- Pauer, E. (2016) Erinnerungen an das Aso-Projekt 1968/69. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 19–34.
- Scheid, B. (2016) Oka Masao und das schwierige Erbe der Wiener Kulturkreislehre. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützeler u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 61–87.
- Slawik, A. (1972) Die Bibliothek des Instituts für Japanologie der Universität Wien. *Wiener völkerkundliche Mitteilungen*, XIX.JG., N.F., Bd. XIV, Wien. p. 35.
- Slawik, A., Kreiner, J., Linhart, S. & Pauer E. (1975) Einleitung. Problemstellung, Planung und Durchführung des Projekts. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 11–35.
- Slawik, A. (1975) Das Aso-Land als natürlicher Raum. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 36–55.
- Stocking, G.W. (1995) Delimiting Anthropology: Historical Reflections on the Boundaries of a Boundless Discipline. *Social Research*. 62 (4). pp. 933–966.

Сведения об авторе:

ЛЮБИМОВА Наталья Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nataliia S. Liubimova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 27 августа 2025;
принята к публикации 6 ноября 2025.*

*The article was submitted 27.08.2025;
accepted for publication 06.11.2025.*

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/2312461X/50/10

Междисциплинарный анализ металлургических объектов из археологических памятников

Владимир Игоревич Завьялов¹
Наталия Николаевна Терехова²

^{1, 2} *Институт археологии РАН, Москва, Россия*
¹ *v_zavyalov@list.ru*

Аннотация. В последнее время при изучении археологических кузнечных артефактов начинают широко применяться такие методы, как рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), сканирующая электронная микроскопия (СЭМ), масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-МС). Основываясь на проведённых нами исследованиях, предлагается алгоритм комплексного изучения продукции чёрной металлургии и железообработки. При этом рассматриваются три основных объекта исследования: сами железные предметы, шлаки (как металлургические, так и кузнечные), шлаковые включения в железных предметах. Делается вывод о том, что комплексный анализ металлургических объектов значительно расширяет границы познания особенностей и закономерностей металлургического производства.

Ключевые слова: археологический артефакт, археометаллография, рентгенофлуоресцентный анализ, сканирующая электронная микроскопия, масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой

Благодарности: работа выполнена в рамках выполнения темы Минобрнауки «Междисциплинарные основы современных археологических исследований: теория и практика», № НИОКТР 126011315527-2.

Для цитирования: Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Междисциплинарный анализ металлургических объектов из археологических памятников // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 214–229. doi: 10.17223/2312461X/50/10

Original article
doi: 10.17223/2312461X/50/10

Interdisciplinary Analysis of Metallurgical Objects from Archaeological Sites

Vladimir I. Zavyalov¹, Natalia N. Terekhova²

^{1, 2} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*
¹ *v_zavyalov@list.ru*

Abstract. Recently, such methods as X-ray fluorescence analysis (XRF), scanning electron microscopy (SEM) and inductively coupled plasma mass spectrometry

(ICP-MS) have begun to be widely used in the study of archaeological forging artifacts. In this article, based on our research, we propose an algorithm for a comprehensive study of ferrous metallurgy and ironworking products. In this case, three main objects of study are considered: iron objects themselves, slags (both metallurgical and forging), slag inclusions in iron objects. As a result, a conclusion is made that a comprehensive analysis of metallurgical objects significantly expands the boundaries of knowledge of the features and patterns of metallurgical production.

Keywords: archaeological artifact, archaeometallography, X-ray fluorescence analysis, scanning electron microscopy, inductively coupled plasma mass spectrometry (ICP-MS)

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the Ministry of Education and Science's project "Interdisciplinary Foundations of Modern Archaeological Research: Theory and Practice" No. 126011315527-2.

For citation: Zavyalov, V.I. & Terekhova, N.N. (2025) Interdisciplinary Analysis of Metallurgical Objects from Archaeological Sites. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 214–229 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/10

Введение

Внедрение в археологию естественно-научных методов анализа значительно расширяет возможности интерпретации изучаемых археологических объектов.

Наглядным примером является изучение изделий из чёрного металла. Уже в первой половине XX в. предпринимались первые попытки металлографического исследования археологических артефактов (Арендт 1936; Иесен, Деген-Ковалевский 1935; Сальдау, Гушина 1932; Desch 1929; Garland 1913). В середине столетия Б.А. Колчиным и Р. Тайлеком были сформулированы основы принципы нового направления в археологии (Колчин 1953; Tylecote 1962). Методика интерпретации аналитических данных изучения чёрного металла была разработана в 90-х гг. XX в. авторским коллективом кабинета археометаллографии лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН (Завьялов, Терехова, Щербаков, 2024). Это позволило выявлять особенности и закономерности становления и формирования кузнечного ремесла у носителей конкретной культурно-исторической общности, определять роль традиций и инноваций в этой отрасли производства, раскрывать характер этнокультурных взаимодействий. В последнее время при исследовании кузнечных артефактов всё чаще начинают применяться такие методы, как рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), сканирующая электронная микроскопия (СЭМ) и масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-МС). Возникла необходимость детально рассмотреть возможности новых методов применительно в изучении истории чёрной металлургии и железообработки.

Методы

В основе РФА лежит эффект возбуждения атомов вещества при облучении образца гамма-излучением. Вторичное характеристическое излучение присутствующих в образце элементов регистрируется энергодисперсионным детектором (рис. 1). Применение данного метода позволяет проводить быстрый одновременный анализ как главных (матричных), так и следовых элементов. Суть метода СЭМ заключается в том, что на поверхность образца направляется электронный пучок энергиями электронов до 20–40 кэВ. Электронно-оптическая схема микроскопа фокусирует пучок в пятно размером в единицы микрон. Одним из процессов, происходящих при взаимодействии электронов с веществом, является возбуждение так называемого характеристического излучения, что позволяет изучать химический состав образца (рис. 2).

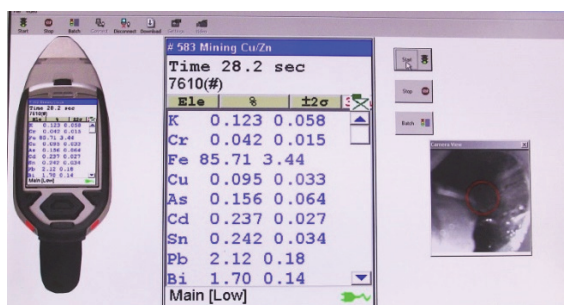
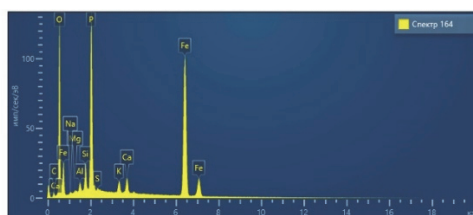

Рис. 1. Отображение химического состава образца на экране РФА-детектора

Спектр 164						
Элемент	Тип линии	Вес %	Сигма вес %	Атом, %	Оксид	Оксид %
O	K-серия	35,69	0,13	60,59		
Na	K-серия	0,37	0,06	0,43	Na2O	0,50
Mg	K-серия	0,17	0,04	0,19	MgO	0,29
Al	K-серия	0,87	0,04	0,87	Al2O3	1,64
Si	K-серия	2,13	0,04	2,06	SiO2	4,55
P	K-серия	14,48	0,09	12,70	P2O5	33,18
S	K-серия	0,16	0,03	0,14	SO3	0,41
K	K-серия	1,20	0,04	0,84	K2O	1,45
Ca	K-серия	1,70	0,04	1,15	CaO	2,38
Fe	K-серия	43,22	0,15	21,02	FeO	55,61
Всего		100,00		100,00		100,00

Рис. 2. Результат СЭМ-исследования образца

Возможно как проведение анализа в отдельных точках, размер которых зависит от исследуемого вещества и энергии электронов (как правило, не более 5–10 микрон), так и анализ сравнительно больших участков. Хотя существует множество аналитических методик исследования элементного состава, СЭМ/ЭДС (сканирующая электронная микроскопия проводится в сочетании с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией, поэтому этот метод часто обозначается аббревиатурой СЭМ/ЭДС) является неразрушающим методом с высоким пространственным разрешением и дает возможность анализа конкретных участков (например, включений) сложных по строению образцов. С помощью метода масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-МС) измеряется масса заряженных частиц (ионов) в веществе. Это позволяет определить, из каких атомов или молекул состоит образец, а также их концентрацию. Принцип исследования основан на разделении ионов по их массе и заряду, отличается высокой чувствительностью и способностью определять ряд элементов крайне низкой концентрации (одну частицу из 10^{12}).

Впервые методы РФА и СЭМ были применены к археологическим артефактам из цветного металла в 1960-х гг., когда в Университете Беркли была исследована серия монет Римской империи.

Изучение изделий из чёрного металла методами РФА и СЭМ в зарубежной археологии начались с конца XX в. Применительно к артефактам чёрной металлургии, как демонстрируют многочисленные исследования, РФА более результативен при исследовании состава металлургических и кузнечных шлаков, а СЭМ и ИСП-МС – при исследовании состава шлаковых включений в металле и самого металла изделий. В частности, французским коллегам при использовании этих методов удалось обосновать происхождение железного крепежа, использованного при строительстве позднесредневековых соборов, из разных рудопроявлений (Dillmann, L'Heritier 2007). Особенно важные данные при изучении методом СЭМ шлаковых включений в железных артефактах получили английские специалисты (Blakelock et al. 2009; Blakelock 2016). В итоге многочисленных исследований были сделаны выводы о том, что соотношения основных элементов в шлаковых включениях внутри отдельных объектов достаточно стабильны. С увеличением стекловидного компонента в шлаке с низким содержанием железа, как это можно обнаружить в перлитных структурах или феррите с высоким содержанием фосфора, эти соотношения становятся более изменчивыми. В настоящее время нет удовлетворительного объяснения этому наблюдению, но оно, вероятно, указывает на более высокие температуры плавки и более восстановительную атмосферу. Стекловидные включения шлака в сильно науглероженных зонах и во всех стальных изделиях показывают повышенные концентрации следовых элементов. Сравнивая валовой анализ шлака с

рудами из минерализации только с одним типом руды, становится очевидным, что определенные соотношения элементов не изменяются существенно во время плавки (Schwab et al. 2006: 442).

Статистическая обработка данных по содержанию в артефактах основных и следовых элементов, полученных при ИСП-МС анализе, предоставляет значимую информацию для оценки возможности того, что железные предметы были изготовлены с использованием руды из определенной области (Desautly et al. 2009; Dillmann et al. 2017).

Ещё одним методом, который начинает активно использоваться при изучении объектов культурного наследия, является рамановская спектроскопия – неразрушающий метод изучения молекулярной структуры вещества. Применительно к чёрному металлу с помощью этого метода возможно исследовать продукты коррозии, что предоставит существенную информацию для реставрации и консервации артефактов (Bellot-Gurlet et al. 2009). Кроме того, рамановский метод позволяет определять типы руды (лимонит, гематит, сидерит и т.д.).

В отечественных археологических исследованиях метод РФА впервые был применён при изучении изделий из цветных металлов в 1990-х гг. (работы Р.А. Митояна, Н.В. Ениосовой, Т.Г. Сарачевой, И.Е. Зайцевой). Что касается чёрного металла, то в российском научном сообществе долгое время бытовало мнение о малой информативности химического состава железных артефактов. В связи с этим применение РФА при исследовании кузнечных изделий из чёрного металла до недавнего времени носило спорадический характер. Действительно, археологическое железо представляется химически «чистым» в силу способа его получения, когда металл не расплавляется, а восстанавливается в твёрдом состоянии. С точки зрения исследуемых объектов, элементами, способными соединяться с железом при сыродутном процессе и оказывать существенное влияние на его свойства, являются углерод и фосфор. Вместе с тем примесные элементы, содержащиеся в руде, переходят в металлургический шлак и шлаковые включения, которые в значительном количестве присутствуют в древнем железе. Это наблюдение позволило прийти к выводу, что исследование химического состава шлаков и шлаковых включений несёт значительную информацию о рудном источнике, особенно в случаях протекания сыродутного процесса. В конечном итоге становится возможным выделить серии железных артефактов, изготовленных в одном месте или из руды одного рудопроявления. Это, в свою очередь, предоставляет значимую информацию для выделения технологических и экономических связей между мастерами различных памятников.

В настоящее время такие методы, как СЭМ и РФА, всё активнее применяются в российской науке при исследовании железных шлаков.

В частности, нами был проведён анализ шлаков из поселения Стаево (Гошек, Завьялов 2018), памятников Рязанской земли (Гошек, Завьялов 2017) и Подмосковья (Завьялов, Терехова 2023).

Изучению химического состава шлаков большое внимание уделяется в работах коллектива авторов под руководством Е.В. Водясова (Водясов, Зайцева 2020; Vodyasov et al. 2021). В результате использования ИСП-МС при анализе железной руды и шлаков из памятников Юго-Восточного Алтая гуннского времени была выделена группа поселений, металлурги которых использовали руду из рудопроявления Рудный Лог, и ряд памятников, мастера которых работали на других рудах (Vodyasov et al. 2023).

Однако приходится констатировать, что исследования железных артефактов с использованием перечисленных методов ещё крайне малочисленны, что не позволяет проводить широкие обобщения об особенностях металлургического и кузнечного производств.

Несмотря на значительную информативность, электронная микроскопия и микроанализ требуют дополнения другими методами исследования. При этом все специалисты сходятся во мнении, что РФА и СЭМ анализы, по возможности, следует предварять металлографическими исследованиями.

Металлографический метод исследования железных предметов был внедрён в археологию Б.А. Колчиным (1949, 1953). В основе этого метода лежит микроструктурное исследование образцов, дополненное измерениями микротвёрдости различных структурных составляющих. Образцы вырезаются с рабочей части предмета ручным инструментом или с использованием прецизионного отрезного станка. Отобранный образец для удобства обработки заправляется в сплав Вуда или специальный пластик, шлифуется на наждачных бумагах и полируется окисью хрома или водной алмазной суспензией до зеркального блеска. Подготовленный таким образом образец – шлиф – протравливается реактивами ниталь (4% раствор азотной кислоты в этиловом спирте) и (или) Обергоффера, а затем изучается на металлографическом микроскопе. При этом определяются структуры металла, свидетельствующие о способах обработки заготовки, наличии сварных швов, характере шлаковых включений, зернистости феррита и т.д. Дополнением к структурному анализу является определение микротвёрдости отдельных структур, которая измеряется на микротвердомере алмазным пирамидальным индентором при нагрузке 100 г при времени измерения 10 с. Обработка полученных аналитических данных проводится по методике, разработанной в кабинете металлографии лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН (Завьялов, Терехова, Щербаков 2024: 20–22). В результате появляется возможность выявлять особенности и закономерности становления и формирования кузнечного ремесла у носителей конкретной культурно-исторической общности, определять роль традиций

и инноваций в этой отрасли производства, раскрывать характер этнокультурных взаимодействий.

Разумеется, все методы изучения археологических артефактов из чёрного металла имеют как свои достоинства, так и недостатки. К достоинствам металлографического метода относится, прежде всего, то, что это единственный способ, который позволяет делать выводы о приёмах изготовления артефакта, уровне квалификации мастера, изготовившего предмет. Главными недостатками метода являются необходимость пробоотбора, что нарушает целостность артефакта, и длительность подготовки образца. Эти недостатки особенно ощутимы, когда предполагается исследование музейных коллекций или уникальных находок.

Рентгенофлуоресценция, электронная микроскопия и масс-спектрометрия, как уже отмечалось, относятся к неразрушающим методам, но при их применении артефакт должен быть очищен от коррозии. К достоинствам методов относится быстрота получения результатов, а появление в последнее время переносных РФА-анализаторов позволяет проводить анализы вне лаборатории – в музеях и непосредственно в экспедициях. Но проведение исследований на электронном микроскопе и масс-спектрометре требует специального оборудования и квалифицированного персонала, способного интерпретировать полученные результаты, что, несомненно, увеличивает стоимость анализов. К недостаткам методов следует отнести сложность определения содержания ряда лёгких элементов, в том числе углерода. Содержание последнего крайне важно для анализа сталей. Полученные результаты могут быть представлены или в виде соотношения элементов, или их оксидов. Таким образом, РФА и СЭМ предоставляют возможность получить информацию, существенно дополняющую результаты традиционного металлографического метода.

Результаты

В настоящей статье, основываясь на проведённых нами исследованиях, мы предлагаем алгоритм комплексного изучения продукции чёрной металлургии и железообработки. При этом рассматриваются три основных объекта исследования: сами железные предметы, шлаки (как металлургические, так и кузнечные), шлаковые включения в железных предметах¹.

В результате археометаллографического исследования объекта выделяется технологическая схема его изготовления². Р. Тайлкотом и Б. Гилмором были предложены шесть основных типов технологических схем (Tylecote, Gilmour 1986). Следует отметить, что представленная английскими авторами типология во многом совпадает с технологическими схемами, выделенными Б.А. Колчиным (1953). В настоящее время эту

типологию технологических схем использует большинство специалистов. В наших работах мы также руководствуемся определениями технологических схем, основанными на разработках Б.А. Колчина, Р. Тайлекота и Б. Гилмора. В итоге мы выделяем шесть основных технологических схем (рис. 3): 1) целиком из железа – предметы, откованные из кричного железа (тип 0 по Tylecote, Gilmour 1986); 2) целиком из сырцовый стали; 3) целиком из специально полученной цементированной стали (тип 1 по Tylecote, Gilmour 1986); 4) цементация; 5) трёхслойный пакет (тип 4 по Tylecote, Gilmour 1986); 6) наварка (тип 2 по Tylecote, Gilmour 1986). Выделяемые нами технологические схемы 2 и 4 в типологии Р. Тайлекота и Б. Гилмора отсутствуют (Завьялов и др. 2024: 20–21).

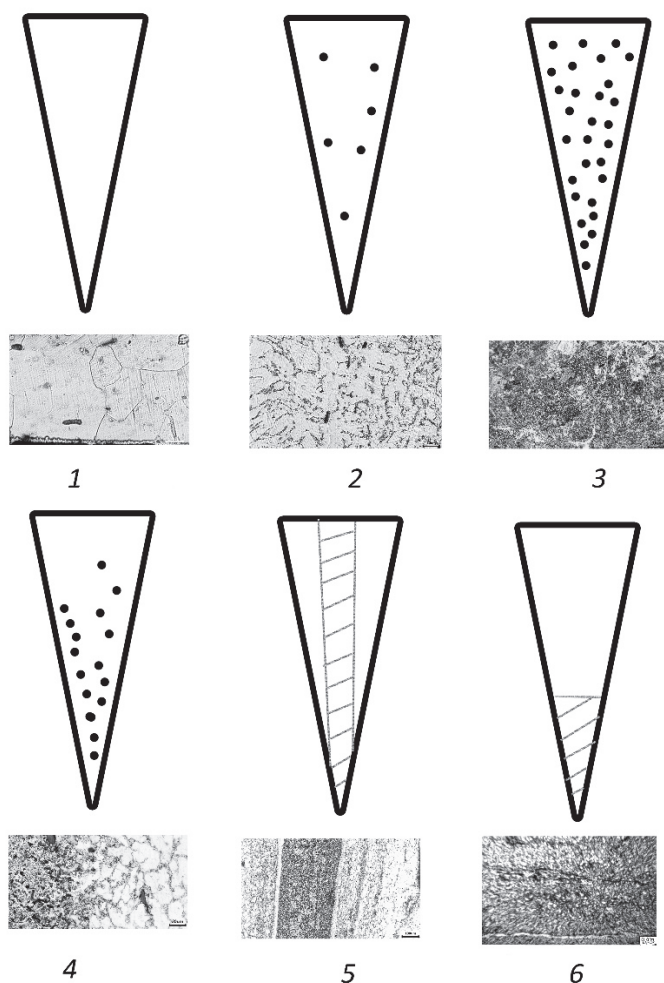

Рис. 3. Типы технологических схем и их микрофотографии

Следующим этапом исследования является определение химического состава самого металла и шлаковых включений в металле. Эти работы проводились с помощью сканирующего электронного микроскопа.

Результаты СЭМ анализа чёрного металла древних артефактов продемонстрировали, как и следовало ожидать, чистоту железа от примесных элементов. Единственным элементом, присутствующем в железе (за исключением углерода, который не определяется методом СЭМ), оказался фосфор. Фосфор – естественная примесь, переходящая в металл из железной руды. Он придает железу специфические свойства: твёрдость, сопротивление коррозии. В настоящее время общеизвестно, что некоторые виды фосфористого железа (при содержании фосфора в металле свыше 0,1%) в прошлом высоко ценились, в частности, за возможность хорошо свариваться с высокоуглеродистой сталью и повышенную устойчивость к коррозии. Опытный кузнец легко мог отличить их невооруженным глазом (при определенных условиях) от нефосфористого железа и стали (Thiele, Nosek 2015: 114). До недавнего времени высокое содержание фосфора в железе определялось по повышенной микротвёрдости феррита. Но, разумеется, СЭМ анализ для этих целей более надёжен и адекватен.

Анализ состава шлаковых включений позволил выявить два основных их типа. Первый представлен однофазными, преимущественно вытянутыми включениями чёрного цвета (рис. 4, 1). В их основе оксид кремния с незначительной (до 8%) примесью оксида железа. Подобные включения были выделены при микроструктурном исследовании Е. Пасковским в тип А (Piaskowski 1976: 65). К. Сенковский, изучив состав шлаковых включений, определил, что такие шлаковые включения представляют сложный оксид кремния (Sękowski 1978: 146). Это, если можно так выразиться, вторичные (в отличие от шлаковых включений, попавших в металл в ходе сыродутного процесса) шлаковые включения, которые образуются в железных артефактах на более поздних стадиях обработки, например, при складывании или сварке заготовки во времяковки (Blakelock et al. 2009: 1746). Появление в металле таких шлаковых включений наглядно демонстрируется практикой современных экспериментаторов, когда при ковке используется песчаный флюс, который реагирует с магнетитом (Fe_3O_4) и образует жидкий шлак (Fe_2SiO_4). Такая практика позволяет очистить поверхность от возникающей окалины и предотвратить дальнейшее окисление металла. При этом часть шлака неизбежно останется, образуя новые включения, особенно вдоль поверхностей сварных швов (Charlton et al. 2013: 2282).

Второй тип шлаковых включений представлен многофазовыми включениями неправильных форм с дендритами и глобулами светло- и тёмно-серых цветов (рис. 4, 2). Эти включения состоят в основном из фаялита (силикат железа) и вюстита (оксид железа).

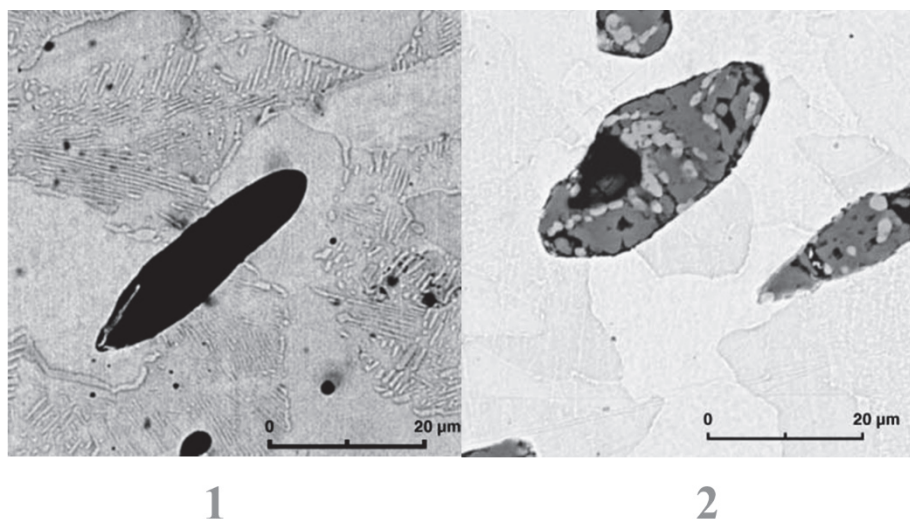

Рис. 4. Типы шлаковых включений: 1 – однофазные; 2 – многофазные

Как правило, они содержат большинство микропримесей, переходящих в процессе плавки из руды в шлак. Установлено, что основными микропримесями железных руд (кроме кремния и алюминия, составляющих основу пустой породы) являются фосфор, марганец, магний, реже титан, медь, никель, кобальт, сера, мышьяк. Особо следует остановиться на таких элементах, как калий и кальций, содержащихся в шлаке в сравнительно большом количестве (от 2–8% и выше). Многочисленные исследования показали, что эти элементы не обязательно содержатся в руде в больших концентрациях, но могут попадать в шлак из топлива и обмазки горнов (Crew 2000, 2007; Pleiner 2000: 252).

Проведение в дальнейшем сравнительного анализ соотношения микропримесей в шлаковых включениях позволяет высказать предположение о сходстве или различии железорудных источников, использовавшихся для получения металла различных памятников.

Наконец, ещё одной составляющей комплексного изучения истории железоделательного производства является исследование химического состава металлургических шлаков, которые традиционно являются одним из основных источников реконструкции химических процессов, происходивших во время производства сыродутного железа в горнах (Колчин 1953: 40–42; Наумов 2008: 104; Сунчугашев 1979: 56–58). В настоящее время исследование состава шлаков проводится как с помощью РФА, так и с помощью СЭМ. Следует учитывать, что в подавляющем большинстве случаев шлак является единственным свидетельством существования древней металлургии, тогда как остатки самих ме-

таллургических объектов – достаточно большая редкость (Водясов, Зайцева 2010: 401). В результате этих исследований становится доступной информация об особенностях рудного источника, характере металлургического процесса.

Заключение

Разумеется, получение сколько-нибудь значимых выводов возможно только при проведении статистически значимой серии анализов. При этом для обработки большого массива данных необходимым является применение математических методов. Подобный анализ часто основан на построении математических моделей при помощи методов кластеризации, классификации, регрессии, факторного анализа данных и т.д.

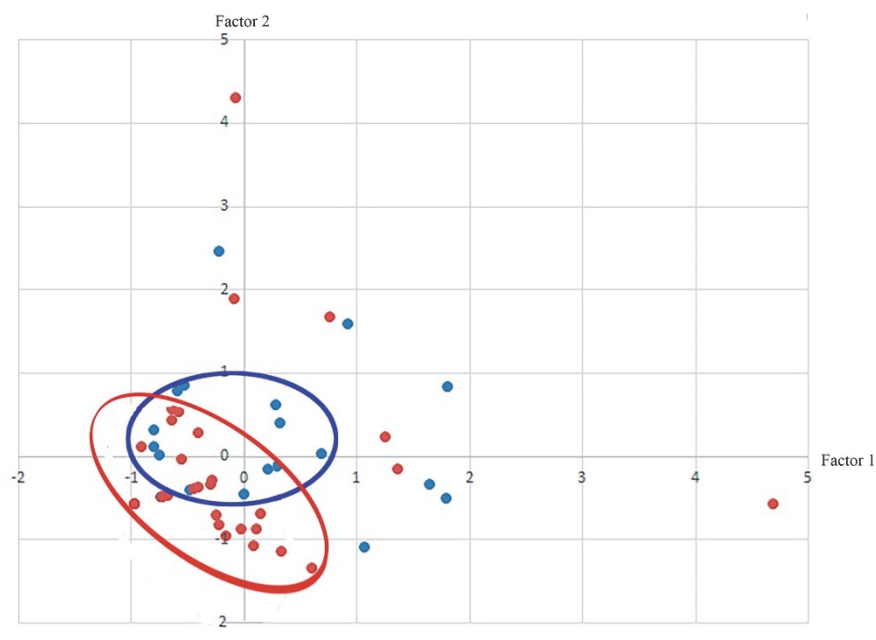

Рис. 5. Результаты факторного анализа химического состава шлаковых включений в железных предметах из селищ Мякинино 1 и Мякинино 2, демонстрирующие группы изделий, сходных и различных по химическому составу шлаковых включений

Модель имитирует некоторый процесс, например, динамику изменения в пространстве и (или) во времени какого-либо признака или набора признаков исследуемых образцов. Ее можно использовать для объяснения причин изменчивости признаков, оценки их значимости, моделирования различных вариантов развития данной изменчивости и т.п. Необходимо

учитывать, что математический анализ в археологии, как и в любой другой области его применения, может лишь выявить количественные закономерности в исследуемом массиве данных, однако качественная интерпретация полученных результатов должна всегда оставаться за специалистом-археологом. В настоящее время существует ряд аналитических платформ, позволяющих строить математические модели. Среди них можно выделить такие программы, как Deductor, Loginom, и др. Их функционал позволяет не только проводить математический анализ данных, но и визуализировать полученный результат в виде графиков, диаграмм, гистограмм, деревьев, карт, кубов и т.д., что значительно облегчает процесс дальнейшей интерпретации полученной информации (см. рис. 5).

Предложенный алгоритм исследования был применён нами, в частности, при изучении металлургической продукции из поселения X–XI вв. Горожане (Псковская обл.). В итоге был сделан вывод о сложном характер местного ремесленного производства. Металлурги поселения при получении железа и стали целенаправленно использовались руды с различными характеристиками. Особенностью местного кузнечного ремесла было применение трёхслойной технологии в восточноевропейском варианте, что, несомненно, свидетельствует о местном, а не привозном происхождении изделий (Завьялов, Терехова 2026).

Таким образом, комплексный анализ металлургических объектов значительно расширяет границы познания особенностей и закономерностей металлургического производства.

Примечания

¹ Металлографические анализы проводились в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН; рентгенофлуоресцентные исследования – в Институте археологии Чешской академии наук (Прага), Институте физической химии и электрохимии РАН, Центре коллективного пользования Института археологии РАН; СЭМ/ЭДС исследования – на кафедре археологии Исторического факультета МГУ и в Центре коллективного пользования Института археологии РАН. Авторы приносят глубокую благодарность за оказанную помощь д-ру И. Гошкеку, д.х.н. А.А. Ширяеву, к.и.н. Н.В. Ениосовой, к.и.н. И.А. Сапрыкиной, Е.Я. Зубавичусу.

² Под технологической схемой понимается последовательность основных кузнечных приёмов, применявшихся при изготовлении артефакта.

Список источников

- Арендт В.В. О технике древнего клинкового производства // Архив истории науки и техники. 1936. Вып. 8. С. 161–188.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Металлургический шлак как археологический источник: проблемы и перспективы изучения // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 400–403.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Древнейшие памятники черной металлургии в Горном Алтае: новые данные из долины реки Юстыд // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 125–147. doi: 10.17223/2312461X/28/9

- Гошек И., Завьялов В.И. Химический состав металлургических артефактов из поселения Ставо-4 // Древности. Исследования. Проблемы. Кишинёв; Тирасполь, 2018. С. 381–383.
- Гошек И., Завьялов В.И. Характеристика рудных источников эпохи средневековья по результатам рентгенофлуорисцентного анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: Таус, 2017. С. 167–174.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Технологические особенности кузнечной продукции из Подмосковных селищ XIV–XV вв. // Российская археология. 2023. № 3. С. 114–120.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Комплексный анализ кузнечной продукции из поселения Горожане // Российская археология. 2026. (В печати).
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н., Щербаков В.Л. Металлургия и железообработка на сельских поселениях Древней Руси. М.: Таус, 2024. 216 с.
- Иессен А.А., Деген-Ковалевский Б.Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 7–237 (Известия ГАИМК. Вып. 120).
- Колчин Б.А. Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей // КСИИМК. 1949. Вып. XXX. С. 42–53.
- Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: АН СССР, 1953. 280 с. (МИА № 32).
- Наумов А.Н. Чёрная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 225 с.
- Сальдау П.Я., Гуцина А.Ф. Применение металлографии в археологии // Сообщения ГАИМК. 1932. Вып. 3-4. С. 49–51.
- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.
- Bellet-Gurlet L., Neff D., Reguer S., Monnier J., Saheb M. Raman studies of corrosion layers formed on archaeological irons in various media // Journal of Nano Research, Trans Tech Publications. 2009. 8. P. 147–156.
- Blakelock E. Metallographic examination of early medieval knives from the UK // Historical Metallurgy. 2016. Vol. 50. Pt 2. P. 85–94.
- Blakelock E., Martín-Torres M., Veldhuijzen H.A., Young T. Slag inclusions in iron objects and the quest for provenance: an experiment and a case study // JAS. 2009. 36. P. 1745–1757.
- Charlton M.F., Shennan S.J., Rehren T., Crew P. Evolutionary analysis of ironmaking slag // The world of iron. London: Archetype Publications, 2013. P. 288–295.
- Crew P. The influence of clay and charcoal ash on bloomery slags // Il ferro nelle Alpi. Proceedings of the Conference. Bienna, Italy, 2000. P. 38–48.
- Crew P. CaO enrichment in slags: the influence of fluxing or of fuel ash? // Poster presented at the Early Ironworking in Europe II conference, Plas Tan y Bwlch, England. 2007.
- Desch C. Reports on the Metallurgical Examination of Specimens for the Sumerian Committee of the British Association // Reports of the British Association for the Advancements of Science. 1929.
- Desautly A.-M., Dillmann P., L'Héritiera M., Mariet C., Gratuze B., Joron J.-L., Fluzin P. Does it come from the Pays de Bray? Examination of an origin hypothesis for the ferrous reinforcements used in French medieval churches using major and trace element analyses // Journal of Archaeological Science. 2009. 36. P. 2445–2462.
- Dillmann P., L'Héritier M. Slag inclusion analyses for studying ferrous alloys employed in French medieval buildings: supply of materials and diffusion of smelting processes // Journal of Archaeological Science. 2007. 34. P. 1810–1823.
- Dillmann P., Schwab R., Bauvais S., Brauns M., Disser A., Leroy S., Gassmann G., Fluzin P. Circulation of iron products in the North-Alpine area during the end of the first Iron Age (6th–5th c. BC): A combination of chemical and isotopic approaches // Journal of Archaeological Science. 2017. 87. P. 108–124.

- Garland H. Egyptian Metal Antiquities // The Journal of the Institute of Metals. London. 1913. Vol. X. P. 329–343.
- Piaskowski J. Classification of the structures of slag inclusions in early iron objects made of bloomery iron // Archaeologia Polona. 1976. 17. S. 139–149.
- Pleiner R. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav AV ČR, 2000. 400 p.
- Schwab R., Heger D., Höppner B., Pernicka E. The provenance of iron artefacts from Manching: a multi-technique approach // Archaeometry. 2006. 48. P. 433–452.
- Sękowski K. Skład chemiczny wtrąceń żużla w dawnych wyrobach z żelaza dymarskiego // Studia i materiały z dziejów nauki Polskiej. 1978. Seria D. Z. 9. S. 133–147.
- Thiele A., Hosek J. Estimation of Phosphorus Content in Archaeological Iron Objects by Means of Optical Metallography and Hardness Measurements // Acta Polytechnica Hungarica. 2015. Vol. 12, No. 4. P. 113–126.
- Tylecote R.F. Metallurgy in Archaeology. A prehistory of metallurgy in the British Isles. London: Edward Arnold, 1962. 368 p.
- Tylecote R.F., Gilmour B.J.J. The Metallography of Early Ferrous Edge Tools and Edged Weapons // British Archaeological Reports. 1986. 155. 264 p.
- Vodyasov E.V., Stepanov I.S., Sadykov T.R., Asochakova E.M., Rabtsevich E.S., Zaitceva O.V., Blinov I.A. Iron metallurgy of the Xainbei period in Tuva (Southern Siberia) // Journal of Archaeological Science. 2021. 39. P. 1–17.
- Vodyasov E.V., Stepanov I.S., Vavulin M.V., Zaitceva O.V., Ebel A.V., Asochakova E.M., Pushkarev A.A., Rabtsevich E.S., Rassomakhin M.A. Large-scale mining and smelting of specularite ores 2 in the Altai Mountains during the 1st millennium AD // Journal of Archaeological Science. 2023. 158, 105838.
- Zavyalov V.I., Terekhova N.N. Results of Archaeometallographic Studies of Iron Items from Ancient Rus Settlements in the Moscow Region // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy Proceedings of 9th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–22 September 2022. 2023. P. 264–274.

References

- Arendt V.V. (1936) O tekhnike drevnego klinkovogo proizvodstva [On the technique of ancient blade production]. *Arkhir istorii nauki i tekhniki*. Vol. 8. pp. 161–188.
- Bellot-Gurlet L., Neff D., Reguer S., Monnier J., Saheb M. (2009) Raman studies of corrosion layers formed on archaeological irons in various media. *Journal of Nano Research, Trans Tech Publications*. 2009. 8. pp. 147–156.
- Blakelock E. (2016) Metallographic examination of early medieval knives from the UK. *Historical Metallurgy*. Vol. 50. Part 2. pp. 85–94.
- Blakelock E., Martínón-Torres M., Veldhuijzen H.A., Young T. (2009) Slag inclusions in iron objects and the quest for provenance: an experiment and a case study. *JAS*. 36. pp. 1745–1757.
- Charlton M.F., Shennan S.J., Rehren T., Crew P. (2013) Evolutionary analysis of ironmaking slag. *The world of iron*. London: Archetype Publications. pp. 288–295.
- Crew P. (2000) The influence of clay and charcoal ash on bloomery slags. *Il ferro nelle Alpi. Proceedings of the Conference*. Bienna, Italy. pp. 38–48.
- Crew P. (2007) *CaO enrichment in slags: the influence of fluxing or of fuel ash?* Poster presented at the Early Ironworking in Europe II conference, Plas Tan y Bwlch, England.
- Desautly A.-M., Dillmann P., L'Héritiera M., Mariet C., Gratuze B., Joron J.-L., Fluzin P. (2009) Does it come from the Pays de Bray? Examination of an origin hypothesis for the ferrous reinforcements used in French medieval churches using major and trace element analyses. *Journal of Archaeological Science*. 36. pp. 2445–2462.

- Desch C. (1929) Reports on the Metallurgical Examination of Specimens for the Sumerian Committee of the British Association. *Reports of the British Association for the Advancements of Science*.
- Dillmann P., L'Héritier M. (2007) Slag inclusion analyses for studying ferrous alloys employed in French medieval buildings: supply of materials and diffusion of smelting processes. *Journal of Archaeological Science*. 34. pp. 1810–1823.
- Dillmann P., Schwab R., Bauvais S., Brauns M., Disser A., Leroy S., Gassmann G., Fluzin P. (2017) Circulation of iron products in the North-Alpine area during the end of the first Iron Age (6th–5th c. BC): A combination of chemical and isotopic approaches. *Journal of Archaeological Science*. 87. pp. 108–124.
- Garland H. (1913) Egyptian Metal Antiquities. *The Journal of the Institute of Metals*. London. Vol. X. pp. 329–343.
- Goshek I., Zavyalov V.I. (2017) Kharakteristika rudnykh istochnikov epokhi srednevekov'ia po rezul'tatam rentgenofluoristsentnogo analiza [Characteristics of medieval ore sources based on X-ray fluorescence analysis]. In: *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical research of the laboratory of natural science methods]. Vol. 4. Moscow: Taus. pp. 167–174.
- Goshek I., Zavyalov V.I. (2018) Khimicheskii sostav metallurgicheskikh artefaktov iz poseleniia Staev-4 [Chemical composition of metallurgical artifacts from the Staev-4 settlement]. In: *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy* [Antiquities. Research. Problems]. Kishinev-Tiraspol'. pp. 381–383.
- Iessen A.A., Degen-Kovalevskii B.E. (1935) *Iz istorii drevnei metallurgii Kavkaza* [From the history of ancient metallurgy of the Caucasus]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz. pp. 7–237 (Izvestiia GAIMK. Vol. 120).
- Kolchin B.A. (1949) Opyt metallograficheskogo issledovaniia drevnerusskikh zheleznykh veshchei [The experience of metallographic research of ancient Russian iron objects]. *KSIIMK*. Vol. XXX. pp. 42–53.
- Kolchin B.A. (1953) *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v Drevnei Rusi* [Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Rus']. Moscow: AN SSSR. 280 s. (MIA № 32).
- Naumov A.N. (2008) *Chernaia metallurgii i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamiatnikakh Kulikova polia v kontse XII – tret'ei chetverti XIV vv.* [Ferrous metallurgy and ironworking at the rural sites of Kulikovo Field in the late 12th – third quarter of the 14th centuries]. Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik «Kulikovo pole».
- Piaskowski J. (1976) Classification of the structures of slag inclusions in early iron objects made of bloomery iron. *Archaeologia Polona*. 17. pp. 139–149.
- Pleiner R. (2000) *Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters*. Praha: Archeologický Ústav AV ČR.
- Sal'dau P.Ia., Gushchina A.F. (1932) Primenenie metallografii v arkheologii [Application of metallography in archaeology]. *Soobshcheniia GAIMK*. Vol. 3–4. pp. 49–51.
- Schwab R., Heger D., Höppner B. and Pernicka E. (2006) The provenance of iron artefacts from Manching: a multi-technique approach. *Archaeometry*. 48. pp. 433–452.
- Sękowski K. (1978) Skład chemiczny wtrąceń żużła w dawnych wyrobach z żelaza dymarskiego. *Studia i materiały z dziejów nauki Polskiej*. Seria D. Z. 9. pp. 133–147.
- Sunchugashev Ia.I. (1979) *Drevniaia metallurgii Khakasii. Epokha zheleza* [Ancient metallurgy of Khakassia. The Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
- Thiele A., Hosek J. (2015) Estimation of Phosphorus Content in Archaeological Iron Objects by Means of Optical Metallography and Hardness Measurements. *Acta Polytechnica Hungarica*. Vol. 12, No. 4. pp. 113–126.
- Tylecote R.F. (1962) *Metallurgy in Archaeology. A prehistory of metallurgy in the British Isles*. London: Edward Arnold.
- Tylecote R.F., Gilmour B.J.J. (1986) The Metallography of Early Ferrous Edge Tools and Edged Weapons. *British Archaeological Reports*. 155.

- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. (2010) Metallurgicheskii shlak kak arkhеologicheskii istochnik: problemy i perspektivy izucheniia [Metallurgical slag as an archaeological source: problems and prospects of study]. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchani* [Culture as a system in a historical context: The experience of the West Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 400–403.
- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. (2020) The Earliest Iron Smelting Sites in the Altai Republic: New Data from the Yustyd River Valley. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 125–147. DOI: 10.17223/2312461X/28/9
- Vodyasov E.V., Stepanov I.S., Sadykov T.R., Asochakova E.M., Rabtsevich E.S., Zaitseva O.V., Blinov I.A. (2021) Iron metallurgy of the Xainbei period in Tuva (Southern Siberia). *Journal of Archaeological Science*. 39. pp. 1–17.
- Vodyasov E.V., Stepanov I.S., Vavulin M.V., Zaitseva O.V., Ebel A.V., Asochakova E.M., Pushkarev A.A., Rabtsevich E.S., Rassomakhin M.A. (2023) Large-scale mining and smelting of specularite ores 2 in the Altai Mountains during the 1st millennium AD. *Journal of Archaeological Science*. 158. 105838.
- Zavyalov V.I., Terekhova N.N. (2023) Results of Archaeometallographic Studies of Iron Items from Ancient Rus Settlements in the Moscow Region. *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy Proceedings of 9th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–22 September 2022*. pp. 264–274.
- Zavyalov V.I., Terekhova N.N. (2023) Tekhnologicheskie osobennosti kuznechnoi produktsii iz Podmoskovnykh selishch XIV–XV vv. [Technological Features of Smithery Products from Moscow Settlements of the 14th–15th Centuries]. *Rossiiskaia arkhеologiya*. 3. pp. 114–120.
- Zavyalov V.I., Terekhova N.N. (2026) Kompleksnyi analiz kuznechnoi produktsii iz poseleniia Gorozhane [A comprehensive analysis of blacksmith products from the settlement of Gorodzhane]. *Rossiiskaia arkhеologiya*. (In print).
- Zavyalov V.I., Terekhova N.N., Shcherbakov V.L. (2024) *Metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh poseleniiakh Drevnei Rusi* [Metallurgy and ironworking in rural settlements of Ancient Rus']. Moscow: Taus.

Сведения об авторах:

ЗАВЬЯЛОВ Владимир Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия). E-mail: v_zavyalov@list.ru
ТЕРЕХОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vladimir I. Zavyalov, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v_zavyalov@list.ru
Natalia N. Terekhova, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 апреля 2025;
принята к публикации 28 июля 2025.*

*The article was submitted 08.04.2025;
accepted for publication 28.07.2025.*

Научная статья
УДК 81'27+930.24+571.56(=161.1)
doi: 10.17223/2312461X/50/11

Языковая адаптация во фронтирной зоне: случай русских старожилов Приленья

Игорь Альбертович Данилов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия, igor_danilov_2000@mail.ru*

Аннотация. Языковая адаптация некоренного населения во фронтирных зонах остается недостаточно изученным феноменом. Хотя случаи формирования смешанных языков хорошо документированы, механизмы глубокой языковой адаптации без создания нового языка требуют осмысления. Русские старожилы Приленья в Якутии представляют уникальный случай инверсии колониальных языковых иерархий: представители метрополии усвоили язык численно доминирующего коренного населения (якутский) при сохранении русской этнической идентичности. Этот феномен «объякучивания» требует систематизации и объяснения механизмов, факторов и долгосрочной динамики языковой адаптации. Исследование опирается на концепцию фронта, применяемую к Сибири как классической фронтирной зоне. Статья синтезирует разнородные источники: путевые записки исследователей XIX в., этнографические материалы XX–XXI вв., социолингвистические обследования. Применен диахронический социолингвистический анализ, охватывающий период более двух столетий, что позволяет проследить долгосрочную динамику языковых процессов. Показана нелинейность адаптационных процессов: от русского моноязычия (XVIII в.) через якутское доминирование (конец XIX в.) к ревитализации русско-якутского двуязычия (XX в.) и современному переходу к русскому моноязычию у молодежи. Выявлены ключевые факторы языкового сдвига: демографическое доминирование якутов, экономическая интеграция в якутскую хозяйственную систему, образование на якутском языке, структурные свойства якутского языка, развитая устная литературная традиция. Установлены компенсаторные механизмы сохранения этнической границы при языковом сдвиге: компактность расселения, социально-экономическая специализация, православие, историческая память и др. Исследование демонстрирует, что во фронтирных условиях возможна инверсия языковых иерархий, полный языковой сдвиг может происходить независимо от этнической ассимиляции, а языковая адаптация представляет собой динамическое балансирование между стратегиями, определяемое текущей конфигурацией различных факторов.

Ключевые слова: языковая адаптация, фронтирная зона, русские старожилы, Приленье, языковая ситуация, обякучивание, русско-якутское двуязычие, языковой сдвиг, ревитализация языка, межэтническое взаимодействие

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20392, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>. Автор выражает глубокую признательность руководителю проекта, д.ф.н. Н. И. Ивановой, и главному редактору журнала, д.и.н. Д. А. Функу, за полезные советы и конструктивные замечания при подготовке рукописи.

Для цитирования: Данилов И.А. Языковая адаптация во фронтальной зоне: случай русских старожилов Приленья // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 230–259. doi: 10.17223/2312461X/50/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/11

Language Adaptation in the Frontier Zone: The Case of the Russian Old- Settlers of the Lena Region

Igor A. Danilov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch
of the RAS, Yakutsk, Russian Federation, igor_danilov_2000@mail.ru*

Abstract. Language adaptation of non-indigenous populations in frontier zones remains an understudied phenomenon. While cases of mixed language formation are well documented, the mechanisms of deep language adaptation without creating a new language require theoretical understanding. The Russian old-settlers of the Lena River region in Yakutia represent a unique case of inversion of colonial language hierarchies: representatives of the metropole adopted the language of the numerically dominant indigenous population (Sakha) while maintaining their Russian ethnic identity. This phenomenon of “Yakutization” requires systematization and explanation of the mechanisms, factors, and long-term dynamics of language adaptation. The study draws on the frontier concept applied to Siberia as a classic frontier zone. The article synthesizes heterogeneous sources: travel notes of 19th-century researchers, ethnographic materials from the 20th – 21st centuries, and sociolinguistic surveys. A diachronic sociolinguistic analysis covering a period of more than two centuries has been applied, allowing us to trace the long-term dynamics of language processes. The non-linearity of adaptation processes is demonstrated: from Russian monolingualism (18th century) through Sakha dominance (late 19th century) to the revitalization of Russian-Sakha bilingualism (20th century) and the contemporary shift to Russian monolingualism among youth. Key factors of language shift have been identified: demographic dominance of Yakuts, economic integration into the Yakut economic system, education in the Sakha language, structural properties of the Sakha language, and a developed oral literary tradition. Compensatory mechanisms for maintaining ethnic boundaries during language shift have been established: compact settlement, socio-economic specialization, Orthodox Christianity, historical memory, and others. The study demonstrates that in frontier conditions, an inversion of language hierarchies is possible, complete language shift can occur independently of ethnic assimilation, and language adaptation represents a dynamic balancing between strategies determined by the current configuration of various factors.

Keywords: language adaptation, frontier zone, Russian old-settlers, Lena River region, language situation, Yakutization, Russian-Sakha bilingualism, language shift, language revitalization, interethnic interaction

Acknowledgements: The study was supported by grant No. 24-28-20392 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>. The author is deeply grateful to the project supervisor, Dr N.I. Ivanova, and to the editor-in-chief of the journal, Dr D.A. Funk, for constructive discussion and valuable comments on the manuscript.

For citation: Danilov, I.A. (2025) Language Adaptation in the Frontier Zone: The Case of the Russian Old- Settlers of the Lena Region. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 230–259 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/11

Введение

Языковая адаптация некоренного населения во фронтирных зонах представляет собой один из наиболее интересных феноменов. В условиях географической изоляции, демографического дисбаланса и необходимости выживания в новых условиях складываются уникальные модели межъязыкового взаимодействия, которые часто не вписываются в классические теории языкового сдвига и сохранения. Об этом свидетельствуют метисные сообщества канадского Запада, где сформировался уникальный смешанный язык мичиф (Bakker 1997), креольские языки Карибского бассейна (Carrington 1999), медновский алеутский язык на Командорских островах (Golovko, Vakhtin 1990), аляскинский русский язык (Бергельсон, Кибрик 2018), новые языки австралийского фронта (McConvell 2010) и многие другие. В этом ряду случай русских старожилов Приленья в Сибири представляет особый интерес, демонстрируя не создание нового языка, а глубокую адаптацию через усвоение языка численно доминирующего коренного населения.

Правомерность применения концепции фронта к анализу языковой адаптации русского населения в иноэтническом окружении Приленья основывается на том, что Сибирь в отечественном научном дискурсе справедливо рассматривается как фронт. Исследователями показано, что, несмотря на географическую интегрированность с метрополией, Сибирь представляла собой классическую фронтальную зону с характерными процессами «хозяйственной и этнокультурной ассимиляции» (Резун, Шиловский 2005). Ключевой особенностью сибирского фронта являлась его протяженность во времени и пространстве, где «огромные расстояния между русскими поселениями» создавали условия для длительных и интенсивных межэтнических контактов, приводивших к метисации и формированию новых региональных сообществ (Хромых 2012: 242). При этом относительно Якутии необходимо подчеркнуть и природно-климатические особенности, детерминированные дополнительным измерением – северными и арктическими реалиями. Говоря об особенностях северного фронта, исследователи отмечают, что здесь традиционные социальные институты (родство, свойство, землячество) не просто сохраняются, но становятся основой адаптационных стратегий как коренного, так и пришлого населения, что демонстрирует востребованность неформальных сетей в экстремальных условиях Севера (Ерохина 2024: 119). В арктическом фронте актуализируется идея «жизнестойкости», требующей постоянного поиска новых форм адаптации (Пилясов 2015: 8).

Приленье представляет собой именно такую сибирскую, северную фронтирную зону, где эти характеристики находят яркое подтверждение. Потомки государевых ямщиков, начавших осваивать приленские территории в конце XVIII в., оказались в уникальной ситуации: будучи представителями имперского центра и носителями доминантной культуры, они парадоксальным образом усвоили язык коренного населения (якутский) настолько глубоко, что для многих из них он стал основным средством коммуникации. Этот феномен, получивший в историографии название «обьякучивание», представляет собой редкий пример инверсии привычных колониальных языковых иерархий и потому требует теоретического осмысления.

Актуальность исследования определяется несколькими ключевыми обстоятельствами. Опыт русских старожилов Приленья позволяет переосмыслить устоявшиеся представления о направленности языковых процессов в колониальных контекстах, где язык метрополии традиционно вытесняет местные языки. Кроме того, данный случай предоставляет возможность проследить долгосрочную динамику языковой адаптации на протяжении более двух столетий, что бывает редко доступно для диахронического социолингвистического анализа. Наконец, в контексте современных процессов глобализации, миграции и возрождения интереса к локальным идентичностям, изучение механизмов языковой адаптации во фронтирных зонах приобретает практическое значение для понимания этнокультурных процессов в полиэтнических сообществах.

Систематизация процессов языковой адаптации как особого случая развития во фронтирной зоне, объединяющая разрозненные историографические, этнографические и лингвистические материалы в единую аналитическую парадигму, до сих пор не осуществлялась. Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел, синтезировав имеющиеся данные и выявив механизмы, факторы и долгосрочную динамику языковой адаптации русских старожилов Приленья. Эта адаптация рассматривается как исторический процесс, в котором географическая изоляция, демографическое меньшинство русских и необходимость глубокой хозяйственно-культурной адаптации к местным условиям приводят к проницаемости и функциональной гибкости языковых границ.

Статья структурирована следующим образом. После данного введения следует краткий обзор истории формирования русского старожильского населения Якутии (раздел 1), необходимый для понимания исторического контекста и специфики данной группы в сравнении с другими русскими поселенцами. Раздел 2 посвящен анализу роли Приленского тракта как инфраструктурного проекта, определившего характер расселения и социально-экономического положения русских старожилов, что напрямую повлияло на траекторию их языковой адаптации.

Центральный раздел 3 переходит к анализу механизмов адаптации и организован в четыре подраздела, которые раскрывают разные аспекты процесса. Подраздел 3.1 вводит ключевое явление – «объясучивание» русского старожильского населения, описывая его как глубокую языковую и культурную адаптацию к якутской среде. Подраздел 3.2 документирует интенсивность этого процесса через свидетельства путешественников XIX в., непосредственно наблюдавших данные процессы. Подраздел 3.3 объясняет причины «объясучивания»: демографическое преобладание якутов, практика образования на якутском языке, роль церкви, структурные свойства самого якутского языка, его фольклорная основа и интенсивное хозяйственное взаимодействие. Подраздел 3.4 связывает языковую и культурную адаптацию, показывая, каким образом формирование билингвизма и культурные практики взаимно поддерживали друг друга. И, наконец, в разделе 4 прослеживается трансформация языковой ситуации в советский и постсоветский периоды с учетом нелинейности процессов языковой адаптации. Это позволяет показать, что языковая адаптация во фронтирных зонах представляет собой динамическое балансирование между различными адаптивными стратегиями.

1. Русское старожильское население Якутии

Русское старожильское население Якутии представляет собой уникальный историко-культурный и языковой феномен, сформировавшийся в результате длительного взаимодействия русских переселенцев с коренными народами края в условиях относительной изоляции. Русские старожильские группы в регионе возникли в начальный период русской колонизации Якутии в XVII в. (История Якутии 2020: 467). Первопроходцами выступали служилые люди, промышленники и казаки, осваивавшие новые территории и закладываявшие первые русские поселения. Большинство из них происходило из северных и сибирских земель Русского государства.

Постепенное оседание части русского населения на территории Якутии привело к формированию старожильских групп, отличающихся определенным своеобразием хозяйственного уклада, культуры и языка. Ключевую роль в этом процессе сыграла необходимость адаптации к суровым природно-климатическим условиям края и налаживание контактов с местными народами – якутами, эвенками, эвенками (История Якутии 2020). Важной вехой в истории русского старожильского населения Якутии стало обустройство Иркутско-Якутского почтового тракта в 30–40-е гг. XVIII в., для обслуживания которого из центральных губерний России в 1770-х гг. были переселены несколько десятков крестьянских семей (Никитина 2023: 24). От них ведут свое происхождение современные старожильские группы Приленья – потомки «государевых

ямщиков», численность которых в XVIII в., по оценкам исследователей, не превышала 1 тыс. человек (29).

Становление хозяйственно-культурного комплекса русских старожилов Якутии происходило путем сочетания традиционных занятий (земледелия, животноводства, промыслов) с заимствованием у коренного населения элементов культуры, наиболее приспособленных к местным условиям. Например, приленские крестьяне совмещали ямскую гоньбу с разведением крупного рогатого скота, переняв у якутов навыки ведения северного скотоводства. Стоит отметить, что локальные группы русского старожильского населения различались по степени трансформации исходного хозяйственно-культурного типа, восприятия местных традиций, влияния иноязычного окружения. Даже в случае близкого соседства мы можем видеть существенные различия в образе жизни, например, между «пашенными» крестьянами Амги и Олекмы и ямщиками-старожилами Приленья (История Якутии 2020: 467).

Основные поселения русских старожилов в Якутии образуют две группы: приленскую (по берегам Лены и ее притоков) и колымо-индигирскую (в бассейнах Колымы, Индигирки, Яны) (Дружинина 1997: 5). Характер этих старожильческих сообществ отличается оригинальностью и самобытностью, проявляющейся в языке, образе жизни, религии, культуре и даже местной архитектуре, вобравшей в себя элементы русской и аборигенной традиций (История Якутии 2020: 467).

Историко-культурное развитие русского старожильского населения Якутии протекало в тесном взаимодействии с якутским и другими народами края. Одним из значимых факторов стала метисация – процесс межэтнического смешения, в результате которого возникли своеобразные русско-аборигенные сообщества, совмещающие черты нескольких культур. В отличие от историографических традиций других стран, в российской науке по отношению к ним редко используется термин «метисы». Вместо него чаще применяются понятия «русские старожилы» или «русское старожильческое население», относимые к исторически сложившимся группам русско-якутского происхождения в долине Амги, вдоль Иркутско-Якутского тракта, на северо-востоке региона (История Якутии 2020).

К началу XX в. численность старожильского населения Якутии достигала около 27 тыс. человек, из которых порядка 25 тыс. проживали в Центральной Якутии, а около 2 тыс. – на северо-востоке региона (Боякова 2012: 78). Вместе с тем представители старожильческих сообществ Якутии не ощущают себя единой группой. Несмотря на общность исторических судеб, каждое из них обладает собственной локальной идентичностью, тесно связанной с территорией происхождения (Bashkirov, Ikonnikova 2019: 127). Другой важной особенностью этих групп является

историческая память, часто опирающаяся на миф о своем происхождении и играющая не менее значимую роль, чем антропологические особенности, язык или культурные практики (История Якутии 2020: 467). Показательно, что современная мобилизация русского старожильского населения Якутии строится на основе специфической этно-территориальной идентичности: сегодня действуют такие общественные организации, как «Потомки государевых ямщиков», «Русскоустыинцы» и др., косвенно указывающие на внутреннюю этническую дифференциацию (Васильева 2020: 59).

Отдельного внимания заслуживает то, что у представителей русского населения Якутии сформировалась особая арктическая идентичность, характерная не только для коренных малочисленных народов Севера, но и для потомков русских старожилов – приленских крестьян-ямщиков, служилых людей и северных промысловиков (русскоустыинцев, индигирщиков, походчан, колымчан и др.) (Васильева 2020: 58).

Подводя итог краткому экскурсу, можно заключить, что русские старожильские группы Якутии представляют собой продукт сложного многовекового взаимодействия русского и коренного населения региона, адаптации переселенцев к экстремальным условиям Севера. Несмотря на малочисленность и трансформационные процессы, русские старожилы Якутии сохраняют свою локальную идентичность и самобытность, являясь неотъемлемой частью уникальной этнокультурной мозаики республики.

2. Формирование Приленского тракта и его роль в становлении русского населения

Образование Приленского тракта, как уже было отмечено, сыграло ключевую роль в истории освоения Якутии и становлении ее русского старожильского населения. Необходимость надежного сухопутного сообщения с отдаленными северо-восточными землями Российской империи осознавалась правительством уже вскоре после присоединения края. Однако вплоть до последней трети XVIII в. связь с Якутией поддерживалась преимущественно водным путем по р. Лене, доступным лишь в летнее время (Попов 2009: 109). Организация регулярного почтового тракта, действующего круглый год, стала насущной задачей, решение которой позволило бы обеспечить эффективное управление регионом и его поступательное социально-экономическое развитие.

Отправной точкой в создании Приленского тракта можно считать 1773 г., когда началось обустройство зимней почтовой дороги от Иркутска до Якутска. На этом участке протяженностью около 3 тыс. верст было учреждено 23 станции, на которые были переселены крестьяне из Центральной России в качестве ямщиков (Попов 2009). Изначально содержание почтовых станций и перевозка грузов были возложены на

местное якутское население, для которого эта повинность была достаточно тяжелой и вызывала серьезное недовольство (Майнов 1912: 4).

Выход из ситуации был найден в 1770 г., когда вышел указ Иркутской губернской канцелярии об освобождении якутов от почтовой гоньбы и переложении ее на русских переселенцев (Сафронов 1961: 51). Тракт начали постепенно заселять крестьянами-переведенцами из расчета по 10 взрослых мужчин на каждую станцию. Переселенцы набирались из жителей Центральной России и Сибири, причем нередко это были ссыльные или «преступники» (Сафронов 1987: 30). Так в Приленье появились первые компактные группы русского населения, потомки которых стали основой современного русского старожильского населения данного региона.

Процесс заселения и освоения тракта растянулся на несколько десятилетий и сопровождался постепенным увеличением числа почтовых станций (с 39 в 1810 г. до 62 к началу XX в.) и численности русских поселенцев (с 1600 чел. в 1810 г. до более 7 тыс. в 1900-х гг.) (Сафронов 1987). Каждая станция постепенно обрастала хозяйственной инфраструктурой и превращалась в небольшую деревню со смешанным этническим составом. Помимо собственно крестьян-ямщиков, на станциях проживали чиновники, духовенство, казаки, мещане, ссыльные и др. В результате к началу XX в. узкая полоса русских селений протянулась вдоль Лены от Витима до Якутска, образовав своеобразный хозяйственно-культурный анклав в якутской этнической среде.

Первоначально русские ямщики не имели собственных земельных наделов и не занимались земледелием, обеспечивая себя за счет извоза и ямской гоньбы. Однако, стремясь укрепить русскую оседлость в регионе и улучшить положение ямщиков, власти с 1820-х гг. начали наделять их пахотными угодьями (Федорова 1999: 25). Это положило начало развитию земледелия и скотоводства среди приленских крестьян, которые стали совмещать традиционные занятия с ведением комплексного хозяйства по якутскому образцу. Особенно активно этот процесс пошел с 1840-х гг., когда развитие золотодобычи в Якутии создало устойчивый рынок сбыта сельскохозяйственной продукции (Попов 2009: 109).

Приленский тракт стал важнейшим каналом русской крестьянской колонизации Якутии, которая приобрела здесь преимущественно правительственный характер и была подчинена задачам административного освоения территории (Майнов 1912: 4). В отличие от других районов Сибири, вольная крестьянская колонизация сюда практически не распространилась, и возникновение русских деревень было обусловлено почти исключительно нуждами организации почтовой связи. Показательно, что до начала XX в. во всей Якутии, помимо ямщицких селений, существовали лишь три русские деревни, основанные с целью развития земледелия, а не для обслуживания тракта (Майнов 1912).

Появление русских старожильческих селений вдоль Лены имело большое значение не только для развития транспортной инфраструктуры и хозяйственного освоения края, но и для упрочения позиций России на северо-восточных рубежах империи. Образование сети русских поселений, тесно связанных с центральными районами государства, позволило эффективнее контролировать и администрировать отдаленную окраину. В то же время относительная изолированность и замкнутость приленских деревень, а также близкое соседство и тесные контакты с якутами способствовали формированию у местного русского населения целого ряда специфических черт в языке, культуре, хозяйстве и образе жизни.

Таким образом, образование Приленского тракта стало поворотным моментом в истории развития русского старожильского населения Якутии, заложившим основу современной сети расселения и хозяйственной деятельности его потомков. Являясь результатом целенаправленной правительственной колонизации, приленские ямщицкие селения, тем не менее, довольно быстро приобрели черты устойчивых крестьянских сообществ со своеобразным жизненным укладом и самосознанием. В советский период многие из этих деревень пришли в упадок в силу социально-экономических трансформаций и изменения транспортной схемы (Соколов 2002: 151), однако, как показало исследование с применением ГИС-технологий, основные поселения сохранились до наших дней и выступают важными опорными центрами постоянного русского населения в регионе и основой современной сети расселения русских старожилов Якутии (Филиппова 2019: 61). Как отмечает Г.А. Макаров, сельское русское население Якутии в целом продолжает проживать на землях своих предков: казаков, ямщиков, религиозных сектантов, добровольных переселенцев (Макаров 2006: 30).

3. «Обьякучивание» русского старожильского населения Приленья

3.1. Феномен «обьякучивания» приленских русских

Процессы языковой и культурной адаптации, происходившие в этом регионе, привели к возникновению феномена «обьякучивания» – глубокого приспособления части русских переселенцев к якутской культуре и языку. По мнению Т.П. Петровой, «обьякучивание» представляло собой один из вариантов адаптации русских к иной природной и этнокультурной среде (Петрова 2004: 75).

Вместе с тем характер имеющихся данных позволяет усомниться в правомерности трактовки этого феномена как этнокультурной ассимиляции, которой придерживались многие дореволюционные и советские

исследователи. Как отмечает Е.А. Строгова, применительно к русским старожилам Олекминского, Хангаласского, Амгинского и Усть-Майского улусов точнее говорить не об ассимиляции, а об аккультурации в местную среду. При этом у данной группы русского населения имели место эволюционные процессы, выразившиеся в распространении якутского языка в качестве родного и формировании двуязычия (Строгова 2009: 181).

Так, И.Г. Романов отмечает, что постоянное бытовое общение с якутами привело к широкому распространению среди русских знания якутского языка, а межэтнические браки и сильное влияние якутской культуры в некоторых случаях вызывали утрату русскими крестьянами своего языка и обычаев, вплоть до полного «обьякучивания». В то же время на севере Якутии, по наблюдениям исследователя, происходил обратный процесс – частичное «обрусение» местных народов под влиянием устойчивых групп русских старожилов, сумевших сохранить русский язык и культурные традиции (Романов 2001: 13).

Таким образом, процессы «обьякучивания» особенно были заметны среди приленских крестьян, которые, по свидетельству Г.А. Попова, подверглись значительному влиянию якутов. Несмотря на сохранение физического типа великоросса с небольшим смещением, они в значительной степени утратили свой язык, говоря на особом наречии с преобладанием якутских слов. Якутский язык стал для них основным средством общения в домашнем быту. Изменения затронули не только язык, но и материальную культуру (жилищную обстановку) и духовный облик русских крестьян (Попов 2006: 108).

Важно отметить, что процесс освоения якутского языка русским населением и усвоения языка саха местными народами происходил постепенно и имел длительную историю. Как подчеркивает П.А. Слепцов, это породило исключительно устойчивую языковую традицию (Слепцов 1999: 67). К концу XIX в. якутский язык стал средством межнационального общения не только для самих якутов, но и для «обьякутившихся» представителей других народов – тунгусов, ламутов, юкагиров. Более того, его значение как языка межэтнического взаимодействия выходило за пределы самой Якутской области (Игнатьева 1994: 23).

Г.А. Попов объясняет масштабы обьякучивания жизнеспособностью и адаптивностью якутов, их способностью оказывать сильное влияние на окружающие народы. По его свидетельству, целые русские деревни (Амга, приленские селения Якутского округа, вилюйские крестьяне) подверглись глубокому языковому и культурному влиянию: их жители говорили по-якутски лучше, чем по-русски, и вели якутский образ жизни. Сходные процессы затронули и некоторые другие группы русского населения, такие как казаки, мещане и духовенство (Попов 2006: 79).

Важную роль в процессах обьякучивания приленских русских сыграли тесные экономические связи русских старожилов с якутами. Исследователи отмечают, что, несмотря на обязанности по обслуживанию Иркутско-Якутского тракта, приленские русские во второй половине XIX в. активно заимствовали у якутов скотоводческие практики. поголовье крупного рогатого скота у русского населения Приленья выросло с 93 голов в 1821 г. до 1682 голов в 1860 г., причем разводили они местную якутскую породу (Сулейманов 2023а: 87).

Хотя имеются очевидные свидетельства глубокого языкового и культурного влияния якутов на русских старожилов Приленья, существует и достаточно обоснованное мнение, указывающее на определенную «закрытость» русского населения станков. А.А. Сулейманов, опираясь на исследования М.А. Рыбакова начала XX в. и собственный анализ метрических книг, приходит к выводу, что браки между русскими крестьянами из приленских «ямщицких» селений (станков) и якутами заключались редко. Русские старожилы стремились поддерживать брачные связи внутри своей группы, между разными станками, что объяснялось нежеланием допускать «чужаков» к распределению доходов от ямской гоньбы (Сулейманов 2023а: 89). Однако в некоторых станках (Тит-Аринский, Крестяхский) доля русско-якутских метисов достигала 50–60% (Сулейманов 2023б: 36).

Таким образом, несмотря на процессы обьякучивания, русские старожилы Приленья в целом сумели сохранить свою этнокультурную идентичность. Этому способствовали компактность расселения, поддержание традиционного хозяйственного уклада (земледелие), а также постоянный приток новых переселенцев из Центральной России (Боякова 2012: 76).

3.2. Языковая ситуация в освещении дореволюционных исследователей Якутии

Чтобы понять языковую ситуацию у русских старожилов Приленья, необходимо рассмотреть социолингвистический контекст той эпохи. Якутск как административный и культурный центр региона воплощал в себе все главные черты языковой ситуации Якутии XIX в. Так, Ф.П. Врангель, посетивший Якутск в 1820–1824 гг., с удивлением отмечает господствующую роль якутского языка в коммуникации между представителями всех социальных слоев городского общества. На праздничном обеде у богатого купца, где присутствовали высокопоставленные гости, включая областное начальство, духовенство и чиновников, большая часть разговоров велась на якутском языке или изобиловала якутскими фразами, что затрудняло участие в беседе человека, не владеющего этим языком (Врангель 1841: 171).

Сходные наблюдения делает Н.С. Шукин, побывавший в Якутске в 1829, 1839, 1840 гг. Он проводит прямую параллель между доминированием якутского языка в этом городе и французского в столицах Российской империи. По его свидетельству, все русские, проживавшие в Якутске, независимо от социального положения владели якутским языком, а в результате постоянного тесного общения с якутским населением принимали их обычаи и нередко говорили на якутском лучше, чем на родном русском. Он также подчеркивает, что взаимопонимание между якутянами и приезжими из других регионов России бывает затруднено и требует дополнительных объяснений и повторений (Шукин 1844: 228).

Очевидно, что языковая ситуация в Якутске, как центре притяжения и межэтнического взаимодействия, во многом определяла общий социолингвистический фон в регионе и оказывала значительное влияние на характер языковых процессов, в частности, в среде русского старожильского населения Приленья. В этом контексте обращение к анализу путевых заметок и очерков исследователей XIX в. позволяет конкретизировать и детализировать обозначенные тенденции, выявить локальные особенности и вариации в степени распространения русского-якутского двуязычия.

Так, И.А. Гончаров, путешествовавший по Лене в 1850-е гг., подчеркивает массовый характер русско-якутского двуязычия среди местного русского населения. Он отмечает, что все проживающие здесь русские переселенцы говорят по-якутски, причем используют этот язык даже в общении между собой, так как круг их социальных контактов ограничивается преимущественно якутами (Гончаров 1986: 524). Он приводит характерный пример живущей в одной юрте с якутами русской семьи ямщика, чьи дети уже не владеют русским языком (492).

А.П. Щапов в своем очерке 1872 г. идет еще дальше, утверждая, что русские на Лене «совершенно слились с якутами, объединились с ними брачным смешением и образовали своеобразную, смешанную якутско-русскую народность» (Щапов 1872: 200). По его наблюдениям, физический облик и образ жизни русского и смешанного якутско-русского населения края практически не отличается от якутского. Помимо антропологического типа, исследователь отмечает значительные отличия умственного склада и хозяйственного уклада якутско-русского населения от собственно русского.

В.Г. Короленко, посетивший Якутию в 1880-е гг., также обращает внимание на повседневное бытование якутского языка в среде русских ямщиков на почтовых станциях. Он отмечает, что ямщики в своем общении активно используют якутский язык, но при этом прибегают к русской ненормативной лексике, доказывая тем самым свое «российское» происхождение (Короленко 1981: 178). Автор дает колоритное описание молодого ямщика «с резко инородческими чертами», представителя

«наполовину объякутевшего населения средней Лены», исполняющего традиционную якутскую песню-импровизацию (183).

Данные, собранные И.И. Майновым в ходе его экспедиций в Якутскую область в 1894–1895 гг., позволяют дополнить и конкретизировать картину языковой ситуации у русских старожилов Приленья в конце XIX в. Исследователь приводит количественные показатели, свидетельствующие о широком распространении якутского моновысказывания и глубокой степени языкового сдвига в этой группе. По его оценкам, около трети мужчин и более половины женщин в русских селениях Якутского округа совершенно не владеют русским языком. Большинство же остальных жителей говорят по-русски хуже, чем по-якутски, испытывая затруднения в подборе слов и выстраивая фразы по моделям якутского синтаксиса (Майнов 1900: 38).

По данным исследователя, этническое происхождение предков большинства приленских крестьян восходит к выходцам из губерний Европейской России (Петербургской, Московской, Симбирской) и Восточной Сибири (Енисейской). Однако в результате длительного и тесного взаимодействия с якутской средой значительная часть русского старожильского населения края подверглась существенной физической и культурной трансформации. Так, в Якутском округе доля «якутоватых» крестьян, утративших «русский антропологический тип», составляла, по подсчетам исследователя, 37,14%, в то время как доля «чистых» русских – 62,85%. В Олекминском же округе только шесть южных селений, примыкающих к границе с Иркутской губернией, оставались свободными от «обьякучивания» (Майнов 1912: 20).

И.И. Майнов обращает также особое внимание на школьное образование на якутском языке как фактор, способствовавший языковому сдвигу в среде русского населения. Он отмечает, что Министерство народного просвещения долгое время не предпринимало никаких мер для поддержания у приленских крестьян знания русского языка и письменности. Нужды начального обучения детей грамоте частично восполнялись силами духовного ведомства, однако большинство русских родителей, осознававших необходимость приобщения своих детей к русской языковой и книжной культуре, были вынуждены прибегать к услугам случайных лиц – ссыльных, писарей, отдельных представителей духовенства (Майнов 1912: 32).

В то же время исследователь отмечает некоторые новые тенденции, наметившиеся в самые последние годы XIX в. и создающие предпосылки для приостановки дальнейшего «обьякучивания» русских. К ним относятся активизация трудовых миграций русского населения на золотые прииски, оживление судоходства по Лене, а также появление первых «маленьких и плохоньких» сельских школ (Майнов 1900: 38).

Дионео в своих путевых заметках 1895 г. обращает внимание на «обидчивое» стремление ямщиков явно якутского антропологического типа, едва владеющих русским языком, идентифицировать себя как «крестьян», т.е. русских. Автор также отмечает закономерность полного языкового перехода уже во втором поколении поселенцев: «...у поселенцев дети уже всегда объякутели» (Дионео 1895: 252).

П.С. Алексеев, путешествовавший по Лене в 1898 г., указывает на доминирование якутского языка в повседневном общении местного русского и инородческого населения на всем протяжении почтового тракта от границы до центра Якутской области (Алексеев 1898: 743). Он подробно описывает различные стадии «обьякучивания» русских крестьян, проявляющиеся в трансформации их образа жизни, хозяйственных занятий, поселенческой структуры и типов жилищ по якутским образцам. Важнейшим признаком глубокого влияния якутов является переход многих русских семей на якутский язык внутрисемейного общения. При этом наблюдается четкая межпоколенческая граница во владении русским языком: если пожилые люди в общении с приезжими еще способны изъясняться на русском, хотя и «картаво, с иностранным акцентом», то молодежь уже «вовсе не понимает по-русски» (746). Автор приводит яркие портреты полностью обьякутившейся молодой гребчихи с русской внешностью и 80-летнего ямщика – внука екатерининского ссыльного, понимающего по-русски, но говорящего с сильным акцентом и с обилием якутских слов (750).

Показательны также наблюдения участников Ленско-Колымской экспедиции 1909 г., отметивших, что для местного ямщика – русского крестьянина – якутский язык является «более родным», чем русский (Ленско-Колымская... 1930: 14).

В целом, суммируя имеющиеся данные по динамике языковой ситуации у русских старожилов Приленья с середины XIX до начала XX в., можно констатировать, что в этот период в данной этнолокальной группе наблюдались интенсивные процессы языкового сдвига с прогрессирующим доминированием якутского языка во всех сферах общения вплоть до полного вытеснения русского языка у значительной части населения. Эти процессы сопровождались глубокими изменениями традиционного образа жизни, хозяйственных практик и элементов материальной культуры русских под влиянием якутского этнического компонента, а также широким распространением смешанных русско-якутских браков, ведущим к метисации населения. Все это позволяет квалифицировать языковую и этнокультурную ситуацию в русских старожильческих районах Якутии данного периода как активную субстратную трансформацию с формированием региональной разновидности русско-якутской «креольской» культуры. Однако полного «растворения» русского

субстрата в якутской этнической среде, по-видимому, все же не произошло – в большинстве случаев наблюдалось сохранение русского этнического самосознания, что обсудим в следующих подразделах.

3.3. Факторы языковой адаптации русского населения в дореволюционной Якутии

Как было описано выше, процесс взаимодействия якутского и русского языков в дореволюционной Якутии отличался высокой интенсивностью и широким охватом различных социальных групп. Многочисленные исторические свидетельства указывают на глубокое влияние якутского языка на постоянное русское население края, обусловленное тесными бытовыми, экономическими и родственными связями между якутами и русскими переселенцами. Одним из ключевых факторов этого процесса было демографическое доминирование якутов, составлявших, по данным Т.В. Аргуновой, 82,3% населения дореволюционной Якутии, в то время как доля русских не превышала 10,5% (Аргунова 1992: 13).

В целом распространение русско-якутского двуязычия в регионе происходило постепенно, по мере углубления совместной трудовой деятельности и расширения межэтнических брачных связей. Как отмечают исследователи, этот процесс активизировался во второй половине XVII в., когда русские поселенцы стали повсеместно овладевать якутским языком (Слепцов, Аргунова, Васильева 2007: 317). Необходимость адаптации к новым условиям жизни и ведения хозяйства в тесном взаимодействии с якутами, большинство которых не владели русским языком, делала освоение якутского языка жизненно важным для переселенцев (Самсонов 1993: 11).

Важную роль в развитии двуязычия играли установки самого русского населения. По рассуждениям П.А. Слепцова, простые русские люди, составлявшие основную массу переселенцев, не проявляли языкового снобизма и осознавали объединяющую силу знания местного языка. Необходимость владения якутским языком осознавалась и местным чиновничеством, стремившимся к эффективному управлению, и православным духовенством, видевшим в нем ключ к успешной миссионерской деятельности. Церковнослужители не только практически осваивали язык, но и изучали его в духовных учебных заведениях, осуществляли переводы богослужебной литературы (Слепцов 1999: 68).

Роль якутского языка в системе образования и миссионерской деятельности Русской православной церкви в дореволюционной Якутии трудно переоценить. Анализ практики обучения в церковно-приходских школах, проведенный ректором духовной семинарии Ф. Стуковым, показывает, что якутский язык активно применялся в образовательном

процессе. Так, в первый год обучения, когда дети еще не владели русским языком, преподавание велось полностью на якутском. На второй год использовались оба языка, и только на третьем году обучение переходило преимущественно на русский, но с пояснениями на якутском. Якутский язык также был включен в программу духовной семинарии, духовного училища и учительской семинарии как отдельный предмет. Такое широкое использование якутского языка в системе образования было обусловлено его статусом языка межнационального общения практически на всей территории Восточной Сибири. Именно этот факт также лег в основу миссионерской деятельности Русской православной церкви в Якутии (Слепцов и др. 2007: 309).

Широкое распространение русско-якутского двуязычия и языковая адаптация части русского населения Якутии во многом объясняются особыми свойствами якутского языка. Е.И. Убрятова обращает внимание на его удивительную стойкость, присущую и другим тюркским языкам. В отличие от других регионов, где малочисленные группы русских переселенцев сохраняли свою языковую самобытность и даже ассимилировали местное население, в Якутии именно якутский язык демонстрировал исключительную устойчивость. Он усваивался не только русскими, но и другими народами региона (эвенками, эвенами, юкагирами), которые использовали его не только для общения с якутами, но и во внутреннем обиходе (Убрятова 1945: 6).

П.А. Слепцов, соглашаясь с Е.И. Убрятовой, приводит мнение выдающегося тюрколога С.Е. Малова о том, что тюркские языки, включая якутский, уже за 5 веков до нашей эры имели в основном современный вид. Эти языки подчиняются универсальным законам без исключений, а строй якутского языка отличается стройностью и высокой упорядоченностью. Сквозная агглютинация («склеивание») на всех уровнях делает его прозрачным и единообразным. Такие свойства существенно облегчают «этнографическое» усвоение якутского языка в естественных условиях повседневного общения (Слепцов 1999: 69).

Распространению русско-якутского двуязычия способствовал и якутский фольклор, который был неотъемлемой частью повседневной жизни дореволюционного якутского общества. По мнению П.А. Слепцова и других крупных специалистов (Г.У. Эргиса, Г.М. Васильева, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятовой), язык якутского фольклора представлял собой устный литературный язык. Пройдя обработку и шлифовку в недрах фольклора, разговорный якутский язык приобрел однородность, монолитность, устойчивые нормы литературного языка. А литературный язык обладает способностью спонтанно распространяться вширь и навязывать свои нормы. Показательно, что носители русско-якутского двуязычия часто отличались чистотой и правильностью якутской речи, были хранителями и исполнителями фольклора (Слепцов 1999).

Таким образом, процессы языковой адаптации русских в дореволюционной Якутии определялись сложным переплетением различных факторов и тенденций. Распространению русско-якутского двуязычия и языковой адаптации русского населения способствовали: 1) широкое применение якутского языка в образовании и миссионерской деятельности; 2) его функционирование как средства межэтнического общения в масштабах всей Восточной Сибири; 3) особые структурные свойства якутского языка, облегчающие его усвоение; 4) жизнестойкость якутского фольклора; 5) активные бытовые и экономические контакты с якутами.

3.4. Специфика этнокультурной адаптации русских старожилов Приленья

Языковая адаптация русских к якутской среде была неотделима от культурной. Крестьяне и ямщики, усвоив якутский язык (порой до полного забвения русского), переняли и немало особенностей якутского быта, одежды. При этом, оставаясь в целом приверженцами православия, они могли усваивать и некоторые якутские дохристианские верования и обряды. В ряде случаев это приводило к трансформации их этнического самосознания (Строгова 2007: 541).

Вместе с тем у основной массы русских крестьян Приленья сохранению этнокультурной идентичности способствовал ряд факторов: традиционный аграрный уклад, формирование к концу XVIII в. значительной прослойки местного русского населения, постоянный приток новых переселенцев. Важнейшими механизмами трансляции русской этнокультурной традиции в иноэтничном окружении также выступали календарные праздники (особенно масленица) и семейные обряды (прежде всего свадебный), удерживавшие свои позиции вплоть до 1950-х гг. Однако к середине XX в. наметилась тенденция к размыванию традиционных основ быта под влиянием модернизационных процессов (Хангаласский... 2007: 77). Как отмечают исследователи, в Центральной Якутии, где православная церковь имела более прочные позиции, русские, несмотря на соблюдение некоторых якутских обрядов (кормление духов, повязывание лент на деревьях, почитание священных деревьев), в быту сохраняли приверженность собственным религиозным традициям (Боякова 2012: 75). Иными словами, здесь православная идентичность русского населения в целом оказалась устойчивой к ассимиляционному давлению якутской религиозной среды.

В то же время О.И. Чарина приводит данные, свидетельствующие о довольно высокой веротерпимости жителей Хангаласского и Олекминского улусов и распространенности среди местного русского населения религиозного синкретизма. Многие из сосланных сюда русских не были

ревностными приверженцами христианства и в условиях адаптации к местной религиозной среде были вынуждены обращаться за помощью к якутским божествам и духам. При этом они нередко проводили параллели между якутскими «иччи» (духами местности) и персонажами русской языческой мифологии – водяным, лешим, полевым и т.д. В некоторых случаях домовый именовался якутским термином «эбэкээн». Вместе с тем староверы и сектанты (например, скопцы), также представленные среди русского населения данных улусов, демонстрировали большую устойчивость к ассимиляции, хотя и их фольклор испытал влияние якутского (Чарина 2011: 276).

Интересные данные о «гибридных» религиозных практиках русского населения были собраны О.И. Чариной в 2000 г. в Ленском улусе, в местах совместного проживания русских и якутов. Здесь русские жители пытались обращаться к духам леса в соответствии с якутскими традициями. В то же время в местах компактного обособленного проживания русских (например, в Витиме) подобный синкретизм не был зафиксирован (Чарина 2011).

В целом, специфика религиозной адаптации русского населения Приленья (Хангаласский, Олекминский, Ленский улусы) определялась комплексом разнонаправленных факторов: относительной устойчивостью позиций Русской православной церкви; разнородностью самого русского населения по конфессиональному составу (помимо приверженцев официального православия, были представлены староверы, сектанты); интенсивностью контактов с якутами и включенностью в местную этнокультурную среду.

При этом, как указывает С.И. Боякова, адаптация русской культуры к якутской среде у разных групп пришлого населения была неоднородной. Приленские крестьяне-ямщики, составлявшие большинство дореволюционных русских переселенцев, демонстрировали разные ее варианты в силу разновременности поселения, неодинаковой интенсивности контактов с якутами, различий в целях переселения (Боякова 2011: 8).

Особенности культурной адаптации русских коррелировали и с общими процессами их языковой интеграции в якутскую этнокультурную среду. Как отмечает М.Ф. Дружинина, бывшее влияние якутского языка на говоры русских старожилов до сих пор заметно в Хангаласском и отчасти в Олекминском улусах (Дружинина 1997: 5). По данным Р.И. Васильевой, основной формой билингвизма в Приленье является функциональный билингвизм, характеризующийся переключением кодов и распространенный в местах совместного компактного проживания русских старожилов и якутов. Для билингвов обеих этнических групп характерна двойственная идентичность, проявляющаяся не только в языке, но и в культуре (Васильева 2013: 164).

4. Современные этноязыковые процессы в среде русских старожилов Приленья

Современная этноязыковая ситуация в среде русских старожилов Якутии характеризуется сложным сочетанием разнонаправленных тенденций. С одной стороны, исследователи отмечают, что в 1920-е гг. у русских крестьян наблюдался подъем национального самосознания, выражавшийся в стремлении к «восстановлению своей национальности» через изучение русского языка и приобщение к русской культуре (Петрова 2004: 63). Открытие клубов, изб-читален, выпуск стенгазет, деятельность драмкружков способствовали «русификации обьякутившейся части населения». Рост национального самосознания нередко сопровождался усилением религиозных настроений, симпатий к православной церкви. В целом в 1920-е гг. формируется активный интерес к национальным корням, культурным ценностям и традициям (121).

Эта тенденция к ревитализации русского языка и культуры среди старожильского населения получила развитие в последующие десятилетия. Полевые исследования отряда антропологического отдела Института этнографии АН СССР, проведенные в 1968 г. показали преобладание русского языка и обычаев в старожильческих деревнях и городах Приленья, несмотря на смешанное русско-якутское происхождение большинства населения (Русские старожилы... 1973: 144). Таким образом, можно констатировать определенный поворот языковой ситуации в сторону русскоязычия и «дрейф» этнокультурной идентичности в сторону русской составляющей у значительной части русских старожилов Якутии в советский период.

С другой стороны, почти три века совместного проживания с якутами привели к глубокой аккультурации русского старожильского населения. Для большинства современных потомков русских ямщиков и крестьян якутский язык является родным, они сохранили многие якутские обычаи и традиции, выработали особый менталитет (Алексеева 2018: 49). Сохраняющееся якутское языковое и культурное влияние, очевидно, является своего рода «культурным наследием» дореволюционного периода, когда адаптационные процессы в якутской среде достигли своего пика.

Однако, несмотря на выраженные признаки обьякучивания, русские старожилы сохранили память о своем происхождении, приверженность русским обрядам и фольклору. Характерна в этом плане их самохарактеристика: «Мы, может быть, по языку больше якуты, но душой русские» (Алексеева 2018: 49). Как нам кажется, в ней отражена сложная, многосоставная идентичность русского старожильского населения Приленья, сформировавшаяся в результате длительного межэтнического

взаимодействия. Эта идентичность, с одной стороны, допускает глубокое языковое и культурное влияние якутского компонента вплоть до признания якутского языка родным, но с другой – однозначно постулирует сохранение русского этнического самосознания как ключевой, базовой основы самоидентификации.

Сегодня наиболее яркой особенностью языковых традиций русских старожилов ряда деревень Приленья (Синск, Едей, Исит Хангаласского района, Саньяхтах Олекминского района) является билингвизм. Вместе с тем фиксируется, что многие представители старшего поколения либо вообще не владеют, либо плохо владеют русским языком, используя в повседневном общении преимущественно якутскую речь (Чарина 2024: 176). Двухязычие характерно и для фольклорной традиции русских сел вдоль бывшего Иркутско-Якутского тракта, где и русские, и якуты говорят на якутском языке, в то время как песни исполняются на русском (Чарина 2015: 123).

Использование якутского языка в русском фольклоре может выступать как специальный прием, направленный на вовлечение якутоязычного слушателя в процесс сказывания. В других случаях употребление якутских слов и выражений продиктовано их особым значением, связанным с якутским мировоззрением и картиной мира, усвоенными русскими старожилами (Чарина 2015). Характерный пример – обязательная на русских свадьбах песня о переносе сундука, исполняемая с явными признаками якутского языкового влияния (Чарина 2011: 279).

При этом, несмотря на активное якутское языковое и культурное влияние, основу фольклорной традиции русских старожилов Приленья по-прежнему составляют жанры, восходящие к общерусской традиции – прежде всего, хороводные песни, бережно передаваемые из поколения в поколение (Чарина 2024: 176). Билингвизм проявляется в них на уровне лексики, грамматики, фонетики, а в прозаических жанрах встречается и немотивированное включение элементов второго языка (Чарина 2024: 185).

В целом, современная фольклорная традиция русских старожилов Приленья представляет собой пример сложного симбиоза русских и якутских элементов, сформировавшегося в ходе многовекового межкультурного взаимодействия. Испытав сильное влияние якутской культуры и языка, она, тем не менее, сохраняет русский дух и содержание, русские основы, творчески адаптируя и преобразуя инокультурные компоненты. Своеобразие этой локальной традиции, сочетающей славянские и тюркские истоки, вносит свой неповторимый колорит в общерусскую национальную культуру (Строгова 2007: 561).

Участие русских старожилов в традиционном якутском празднике Ысыах, знаменующем начало лета, также отражает динамику их культурной интеграции в якутское сообщество. Если раньше это участие но-

сило несколько принужденный характер, вызывало определенный дискомфорт из-за непривычности якутских обрядовых действий (например, кругового танца осуохай), то с 2000-х гг. постепенно празднование Ысыаха стало восприниматься русскими более органично (Чарина 2014: 113). Интересно следующее: многовековая история соседства и тесного взаимодействия двух этнических групп в Приленье привела к тому, что межэтнические браки между ними стали восприниматься как естественные и привычные, даже не маркируясь специально как «межнациональные» (Винокурова 2018: 80), что, безусловно, указывает на высокую степень взаимопринятия и культурной совместимости русских старожилов и якутов.

Результаты социалингвистического обследования, проведенного в 1996–1999 гг. в Олекминском и Хангаласском улусах, свидетельствуют о высоком уровне распространенности якутско-русского билингвизма среди русского старожильческого населения Приленья. Отмечается, что для опрошенных из Хангаласского улуса оба языка – русский и якутский – являются функционально и эмоционально равнозначными (Слепцов и др. 2007: 318). Р.И. Васильева подчеркивает, что переключение кодов между русским и якутским языками в устной речи билингвов является обычным явлением, наблюдаемым как в бытовом, так и в официальном общении. Исследователь полагает, что выбор языковых средств из двух языковых систем билингвами основывается на неких внутренних «закодированных правилах», продиктованных стремлением к более тесному контакту с собеседником, желанием точнее выразить мысль и убедить слушателя. Было выявлено, что характерный для старшего и среднего поколения местный русско-якутский говор не свойствен молодежи, в большей степени владеющей литературной формой русского языка (Васильева 2013: 165).

Последние исследования выявляют противоречивый характер также в их языковых установках и практиках в отношении якутского языка. С одной стороны, якутский язык занимает важное место в языковом сознании и коммуникативных практиках этой этнолокальной группы, выступая одним из ключевых маркеров их «ямщицкой» идентичности и инструментом успешной социальной интеграции в полиэтническое сообщество. С другой стороны, наблюдаются снижение уровня межпоколенной передачи якутского языка в семьях, признаки перехода с русско-якутского двуязычия на русское моноязычие, особенно характерные для младшего поколения, проживающего в более урбанизированных населенных пунктах (Данилов 2024: 183).

Однако, несмотря на тенденции снижения межпоколенной передачи якутского языка, в Хангаласском улусе проводится активная политика по поддержке и популяризации самобытной культуры русского старо-

жильческого населения и русско-якутского двуязычия. Ямщицкое прошлое улуса стало одним из его ключевых брендов, что нашло отражение в создании ряда культурно-этнографических и музейных комплексов, проведении фестивалей и праздников, организации научно-просветительских экспедиций и конференций, поддержке фольклорных коллективов (Сулейманов 2023б: 38). Эти инициативы знаменуют начавшийся процесс брендинга Хангаласского улуса как места бытования уникальной локальной русской традиции, сформировавшейся в результате длительной изоляции от центральных областей России и тесного взаимодействия с коренным якутским населением и по сей день вызывающей огромный интерес. Возрождение ямщицких обрядовых и праздничных традиций, как отмечают исследователи, может стать основой для развития туристической привлекательности Приленья, базирующейся на сохранении уникальной локальной культуры (двуязычных практик, ямщицких традиций и др.) при одновременном развитии современной инфраструктуры (Павлова-Борисова, Леджинова 2022: 40).

Заключение

Проведенное исследование языковой адаптации русских старожилов Приленья позволяет выявить специфику языковых процессов во фронтальных зонах и объяснить парадокс: к концу XIX в. произошел полный языковой сдвиг с русского на якутский язык при сохранении русской этнической идентичности.

Языковой сдвиг стал результатом синергетического действия нескольких факторов. Демографическая асимметрия при соотношении 82% якутов к 11% русских создавала среду повседневных контактов, благоприятную для доминирования якутского языка. Экономическая интеграция русских ямщиков в хозяйственную систему региона превратила якутский язык в необходимый инструмент выживания. Образование в церковно-приходских школах велось преимущественно на якутском языке, что создавало эффект межпоколенческой передачи якутского при одновременном ослаблении передачи русского. К этому добавлялись структурные свойства самого якутского языка – агглютинативная морфология и упорядоченная грамматика облегчали его естественное усвоение, а развитая устная литературная традиция обеспечивала устойчивость языка. Эти факторы взаимно усиливали друг друга.

Направленность адаптационных процессов определялась условиями, характерными для фронтальных территорий. Географическая изоляция ослабляла связь с метрополией и снижала функциональную значимость русского языка в повседневной жизни. Демографический дисбаланс в сочетании с компактным расселением создал парадоксальную ситуацию: русские как устойчивое меньшинство подвергались интенсивному

языковому давлению, но цепь из 62 станций вдоль Лены позволяла поддерживать внутриэтнические социальные связи. Необходимость хозяйственно-культурной адаптации к экстремальным природно-климатическим условиям Севера делала усвоение якутского языка и элементов якутской культуры рациональной стратегией.

Однако полный языковой сдвиг не привел к этнической ассимиляции. Это стало возможным благодаря действию компенсаторных механизмов воспроизведения этнической границы. Компактность расселения позволяла поддерживать эндогамные брачные сети между русскими разных станций, что препятствовало физиологической ассимиляции. Социально-экономическая специализация, связанная с ямской гоньбой как наследуемой должностью, создавала статус государевых людей, функционировавший как маркер идентичности независимо от языка общения. Сохранение православия и связанных с ним календарных обрядов воспроизводило символические границы, не требуя ежедневного использования русского языка. Историческая память о происхождении от переселенцев-ямщиков, о службе передавалась как семейный нарратив и поддерживала русскую идентичность в условиях языкового сдвига. Таким образом, во фронтирных условиях язык переставал быть необходимым условием воспроизведения этнической границы, его функцию брали на себя социальные структуры, экономические позиции и символические практики.

Прослеживание языковой ситуации на протяжении более двух столетий выявляет нелинейный характер адаптационных процессов. От первоначального доминирования русского языка в ходе заселения региона выходцами из Европейской России в XVIII–XIX вв. она эволюционировала в сторону нарастающего русско-якутского двуязычия и даже перехода значительной части приленских старожилов на якутский язык. Своего пика процесс «объякучивания» достиг на рубеже XIX–XX вв., когда, по свидетельствам современников, якутский язык стал основным средством повседневного общения для значительной части русского населения региона. С 1920-х гг. наметился поворот к ревитализации русского языка, благодаря развитию школьного образования на русском языке, приобщению к русскоязычной культуре, росту национального самосознания. Следовательно, в советское время постепенно восстанавливалось русско-якутское двуязычие. К 1960-м гг. полевые исследования фиксировали преобладание русского языка в старожильческих селениях. С конца XX в. наблюдается новая тенденция: младшие поколения переходят на русское моноязычие, утрачивая якутский язык. Одновременно предпринимаются попытки сохранить двуязычие через создание музеев, проведение фестивалей, брендинг идентичности, а также межпоколенной передачи языка.

Систематизация процессов языковой адаптации русских старожилов Приленья в единую аналитическую парадигму позволяет сформулиро-

вать следующие выводы о специфике языковых процессов во фронтальных зонах. Случай Приленья демонстрирует инверсию привычных колониальных языковых иерархий: язык коренного населения вытеснил язык представителей метрополии. Это стало возможным потому, что географическая и институциональная удаленность делала использование русского языка менее необходимым в повседневной жизни, тогда как демографические и экономические факторы обеспечивали функциональное преимущество языка коренного населения. Исследование также показывает, что полный языковой сдвиг может происходить независимо от этнической ассимиляции. При наличии альтернативных механизмов воспроизведения этнической границы (компактности расселения, специализации, эндогамии, символических практик, исторической памяти и др.) группа может сохранять этническое самосознание при полной смене языка общения. Наконец, долгосрочная динамика языковой ситуации показывает, что языковая адаптация во фронтальной зоне представляет собой не движение к завершённому состоянию, а динамическое балансирование между различными стратегиями, направление которого определяется текущей конфигурацией демографических, экономических, институциональных и социальных факторов.

Список источников

- Алексеев П.С.* Вверх по Лене в почтовой лодке. Путевые заметки // Вестник Европы. 1898. Кн. 6. С. 742–765.
- Алексеева С.А.* Государевы люди: уникальное наследие приленских ямщиков в контексте исторической памяти // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. 2018. № 4 (12). С. 44–51.
- Аргунова Т.В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск, 1992. 88 с.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.А.* Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 29–41.
- Боякова С.И.* Русская женщина в этнокультурном пространстве Якутии (XVII – начало XX в.) // Якутский архив. 2011. № S3. С. 3–10.
- Боякова С.И.* Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 73–80.
- Васильева О.В.* Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2020. 151 с.
- Васильева Р.И.* Якутско-русские языковые контакты в многоязычной среде (на материале фольклорных текстов) // Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов: материалы I Алексеевских чтений. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. С. 160–166.
- Винокурова Д.М.* Мигрантские сообщества в местах прибытия: траектории коммуникации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. С. 69–89.
- Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшею под

- начальством флота лейтенанта Фердинанда фон- Врангеля. Часть 1. СПб.: типография А. Бородина и К°, 1841. 356 с.
- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. 576 с.
- Данилов И.А. Якутский язык в восприятии русского населения Якутии: опыт потомков государевых ямщиков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 4 (49). С. 175–186.
- Дионео. На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1895. 287 с.
- Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. 137 с.
- Ерохина Е.А. Контроль над пространством: локальные сообщества Сибири в зонах современного Северного фронта // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 3. С. 112–119.
- Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование. Якутск: Якутский научный центр, 1994. 144 с.
- История Якутии : В 3 т. / А.Н. Алексеев, Е.К. Алексеева, В.Г. Аргунов [и др.]. Т. I. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.
- Короленко В.Г. Сибирские рассказы и очерки. М.: Художественная литература, 1981. 317 с.
- Ленско-Колымская экспедиция 1909 года: Под начальством К.А. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. 395 с.
- Майнов И.И. Помесь русских с якутами // Русский антропологический журнал. 1900. № 4. С. 37–57.
- Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 432 с.
- Макаров И.Г. Сельское русское население Республики Саха (Якутия) (1990–2000 гг.) // Якутский архив. 2006. № 1 (20). С. 29–36.
- Никитина С.Е. Формирование сельского русского населения Якутии в коммуникативном пространстве Российского государства в эпоху Петра I // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1 (37). С. 21–32.
- Павлова-Борисова Т.В., Леджинова Н.С. К вопросу о сохранении культурного наследия приленских ямщиков // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2022. № 2 (26). С. 37–42.
- Петрова Т.П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. 199 с.
- Пилясов А.Н. Российский арктический фронт: парадоксы развития // Регион: Экономика и Социология. 2015. № 3 (87). С. 3–36.
- Попов Г.А. Сочинения. Т. 2: Якутский край. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС(Я), 2006. 367 с.
- Попов Г.А. Сочинения. Т. 4: Прошлое Якутии. Якутск: ЯГУ, ИГИиПМНС СО РАН, 2009. 480 с.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.
- Романов И.Г. Русские // Якутия – наш общий дом. Вып. 1. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. 144 с.
- Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк / В.А. Александров, А.А. Лебедева, Г.М. Давыдова, В.В. Бунак. М.: Наука, 1973. 189 с.
- Самсонов Н.Г. Два языка – два родника. Якутск: Бичик, 1993. 174 с.
- Сафронов Ф.Г. Распространение земледелия на Северо-Востоке Сибири в XVII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1987. С. 28–39.
- Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX в.). Якутск: Якут. книжное изд-во, 1961. 494 с.

- Слепцов П.А. Традиционное русско-якутское двуязычие: условия, причины, следствия // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1999. С. 65–71.
- Слепцов П.А., Арсенова Т.В., Васильева Р.И. Языки народов Якутии в исторической и современной социолингвистической парадигме // Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск: АН РС(Я), 2007. С. 305–323.
- Соколов А.Д. По следам государевых ямщиков. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2002. 156 с.
- Строгова Е.А. Русские // Якутия. Историко-культурный атлас: Природа. История. Этнография. Современность. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2007. С. 540–565.
- Строгова Е.А. К вопросу о характере этнических процессов у русских старожилов центральной Якутии в период формирования этнической группы // Человек и Север: антропология, археология, экология. Т. 1. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2009. С. 180–182.
- Сулейманов А.А. «Доместикация» холода русским населением Якутии во второй половине XIX – первой половине XX вв // Человек и культура. 2023а. № 6. С. 85–95.
- Сулейманов А.А. Из истории этнических процессов на территории Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023б. № 2 (64). С. 32–41.
- Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск: Государственное издательство ЯАССР, 1945. 34 с.
- Федорова Е.Н. Население Якутии: прошлое и настоящее (демографическое исследование). Новосибирск: Наука, 1999. 207 с.
- Филиппова В.В. Пространственный анализ образования населенных пунктов на территории Хангаласского района в XX веке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 59–65.
- Хангаласский улус: история, культура, фольклор. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2007. 416 с.
- Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2012. 312 с.
- Чарина О.И. Особенности фиксации русского старожильского фольклора в Якутии: опыт экспедиций разных лет // Славянская традиционная культура и современный мир. Выпуск 14. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 271–280.
- Чарина О.И. Характер локальных особенностей фольклора русских старожилов севера Якутии и среднего Приленья // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-2. С. 110–114.
- Чарина О.И. Изучение русского фольклора северо-востока Якутии в начале XXI века // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 119–124.
- Чарина О.И. Русский фольклор Приленья // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2024. № 20. С. 172–190.
- Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1872. Т. 3, № 4. С. 185–204.
- Шукин Н.С. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография Департамента Военных Поселений, 1844. 315 с.
- Bakker P.A. language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis. Oxford: Oxford University Press, 1997. 336 p.
- Bashkirov M., Ikonnikova A. Métis communities of Iakutiia: Historical memory and ethnocultural representation // Region. 2019. Vol. 8, № 2. P. 127–147.
- Carrington L.D. The status of Creole in the Caribbean // Caribbean Quarterly. 1999. Vol. 45, № 2-3. P. 41–51.

- Golovko E.V., Vakhtin N.B. Aleut in contact: The CIA enigma // *Acta Linguistica Hafniensia*. 1990. Vol. 22, № 1. P. 97–125.
- McConvell P. Contact and indigenous languages in Australia // *The Handbook of Language Contact* / ed. by R. Hickey. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 770–794.

References

- Aleksandrov V.A., Lebedeva A.A., Davydova G.M., Bunak V.V. (1973) *Russkie starozhily Sibiri: istoriko-antropologicheskij ocherk* [Russian old-timers of Siberia: historical and anthropological essay]. Moscow: Nauka.
- Alekseev A.N., Alekseeva E.K., Argunov V.G. et al. (2020) *Istorija Jakutii: v 3-h tomah. Tom I* [History of Yakutia: in 3 volumes. Volume I]. Novosibirsk: Nauka.
- Alekseev P.S. (1898) Vverh po Lene v pochtovoj lodke. Putevyje zametki [Up the Lena River in a mail boat. Travel notes], *Vestnik Evropy*, vol. 6, pp. 742–765.
- Alekseeva S.A. (2018) Gosudarevy ljudi: unikal'noe nasledie prilenskikh jamshhikov v kontekste istoricheskoy pamjati [Sovereign people: the unique heritage of the Lena River coachmen in the context of historical memory], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Nauki o Zemle*, no. 4(12), pp. 44–51.
- Argunova T.V. (1992) *Jakutsko-russkoe dvujazychie (sociolingvističeskij aspekt)* [Yakut-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect)]. Yakutsk.
- Bakker P.A. *language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Bashkirov M., Ikonnikova A. (2019) Métis communities of Jakutiia: Historical memory and ethnocultural representation, *Region*, vol. 8, No. 2, pp. 127–147.
- Bergelson M.B., Kibrik A.A. (2018) Russkij jazyk na beregah zaliva Kuka: samoidentifikacija kul'tury v uslovijah izoljacii [Russian language on the shores of Cook Inlet: cultural self-identification in conditions of isolation], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, no. 54, pp. 29–41.
- Boyakova S.I. (2011) Russkaja zhenshina v jetnokul'turnom prostranstve Jakutii (XVII – nachalo XX v.) [Russian woman in the ethnocultural space of Yakutia (17th – early 20th century)], *Jakutskij arhiv*, no. S3, pp. 3–10.
- Boyakova S.I. (2012) Russkie starozhily Jakutii: kul'tura i landshaft [Russian old-timers of Yakutia: culture and landscape], *Arktika i Sever*, no. 9, pp. 73–80.
- Carrington L.D. (1999) The status of Creole in the Caribbean, *Caribbean Quarterly*, vol. 45, No. 2-3, pp. 41–51.
- Charina O.I. (2011) Osobennosti fiksacii russkogo starozhil'českogo fol'klora v Jakutii: opyt jekspedicii raznyh let [Features of fixation of Russian old-timer folklore in Yakutia: the experience of expeditions of different years], In: *Slavjanskaja tradicionnaja kul'tura i sovremennij mir*. Vol. 14. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, pp. 271–280.
- Charina O.I. (2014) Harakter lokal'nyh osobennostej fol'klora russkich starozhilov severa Jakutii i srednego Prilen'ja [The nature of local features of the folklore of Russian old-timers in the north of Yakutia and the middle Lena River region], *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10-2, pp. 110–114.
- Charina O.I. (2015) Izučenie russkogo fol'klora severo-vostoka Jakutii v nachale XXI veka [The study of Russian folklore in the northeast of Yakutia at the beginning of the 21st century], *Severo-Vostočnyj gumanitarnyj vestnik*, no. 3(12), pp. 119–124.
- Charina O.I. (2024) Russkij fol'klor Prilen'ja [Russian folklore of the Lena River region], *Sbornik trudov Jakutskoj duhovnoj seminarii*, no. 20, pp. 172–190.
- Danilov I.A. (2024) Jakutskij jazyk v vosprijatii russkogo naselenija Jakutii: opyt potomkov gosudarevyh jamshhikov [The Yakut language in the perception of the Russian population of Yakutia: the experience of the descendants of the sovereign coachmen], *Severo-Vostočnyj gumanitarnyj vestnik*, no. 4 (49), pp. 175–186.

- Dioneo. (1895) *Na krajnem Severo-Vostoke Sibiri* [In the far North-East of Siberia]. Saint Petersburg: Izd. L.F. Panteleeva.
- Druzhinina M.F. (1997) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Jakutii* [Dictionary of Russian old-timer dialects on the territory of Yakutia]. Yakutsk: Izd-vo JaGU.
- Erohina E.A. (2024) Kontrol' nad prostranstvom: lokal'nye soobshhestva Sibiri v zonah sovremennogo Severnogo frontira [Control over space: local communities of Siberia in zones of the modern Northern frontier], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 31, no. 3, pp. 112–119.
- Fedorova E.N. (1999) *Naselenie Jakutii: proshloe i nastojashhee (demograficheskoe issledovanie)* [The population of Yakutia: past and present (demographic research)]. Novosibirsk: Nauka.
- Filippova V.V. (2019) Prostranstvennyj analiz obrazovaniya naselennykh punktov na territorii Hangelasskogo rajona v XX veke [Spatial analysis of the formation of settlements on the territory of the Khangalassky district in the 20th century], *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*, no. 1(26), pp. 59–65.
- Golovko E.V., Vakhtin N.B. (1990) Aleut in contact: The CIA enigma, *Acta Linguistica Hafniensia*, Vol. 22, No. 1, pp. 97–125.
- Goncharov I.A. (1986) *Fregat «Pallada»: ocherki puteshestvija* [Frigate "Pallada": travel essays]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo.
- Hangelasskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor Khangalassky ulus: history, culture, folklore.* Yakutsk: IGI PMNS SO RAN.
- Hromykh A.S. (2012) *Sibirskij frontir. Vstrecha civilizacij ot Urala do Eniseja (poslednjaja tret' XVI - pervaja chetvert' XVII veka)* [Siberian frontier. Meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei (last third of the 16th - first quarter of the 17th century)]. Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva.
- Ignat'eva V.B. (1994) *Nacional'nyj sostav naselenija Jakutii. Jetno-statisticheskoe issledovanie* [National composition of the population of Yakutia. Ethno-statistical research]. Yakutsk: Jakutskij nauchnyj centr.
- Korolenko V.G. (1981) *Sibirskie rasskazy i ocherki* [Siberian stories and essays]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura.
- Lensko-Kolymskaja jekspedicija 1909 goda: Pod nachal'stvom K.A. Voloshinova Lena-Kolyma expedition of 1909: Under the command of K.A. Voloshinov.* Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
- Majnov I.I. (1900) Pomes' russkikh s jakutami [A mixture of Russians with Yakuts], *Russkij antropologicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 37–57.
- Majnov I.I. (1912) *Russkie krest'jane i osedlye inorodcy Jakutskoj oblasti* [Russian peasants and settled foreigners of the Yakut region]. Saint Petersburg: Tipografija V.F. Kirshbauma.
- Makarov I.G. (2006) Sel'skoe russkoe naselenie Respubliki Saha (Jakutija) (1990–2000 gg.) [Rural Russian population of the Republic of Sakha (Yakutia) (1990–2000)], *Jakutskij arhiv*, no. 1(20), pp. 29–36.
- McConvell P. (2010) Contact and indigenous languages in Australia, In: *The Handbook of Language Contact* / ed. by R. Hickey. Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 770–794.
- Nikitina S.E. (2023) Formirovanie sel'skogo russkogo naselenija Jakutii v kommunikativnom prostranstve Rossijskogo gosudarstva v jepohu Petra I [Formation of the rural Russian population of Yakutia in the communicative space of the Russian state in the era of Peter I], *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, no. 1(37), pp. 21–32.
- Pavlova-Borisova T.V., Ledzhinova N.S. (2022) K voprosu o sohranении kul'turnogo nasledija prilenskikh jamshhikov [On the issue of preserving the cultural heritage of the Lena River coachmen], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Jekonomika. Sociologija. Kul'turologija*, no. 2(26), pp. 37–42.
- Petrova T.P. (2004) *Russkoe naselenie Jakutii: problemy jetnokul'turnoj adaptacii* [The Russian population of Yakutia: problems of ethnocultural adaptation]. Yakutsk: IGI AN RS(Ja).

- Piljasov A.N. (2015) Rossijskij arkticheskij frontir: paradoksy razvitiya [Russian Arctic frontier: paradoxes of development], *Region: Jekonomika i Sociologija*, no. 3(87), pp. 3–36.
- Popov G.A. (2006) *Sochinenija. T. 2: Jakutskij kraj* [Works. Vol. 2: Yakut region]. Yakutsk: JaGU, IGI AN RS(Ja).
- Popov G.A. (2009) *Sochinenija. T. 4: Proshloe Jakutii* [Works. Vol. 4: The Past of Yakutia]. Yakutsk: JaGU, IGI PMNS SO RAN.
- Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. (2005) *Sibir', konec XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov* [Siberia, late 16th – early 20th century: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: ID "Sova".
- Romanov I.G. (2001) Russkie [Russians], In: *Jakutija – nash obshhij dom*. Vol. 1. Yakutsk: Sahapoligrafizdat.
- Safronov F.G. (1961) *Russkie krest'jane v Jakutii (XVII — nachalo XX v.)* [Russian peasants in Yakutia (17th – early 20th century)]. Yakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Safronov F.G. (1987) Rasprostranenie zemledelija na Severo-Vostoke Sibiri v XVII – nachale XX vv. [The spread of agriculture in the North-East of Siberia in the 17th - early 20th centuries], In: *Istoricheskie svyazi narodov Jakutii s russkim narodom*. Yakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 28–39.
- Samsonov N.G. (1993) *Dva jazyka – dva rodnika* [Two languages – two springs]. Yakutsk: Bichik.
- Shhapov A.P. (1872) Istoriko-geograficheskie i etnologicheskie zametki o sibirskom naselenii [Historical-geographical and ethnological notes on the Siberian population], *Izvestija Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 3, no. 4, pp. 185–204.
- Shhukin N.S. (1844) *Poezdka v Jakutsk* [A trip to Yakutsk]. 2nd ed., rev. and add. Saint Petersburg: Tipografija Departamenta Voennyh Poselenij.
- Slepcev P.A. (1999) Tradicionnoe russko-jakutskoe dvujazychie: uslovija, prichiny, sledstviya [Traditional Russian-Yakut bilingualism: conditions, reasons, consequences], In: *Aktual'nye problemy jazyka i literatury na rubezhe vekov*. Yakutsk: JaNC SO RAN, pp. 65–71.
- Slepcev P.A., Argunova T.V., Vasil'eva R.I. (2007) Jazyki narodov Jakutii v istoricheskoy i sovremennoj sociolingvisticheskoy paradigme [Languages of the peoples of Yakutia in the historical and modern sociolinguistic paradigm], In: *Rossija i Jakutija: skvoz' prizmu istorii*. Yakutsk: AN RS(Ja), pp. 305–323.
- Sokolov A.D. (2002) *Po sledam gosudarevyh jamshhikov* [In the footsteps of the sovereign coachmen]. Yakutsk: Sahapoligrafizdat.
- Strogova E.A. (2007) Russkie [Russians], In: *Jakutija. Istoriko-kul'turnyj atlas: Priroda. Istorija. Jetnografija. Sovremennost'*. Moscow: Dizajn. Informacija. Kartografija, pp. 540–565.
- Strogova E.A. (2009) K voprosu o haraktere jetnicheskikh processov u russkikh starozhilov central'noj Jakutii v period formirovanija jetnicheskoy gruppy [On the nature of ethnic processes among the Russian old-timers of central Yakutia during the formation of an ethnic group], In: *Chelovek i Sever: antropologija, arheologija, jekologija*. Vol. 1. Tjumen': Institut problem osvoenija Severa SO RAN, pp. 180–182.
- Sulejmanov A.A. (2023a) «Domestikacija» holoda russkim naseleniem Jakutii vo vtoroj polovine XIX – pervoj polovine XX vv [“Domestication” of the cold by the Russian population of Yakutia in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries], *Chelovek i kul'tura*, no. 6, pp. 85–95.
- Sulejmanov A.A. (2023b) Iz istorii jetnicheskikh processov na territorii Hangalasskogo ulusa Respubliki Saha (Jakutija) [From the history of ethnic processes on the territory of the Khangalassky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2(64), pp. 32–41.

- Ubrjatova E.I. (1945) *Oчерk istorii izuchenija jakutskogo jazyka* [Essay on the history of the study of the Yakut language]. Yakutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo JaASSR.
- Vasil'eva O.V. (2020) *Jetnichnost' i obshhestvo v Respublike Saha (Jakutija): sociologicheskij analiz* [Ethnicity and society in the Republic of Sakha (Yakutia): sociological analysis]. Yakutsk: IGI PMNS SO RAN.
- Vasil'eva R.I. (2013) Jakutsko-russkie jazykovye kontakty v mnogojazychnoj srede (na materiale fol'klornyh tekstov) [Yakut-Russian language contacts in a multilingual environment (based on folklore texts)], In: *Jetnografija, fol'kloristika i religiovedenie Sibiri i sopredel'nyh regionov: materialy I Alekseevskih chtenij*. Yakutsk: IGI PMNS SO RAN, pp. 160–166.
- Vinokurova D.M. (2018) Migrantskie soobshhestva v mestah pribytija: traektorii kommunikacii [Migrant communities in places of arrival: communication trajectories], In: *Respublika Saha (Jakutija): osobennosti territorial'noj i social'noj mobil'nosti*. Yakutsk: IGI PMNS SO RAN, pp. 69–89.
- Vrangel' F.P. (1841) *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu morju, sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 g. jekspediceju, sostojavshej pod nachal'stvom flota lejtenanta Ferdinanda fon-Vrangelja. Chast' I* [Journey along the northern shores of Siberia and the Arctic Ocean, made in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824 by the expedition under the command of the Navy Lieutenant Ferdinand von Wrangel. Part 1]. Saint Petersburg: tipografija A. Borodina i K°.

Сведения об авторе:

ДАНИЛОВ Игорь Альбертович – младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). ORCID: 0000-0002-1974-3088. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Igor A. Danilov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1974-3088. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 28 марта 2025;
принята к публикации 6 ноября 2025.*

*The article was submitted 28.03.2025;
accepted for publication 06.11.2025.*

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/2312461X/50/12

Локальная творческая индустрия на распутье: креативные стартапы молодежи Юга России

Дмитрий Анатольевич Омельченко¹
Ирина Викторовна Лисовская²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*
¹ *ya@doomal.ru*
² *ilisovskaya@hse.ru*

Аннотация. Анализируются молодежные инициативы в направлении развития креативных индустрий в городе на Юге России с особым вниманием к практикам (вос)производства и использования черт локальности через яркие стартапы, реализуемые в особых этнорелигиозных условиях. Авторы пытаются понять, каким образом молодежь использует тему этничности в креативных проектах, как в альтернативно-неформальном, так и в мейнстримном формате. В ходе реализации проекта, эмпирические результаты которого легли в основу анализа, исследователи столкнулись с ярко выраженной привязанностью молодых горожан к локальности, низкими миграционными ожиданиями, частыми случаями возвратной миграции, что придает полученным результатам особую ценность в поле исследований образовательной миграции. Для объяснения полученных данных авторы прибегают к нескольким теоретическим оптикам: подход этнического предпринимательства помогает объяснить феномен особого типа сетей поддержки креативной молодежи на основе принципа землячества, соседства, знакомства вне контекста иммигрантского сообщества; а концепция этнического строительства «снизу» – понять мотивации включения и участия молодежи в местном творческом производстве. Исследование выполнено в качественной традиции. Эмпирическую базу составляют 42 интервью с творческой молодежью и экспертами г. Нальчика. Анализ нарративных историй информантов дополняется 14 дневниковыми записями наблюдений выбранных кейсов – креативных бизнесов или стартапов, связанных с локальной спецификой и этничностью. Кроме низовых креативных инициатив, молодежь включается и в мейнстримные проекты массовой, популярной культуры – секции по современным танцам и фестивалям кей-попа, рассчитывая на поддержку стейкхолдеров: бизнеса или государства. Интересным сюжетом анализа становится ориентация креативных инициатив молодежи на неформальные сети поддержки, связанные с практиками этнического предпринимательства и национальным строительством. Включаясь в единое пространство «низовых» творческих проектов, молодежь начинает по-своему (пере)изобретать национальное и традиционное.

Ключевые слова: молодежь, Северный Кавказ, этничность, креативные индустрии, креативный город, этническое предпринимательство

Благодарности: статья подготовлена по материалам проекта Центра молодежных исследований «Устойчивость и креативный потенциал молодежи Северо-

Кавказского региона в контексте образовательной и трудовой миграции» при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00659). Благодарим Елену Омельченко за чуткое руководство проектом и литературное редактирование статьи.

Для цитирования: Омельченко Д.А., Лисовская И.В. Локальная творческая индустрия на распутье: креативные стартапы молодежи Юга России // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 260–282. doi: 10.17223/2312461X/50/12

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/12

The Pathways of “Tvorcheskaya” Industry: local Creative Startups of Young People in The South of Russia

Dmitry A. Omelchenko¹, Irina V. Lisovskaya²

^{1, 2} *National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *ya@doomal.ru*

² *ilisovskaya@hse.ru*

Abstract. Authors of the article approach the analysis of youth initiatives in the area of developing creative industries in the city of South Russia with special attention to the practices of (re)production and use of local features through vivid startups realized in special ethno-religious conditions. Authors also attempt to understand how young people use the subject of ethnicity in creative projects, both in alternative-formal and mainstream popular formats, and how they relate to ethnic entrepreneurship and nation-building. During the implementation of the project, the empirical results of which formed the basis of the analysis, the researchers encountered a pronounced attachment of young city residents to locality, low migration expectations, and frequent cases of return migration, which gives the findings a special value in the field of migration studies, including those implemented by our research center. To explain the findings, authors use several theoretical optics: the approach of ethnic entrepreneurship helps to explain the phenomenon of a special type of support networks for creative youth based on the principle of compatriotism, neighborliness, acquaintance outside the context of immigrant community; and the concept of ethnic construction “from below” helps to understand the motivations for inclusion and participation of young people in local creative production. The study is carried out in the qualitative tradition. The empirical base consists of 42 interviews with creative youth and experts in the city of Nalchik. The analysis of informants' narrative stories is supplemented by diary entries of 14 observations of selected cases - creative businesses or startups related to local specificity and ethnicity. In addition to grassroots creative initiatives, young people are also involved in mainstream projects of mass, popular culture, such as modern dance classes and K-pop festivals, counting on the support of stakeholders: business or the state. An interesting subject of analysis is the orientation of young people's creative initiatives towards informal support networks associated with the practices of ethnic entrepreneurship and nation-building. Being included in the common space of “grassroots” creative projects, young people begin to (re)invent the national and traditional in their own way.

Keywords: youth, North Caucasus, ethnicity, creative industries, creative city, ethnic entrepreneurship, nation-building

Acknowledgements: The article was prepared based on materials from the project of the Center for Youth Studies "Resilience and Creative Potential of Youth in the North Caucasus Region in the Context of Educational and Labor Migration," supported by the Russian Science Foundation (No. 24-18-00659). We thank Elena Omelchenko for her attentive leadership of the project and for the literary editing of the article.

For citation: Omelchenko, D.A. & Lisovskaya, I.V. (2025) The Pathways of "Tvorcheskaya" Industry: local Creative Startups of Young People in The South of Russia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 260–282 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/12

Введение

Исследование, по материалам которого написана статья, проводилось в городе Нальчике, столице Кабардино-Балкарии. Выбор города связан с рядом причин. Проект посвящен креативному профилю городов Северного Кавказа, и Нальчик был первым, в который отправилась исследовательская экспедиция.

Речь в статье пойдет не столько о предпринимательской составляющей креативной индустрии Нальчика, сколько о точках пересечения этнического, городского и персонального начал в креативном производстве. Важно понять, каким образом молодежь использует тему этничности в креативных проектах, как альтернативно-неформальном, так и мейнстримно-популярном формате. Исследовательское поле столицы Кабардино-Балкарии обладает уникальными характеристиками, что нашло отражение в нарративах наших информантов. Крайне редко кто-то из жителей Нальчика выражал недовольство своим городом. Большинство информантов, представлявших разные отрасли творчества, несмотря на их достаточно высокий уровень рефлексии, говорили о своем городе как об идеальном месте для самореализации и развития. Требовались особые усилия и многократные уточнения, чтобы получить какие-то критические замечания в отношении инфраструктурных или бытовых условий. Эта уникальная черта жителей Нальчика стала причиной ограничения фокуса анализа культурного производства внутри одной локации.

В этой статье мы обращаемся к феномену этничности и культурного производства, с ним связанного. Мы не будем подробно затрагивать крайне обширный пласт дискуссии к определению этничности, но акцентируем внимание, что опираемся на конструктивистскую линию дискуссии. В частности, ссылаясь на идеи Ф. Барта, мы говорим о том, что этнические границы подвижны, зависят от конкретной ситуации (Барт 2006). Мы также соглашаемся с Г. Сабировой, что «этническая идентичность рассматривается как континуум представлений и практик, проявляющихся ситуативно, меняющихся во времени, в том числе в зависимости от властных диспозиций и активностей акторов» (Сабинова 2020: 115). Маркеры и контексты, определяющие этническое и креативное

производство в данном случае – конкретный мультикультурный регион и город, бизнес и властные агенты, финансирующие молодежные стартапы, а также сама молодежь, стремящаяся заявить о себе через свои креативные проекты, в которых проявляется этничность.

Молодежь, Кавказ и дилемма креативного развития

В академической литературе Кавказ представлен неоднозначно. В академических статьях, как и в наших наблюдениях, мы сталкиваемся с контрастами и противоречиями.

Часть социологов и политологов может говорить о кризисе гражданственности молодежи Северо-Кавказского федерального округа (Куква 2014), проблемах гражданской и национальной идентичности, связанных с локальными конфликтами и этнокультурными рисками (Авдеев, Воробьев 2021), низкой заинтересованностью в активистских и бизнес-инициативах на фоне активного досуга (Демиденко 2019). Другие исследования, напротив, показывают высокую активность и публичную представленность молодежных культурных сцен, низовых инициатив, направленных на заботу о городе и здоровье молодежи (Поляков 2022; Omelchenko, Polyakov, Mayboroda 2019). Социологи и демографы замечают, что для большинства республик Северо-Кавказского федерального округа характерны высокие показатели человеческого капитала, связываемые со здоровьем, сохранением традиций и долголетием, что, по их мнению, не приводит к решению проблем и не способствует развитию экономики и культурной отрасли (Нефедова 2019; Хаджалова 2020). Ирина Стародубровская и ее коллеги отмечают, что представители власти не видят потенциала для региона в развитии «около-формализованного» предпринимательства. Но также они указывают на то, что понимание и принятие тактик и практик развития бизнеса, пусть и неформализованного, может стать выходом для активизации развития региона «снизу» за счет его же внутренних сетей и ресурсов (Стародубровская, Казенин, Ситкевич 2021). Эти противоречия отчасти связаны с особым подходом к молодежи не «центровых» регионов «сверху вниз», как недостаточно самостоятельной и включенной в актуальные тренды.

Результаты наших исследований городской молодежи демонстрируют, что и в малых, далеких от центра городах молодежь может самоорганизовываться и реализовать «низовые» творческие проекты. Например, воркутинская молодежь создала креативное пространство в заброшенных зданиях района Рудник (Литвинова, Кузинер 2020). Подобные примеры остаются скорее единичными, однако сами тенденции приобретают актуальность. Молодежь все чаще заявляет о себе как важный субъект и агент в творческом развитии городов, точно предлагая необычные идеи, пусть и не всегда созвучные экономическим интересам администраций и бизнеса (Gunko at al. 2021).

Низовые инициативы не всегда удобны, выгодны и понятны, поэтому и не всегда поддерживаются региональными властями. Городским администрациям проще и удобнее спускать «сверху» креативные проекты, закрывая отчетность перед федеральным центром, контролируя местных креативщиков из небольших городов (Лисовская, Андреева, Соловьева 2025). Ситуация начинает меняться. Даже в контексте «особых и непростых» отношений властей и участников креативных индустрий, все вовлечённые игроки понимают, что развитая локальная идентичность горожан может стать значимым фактором развития нестоличных городов, сдерживая «утечку мозгов», а инициативные проекты, связанные с креативными городскими пространствами, могут усиливать чувства принадлежности к локальному месту (Омельченко, Омельченко 2022; Чернышева, Андреева, Кузинер 2023). Варианты реакции городских властей могут быть самыми разными: от прямой административной поддержки – «не мешать», не замечать (Крупец, Майборода, Кузинер 2021), до полного контроля и навязывания своих приоритетов и даже запрета.

Внимание к креативному производству на Северном Кавказе поможет, на наш взгляд, преодолеть стереотипы в отношении активности нестоличной молодежи и восполнить существующий дефицит исследований, обращенных к участию местной творческой молодежи в низовом инициативном развитии своих городов, выбирающей для этого разные стратегии и логики.

Логика креативного производства и небольшие города

К креативной экономике, как важнейшему драйверу развития современных городов, отсылают как классические работы Ричарда Флориды и его последователей, так и авторы, включенные в актуальную дискуссию (Florida 2002). Креативные индустрии как творческие отрасли благоприятно сказываются на развитии и притоке инноваций, влияют на развитие местных сообществ, сохранение и производство культурных ценностей и традиций, что помещает их в топ важных повесток городского планирования (Абанкина 2022; Зотова 2015). Часто в фокусе внимания (и на вершине рейтингов креативного потенциала) оказываются либо просто крупные, либо столичные города, либо более-менее «центральные», которые являются и точками притяжения талантливой креативной молодежи, и наиболее перспективными для развития творческих индустрий (Bialic-Davendra et al. 2016; Kozina, Bole 2018). Но исследования показывают, что небольшие, не столичные города и сельские поселения также могут быть центрами развития креативных индустрий (Кузинер, Петрунина 2022; Naldi et al. 2015), крафтового (и не только) предпринимательства и туризма (Duxbury 2021).

Небольшие индустриальные моногорода, построенные в советское и постсоветское время, воспринимаются исследователями как точки осо-

бого креативного прогресса, логики изменений которых связаны с рабочей эстетикой «синих воротничков» (Gunko et al. 2021), причем сами исследователи готовы создавать и пробовать новые методы и техники для лучшей интерпретации этого феномена (Сергеева, Недосека 2024). В целом такая индустриальная логика может даже конкурировать с неолиберальными идеями «креативного города» с изменениями по типу джентрификации неприглядного (Kozina, Vole, Tiran 2021). Поскольку в России довольно много индустриальных моногородов, неудивительно, что этот подход выбирается как основа креативного производства в небольших городах, как доступный инструмент реализации «низовых» инициатив молодежи. Иногда эта логика удачно сочетается с темой исторической памяти и культурного наследия, как, например, старое ткацкое оборудование становится важным инструментом креативного производства на Урале (Бугров 2021).

Другой логикой рассмотрения смысла и направленности креативного производства в небольших городах и селах выбирается логика развития туризма для улучшения экономического положения населения через повышение узнаваемости и привлекательности места (Duxbury 2021; Ivona et al. 2021), однако этот подход имеет географические (доступность места) и сезонные ограничения, что снижает его вероятную эффективность (Kocabiyik, Loopmans 2021). Другие исследования показывают, что этнически ориентированный туризм способствует развитию идентичности местных жителей и благоприятно влияет на сохранение культурного наследия (Whitford, Ruhanen 2019; Yang et al. 2022). Это влияет на обращение к этнической логике как важной и доминирующей теме в креативном развитии малых городов.

Связь этничности и креативного производства

Этнический компонент креативного производства – далеко не новая тема. Яркие акценты локальной жизни добавляют контраста, соединяя и усиливая другие креативные логики развития городов (индустриальную, неолиберальную джентрификацию, историческую и туристическую) между собой. Этническое креативное производство столь же мощная опора, как и эстетика индустриальных городов, которая может включаться или включать в себя другие концептуальные идеи, становится доминирующей среди других или ценной самой по себе, но так или иначе она присутствует практически везде, где есть развитые креативные индустрии.

Много исследований сосредоточено на стартапах национальных меньшинств или мигрантов, где так или иначе фигурирует этническая тема. Достаточно часто этничность становится объединяющим анклавом, привязанным к конкретному району (Wilson, Portes 1980), а также

сетью поддержки, которая открывает доступ к ресурсам «своих» и дает необходимый для старта социальный капитал (Dana et al. 2020; Sulistyani, Suhariadi, Fajrianthi 2022). В первую очередь этническое предпринимательство развивается как этнические товары (очень часто это гастрономия), а затем уже в иммигрантских районах появляются хозяйственные сети (например, юридические агентства), своего рода «обслуживающие» стартапы (Уолдингс, Уолдрич 2008: 33; Ladbury 1984).

В Нальчике мы наблюдали похожие сети поддержки и процессы, связанные с креативным бизнесом на родной земле (в рамках региона кабардинцы и балкарцы – два ключевых этноса). Однако контекст национальной республики в России с большим допущением и учетом исторической памяти региона можно рассматривать в качестве определённого этнического анклава, если применять логику Уилсона и Портеса, поскольку исследуемый нами феномен не имеет отношения к мигрантским культурам, однако процессы весьма похожие. И прежде всего – это сильные связи и отношения землячества, родства, клановой принадлежности, этничности. Солидаризирующим звеном здесь становится историческая память, которая остается предметом болезненных дискуссий о депортациях, жертвах и событиях кавказской войны в самом регионе (Кудаева 2021).

Исследуемый нами феномен может быть ярким примером этнически окрашенного креативного производства в опоре на развитые сети этнического предпринимательства. Анализ данных нашего исследования показывает специфику развития креативных инициатив, в которых филигранно переплетены идентичность и самореализация авторов стартапов, колорит конкретного города с развитыми сетями этнического предпринимательства.

Методология

В статье используется ряд терминов, которым требуется дать определение для понимания логики работы с данными.

Поскольку речь идет о проектах творческой направленности, терминология, используемая нами, будет распространяться в первую очередь на креативную индустрию. Т.В. Абанкина пишет, что в России нет устойчивого определения креативных индустрий, но можно ориентироваться на определение, которое сейчас зафиксировано в Концепции развития творческих (креативных) индустрий (Абанкина 2022: 224) и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р: «Творческие (креативные) индустрии – сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе

творческой и культурной активности, капитализации и коммерциализации прав интеллектуальной собственности производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества» (Распоряжение... 2021). Так же мы будем опираться на классификацию Департамента культуры, медиа и спорта Великобритании (DCMS)¹ (Абанкина и др. 2022: 17–18) как наиболее распространенную. С опорой на неё мы выделим наиболее яркие индустрии и кейсы, повстречавшиеся в Нальчике.

Нальчик – один из пяти² городов этого исследования, выбор которого обосновывался высоким значением креативного потенциала в республике, весомым рекреационным значением данного населенного пункта, статусом столицы национальной республики, как «точки притяжения» для молодежи из окружающих городов и республик Северного Кавказа³. Нальчик рассматривается в качестве примера не самого крупного города с ярким этнорелигиозным профилем и богатым историческим наследием, что отражается в разных форматах креативного производства на Северном Кавказе.

Сбор данных в Нальчике проводился в формате полевого исследования (сентябрь 2024 г.). За месяц был собран богатый качественный эмпирический материал (42 интервью с молодежью и экспертами, представителями креативных кейсов).

В статье мы преимущественно обращаемся к анализу нарративов, полученных в ходе глубинных интервью с яркими творческими студентами (11), молодыми креативными профессионалами (10), выборка гендерно пропорциональна. По классификации DCMS наши информанты занимают преимущественно ниши (индустрии) ремесла, музыки, исполнительского и визуального искусства, моды, издательской деятельности.

В статье используются сюжеты из 14 наблюдений и интервью, взятых в рамках кейсов отдельных городских пространств или направлений креативных индустрий. Среди них, в частности, пространство альтернативной музыки со студией звукозаписи.

Низовое и государственное в креативном производстве

В отношении этнического/национального культурного производства никто из акторов не стремится забрать лавры успеха себе. Государственные институты финансово и физически участвуют в самых разных спускаемых сверху инициативах. Это могут быть неплохие проекты, которые не ставят своей целью разрушить культурное наследие имперского, советского прошлого и образующегося современного российского настоящего, не противопоставляют творческий язык, не используют, а наобо-

рот органично интегрируют локальное современное творческое производство в рамки общероссийской культуры золотого века. Одним из таких примеров может служить постановка в Кабардинском государственном драматическом театре имени Али Шогенцукова пьесы Гоголя «Мертвые души» на кабардинском языке с современным, минималистичным подходом в декорациях и актерской игре.

Сама постановка, актерские, творческие решения ассоциируются с перевернутой версией архетипного изображения кавказцев. Очень физично, утрированные удары, падения, объятия – то, как здесь представляют, ведут себя русские или жители больших городов.

Зрителей в зале я насчитал 80 человек, треть сидела с наушниками в которых шел перевод на русский. Одна парочка просто заливалась хохотом во время спектакля, очень мило, ненавязчиво, искренне веселились, от чего заразительный смех двигался волнами через весь зал. Как я понял, два главных молодых представителя актёрской школы, оба обучались в Щукинском училище по целевому набору из Нальчика. Считают себя максимально счастливыми и творчески реализованными здесь (Из дневника наблюдения ФИО. 16.09.2024).

Подобная интеграция не означает попытку мимикрировать, и в нашем понимании даже слово «адаптация» и новое прочтение будут не совсем целостно описывать процесс такого культурного производства и самой интеграции. В первую очередь здесь важно контекстуальное прочтение знакомого со школьной скамьи сюжета в понятной и близкой современной манере на кабардинском языке, с участием молодых известных местному зрителю актеров, с учетом современных требований⁴ к театру и пьесам.

Низовые инициативы тесно привязываются к государственным, поскольку в автономном режиме существовать практически невозможно. Даже получая принципиальное разрешение (формальное или неформальное) на свою деятельность, арт-кластеры встречаются с индифферентностью местного населения. Именно отсутствие интереса становится ключевым препятствием на пути развития творческих инициатив. Информанты объясняют это тем, что людям в Нальчике в целом не интересно что-то новое и яркое:

Если создавать музыку, то делать не такую, под которую начнут клубы танцевать, это отдельное направление. Но у нас это как-то неуместно, в нашем звучании, и чтобы в Нальчике нашлись хотя бы 100 людей, которым понравится что-то такое экспериментальное, необычное, новое, ну это две единицы (Байсал, 28, музыкант).

Можно предположить, что и в больших городах интерес к экспериментальному, альтернативному творчеству пропорционально будет таким же. Проблема заключается в стремлении перенести столичные (московские, питерские или европейские) форматы на местную культурную

почву, что не всегда вызывает однозначно позитивные реакции у молодого населения. Иначе говоря, это можно считать общей проблемой кураторов современных арт-пространств по всей стране.

Ну, короче, для меня на самом деле очень интересная тема, как здесь работает потребление культурных продуктов разных, потому что оно здесь вообще нестандартное и не похоже на контекст, например, там, не знаю, Москвы или каких-то других городов, в которых это как-то налажено. Потому что оказалось, что люди неохотно ходят на выставки. Хотя до этого, вот, на других площадках все было супер. Это наш первый опыт здесь... Потому что обычно у нас на все мероприятия прям фулл запись. То есть очень редко бывает, что мы там не под завязку чё-то делаем. А тут оказалось, что... Ну короче, мы прямо задумались, почему так. Это большая теперь наша задача – понять, как это работает (Мадина, 29, вовлечена в работу креативного пространства).

Здесь, вероятно, срабатывает привычка местных жителей к посещению событий и выставок в более привычных, понятных форматах. Особые эксклюзивные креативные пространства скорее будут посещать туристы, что может быть характерно не только для жителей Нальчика.

Наша информантка хотела провести творческий вечер с современными танцами в известном городском культурном центре – музыкальном театре. Вернее, она думала, что площадка сработает вместо рекламы и собрать публику проблем не будет. Публику она собрала листовками и объявлениями, которые несколько дней раздавала ее команда на улице, а вот где находится музыкальный театр – горожанам пришлось разъяснять.

Они не знают, у меня как-то даже, когда я написала, ну, на афише написано «музыкальный театр», меня спрашивают: «А что, у нас есть музыкальный театр?» У нас есть театр, а где он находится? То есть у нас в городе очень много театров, балкарский, кабардинский, музыкальный, но вот есть люди, которые даже не разбираются в этом. И когда они узнали, что Музыкальный театр стоит посреди площади Марии, они сказали: «А мы думали это здание заброшено». Представляете? (Анна, 21, преподаватель танцев).

Однако не стоит драматизировать ситуацию и приписывать молодежи Нальчика культурную маргинальность. Вряд ли стоит говорить, что индустрия низового культурного производства стоит на грани выживания и держится только на плечах «голодной инициативы». Важная роль здесь принадлежит личным «грантовым» проектам, поддержанным местными властями или чаще бизнесом, что становится движущей силой творческих инициатив.

Когда я начал искать спонсоров, вы знаете, это бывает чисто случайно. Я встретил одного человека, чисто случайно, так получилось, что мы познакомились, и я сижу, думаю, и он спрашивает, «Что думаешь?» Ну мы так просто сидели в кругу там. А этот человек очень, можно сказать, если говорить так есть, очень

богатый. Я говорю, вот так, говорю, задумался, говорю, но не знаю, как реализовать. Он говорит, «А что там надо?» Я говорю, первое, арендовать зал, технику, рекламу запустить, вот эта вся система. Он говорит, «А что вообще, что такое?» Я говорю, вот так, про гармошку, так, так, так. Вы даже не представляете себе, насколько у меня загорелись глаза. И он говорит, «Давай, я тебе помогу» (Карим, 27, работает в медиа, музыкант).

Важным сюжетом для размышлений становятся способы интеграции этнического, исторического, локально-культурного наследия в разных сферах культурного производства, что мотивирует участников творческих инициатив дополнительно вкладываться не только ради финансовой выгоды и формального отчета. Важно отметить, что в многоэтническом регионе, уже в наименовании которого заложены этнонимы «кабардинцы» и «балкарцы», нельзя избегать внутренних разграничений, которые в интервью четко не прослеживались или обволакивались общими формулировками, что, мол, мы все живем мирно и дружно и разницы никакой не видим между двумя «титовскими» народами, при выключенном микрофоне и в процессе наблюдений, примеры небольшой соревновательности все же были. В данной статье мы не будем говорить ни о состязании, ни об эффективных приемах сосуществования на единой территории, но считаем важным отметить, что внутреннее разграничение и четкое понимание того, кто кем является и кто какую культуру представляет, конечно же, есть.

Интегрировать ли этническое, чтобы «выйти» в ноль? Кейс альтернативной музыки

Для дискуссии на эту тему обратимся к музыкальной сцене города. Наблюдение этого пространства и интервью с участниками помогут понять уровень и сложность переплетения локального с государственным и международным.

Конечно в целом сцена произвела впечатление самого «грушного» андеграунда, потому что в условиях, где в целом не рекомендовано слушать музыку, а также за длинные волосы можно привлечь к себе нежелательное внимание, андеграунд остается андеграундом и не теряет своего смысла и идентичности, не превращается в стартап (Полевой отчет-рефлексия авторов. 20.10.2024).

Пример музыкальной сцены как особого жанрового пространства репрезентирует размытую фактуру общего социального и культурного капитала в городе. Мы не искали единую национальную шкалу в музыкальном пространстве. Интересным показалось то, что немногочисленные музыкальные кластеры не были прямыми конкурентами в борьбе за зрителя, они не соперничали за площадки. Их участники, находясь в пространстве одного небольшого города, реализовывали музыкальные проекты независимо друг от друга, иногда даже не зная о существовании

других, похожих на свою сцену, молодежных, прогрессивно-музыкальных творческих объединений.

Одним из кейсов был как раз молодежный музыкальный авангардный кластер, назовем его «Ё». Эта молодежная сцена была фактически единственным крупным кластером в Нальчике, который пытается объединить молодежные группы, становясь точкой притяжения. Участники сцены пытаются «собрать» вокруг себя весь размытый социальный капитал, наладив сотрудничества и связи. Заметным трендом в организации музыкальных пространств низового толка было заигрывание с разными творческими стилями, нетривиально сочетающимися в одном пространстве. Самая подвижная и заинтересованная аудитория для музыкальной сцены – это школьники старших классов, студенты колледжей и начальных курсов бакалавриата. У них никогда нет денег, они готовы участвовать во многих инициативах, и они придут на мероприятие. На них организаторы рассчитывать могут, только отказавшись от продажи алкоголя на своей площадке, отказавшись от позднего завершения мероприятия и соблюдая возрастные нормы приличия.

Внутри был зал, очень просто, но в целом ярко сделанный. Сами резиденты называют его клуб. По площади – примерно 40–45 м², т.е. как типичная двухкомнатная квартира. Бар – импровизированный. Коробка из-под печенья стоит для налички. На стойке от руки написано: «Кола», «Родник», «Флеш». Алкоголя нет. <...> В основном все неформально одетые [аудитория], но в очень разных стилевых вариациях. На одной сцене можно встретить... эмокор или что-то близкое, парня в милитари штанах, балаклаве и берцах, ребят в спортивном костюме-тройке ... 90-х... Девушек «альтушек». Всем этим ребятам от 16 до 20 с небольшим. Но, честно говоря, мне показалось, что лет 16–17 преимущественно (из дневников наблюдения ФИО. 07.09.2024).

Присоединение сюда национально-этнической повестки вряд ли адекватно воспримется молодежью. Не потому, что юным нальчанам не близка национальная культура, просто стили рок, рэп, электро подразумевают прогрессив, а этнический фолк в самом названии регламентирует *past tense*, даже если выполняется он в *perfect* обработке. Молодежь постарше, взрослая молодежь будет серьезнее относиться к предлагаемому материалу, месту, у них будут завышенные ожидания и требования к локации, звуку, музыке.

И вот тогда я первый раз услышал рэп на кабардинском, для меня это сначала было каким-то кринжем. <...> На самом деле, если читать рэп на кабардинском, это может быть рэп, за перевод которого не будет стыдно, который человек слушает... и скажет «вау», может быть <...> если он на осетинском зачитал, чтобы это красиво было, чтобы это было действительно красиво, вот такое можно было послушать, а какую-то непотребщину на кабардинском – это даже как-то немного унижает (Байсал, 28, музыкант).

Более взрослая работающая молодежная аудитория (ориентировочно от 28 до 40 лет) готова тратить деньги на интеллектуальный продукт в формате пятничного вечера акустического пост-фолк рока, но эта группа чрезвычайно малочисленна и редко может позволить себе ходить на мероприятия вне стандартных выходных часов – вечера пятницы, субботы и иногда воскресенья.

Организатор рекламировал мне мероприятие как очень камерный концерт. Еще он очень смешно пошутил, что выступать будут «светлые», т.е. фолк в камерной обстановке, а на «темной стороне» в клубе напротив обычно проводят металл и рок-концерты. Поэтому, как я уже сказала, пространство было полностью «причесано», убрано, посреди стояли стулья, как партер <...> Когда я пришла, народу было не очень много еще. Все в основном миллениалы «за 30», иногда приходили парами. Самые младшие в основном работали на «баре» (из дневников наблюдения ФИО. 21.09.2024).

Экономическая составляющая работы творческого пространства решалась следующим образом. Только объединив несколько тематически близких пространств, организаторам «Ё» удалось собрать свою тусовку, а также привлечь аудиторию субкультурных школьников, которая помогает «Ё» выйти в «ноль».

За все это время только два концерта в ноль вышли: вот-вот этот и когда приезжала группа из Якутии. А вот остальное все абсолютно в минус идет. Все ребята знают, что плюса не будет, они не за деньгами едут, они идут познакомиться, отдохнуть, погулять, хорошо покушать, отыграть и поехать домой (Рустам, 37, кейс «Ё», музыкант).

Выживать помогают «договоренности с бизнесом» или родственные, дружеские и другие неформальные связи.

Есть компании, которые нас поддерживают. <...> Я просто зашел, попросил денежки на выпуск кассет. Просто зашел мимо, ну как бы посмотрели на меня, говорят, ну я как бы нескольких ребят оттуда знал и меня к директору подвели, попросил, директор оказался, тоже знаю, посмотрел и говорит, [Рустам], какие кассеты, мы же не в 90-х. Я говорю, ну нужно нам в Москву ехать, нужно кассеты отвезти. Он говорит, ну хорошо, достал из кармана, дал деньги, а потом говорит, ну если что, заходите. И мы потом уже начали к нему подходить (Рустам, 37, кейс «Ё», музыкант).

Оплачивать аренду пространства, небольшие ремонтные работы, покупать необходимое концертное оборудование могут «олды» – люди с музыкальным прошлым, играющие сегодня для собственного удовольствия в кавер-группах, но имеющие постоянный высокий доход в профессиях, не связанных с креативным производством. Такое специфическое меценатство, однако, не всегда становится надежной опорой в доходной части низовой инициативы.

Это статья расходов. Ну, она как-то, знаете, может быть, и замечается именно с финансовой точки зрения, но не жалко абсолютно. То есть ты делаешь то, что тебе нравится, да, оно тебе денег не приносит и, может быть, и не принесет никогда. Но ты хочешь этим заниматься, тебе это нравится, ты на это тратишь, но это, конечно, приходится тратить деньги (Байсал, 28, музыкант).

Таким образом, этническое предпринимательство работает как механизм, который стимулирует начать проект, но как дальнейший посредник, увы, нет. Дальше приходится раскручиваться своими силами и рассчитывать только на собственные возможности, аккуратно вплетая этнические акценты в свое творчество, чтобы не отпугнуть ключевую аудиторию и выйти хотя бы «в ноль». При этом в нашем кейсе организаторы не отказывались полностью от этнического фолка, они очень умело подстраивались под запросы аудиторий, чтобы выходить «в ноль».

Вокруг креатива – национальный колорит. Принимать правила игры или вдохновляться ими?

Кабардино-Балкария является республикой, в которой подавляющее большинство населения исповедует ислам, а Нальчик, несмотря на всю свою мультикультурность и многоэтничность, был и остается городом с доминирующими исламскими традициями. Ригидность ко всему незнакомому, опасения за традиционные устои – эти черты характерны и для мейнстримной молодежи. Религиозное вступает если не в конфликт, то в противоречие с этническим, как и в случае с дагестанскими, например, адатами. Противоречия между шариатом и адатом заключаются в том, что обе системы права регулируют одни и те же отношения, только адат – из области практики, а шариат – как божественный закон (Магомедов, Магомедова 2014). Определенная молодежная культура (например, дэнсхолл или гик-фестиваль) не противоречит местному *хабзэ*⁵, но совершенно точно не совпадает с канонами ислама.

Например, по сути, слушать музыку нельзя, но для меня, например, это было бы очень сложно. То есть у нас, насколько я знаю, инструменты запрещены, ну типа слушать их. Я, которая на пяти инструментах играю (показывает пальцем знак «класс») ... И вот для меня сложно будет, например, от музыки отказаться. Как бы это ни звучало, но факт есть факт (Амина, 20, студентка, музыкант).

При подобных столкновениях молодые люди могут попасть в состояние фрустрации и неопределенности, оказываются в максимально ранним состоянии, так как устойчивые представления о традиционном и «надлежащем» поведении ретранслируются почти всеми институтами и акторами, переплетены с религиозными и культурными сферами жизни и почти всегда обязательны к исполнению. Мы встретились с разными нарративами в отношении этой сложной проблемы, по нашим

наблюдениям, тактиками совладания оказывались либо сопротивление жесткому давлению, либо адаптация к нему и выстраивание личных границ допустимого поведения.

Я верующий человек. Но сейчас есть много понтов, которые превратили исламизацию в арабизацию. <...> Ну, говорят, что музыка – это не нужная вещь. Национальный костюм, который столько поколений, столько эпох, раньше на Кавказе законодателями мод были кабардинцы. Вот эта черкесска ... И вот сегодня говорят, что это не тот костюм, что нужно не сохранить, а наоборот нужно одеваться в паранджу. Паранджа – это арабский костюм, никак не относится к адыгско-черкесскому народу (Карим, 27, работает в медиа, музыкант).

Отсюда мы делаем вывод, что креативной молодежи постоянно приходится балансировать между «закрытым» и «открытым», «этническим» и «мейнстримным», «желаемым» и «принятым». В то же время молодые музыканты замечают, что *«настоящему творцу вообще ничего не должно мешать»* – ни религиозные ограничения, ни отсутствие дохода и финансов, а иногда даже и площадки.

Тем не менее большинством наших творческих информантов город Нальчик описывается как достаточно безопасный в плане общего пространства улиц и горожан. Да, тебе могут сделать замечание, но положительные эмоции остаются сильнее и доминируют в городе и республике.

...и здесь более безопасно для женщин, несмотря на то, какие здесь устои, но все равно здесь именно из-за них женщина более безопасна, в каком-то смысле. Безопасна до тех пор, пока, скажем так, не будет затронута тема чести семьи, но если в качестве того, что вот, допустим, в принципе идёшь по улице, то вечером, вероятнее всего, ты будешь в безопасности, чем нежели там в каком-нибудь Краснодаре или Москве (Анна, 21, преподаватель танцев).

Спокойствие и безопасность рассматриваются информантами как одна из значимых характеристик города для бизнес-начинаний.

Как государство и бизнес участвуют в креативном производстве

Почти все рассмотренные примеры объединяют тактики ведения бизнеса. Как уже было отмечено, творческие люди скорее найдут мецената, попросят денег у первой встретившейся по дороге компании или даже у далекого, но знакомого, потому что обращаться к государству здесь, скорее, не принято. Можно предположить, что в целом это связано с традициями «решать вопросы» самим или прибегать к помощи родных и соседства, друзей, сетей – не только в городе, но и в родовых селах, чтобы не демонстрировать слабость, а показывать широту поддержки и, соответственно, значимость и своего круга знакомства, уровень вписанности в локальную жизнь города, региона, а подчас и Северного Кавказа.

Ну, так скажем, этатизм не развит среди молодежи, доверие не очень большое к таким, может быть, государственным системам, прямо скажем. Намного сильнее родственные связи, горизонтальные, соседские, Ты с одного села родом с человеком, может быть ты там и не жил, но ты выходец оттуда. Это очень роднит сильно. И вот к такому обращаются намного чаще (Аслан, эксперт и сферы креативного бизнеса).

Что же касается государственных творческих институтов, то они существуют между двух парадигм – госзаказа и госстандарта. В городе активно представлены творческие национальные союзы: писателей, художников, на полную мощь работают кабардинский и чуть меньше балкарский, ну и, конечно, русский драматический театры. При администрации существует арт-пространство «С», которое старается курировать все «независимые» креативные активности, как, например, ярмарки хендмейда, выставки художников, облагораживание города через стрит-арт, видеопродакшн, музыкальные фестивали. Именно они занимаются приглашением артистов среднего эшелона, проводят какие-то мастер-классы, фестивали кей-поп и аниме.

Вот как мы в галерее, как работа с галереей идет, затем арт-классы – у нас вход бесплатный, у нас там все бесплатное, получается, мы не берем даже как музей за вход, но мы будем с художниками работать. Вот там картины спрашивают хотя бы покупать, мы будем их продавать, и художнику хорошо, и у нас... будут оставаться деньги... точно так же вот сувенирная книжная продукция... И вот на [улице города] мы начали делать такие арт-базары. И у нас было тогда два человека, мы еле нашли. А сейчас у нас больше чем 200 (Александра, эксперт из структуры по креативному развитию).

Дискуссия и выводы

Резюмируя, мы бы хотели подчеркнуть, что город представляет собой уникальную совокупность разнообразия творческих инициатив и скромного настроения целевой аудитории их потребления. Это не проблематизируется или проблематизируется ненавязчиво, потребитель не ставится во главу угла. Авторство в первую очередь актуально для самих авторов. Это первый город, в котором нам так часто говорили, что довольны всем не только в смысле возможностей, предоставляемых городом и республикой, а скорее довольны выбранным творческим путем и собственной реализацией именно в Кабардино-Балкарии. Радует, что религиозность и этничность перестают быть неприкосновенными сакральными смыслами, что происходит интеграция в глобальные бизнес-творческие процессы, что регионалы учатся на чужих ошибках и делают намного более прочный, интересный и яркий продукт, несмотря на скромность, относительную, капиталовложений, инфраструктуры и спроса. Любовь к родному месту, постепенное прощание обид прошлого, конструктивное

использование мультиэтничности, преобразование конфликтных пространств низовыми инициативами могут стать сподручным инструментом в доверительных отношениях между народами страны, когда идентификация строится не через непреодолимые отличия друг от друга, а через уникальность каждого.

Кто, как и зачем (пере)осмысляет этническое?

Как мы видим, процессы креативного производства в Нальчике весьма вариативны. Современная нальчинская молодежь «снизу» иницирует творческие стартапы, обогащенные и дополненные глобальными трендами, проведенными через призму собственного культурного мильё. На которые, конечно же, оказывает влияние традиционный уклад – хабзэ, а также региональные мотивы соседних локаций, принадлежность, историческая память. В своих проектах молодежь придает теме этничности новые смыслы и трактовки. Например, кто-то очевидно пытается противостоять арабской глобализации, создавая оригинальные бренды национальной одежды, популяризуя тему национального костюма. Если говорить о музыке, то это экспериментальные жанры в стилистике пост-фолка. Переосмыслением этничности ведь можно назвать процесс выдергивания жанра в совершенно невообразимый ранее формат, который не является революционным, потому что не противопоставляет себя радикально предшествующим категориям, а лишь добавляет, насыщает и реинтерпретирует, в том числе этническое, как в случае с рок- и металл-сценой Нальчика. Почему мы играем металл? Потому что у нас «кровь горячая», говорили наши информанты:

Потом в свете событий, которые всем известны, это [традиционный уклад, хабзэ] разрушилось. И как бы такой немного потерянный народ, у нас сильнее начал преобладать ислам. И в связи с тем, что пропала вот эта основа, как бы эту агрессию, эта агрессия начала расплескиваться. В роке больше агрессии, чем в любых других видах музыки. <...> Ну, в принципе, вот рок, металл, все, что связано с барабанами, с гитарами и с вот этим вокалом. И поэтому, я думаю, именно поэтому рок здесь больше прижился, потому что по характеру металл, рок, хард-рок, всё это больше здесь прижилось, потому что через это люди, это ближе, это понятнее (Даниял, 29, музыкант).

Поэтому даже металл-сцена всегда будет привязана к Кавказу как культурному феномену. И ехать на эту площадку музыкальные группы будут в том числе потому, что там не только звук хороший, но и, условно, горы красивые.

«Парень представился как омич (из Омска), завсегдатей нальчикских ивентов электронной музыки. На вопрос «Почему Нальчик?» он сказал, что «надо было [извернуться, обсценная лексика], чтобы сделано здесь нечто [невероятное, обсценная лексика]». И в целом ему совершенно не интересно ездить в Москву и

Питер, потому что там «может выступить любой дурак», а привлекает что-то очень драйвовое и уникальное, чем и является нальчикская музыкальная тусовка» (из дневника наблюдения ФИО. 07.09.2024).

Этнически русская молодежь, относящая себя к коренным нальчанам, тоже вовлекается в разного рода проекты, связанные с адыгским этническим и культурным наследием. Но она абсолютно точно косвенный агент на периферии, потому что главный посыл здесь – привнести в любимый город что-то новое (и мейнстримное), научить и развить то, чего еще здесь нет, но есть в столицах:

Труппа создалась в прошлом году. На основе вот как бы этого проекта большого мы собрались. И там стало подтягиваться больше учеников, стало развиваться. Короче, Налчик начал танцевать. <...> но всё равно у людей нет понимания, что это такое (Анна, 21, преподаватель танцев).

Бизнес земляков, имеющий черты этнического предпринимательства, становится важным субъектом «этноперестройки», поддерживая дебютирующие инициативы молодежи (и не только). Но в долгосрочной перспективе бизнес не станет движущим механизмом развития креативной индустрии города, потому что эффективен только как стартовый капитал и поддержка идеи, точечная помощь. Тем не менее благодаря меценатам город преобразуется за счет новых стартапов, становится более молодежным и разнообразным.

И в заключение: так как и почему молодежь выбирает между городским, этническим и мейнстримным? Мы думаем, что Налчик – пример превалирования этнической логики развития в творческой индустрии города, что, конечно же, не исключает и других форм развития, таких как память и туризм, например. Поэтому, чтобы проект поддержал тот же бизнес, государство или богатый земляк, молодежь придумает, как концептуально подать мейнстрим, этничность или любовь к своему городу. Второй вопрос, что это может никак не окупиться и не вызвать никакого отклика аудитории, но зато даст голос и творческую самореализацию автору.

Примечания

¹ К креативным индустриям, согласно DCMS, относятся следующие направления: реклама и маркетинг; архитектура; ремесла; дизайн, графический дизайн и мода; кино, телевидение, видео, радиовещание и фотография; информационные технологии, программное обеспечение и компьютерные услуги; издательская деятельность; музеи, галереи и библиотеки; музыка, исполнительские и визуальные искусства.

² Другими городами были: Владикавказ, Ставрополь, Пятигорск и Черкесск.

³ «ВЭБ Индекс». URL: https://citylifeindex.ru/city_profile/Nalchik

⁴ Требований или трендов, имеются в виду упомянутые минималистичные декорации, современные костюмы, свободное прочтение оригинального текста Гоголя, свободный перевод, использование несуществующей для того времени музыки и многое другое.

⁵ Хабзэ – традиционная система ценностей, обычаев и норм, характерная для адыгского народа (кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов). Подробную информацию можно посмотреть здесь: <https://etokavkaz.ru/mudrost/khabze-reshaet-vse>

Список источников

- Абанкина Т. Креативная экономика в России: новые тренды // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2 (54). С. 221–228.
- Абанкина Т.В., Боос В.О., Бредихин С.В., Власова В.В., Гершман М.А., Гладких Н.В., Сачкова Е.А. Творческие (креативные) индустрии. Справочник. М.: [б. и.], 2022.
- Авдеев Е., Воробьев С. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17 (1). С. 69–86.
- Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006.
- Бугров К. Тацкие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в центральном старотекстильном ареале и уральском регионе // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2021. № 1. С. 51–64.
- Демиденко А.С. Досуговые практики молодежи Северного Кавказа (по результатам экспертного опроса) // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. № 3(5). С. 22–28.
- Зотова Л.Р. Креативный город: творческие индустрии и развитие городов // Креативная экономика. 2015. Т. 9, № 11. С. 1465–1490.
- Крупец Я., Майборода А., Кузинер Е. “Если ты маленький, ты никому не нужен”: молодые креативные предприниматели Санкт-Петербурга и их отношения с государством // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19 (3). С. 405–420.
- Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6 (172). С. 333–355. doi: 10.14515/monitoring.2022.6.2316.
- Кудаева С. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. № 1. С. 13–20.
- Куква Е. Северокавказский регион как пространство социокультурных рисков // Власть. 2014. № 12. С. 203–207.
- Лисовская И., Андреева А., Соловьева Н. «Наша задача – завлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 83–106.
- Литвинова С., Кузинер Е., Гладченко Е. Низовая организация досуга в заброшенных зданиях Воркуты // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5 (1). С. 135–146.
- Магомедов М., Магомедова П. Место шариата и адата в исламе, их сходство и различие // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10 (268). С. 159–165.
- Нефедова Т. От трансформации хозяйства сельской местности к неформальной занятости населения на юге России // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17 (1). С. 119–132.
- Омельченко Д., Омельченко Е. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309–332.
- Поляков С. Интерпретации маскулинности в мужских молодежных сообществах Махачкалы. Резюме диссертации. НИУ ВШЭ, Москва, 2022. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/716254708>

- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р. URL: <http://government.ru/docs/all/136723/>
- Сабирова Г. Молодежные культуры как среда актуализации (меж)этнического // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. 2020. С. 110–138.
- Сергеева О., Недосека Е. Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16 (3). С. 49–68.
- Стародубровская И., Казенин К., Ситкевич Д. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16 (3). С. 112–137.
- Уолдинггер Р., Уолдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9 (5). С. 30–55.
- Хаджалова Х. Человеческий потенциал регионов Северного Кавказа: состояние и развитие // Креативная экономика. 2020. Т. 14 (4). С. 551–566
- Чернышѣва Н., Андреева А., Кузинер Е. Переосмысляя локальные идентичности на Русском Севере: молодежь в поисках чистоты // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 136–145.
- Bialic-Davendra M., Bednár P., Danko L., Matošková J. Creative clusters in Visegrad countries: Factors conditioning cluster establishment and development // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2016. № 32. P. 33–47.
- Boix R., Hervás-Oliver J. L., De Miquel-Molina B. Micro-Geographies of Creative Industries Clusters in Europe: From Hot Spots to Assemblages // Papers in Regional Science. 2015. Vol. 94 (4). P. 753–772.
- Dana L.-P., Gurau C., Light I., Muhammad N. Family, community, and ethnic capital as entrepreneurial resources: Toward an integrated model // Journal of Small Business Management. 2020. Vol. 58 (5). P. 1003–1029.
- Duxbury N. Catalyzing Creative Tourism in Small Cities and Rural Areas in Portugal: The CREATOUR Approach // Scherf K. (Ed.) Creative Tourism in Smaller Communities: Place, Culture, and Local Representation. Calgary: University of Calgary Press, 2021. P. 27–60.
- Florida R. The Rise of the Creative Class. New York, NY: Basic Books, 2002.
- Gunko M., Kinossian N., Pivovar G., Averkieva K., Batunova E. Exploring agency of change in small industrial towns through urban renewal initiatives // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2021. Vol. 103 (3). P. 218–234.
- Ivona A., Rinella A., Rinella F., Epifani F., Nocco S. Resilient Rural Areas and Tourism Development Paths: A Comparison of Case Studies // Sustainability. 2021. Vol. 13 (6). P. 3022.
- Kocabiyik C., Loopmans M. Seasonal gentrification and its (dis)contents: Exploring the temporalities of rural change in a Turkish small town // Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 87. P. 482–493.
- Kozina J., Bole D. The impact of territorial policies on the distribution of the creative economy: tracking spatial patterns of innovation in Slovenia // Hungarian Geographical Bulletin. 2018. Vol. 67 (3). P. 259–273.
- Kozina J., Bole D., Tiran J. Forgotten values of industrial city still alive: What can the creative city learn from its industrial counterpart? // City, Culture and Society. 2021. Vol. 25. Article 100395.
- Ladbury S. Choice, Chance, or No Alternative? Turkish Cypriots in Business in London // Ward R., Jenkins R. (Eds.) Ethnic Communities in Business: Strategies for Economic Survival. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 105–124.
- Naldi L., Nilsson P., Westlund H., Wixe S. What is Smart Rural Development? // Journal of Rural Studies. 2015. Vol. 40. P. 90–101.
- Omelchenko E., Poliakov S., Mayboroda A. Peers/strangers/others? The youth of Dagestan in search of group identities // Cultural Studies. 2019. Vol. 33 (5). P. 841–865.

- Sulistiyani N., Suhariadi F., Fajrianthi Self-Efficacy as a Mediator of the Impact of Social Capital on Entrepreneurial Orientation: A Case of Dayak Ethnic Entrepreneurship // Sustainability. 2022. Vol. 14 (9). Article 5620.
- Whitford M., Ruhanen L. Indigenous tourism research, past and present: Where to from here? // Carr A., Ruhanen L., Whitford M., Lane B. (Eds.) Sustainable Tourism and Indigenous Peoples. London: Routledge, 2019. P. 1020–1080.
- Wilson K., Portes A. Immigrant enclaves: An analysis of the labor market experiences of Cubans in Miami // American Journal of Sociology. 1980. Vol. 86 (2). P. 295–319.
- Yang Y., Wang S., Cai Y., Zhou X. How and why does place identity affect residents' spontaneous culture conservation in ethnic tourism community? A value co-creation perspective // Journal of Sustainable Tourism. 2022. Vol. 30 (6). P. 1344–1363.

References

- Abankina T. (2022) Creative Economy in Russia: New Trends. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. 2 (54). pp. 221–228. (In Russian)
- Abankina T.V., Boos V.O., Bredikhin S.V., Vlasova V.V., Gershman M.A., Gladkikh N.V., Sachkova E.A. (2022) *Tvorcheskie (kreativnye) industrii. Spravochnik* [Creative Industries: A Handbook]. Moscow.
- Avdeev E., Vorob'ev S. (2021) Russian Civic Identity of Youth in The North Caucasus: The Main Challenges and Risks of Conflict. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 17 (1). pp. 69–86. (In Russian)
- Barth F. (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic groups and boundaries]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Bialic-Davendra M., Bednár P., Danko L., Matošková J. (2016) Creative clusters in Visegrad countries: Factors conditioning cluster establishment and development. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 32. pp. 33–47.
- Boix R., Hervás-Oliver J. L., De Miquel-Molina B. (2015) Micro-Geographies of Creative Industries Clusters in Europe: From Hot Spots to Assemblages. *Papers in Regional Science*. 94 (4). pp. 753–772.
- Bugrov K. (2021) Looms and Blast Furnaces: Cultural Potential of Industrial Heritage in The Central Textile Area and The Ural Region. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury*. 1. pp. 51–64. (In Russian)
- Chernysheva N., Andreeva A., Kuziner E. (2023) Rethinking Local Identities in The Russian North: Youth Seeking Purity. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 12. pp. 136–145. (In Russian)
- Dana L.-P., Gurau C., Light I., Muhammad N. (2020) Family, community, and ethnic capital as entrepreneurial resources: Toward an integrated model. *Journal of Small Business Management*. 58 (5). pp. 1003–1029.
- Demidenko A.S. (2019) Leisure Activities of The Youth of The North Caucasus (Based on An Expert Survey). *Caucasian Science Bridge*. Vol. 2. no. 3 (5). pp. 22–28. (In Russian)
- Duxbury N. (2021) Catalyzing Creative Tourism in Small Cities and Rural Areas in Portugal: The CREATOUR Approach. In: Scherf K. (Ed.) *Creative Tourism in Smaller Communities: Place, Culture, and Local Representation*. Calgary: University of Calgary Press. pp. 27–60.
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class*. New York, NY: Basic Books.
- Gunko M., Kinossian N., Pivovarov G., Averkieva K., Batunova E. (2021) Exploring agency of change in small industrial towns through urban renewal initiatives. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 103 (3). pp. 218–234.
- Ivona A., Rinella A., Rinella F., Epifani F., Nocco S. (2021) Resilient Rural Areas and Tourism Development Paths: A Comparison of Case Studies. *Sustainability*. 13 (6). Art. 3022.
- Khadzhalova Kh. (2020) The Human Potential of The North Caucasus Regions: Current State and Development. *Kreativnaia ekonomika*. 14 (4). pp. 551–566. (In Russian)

- Kocabıyık C., Loopmans M. (2021) Seasonal gentrification and its (dis)contents: Exploring the temporalities of rural change in a Turkish small town. *Journal of Rural Studies*. 87. pp. 482–493.
- Kozina J., Bole D. (2018) The impact of territorial policies on the distribution of the creative economy: tracking spatial patterns of innovation in Slovenia. *Hungarian Geographical Bulletin*. 67 (3). pp. 259–273.
- Kozina J., Bole D., Tiran J. (2021) Forgotten values of industrial city still alive: What can the creative city learn from its industrial counterpart? *City, Culture and Society*. 25. Article 100395.
- Krupets Ia., Maiboroda A., Kuziner E. (2021) 'If You Are Small, Nobody Cares': Young Creative Entrepreneurs Of St. Petersburg And Their Relations with The State. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 19 (3). pp. 405–420. (In Russian)
- Kudaeva S. (2021) Monumental Politics as A Factor for Forming Historical Memory Policy and Supporting Ethnic Self-Identification (On the Example of The North Caucasian Peoples). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 1. pp. 13–20. (In Russian)
- Kuziner E.N., Petrunina D.S. (2022) Creative Hubs as Third Places in Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 6. pp. 333–355. doi: 10.14515/monitoring.2022.6.2316 (In Russian).
- Kukva E. (2014) The North Caucasus Region as A Space of Socio-Cultural Risks. *Vlast'*. 12. pp. 203–207. (In Russian)
- Ladbury S. (1984) Choice, Chance, or No Alternative? Turkish Cypriots in Business in London. In: Ward R., Jenkins R. (Eds.) *Ethnic Communities in Business: Strategies for Economic Survival*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 105–124.
- Lisovskaia I., Andreeva A., Solov'eva N. (2025) "Our Task Is to Engage as Many Young People as Possible Just to Occupy Their Time": Youth Policy Subjects' Models of Developing Niches of Agency in The Russian North. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 83–106. (In Russian)
- Litvinova S., Kuziner E., Gladchenko E. (2020) Grassroot Organization of Leisure in Abandoned Buildings in Vorkuta. *Gorodskie issledovaniia i praktiki*. 5 (1). pp. 135–146. (In Russian)
- Magomedov M., Magomedova P. (2014) Mesto shariata i adata v islame, ikh skhodstvo i razlichie [The place of Sharia and Adat in Islam, their similarities and differences]. *Rossii i musul'manskii mir*. 10 (268). pp. 159–165.
- Naldi L., Nilsson P., Westlund H., Wixe S. (2015) What is Smart Rural Development? *Journal of Rural Studies*. 40. pp. 90–101.
- Nefedova T. (2019) From the Transformation of Rural Areas to Informal Employment Among Southern Russia's Population. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 17 (1). pp. 119–132. (In Russian)
- Omel'chenko D., Omel'chenko E. (2022) In Search of Home. The Regional Identity of Young Kaliningraders: Life Strategies and Migration Intentions. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6. pp. 309–332. (In Russian)
- Omelchenko E., Poliakov S., Mayboroda A. (2019) Peers/strangers/others? The youth of Dagestan in search of group identities. *Cultural Studies*. 33 (5). pp. 841–865.
- Poliakov S. (2022) *Interpretatsii maskulinnosti v muzhskikh molodezhnykh soobshchestvakh Makhachkala. Reziyume dissertatsii* [Interpretations of Masculinity in Male Youth Communities of Makhachkala. Dissertation Summary]. NIU VShE, Moscow. Available at: <https://www.hse.ru/sci/diss/716254708>
- Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 20.09.2021 g. № 2613-r [Order of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2021 No. 2613-r]. Available at: <http://government.ru/docs/all/136723/>
- Sabirova G. (2020) Molodezhnye kul'tury kak sreda aktualizatsii (mezh)etnicheskogo [Youth cultures as an environment for actualization of (inter)ethnicity]. In: *Molodezh' v gorode:*

- kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes, and Solidarities]. pp. 110–138.
- Sergeeva O., Nedoseka E. (2024) Visual Representations of Abandoned Industrial Spaces in Tourist Photos. *Interaktsiia. Interv'iu. Interpretatsiia*. 16 (3). pp. 49–68. (In Russian)
- Starodubrovskaia I., Kazenin K., Sitkevich D. (2021) Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks. *Ekonomicheskaiia politika*. 16 (3). pp. 112–137. (In Russian)
- Sulistiyani N., Suhariadi F., Fajrianthi (2022) Self-Efficacy as a Mediator of the Impact of Social Capital on Entrepreneurial Orientation: A Case of Dayak Ethnic Entrepreneurship. *Sustainability*. 14 (9). Article 5620.
- Uoldinger R., Uoldrich Kh., Uord R. (2008) Ethnic Entrepreneurs. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*. 9 (5). pp. 30–55. (In Russian)
- Whitford M., Ruhanen L. (2019) Indigenous tourism research, past and present: Where to from here? In: Carr A., Ruhanen L., Whitford M., Lane B. (Eds.) *Sustainable Tourism and Indigenous Peoples*. London: Routledge. pp. 1020–1080.
- Wilson K., Portes A. (1980) Immigrant enclaves: An analysis of the labor market experiences of Cubans in Miami. *American Journal of Sociology*. 86 (2). pp. 295–319.
- Yang Y., Wang S., Cai Y., Zhou X. (2022) How and why does place identity affect residents' spontaneous culture conservation in ethnic tourism community? A value co-creation perspective. *Journal of Sustainable Tourism*. 30 (6). pp. 1344–1363.
- Zotova L.R. (2015) The Creative City: Creative Industries and Urban Development. *Kreativnaia ekonomika*. 9 (11). pp. 1465–1490. (In Russian)

Сведения об авторах:

ОМЕЛЬЧЕНКО Дмитрий Анатольевич – научный сотрудник, Центр молодежных исследований, департамент социологии, НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ya@doomal.ru

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Центр молодежных исследований, департамент социологии, НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ilisovskaya@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dmitry A. Omelchenko, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ya@doomal.ru

Irina V. Lisovskaya, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ilisovskaya@hse.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10 апреля 2025;
принята к публикации 2 сентября 2025.*

*The article was submitted 10.04.2025;
accepted for publication 02.09.2025.*

Научная статья
УДК 94 (571.56):321.01 (571.56)
doi: 10.17223/2312461X/50/13

Эволюция политического церемониала в Республике Саха (Якутия): этнокультурные элементы инаугурации

Ольга Афанасьевна Парфенова¹,
Семен Николаевич Дьячковский²

^{1, 2} *Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Якутск, Россия*
¹ *poaysu@mail.ru*
² *dyasn@s-vfu.ru*

Аннотация. Определяется роль этнической идентичности в политических ритуалах в полиэтнических сообществах. В качестве примера рассматриваются восемь церемоний инаугурации высших должностных лиц Республики Саха (Якутия). Авторы полагают, что изучение политического ритуала на основе методологии Энтони Смита способно раскрыть особенности взаимоотношений федерального центра с национальными регионами. Последовательно проводится анализ эволюции символики инаугурационной локации, особенностей сценического оформления процедуры инаугурации церемониального регламента.

Ключевые слова: инаугурация, ритуал, идентичность, политическая культура, Республика Саха (Якутия)

Для цитирования: Парфенова О.А., Дьячковский С.Н. Эволюция политического церемониала в Республике Саха (Якутия): этнокультурные элементы инаугурации // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 283–310. doi: 10.17223/2312461X/50/13

Original article
doi: 10.17223/2312461X/50/13

The Evolution of the Political Ceremony in the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnocultural Elements of the Inauguration

Olga A. Parfenova¹, Semyon N. Dyachkovskiy²

^{1, 2} *Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation*
¹ *poaysu@mail.ru*
² *dyasn@s-vfu.ru*

Abstract. This article explores the role of ethnic identity in political rituals within multiethnic communities. As a case study, it considers eight inauguration ceremonies of the highest officials of the Sakha Republic, a constituent unit of the Russian Federation. Drawing on Anthony D. Smith's methodology, the analysis shows how ritual illuminates the relationship between the federal centre and national regions. The article

identifies a drift toward unitary legitimation and the centralisation of symbols, seeking to relocate ethnicity into the civic sphere. The trajectory of the inaugural ceremony has moved from universal minimalism to personalised ostentation, in direct correlation with the entrenchment of hierarchical power.

Keywords: inauguration, ritual, identity, political culture, Republic of Sakha (Yakutia)

For citation: Parfenova, O.A. & Dyachkovskiy, S.N. (2025) The Evolution of the Political Ceremony in the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnocultural Elements of the Inauguration. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 283–310 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/13

Изучение культурной и этнической идентичности в политических ритуалах позволяет понять сущность символической связи власти с политическим сообществом. Мы исходим из того, что анализ эволюции политического церемониала способен объяснить, как формируются политические образы, как сочетаются современные политические технологии и архаичные традиции, а также раскрыть роль традиционных пространственных представлений в легитимации власти. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, как и почему идет изменение соотношения традиционного и универсального компонентов в эволюции института инаугурации главы национального региона Российской Федерации на примере Якутии.

Может показаться, что ритуал представляет собой реликтовый компонент общественной жизни, встроенный в текущие политические процессы сугубо в декоративном виде. Однако Кристоф Вульф (2004: 49–61) выводит рассмотрение ритуала в повседневную плоскость светской жизни, подчеркивая роль таких его функций, как преодоление кризиса, формирование идентичности и проекция будущего. Рон Села (2003), исследуя ритуалы инаугурации, также отвергает представление о них как о формальных процедурах. Более того, он утверждает, что они представляют собой сложные политические механизмы. На примере среднеазиатских ханств XVII–XIX вв. Села оспаривает тезис о единственном источнике легитимности, выделяя обеспечение признания власти через традицию, религию и общественный договор. В более широком аспекте значение ритуалов переосмысливает Мину Моалем (1999: 234–263), раскрывая применение церемониальных ритуалов и инаугурационных речей в политических манипуляциях, в частности, на примере продвижения идей мультикультурализма с сохранением приемлемых для правящих кругов форм разнообразия. Таким образом, в научном дискурсе наблюдается повышенное внимание к феномену ритуала не только как к элементу, условно говоря, «традиционной» культуры, но и как к явлению современной политической культуры с обширным практическим функционалом.

Один из примечательных примеров сохранения этнополитического своеобразия в России являет собой Якутия. Региональная культура здесь представляет собой уникальный синтез тунгусских, тюрко-монгольских и славянских этнических компонентов. На наш взгляд, в региональном этнополитическом процессе России наиболее репрезентативный характер имеют ритуалы инаугурации глав субъектов Федерации, которые собирают в себе полный набор элементов состояния политической культуры. В них раскрывается специфика взаимоотношений между властными и общественными институтами, происходит артикуляция программы лидера, демонстрируется наличие ресурсов и соотношение местных политических сил. В ходе инаугурации как завершающей точке избирательного процесса можно увидеть довольно полную представленность общественности и новые смыслы в деле достижения устойчивости и обеспечения легитимации.

В новейшей политической истории Якутии прошло восемь инаугураций высшего должностного лица по итогам шести прямых выборов и двух процедур наделения полномочиями президента республики региональным парламентом по представлению президента Российской Федерации. Таким образом, выбор региона для исследования объясняется возможностью проследить эволюцию церемониала в зависимости от типа политического лидерства и способа наделения полномочиями высшего должностного лица региона.

Методологический подход к изучению ритуала инаугурации

Объект нашего исследования составляют церемонии инаугурации высших должностных лиц Якутии как политико-культурный феномен, отражающий процессы трансформации власти и региональной идентичности.

Предметом исследования являются изменения и тенденции в проведении инаугурационных церемоний в Якутии, их политическое, социальное и культурное значение.

Мы исходим из предположения о том, что в 1990-х гг. в Якутии в ходе инаугураций практиковалась система двойной легитимации избранного руководителя: со стороны формально установленных новых демократических процедур и неформальных этнически окрашенных ритуалов. В ходе политической эволюции такая модель достигла своего пика в 2000-х гг., где максимально проявленные региональные компоненты компенсировали передачу части экономических и политических прав региона федеральному центру. С 2018 г. наблюдается усиление унитарных тенденций в легитимации избранного политического лидера, что характеризуется централизацией символов с тенденцией вытеснения фактора этничности из политического ритуала в гражданское поле.

Методологическую основу данного исследования составляют труды ученых, работавших в рамках теории ритуала с точки зрения социальных наук. Термин «инаугурация» происходит от лат. *augures* «авгур» через *inauguro*, что буквально означает «гадать по полётам птиц». В теократический период термин означал коронацию представителя божественной власти. В современной политической традиции, связывая настоящее с прошлым, он легитимирует транзит власти.

В данной статье инаугурация рассматривается как специфический ритуал, отражающий важные аспекты власти и управления в обществе, призванный формировать или закреплять общественно-политические ценности, способствуя пониманию и принятию изменений в характере политических коммуникаций между властью и обществом.

В исследованиях традиционных обычаев посвящения «Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов» (Ван Геннеп 1969), «Ритуальный процесс: структура и антиструктура» (Тернер 1969) отмечается большая роль обрядов в процессе внедрения социальных изменений. Для характеристики перехода индивида и общества от одного состояния к другому исследуются концепции «переходных ритуалов». В частности, В. Тернер утверждал, что обряды перехода противоречат существующей социальной структуре и открывают новые возможности. Участие в них позволяет экспериментировать с альтернативными социальными отношениями или изобретать новые. К такой трактовке близок подход Клиффорда Гирца (2004), который охарактеризовал ритуал как отзыв на некое событие, дестабилизации социальных отношений – как реакцию на уже нарушенный ход этих отношений. С его точки зрения, при помощи изучения ритуала можно не только узнать о состоянии того или иного социального явления, но и о характере изменений в социально-политической сфере общества.

На основе применения такого исследовательского видения в статье использованы фотографии и журналистские описания. Структурно-функциональный анализ политических церемоний проведен с использованием видеозаписей инаугураций, предоставленных национальной вещательной компанией «Саха». Данные источники дали возможность глубже проанализировать процедуру инаугурации с помощью методов визуальной антропологии (Головнева 2019; Круткин 2005; Mead 1995). На основе визуальных данных нами проведен анализ символики инаугурационной локации, сценического оформления процедуры инаугурации и разбор церемониального регламента с выделением постоянных элементов мероприятий, временных (или меняющихся) компонентов, а также ритуальных новшеств. Значимым компонентом процедуры инаугурации выступили участники, состав и функции которых варьировали в зависимости от конкретных политических потребностей власти, на что мы обратили особое внимание.

По мнению Энтони Смита, важным условием политического развития нации является проникновение форм народной культуры в сферу общественной жизни. В этом случае она становится образцом и мерой общества и государства, укрепляя идентичность сообщества. А в качестве средства выражения культуры выступает публичный политический символизм. И здесь Смит отмечает значимость таких элементов политической жизни, как флаги, фестивали и церемонии. Под ритуализацией он предлагает понимать акт культивирования и изобретения обрядов, который не всегда поддерживается обществом. При этом в ходе анализа Энтони Смит уводит нас от необходимости строгого выявления ритуалов в чистом виде. Вместо этого им рекомендуется определять степень ритуализации тех или иных политических действий (2010: 37).

В данном исследовании мы обращаем внимание на то, что основы политической традиции современной Якутии были заложены в годы президентства М.Е. Николаева. В формировании восприятия населением образа высшей региональной власти определяющую роль сыграл тип его лидерства. А характерные черты первых инаугураций стали основой для дальнейшей эволюции института политического церемониала в Якутии.

В 1991 и 1996 гг. по результатам всенародных выборов произошли инаугурации харизматичного Михаила Ефимовича Николаева. Это было время национального подъема и роста экономической самостоятельности региона. На первых альтернативных выборах президента Якутской Саха ССР за кандидатуру председателя Верховного Совета республики проголосовали 76,6% избирателей при явке избирателей, равной 75,2%. Второй кандидат, министр транспорта и связи ЯССР, набрал 7,3% голосов избирателей (История...: 457). В 1996 г. президентские выборы в Якутии получились более конкурентными. Дал о себе знать общероссийский тренд роста протестных настроений в пользу красных сил: в этот раз Михаил Николаев набрал 58,96% голосов, а его ближайший оппонент Артур Алексеев – 25,46% (История...: 458).

Анализ символики инаугурационной локации

Первая инаугурация президента Республики Саха (Якутия) была проведена 27 декабря 1991 г. В тот период устоявшаяся церемония вхождения в должность первого лица ещё не оформилась. Инаугурация первого президента РФ Б.Н. Ельцина 10 июля 1991 г. писалась буквально с чистого листа. И происходило то, что сегодня называется изобретением традиций. Инаугурация М.Е. Николаева представляет собой переходный инициационный ритуал, демонстрировавший формирование новых политических реалий, расстановку политических сил, переход к демократии, провозглашение суверенитета республики.

Первым местом проведения церемонии вступления в должность высшего должностного лица в Якутии стал Государственный театр оперы и балета. Это одно из ключевых культурных учреждений Республики Саха (Якутия). Здание театра было открыто в 1975 г. и стало важным центром исполнения классических и современных произведений оперного и балетного искусства, а также проведения значимых общественно-политических мероприятий.

В 1991 г. выбор места проведения, видимо, также объясняется этнокультурной нейтральностью этого театра по сравнению со зданиями Русского театра и Саха театра имени Платона Ойунского.

Кроме того, выбрав именно его, первый президент Якутии Михаил Ефимович Николаев, по сути, отправил политический месседж об акценте в своей работе на развитии региона в сфере искусства и образования. И действительно, для Республики Саха 1990-е гг. стали временем национально-культурного возрождения и развития различных видов искусств.

Проведение дальнейших инаугураций глав Якутии в этом здании, вероятно, было продиктовано стремлением подчеркнуть политическую преемственность и соблюдение сложившейся традиции. Исключением стало второе вступление в должность главы республики Егора Афанасьевича Борисова, которое прошло в 2014 г. в спортивном комплексе «Триумф».

Этот спортивный комплекс был открыт в июле 2012 г. в рамках проведения международного спортивного форума «Россия – спортивная держава» и международных спортивных игр «Дети Азии». Здание так названо в честь исторического успеха якутских борцов на Олимпиаде-1976 г. в Монреале: Павла Пинигина (золотая медаль), Романа Дмитриева (серебряная медаль) и Александра Иванова (серебряная медаль).

Выбор локации, мы полагаем, объяснялся желанием продемонстрировать масштаб события: если Государственный театр оперы и балета вмещает около 650 человек, то спортивный комплекс – более 3 тыс. зрителей. Главным лейтмотивом церемонии стала идея консолидации. По сведениям СМИ, на нее были приглашены практически все участники политического процесса, включая тех, кто активно критиковал деятельность Егора Борисова (Грибчатов 2010). Поскольку Борисов был известен активной политикой продвижения здорового образа жизни, то не исключено, что выбором локации его команда хотела просигнализировать о приоритете поддержки физической культуры и спорта как важной части развития общества.

Вместе с тем это вполне могло быть проявлением трайбализма через открыто не отрегулировавшуюся отсылку к выдающимся олимпийским успехам школы спортивной борьбы Чурапчинского улуса, откуда родом был сам Егор Афанасьевич. Следует отметить, что в Якутии тенденции трайбализма присутствовали постоянно на всем протяжении XX столе-

тия. Например, деление по улусному (родоплеменному) принципу устойчиво существовало в местной культуре и в дореволюционный период. В советскую эпоху сформировалась так называемая вилюйская группа республиканской элиты под руководством первого секретаря обкома КПСС Гавриила Иосифовича Чиряева. В современной Якутии сложилась традиция устраивать республиканские национальные праздники и спортивные мероприятия в родных районах (улусах) глав региона.

Следующий глава республики Айсен Сергеевич Николаев вернул локацию инаугурации в Государственный театр оперы и балета. Однако в этот раз меньшая вместимость здания компенсировалась активным вовлечением в церемониальный процесс пространства площади Дружбы. Это было достигнуто включением в сценарий прохода почетных гостей по красному ковру, торжественной встречи группой поддержки в национальных костюмах избранного главы перед театром и праздничного кругового национального танца Осуохай после инаугурации (рис. 1). При этом сама церемония внутри театра транслировалась на больших мультимедийных экранах.

Рис. 1. Финальная часть инаугурации главы РС(Я), 2018 г.

Напротив здания Государственного театра оперы и балета им. Суоруна Омоллона – Д.К. Сивцева исполняется коллективный танец Осуохай.

Принимают участие А.С. Николаев и Л.В. Николаева

Кроме того, проведение части церемонии инаугурации на площади Дружбы раздвинуло символическое пространство события. В первую

очередь, его можно трактовать как открытость для общества путем создания эффекта народной легитимации власти. Название площади говорит о межэтническом мире и согласии. Также в этом прослеживается связь с традиционными представлениями якутов о мироздании, что проявляется в символике центра мира.

При проведении праздничного кругового танца Осуохай¹ здание театра символизирует Мировое древо – ось, соединяющую небо, срединный и нижний миры, место, где народный лидер получает благословение богов.

Сценическое оформление процедуры инаугурации

Непосредственной частью локации и ключевым пространством церемонии, где происходят основные действия мероприятия, является сцена. Анализ пространственной организации всех церемоний показал тенденцию движения от универсального минимализма к персонифицированному синтезу этнических традиций и мультимедийных технологий. При этом нами было отмечено усиление роли компенсаторных функций сцены в отношении политического имиджа лидера.

В оформлении сцены для инаугурации Михаила Ефимовича Николаева в 1991 г. видна лаконичность декора без сложных художественных решений в духе советских партсобраний. Основной акцент сделан на официальной атрибутике – государственном флаге Российской Федерации и флаге Якутской Автономной Советской Социалистической Республики (современный флаг Республики Саха (Якутия) был утверждён позднее – 14 октября 1992 г.).

Единственным этническим мотивом в оформлении сцены стало полотно с изображением трех священных сэргэ (коновязей), заимствованное из декорации национальной оперы «Ньургун Ботур Стремительный». В данном случае коновязи, скорее всего, выполняли функцию культурного маркера как узнаваемого символа Якутии для отражения баланса между протоколом и этнополитической идентичностью. Хорошо известно, что в якутской культуре коновязи имеют сакральное значение: это символы продолжения рода, благополучия и гостеприимства. По мнению Н.А. Стручковой (2005), коновязь воплощала сакральный центр Вселенной, Мирового древа, выполняющего функцию моста между мирами.

В исторических преданиях легендарный предводитель якутов Эллэй в своей песне выражает свою связь как лидера с небом и божествами: «Я тоже создан, живу по велению Чынгыс-Хаана и Одун-хаана, будучи связан с матерью-землей как бы тонкой волосяной бечевкой, а ко всей вселенной будучи прикреплен тонкой нитью. Был я кровью человека ханского звания, родовитого человека дитятей, порождением чтимого

человека, знатного человека потомком» (Ксенофонтов 1977). Так, древняя мифология представляет лидера как центральный связующий элемент земли и неба, частью не только общества, но и Вселенной.

В инаугурации 1996 г. «коновязи» трансформировались в полотна в виде четырех колонн металлического оттенка в центральной части сцены, а в 2002 г. во время вступления в должность президента республики Вячеслава Анатольевича Штырова они использовались повторно, но были раздвинуты впритык к кулисам. В последующем в оформлении политических церемоний 2007, 2010 и 2014 гг. к ним перестали обращаться.

В 2018 г. сэргэ были возвращены на сцену инаугурации Айсеном Сергеевичем Николаевым. Они использовались в 2023 г. в ходе второго вступления в должность главы республики. Четыре реалистичные коновязи становятся основными этническими элементами декорации, образующими ритуальное пространство. Если в 1990-е гг. они выполняли функцию сугубо культурного маркера, то в последнее время их значение изменилось кардинальным образом. В якутской традиции сэргэ, хотя и связываются с мужским началом (Яковлев 1992), однако не представляют собой исключительно маскулинный предмет. Однако у Айсена Николаева их подчеркнутое применение с активными действиями и постоянным присутствием на сцене почетного военного караула вполне могло восприниматься зрителями как претензия на фаллическую символику с явным акцентом на утверждение «мужской» модели власти.

Присутствие военнослужащих также отмечает государственный статус мероприятия, поэтому данный компонент можно рассматривать в контексте применения на сцене официальной символики – гербов и государственных флагов России и Якутии.

Почти во всех инаугурациях глав Якутии государственные флаги России и РС(Я) устанавливались на флагштоке. Герб республики в основном размещается как украшение трибуны для принесения присяги. Такая расстановка символов была установлена со времен Михаила Николаева. В 1996 г. на центральном подиуме за флагами расположился военный оркестр. К слову, это была единственная церемония с живым музыкальным сопровождением. Кроме того, флаг республики дублировался на большом заднем фоновом занавесе на сцене по всей плоскости полотна (Торжественная церемония...: видеозапись, 1997).

Принцип повторения государственной символики в декорации был применен также в ходе вступления в должность президента Вячеслава Штырова в 2002 г. Но тогда тканевое обрамление задней части сцены было оформлено полотнами в виде флагов России и Саха. Между ними располагалась условная административная карта Якутии в золотом покрытии границ. Она была еще раз использована на первой инаугурации Егора Борисова в 2010 г.

Избыточное применение государственных флагов республики на сцене устраняется с инаугурации Вячеслава Анатольевича 2007 г., когда их в заднем занавесе лаконично заменили государственные гербы России и Саха. Во время вступления в должность главы Якутии Егора Борисова в 2010 г. применялось примерно такое же оформление сцены с незначительными корректировками.

В целом в 2000-х гг. можно отметить совершенствование в демонстрации государственной символики. С 2014 г. задача комбинирования государственных символов значительно облегчается технологическими новшествами. Основную нагрузку по визуальному ряду стали выполнять большие мультимедийные экраны, улучшилась светодинамика, использовались звуковые и анимационные спецэффекты, появилась возможность прямой трансляции в общественных пространствах.

В 2014 г. в символическом оформлении инаугурационного пространства добавляется интересное новшество в виде включения муниципальной геральдики (инаугурация Егора Афанасьевича Борисова: видеозапись, 2014). За счет такого решения было продемонстрировано единство региональной власти с районными сообществами. Впервые была визуализирована своеобразная вертикаль солидарности от местного до федерального уровня.

Во всех инаугурациях используется помост между сценой и зрительным залом, который служит переходным маршрутом в ритуале инициации. Как правило, при объявлении избранного высшего должного лица политик из зрительного зала идет по нему на сцену, а после инаугурации возвращается, что материализует представления о народной природе и власти.

В нескольких инаугурациях важное символическое сообщение несет президиум на сцене инаугурации. Он представляет собой тщательно сбалансированную композицию, которая отражает линии легитимации власти, как со стороны федеральных властей, так и за счет репрезентации определенных слоев населения. В таком ключе впервые президиум был использован в 1996 г. в ходе второй инаугурации Михаила Николаева по итогам острой предвыборной гонки.

По всей видимости, можно говорить о том, что именно тогда сформировался стойкий протестный электорат, который впоследствии на выборах всех уровней будет держаться на уровне 25–30% голосов избирателей вплоть до наших дней. Однако политическим блоком того времени результаты выборов были расценены как тревожный звонок, требующий незамедлительной ответной реакции, что нашло отражение и в процедуре инаугурации. По обе стороны сцены разместился президиум в составе представителей трех ветвей власти, местного самоуправления, а также представители общественности, национальные общины, деятели науки, культуры, ветераны войны и труда.

Еще более конкурентными получились выборы 2002 г. с расколом электорального поля. В процедуре инаугурации сказанное нашло отражение в значительном усилении компенсаторной роли сцены в плане расширения состава президиума и акцентах в соблюдении этнополитической корректности.

Группу поддержки пополнили тогда руководитель Администрации президента РФ Александр Волошин, полномочный представитель президента РФ по ДВФО Константин Пуликовский, заместитель председателя Правительства РФ Алексей Кудрин, заместитель председателя Госдумы РФ Артур Чилингаров, а также губернатор Орловской области, почетный председатель Совета Федерации Егор Строев. За всю историю инаугураций в Якутии это был самый тяжеловесный состав приглашенных федеральных политиков (рис. 2).

Рис. 2. Инаугурация В.А. Штырова, 2002 г. Самый представительный состав президиума с участием федеральных и региональных гостей

На второй церемонии вступления Штырова в должность президента республики был применен такой же принцип обеспечения представительства в президиуме (Колбасина 2007) с приглашением 50 гостей из Москвы и регионов России (Березовский 2007). Но выборы тогда были отменены, и, соответственно, необходимость максимально обеспечивать явку федерального руководства отпала. Отличительной особенностью стало предоставление слова достаточно большому количеству персон из состава президиума. По своему содержанию это были выступления не

только со словами поддержки и напутствия, но и с пожеланиями и наказаниями определенных социальных категорий.

Инаугурации Егора Борисова также прошли с приглашением федеральных и региональных гостей, однако им была отведена сугубо символическая роль без проявления активности на сцене. Отказ от президентства происходит с избранием на должность главы республики Айсена Николаева. В 2018 г. роль обеспечения легитимации со стороны федеральных органов государственной власти отводится заместителю председателя Правительства РФ – полномочному представителю президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрию Трутневу. А в 2023 г. инаугурация главы Якутии прошла как мероприятие сугубо местного значения без специального обозначения присутствия тех или иных федеральных фигур.

Постоянные и переменные слагаемые церемониального регламента

Основы церемониального регламента инаугурации первых лиц Якутии были заложены при первом президенте республики, а в последующем каждый избранный глава региона вносил в него определенные коррективы, отражающие специфику этнополитической ситуации. По итогам анализа всех инаугураций глав Якутии в структуре их эволюции можно выделить: постоянное ядро; вариативную часть, которая может меняться в зависимости от конкретного политического контекста; а также последние новшества – актуальные тенденции, пока не ставшие традицией, но способные, на наш взгляд, закрепиться в последующих инаугурациях (рис. 3). При этом любая церемония состоит из таких компонентов, как символы и атрибутика, ритуальные действия, визуальные коды и пространственная организация. Эти компоненты характеризуются подвижностью в ходе развития института инаугурации. В зависимости от политической обстановки и практической целесообразности они могут циркулировать: двигаться из ядра церемонии к ее вариативной части и далее оказаться вне политического ритуала с возможностью возврата в следующих циклах.

Первая инаугурация президента Республики Саха должна была не только обеспечить легитимность избрания высшего должностного лица, но и стать политическим актом, символизирующим переход от советского строя к демократической форме правления. Возникла необходимость определения и обоснования места и роли Якутии во времени и формирующемся политическом пространстве с обозначением соответствующих смыслов и нарративов. Такую посредническую роль между политическим лидером и общественностью в 1991 г. сыграл один из ве-

дущих российских ученых-историков, директор Института языка, литературы и истории Василий Николаевич Иванов. В своем докладе во время инаугурации он подробно обрисовал исторический путь Якутии, осветил вопросы ее вхождения в состав Российского государства, отметил роль коренных народов в освоении Северо-Востока Азии, вклад представителей национальной интеллигенции в развитие государственности и конституционного устройства Республики Саха, дал характеристику геостратегическому положению региона.

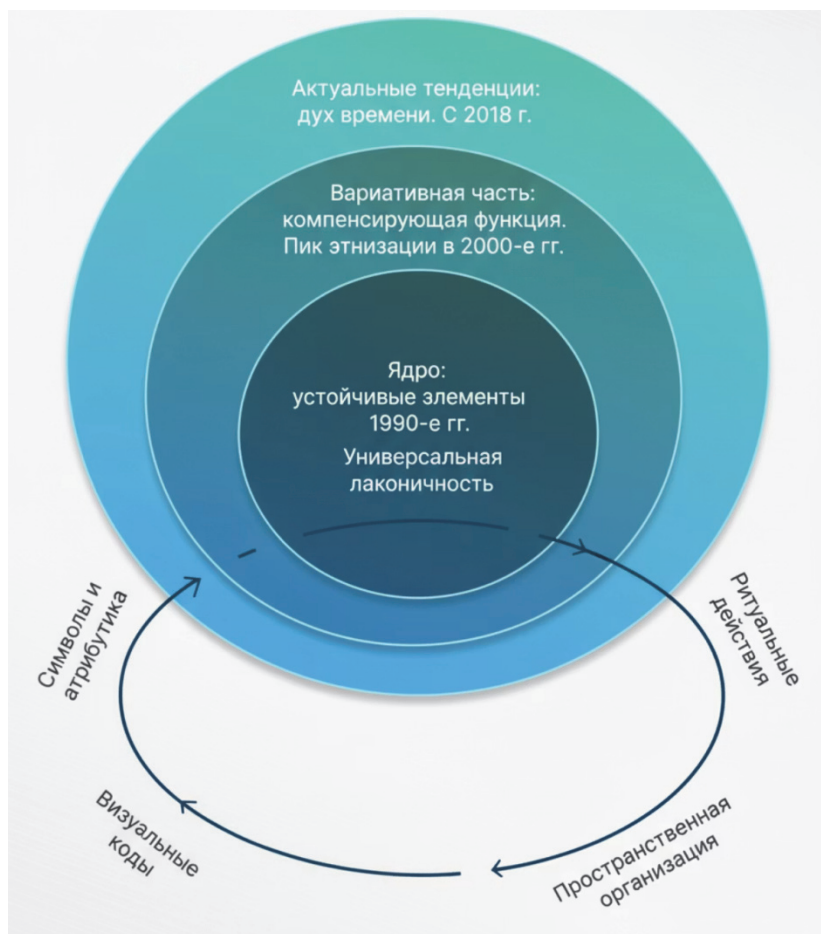

Рис. 3. Структура эволюции института инаугурации

Обратимся к разбору характерных черт постоянных элементов инаугураций глав Якутии. Традиционным элементом церемонии вступления в должность высшего должностного лица региона стало объявление

председателем Центральной избирательной комиссии результатов голосования. Данным политическим ритуалом подчеркивается законность избранного руководителя и посылается месседж о связи между наделением полномочий и свободным волеизъявлением народа. При этом председателем ЦИК дается общая оценка процедуре голосования, политической обстановке во время выборов, а также соответствию требованиям законодательства. Так, председатель ЦИК Якутии Владимир Михайлов в 1996 г. в духе того времени отметил условия гласности, поддержку курса демократических реформ. Кроме того, он подчеркнул роль избранного президента в обеспечении статуса республики как «равного среди равных». В 2002 г. в речи председателя ЦИК был сделан акцент на остроте предвыборной гонки и начале так называемого этапа «второго президентства» в новейшей политической истории Якутии (Церемония...: видеозапись, 2002).

Действительно, тогда президентские выборы прошли драматично с двумя турами голосования на фоне обострения этнополитической обстановки в республике.

В 2007 и 2010 гг. инаугурации прошли без участия председателя ЦИК Якутии в связи с отменой прямых губернаторских выборов (Указ Президента РФ 2004). Тогда кандидатура на должность высшего должностного лица субъекта Федерации вносилась президентом страны на утверждение соответствующему законодательному органу. Соответственно, инаугурации Вячеслава Штырова в 2007 г. и Егора Борисова в 2010 г. состоялись по итогам рассмотрения кандидатур Государственным собранием республики по представлению президента России.

В первом случае постановление о наделении полномочиями Президента РС(Я) было впервые принято Государственным собранием (Ил Тумэн). В своей речи спикер Нюргун Тимофеев отметил необходимость выстраивания паритетного взаимодействия республики с федеральными органами государственной власти. Если в 1990-е гг. избранному лидеру вручались свидетельства об избрании и удостоверение президента РС(Я), то в этот раз ему было передано постановление регионального парламента о наделении полномочиями президента, распечатанное на деревянной доске, что говорит о попытке овеществления документа в качестве символа как метода усиления и придания веса политическому жесту. В 2010 г. на инаугурации Егора Борисова ту же роль исполнил Председатель Государственного собрания (Ил Тумэн) Виталий Басыгысов. Обосновывая легитимность процедуры наделения полномочиями главы региона, он подчеркнул важность партийного механизма в принятии государственных решений. Документ о наделении полномочиями высшего должностного лица был оформлен в папке в национальном стиле.

В обеих инаугурациях опредмечивание формальных документов в символ власти соответствует синкретичным представлениям в традиционных политико-потестарных культурах.

В наиболее яркой форме это выражено в официальном символе президента Якутии (с 2002 г.), который представляет собой булаву длиной 42 см из поделочного камня, серебра, золота со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. Изделие имеет декоративную подставку, представляющую собой композицию из трех стилизованных сэргэ из чароита, увенчанных серебряными чоронами². Они орнаментированы серебряными поясками, а сами коновязи расположены в форме треугольника на круглом основании из нефрита. Элементы композиции горизонтально объединены посредством узких серебряных полосок, украшенных позолоченным национальным орнаментом и накладной плоской фигурой лошади из золота и серебра (Описание официального символа Главы Республики Саха (Якутия); Указ Президента Республики Саха (Якутия)... 2014).

Церемониальная булава использовалась как символ передачи власти в инаугурациях в 2002 и 2010 гг., декоративная подставка при этом устанавливалась на столе избранного главы Якутии во время инаугурации (рис. 4).

Рис. 4. Инаугурация Е.А. Борисова, 2010 г. Церемониальная булава и нашейное серебряное изделие демонстрируются как символ передачи власти. Памятный экземпляр цепи также вручен В.А. Штырову в знак признания заслуг перед республикой

Центральным компонентом церемонии является принесение присяги главы региона на двух государственных языках. Его составные части – внесение конституции и церемониального знака, объявление государственных гимнов России и Якутии. Церемониальный знак главы Республики Саха (Якутия) вручается Председателем Конституционного суда РС(Я) непосредственно после принесения главой Республики Саха (Якутия) присяги при вступлении его в должность и носится главой Республики Саха (Якутия) во время государственных торжеств, важнейших официальных мероприятий и церемоний. Данный церемониальный знак относится к вспомогательной государственной символике. Он представляет собой носимое на шейной цепи с элементами якутского национального орнамента фигурное украшение в виде государственного герба Республики Саха (Якутия) (см. рис. 4).

По своему происхождению этот знак восходит к якутскому украшению – нагрудному кресту из серебра, который, как правило, передавался от старшего мужчины из рода. Серебро у якутов считается особым материалом, обладающим определенной силой в религиозно-культурной практике (Бравина, Иванова, Унарова 2020; Габышева 2021). По мнению историков, крест в материальной культуре якутов включает в себя элементы традиционного якутского верования и знак принадлежности к христианству, а вместе с тем и к империи. Этот металл ассоциируется с благородством и чистотой (Яковлева, Слепцова, Дивдевилова 2017).

В 2010 г. избранный глава Якутии Егор Борисов, сменяя на посту Вячеслава Штырова, преподнес ему памятный церемониальный знак главы республики (инаугурация Е.А. Борисова: видеозапись, 2010). Данный жест был отходом от государственного протокола, но вместе с тем его можно было и трактовать как проявление уважения к вкладу предыдущего руководителя в развитие региона. В якутской традиции это однозначно ассоциируется с ритуалом благодарности и сохранения преемственности. В целом передача власти от технократа-хозяйственника Штырова к администратору-прагматику Борисову прошла на принципах преемственности политической традиции. В 2014 г. Егор Афанасьевич досрочно сложил полномочия, чтобы избраться на должность главы республики на новый срок. Этот шаг был связан с очередными изменениями в федеральном законодательстве

Непосредственным церемониймейстером в 2014 г. выступал Председатель Конституционного суда РС(Я), именно он обеспечивал соблюдение государственного протокола. Присутствие высшей судебной ветви власти подчеркивало законность инаугурации и соответствие ее Конституции Якутии. Однако Конституционный суд Республики Саха (Якутия) был упразднён с 1 июля 2021 г. в рамках конституционной реформы в Российской Федерации. Вместо него был создан Конституционный совет, который действует при Госсобрании Якутии. В этой связи в 2023 г.

участие представителя судебной ветви власти было исключено из церемонии инаугурации, и избранный глава региона Айсен Николаев прибыл на место проведения инаугурации с символом власти высшего должностного лица. Соответственно, церемония, в том числе объявление Николаева главой республики, велась дикторским голосом.

Принесение клятвы во время инаугурации главы Республики Саха (Якутия) имеет и символическое, и юридическое значение, где подчеркивается верность незыблемым основам государственности, а также ответственность перед избирателями. Самая важная функция клятвы – это укрепление доверия к власти. Поэтому в Якутии с учетом этнокультурных особенностей она произносится на двух государственных языках.

Первоначальная редакция государственной присяги была принята в 1991 г.: «Клянусь своей честью и достоинством, что буду добросовестно выполнять обязанности президента ЯАССР, соблюдать Конституцию и законы ЯАССР, Конституцию и законы РФ, защищать суверенитет ЯАССР, уважать и охранять права человека и гражданина, защищать права и интересы многонационального народа ЯАССР» (Инаугурация первого Президента РС(Я) М.Е. Николаева: видеозапись, 1991).

С тех пор в нее четырежды вносились правки, которые отражают эволюцию политической автономии Якутии в составе Российской Федерации. В 1996 г. были внесены коррективы в связи с утверждением нового наименования региона – Республика Саха (Якутия). В 2002 г. из нее, как ни парадоксально, убрали слова о соблюдении Конституции и законов РФ, термин «суверенитет» был заменен на «государственный статус», а с 2007 г. речь идет о защите национально-государственного статуса республики. Ныне действующая редакция была принята в 2014 г.: основная часть клятвы осталась в неизменном виде и в нее вернули обязанность соблюдать Конституцию РФ и федеральные законы.

Очередность произнесения клятвы на государственных языках республики, по всей видимости, устанавливается в зависимости от текущей этнополитической обстановки и соображений политической корректности. Как правило, избранные главы начинали принесение присяги с русскоязычного варианта, исключением стали 2002, 2007 и 2018 гг. В первых двух случаях можно говорить о желании соблюдать баланс в этнополитической традиции. Начиная государственную речь на якутском языке, русский по национальности Вячеслав Штыров сделал жест уважения коренному населению республики, смягчающий неоднозначное впечатление от фактов давления федеральной власти в ходе предвыборного периода.

В целом же процедура принесения присяги стандартна за исключением одного примечательного момента, отмеченного нами в инаугурации 1991 г. Если все последующие избранные главы республики клали руку на Основной закон республики, то во время своей речи первый пре-

зидент Михаил Ефимович прижал правую руку к сердцу в духе американской политической традиции, так как на тот момент Конституция Республики Саха еще не была принята (рис. 5). Известно, что жест «рука на сердце» предусмотрен по Кодексу о флаге США с 1942 г. Позднее этот знак позаимствует Айсен Николаев, который в ходе инаугурации в 2018 г. несколько раз выразил таким образом благодарность собравшейся в зале публике. Впрочем, возможно, это была отсылка к другой традиции – якутскому поклону признательности.

Рис. 5. Инаугурация М.Е. Николаева, 1991 г. Применение жеста «рука на сердце» вероятно объясняется отсутствием на тот момент у республики Основного закона

Следующим обязательным компонентом инаугурации глав Якутии является исполнение государственного гимна. Но так было не всегда, слова и музыка гимна России были утверждены только в 2000 г., а первое официальное исполнение гимна Якутии состоялось лишь 27 апреля 2004 г. Во время первой инаугурации 1991 г. в ходе ритуала облачения избранного президента в национальный костюм прозвучала песня Айхал Ырыата («Песнь славы») из национальной оперы «Ньургун Ботур Стремительный», но все же не в качестве официального гимна. Позже в сентябре 1995 г. эта песня была предложена в таком качестве на заседании Государственного собрания Республики Саха, но инаугурация 1996 г. прошла без звучания композиций, претендовавших на официальный статус.

Традиция последовательного исполнения государственных гимнов России и Якутии была заложена президентом Вячеславом Штыровым. Во время его первой инаугурации после официального гимна России государственным хором была исполнена песня Айхал Ырыата. А сама церемония вступления в должность завершилась звучанием песни Сахам Сирэ Барахсан (музыка – Гранта Григоряна, стихи – Ивана Гоголева) (Церемония...: видеозапись, 2002), по сей день считающейся в народе неофициальным гимном Якутии. 26 марта 2003 г. Вячеслав Штыров своим указом создал комиссию по подготовке гимна под руководством Е.С. Никитиной, которая представила «Саргы ырыата» Государственному собранию Республики Саха. Через год государственный гимн был утвержден, и в 2007 г. он прозвучал на второй инаугурации Штырова после гимна Российской Федерации (Репортаж церемонии...: видеозапись, 2007). Так была заложена новая традиция регионального политического этикета, которая соблюдалась в последующих на церемониях вступления Егора Борисова в должность главы Якутии в 2010 и 2014 гг.

В 2018 г. президент России принял отставку Егора Борисова и назначил экс-мэра города Якутска Айсена Николаева временно исполняющим обязанности Главы Республики Саха (Якутия) с последующим избранием осенью того же года. Новый глава, по всей видимости, не желал ассоциироваться с прежней системой и стремился к формированию имиджа современного лидера. Это нашло отражение, в том числе, в существенных изменениях процедуры инаугурации.

К примеру, в 2018 и 2023 гг. на церемониях инаугурации Айсена Николаева после принесения государственной присяги прозвучал только гимн РФ. Не исключено, что это согласуется с общей тенденцией деполитизации этничности в России. Это свидетельствует о формировании политической нации в России и отчасти напоминает западную модель мультикультурализма, где этничность допустима в приватной сфере, но не в публичной политике.

В 2023 г. Айсен Николаев вновь победил на выборах главы Республики Саха (Якутия). Важным общественно-политическим фактором стал

режим проведения специальной военной операции. В политическом церемониале это проявилось в акценте на участии военного оркестра и почетного караула в инаугурации, присутствии в зале группы ветеранов войны, что должно было подчеркнуть связь региональной власти с федеральным центром и продемонстрировать поддержку курса, направленного на обеспечение единства.

Кроме того, проявились явные признаки централизации символики. В частности, данная тенденция прослеживается в исключении ритуала облачения политического лидера в национальный костюм из церемонии инаугурации Айсена Николаева. Традиция, заложенная при первом президенте Якутии, подчеркивала двойную легитимность избранного лидера: как выразителя интересов своего народа и как представителя единой вертикали власти. Наиболее полное описание данного ритуала прозвучало на инаугурации Вячеслава Штырова: «Из глубин веков пришел торжественный обряд посвящения верховного главы Земли Олонхо, облаченного высочайшим доверием народа, призванного защитить каждую семью, ответственного за обустройство мирной жизни на всей земле Саха. Облачение его в головной убор из отборнейшего соболя – дара хозяина тайги. В кафтан, сшитый искусными мастерицами – последовательницами покровительницы людей Срединного мира. И подпоясаться серебряным ремнем с булатным кинжалом – кортиком, символом великой ответственности за народ» (Церемония...: видеозапись, 2002).

Ритуал облачения, как правило, проходил с участием представителей Совета старейшин республики, среди которых были как мужчины, так и женщины. Но впервые раз во время инаугурации его провел народный писатель Суорун-Омоллоон. Ему помогли три девушки в национальной одежде, державшие составной серебряный пояс с выгравированным орнаментом, соболю шапку и камзол черного цвета, украшенный бисером и меховой оторочкой, напоминающий камзолы с реконструкции известного этнографа-художника Михаила Михайловича Носова (инаугурация первого Президента РС (СЯ) М.Е. Николаева: фрагмент видеозаписи, 1991).

В царское время серебряный пояс являлся элементом одежды якутской знати. Он символизировал политический и социальный статус носителя, его экономическое благосостояние. Как правило, его носили главы родов и наследные князцы.

Кортик же являлся знаком власти, которым местную знать наделяли царские чиновники. Интересное описание имеется в воспоминаниях Егора Борисова, его предок Уот Сирэй Кыдаала (при крещении – Федот Борисов) «оформил на себя необходимые документы, получил титул наследного князца и с печатью вернулся обратно в родные края... В Чурапчинском музее до сих пор бережно хранится уникальный экспонат –

кортик моего предка, князца Федота Борисова с фабричным клеймом 1771 года» (Березовский 2020).

В дальнейшем ритуал облачения лидера в национальный костюм существенно не изменялся. В нарядах появлялись разные «мужские» цвета и акценты в зависимости от индивидуальных предпочтений политических лидеров (рис. 6).

Рис. 6. Инаугурация Е.А. Борисова, 2010 г.
Завершение ритуала облачения в национальную одежду

Таким образом, исключение старинного ритуала инициации власти с глубинным смыслом легитимации из церемонии инаугурации 2018 г. можно расценивать как превращение этничности в декоративный элемент, а не фактор политики.

В инаугурациях Айсена Николаева исключение церемонии обряжения в национальную одежду в какой-то степени восполняется участием первой леди Людмилы Валерьевны Николаевой. Совместное появление супружеской четы на инаугурации подчеркивало гармонию публичной и частной жизни, обновление традиции и, возможно, поддержку социальных инициатив. В гендерном аспекте это свидетельствует об укреплении консервативной модели взаимоотношений, подчеркивая мягкую силу женщины как хранительницы очага в тени мужчины-лидера. Статус Людмилы Валерьевны как крупного руководителя не отменяет об-

щего гендерного дисбаланса в политике, но подчеркивает символическое признание женского лидерства (инаугурации А.С. Николаева: видеозаписи, 2018, 2023).

Исследователи отмечают высокий статус женщины у якутов, отмечая ее возможность встать во главе семьи. Среди якутских женщин встречались такие, кто руководил хозяйством, их почтительно называли «бас дьахтар» («женщина-глава») или «хотун» («госпожа»), и пишут о том, что ритуальный статус якутской женщины в целом можно определить как «маркер перехода». «Такая знаковость основывается на представлениях о женщине как о существе, способном проникать в сопредельные зоны и мифологические пространства» (Данилова 2019).

С этой точки зрения участие Л.В. Николаевой в инаугурации 2023 г. можно интерпретировать как символ гаранта гармоничного перехода, олицетворение поддержки семьи и всего народа. Медиативная роль супруги между лидером и обществом компенсирует холодные технократические и чиновничьи черты Айсена Сергеевича, очеловечивает его образ, делая его менее официальным и более понятным людям. Русский фольклорист и этнограф И.А. Худяков отмечал: «Якуты уважают женатого человека. Жениться, по их мнению, значит, стать человеком или в люди выйти» (Худяков 1969). Людмила Валерьевна своим присутствием маркировала смену состояния – обновление обряда инаугурации национального лидера, что знаменовало переход от старого к новому. Возможно, ее участие также было своеобразным выражением благодарности женскому электорату.

В девяностые годы в завершающей части инаугураций президента Якутии прослеживались элементы, оставшиеся из советского протокола, в частности из инаугурации Михаила Горбачева. К таким элементам вполне можно отнести праздничный концерт и выход детей с цветами (Корякина 1991: 1), по-видимому, придававшие церемонии торжественность.

Заключение

Таким образом, на примере эволюции политического церемониала в Якутии мы рассмотрели динамику изменения соотношения традиционного и универсального компонентов. Избранный методологический подход позволил сделать следующие выводы.

В целом становление института инаугурации в Республике Саха произошло как ответ на дестабилизацию политической системы страны. В середине девяностых годов по своему содержанию этот процесс прошел как своеобразный общественно-политический эксперимент по изобретению новых практик в русле концепции переходных ритуалов. В 2000-х гг. инаугурация в регионе стала обязательным официальным

мероприятием, без которого нельзя представить полноценную легитимацию политического лидера в новом статусе.

По итогам анализа эволюции института инаугурации в Якутии выделено присутствие в церемонии трех составляющих, которые описывают характер его развития: это формирование постоянного ядра инаугурации, вариативной части со специфичной компенсаторной функцией и актуальные тенденции, отражающие дух времени, способные со временем закольцевать цикл, став частью традиции и ядра церемонии.

Специфичность политического ритуала в Якутии заключается в том, что он стал инструментом использования архаичных эталонов в новой реальности как неких незыблемых основ. Вместе с тем интенсивность их проявления может ослабевать или усиливаться в зависимости от потребностей власти, перемещаясь между ядром и вариативной частью инаугурации.

Это означает активную адаптацию элементов традиционной этнической культуры в современный политический процесс. Проявления этнополитических мотивов в инаугурации можно выделить в символике, атрибутике, пространственной организации, ритуальных действиях инициации, а также в визуальных кодах. Они используются главным образом для конструирования образа власти.

Согласно избранному теоретическому подходу, мы сделали акцент на определение степени ритуализации церемоний вместо поиска ритуалов в чистом виде. Проникновение форм народной культуры в сферу политической жизни проявилось в выраженном компенсаторном характере инаугураций, что было важно в первую очередь для обеспечения этнополитического баланса. Именно поэтому многие компоненты по своему происхождению восходят к древней якутской мифологии, традиции и космологии. Благодаря компенсирующей функции ритуала происходит не только легитимация национального лидера, но и, к примеру, признание изменений в избирательной системе, принятие изменчивых способов наделения полномочиями высшего должностного лица.

В ходе исследования подтвердилось предположение о выполнении политическим ритуалом в Якутии функции двойной легитимации, когда с учетом этнополитического баланса в соответствии с принципом целесообразности активно применялись этнические мотивы, начиная с ритуальных символов и кончая обрядом инициации – обряжения избранного лидера. Наиболее четко описываемая тенденция мозаичного формирования процедуры инаугурации прослеживается в 2002 и 2007 гг.

В то же время роль традиционных пространственных представлений неизменна. Народные воззрения якутов о священном древе универсально ложатся в разный контекст текущей политической повестки. Поэтому с учетом феномена двойной легитимации попытка проведения

инициации нового лидера без привязки к условному «центру мироздания» может обернуться имиджевыми потерями или временной утратой лояльности со стороны отдельных категорий населения.

Из основных тенденций эволюции инаугурации в Республике Саха мы отмечаем существенную централизацию символов, расширение интерактивных элементов церемонии и претензию на вытеснение фактора этничности в гражданское поле. Эти признаки прослеживаются в движении от универсального минимализма к персонифицированной помпезности, что напрямую соотносится с процессами укрепления вертикали власти. Таким образом, в Якутии инаугурация имеет выраженный репрезентативный характер, концентрируя в себе все состояние политической культуры и обстановки в конкретном избирательном цикле.

Примечания

¹ Данный танец – один из самых архаичных памятников традиционной культуры якутов, имеет обрядовое происхождение и связан с солярным культом (Стручкова 2005: 18–19).

² Традиционный якутский сосуд для питья, имеющий ритуальное значение в культуре саха.

Список источников

- Березовский А. Операция «Инаугурация» // Наше время. 26 января. 1 февраля 2007. № 3. С. 3.
- Березовский А. С. Егор Борисов. М.: Молодая Гвардия, 2020. 452 с.
- Бравина Р.И., Иванова-Унарова З.И. Сияние серебра: традиционные украшения якутов. От истоков к современности // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 2. С. 51–62.
- Ван Геннеп А. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. с фр. М.: Восточная литература, 1999.
- Габышева А.Л. Блеск и звон серебра. По материалам коллекции национального художественного музея Республики Саха (Якутия) // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 89–99.
- Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
- Головнева Е.В. Фотография как метод визуального исследования традиционных этнических сообществ (на примере творчества В.К. Арсеньева) // Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития: сб. ст. Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 188–193.
- Грибчатов Е. Егор Борисов – третий президент // Эхо столицы. 18 июня 2010. № 45. С. 1–3.
- Данилова Н.К. «Дом – мир женщины»: сакральные женские образы и феминная символика в жизненном пространстве народа саха // Человек и культура. 2019. № 3. С. 13–27.
- Инаугурация Е.А. Борисова [Видеозапись]: Якутск 17 июня 2010. Видеоархив Национальной вещательной компании «Саха». DVcam (184) 1083.
- Инаугурация Егора Афанасьевича Борисова [Видеозапись]: Якутск. 27.09.2014. Видеоархив Национальной вещательной компании «Саха». ЛТО № 41.
- Инаугурация первого Президента РС(Я) М.Е. Николаева : фрагмент видеозаписи, 1991. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KfRZTRD21F0> (дата обращения: 05.05.2025).

- Инаугурация Главы республики Саха (Якутия) Айсена Николаева (27.09.18). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nqvTzS0zZh8> (дата обращения: 05.05.2025).
- История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. С.И. Боякова. Новосибирск: Наука, 2020. Т. 3.
- Колбасина М. Ветер дует в наши паруса // Якутия. 30 января 2007. С. 17.
- Корякина Т. Земля Олонхо поздравляет первого президента // Якутия. 28 декабря 1991. № 117. С. 1.
- Круткин В.Л. Антропологические основания фотографического опыта // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2005. № 2. С. 119–130.
- Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977.
- Описание официального символа Главы Республики Саха (Якутия). Утверждено Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 25 января 2002 года № 1708. URL: <https://docs.cntd.ru/document/815001581/titles/QAOAJG>
- Репортаж церемонии вступления в должность Президента РС(Я) В.А. Штырова [Видеозапись]: Якутск 27 января 2007. Видеоархив Национальной вещательной компании «Саха». dtp 26 (90) 1988.
- Стручкова Н.А. Формирование кинетического компонента в ритуальной практике (на примере генезиса якутского кругового хороводного танца осуохай) / отв. ред. А.И. Гоголев. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
- Торжественная церемония вступления в должность Президента РС(Я) М.Е. Николаева (от 29 декабря 1996 г., на второй срок) [Видеозапись]: Якутск 12 января 1997. Видеоархив Национальной вещательной компании «Саха». 346 (90) 2428.
- Торжественная церемония вступления в должность Главы РС(Я) (27.09.23). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ta8hez31WRc> (дата обращения: 05.05.2025).
- Указ Президента Республики Саха (Якутия) об официальном символе Главы Республики Саха (Якутия) (в ред. Указа Главы РС(Я) от 24.09.2014 № 2879). URL: <https://glava.sakha.gov.ru/simvoli-glavi>
- Указ Президента РФ от 27.12.2004 № 1603 (ред. от 11.02.2006) «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50945/
- Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
- Церемония торжественного вступления в должность Президента РС(Я) В.А. Штырова [Видеозапись]: Якутск 28 января 2002. Видеоархив Национальной вещательной компании «Саха». 0402 (90) 1485.
- Яковлев В.Ф. Сэргэ (коновязь). Якутск: Ситим, 1992. Ч. 1.
- Яковлева К.М., Слепцова А.А., Дивдевилова Е.Н. Христианский крест в культуре якутов // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11–1. С. 125–128.
- Mead M. Visual Anthropology in a Discipline of Words // Principles of Visual Anthropology / ed. P. Hockings. New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 3–10.
- Moallem M. Multicultural Nationalism and The Poetics of Inauguration? // Between woman and nation: Transnational Feminisms and the State. Durham and London: Duke University Press, 1999. P. 243–263.
- Sela R. Ritual and authority in Central Asia: the Khan's inauguration ceremony. Bloomington, Ind.: Indiana Univ., Research Inst. for Inner Asian Studies, 2003.
- Smith A.D. Nationalism: Theory, Ideology, History. 2nd Edition. 2010.
- Turner V. The ritual process. Structure and Anti-Structure. The Lewis Henry Morgan Lectures. New York, 1969.
- Wulf Ch. Ritual, Macht und Performanz: die Inauguration des amerikanischen Präsidenten // Wulf Ch. Die Kultur des Rituals. 2004. P. 49–61.

References

- Berezovskii A. (2007) Operatsiia "Inauguratsiia" [Operation "Inauguration"]. *Nashe vremia*. 26 January. 1 February. no. 3. P. 3.
- Berezovskii A.S. (2020) *Egor Borisov*. Moscow: Molodaia Gvardiia.
- Bravina R.I. & Ivanova-Unarova Z.I. (2020) Siianie serebra: traditsionnye ukrasheniia iakutov. Ot istokov k sovremennosti [The Glow of Silver: The Traditional Ornaments of The Yakuts. From The Origins To The Present]. *Traditsionnaia kul'tura*. 21 (2). pp. 51–62.
- van Gennep A. (1999) *Obriady perekhoda: sistematicheskoe izuchenie obriadov* [Les rites de passage]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Gabyшева A.L. (2021) Blesk i zvon serebra. Po materialam kollektsii natsional'nogo khudozhestvennogo muzeia Respubliki Sakha (Iakutiia) [The Glitter and Tinkle of Silver. Based On The Materials Of The Collection Of The National Art Museum Of The RS (Ya)]. *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. 3. pp. 89–99.
- Geertz C. (2004) *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Cultures] / Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
- Golovneva E.V. (2019) Fotografiiia kak metod vizual'nogo issledovaniia traditsionnykh etnicheskikh soobshchestv (na primere tvorchestva V.K. Arsen'eva) [Photography as a method of visual research of traditional ethnic communities (using the work of V.K. Arsenyev as an example)]. In: *Polilingvizm i polikul'turnost' v kommunikatsionno-obrazovatel'nom prostranstve universiteta v epokhu postgramotnosti: nakoplennyi opyt i perspektivy razvitiia. Sbornik statei* [Multilingualism and Multiculturalism in the University's Communication and Educational Space in the Post-Literacy Era: Accumulated Experience and Development Prospects. A Collection of Articles]. Ekaterinburg: UrFU. pp. 188–193.
- Gribchatov E. (2010) Egor Borisov – tretii prezident [Yegor Borisov is the third president]. *Ekho stolitsy*. 18 June. no. 45. pp. 1–3.
- Danilova N.K. (2019) «Dom – mir zhenshchiny»: sakral'nye zhenskie obrazy i feminnaia simvolika v zhiznennom prostranstve naroda sakha ["Home is a woman's world": sacred female images and feminine symbolism in the living space of the Sakha people]. *Chelovek i kul'tura*. 3. P. 13–27.
- Inauguratsiia E.A. Borisova (Videozapis') [Inauguration of E.A. Borisova (Video recording)]: Yakutsk 17 June 2010. Videoarkhiv Natsional'noi veshchatel'noi kompanii "Sakha" [Video archive of the National Broadcasting Company "Sakha"]. DVcam (184) 1083.
- Inauguratsiia Egora Afanas'evicha Borisova (Videozapis') [Inauguration of Egor Afanasyevich Borisov (Video recording)]: Yakutsk 27.09.2014. Videoarkhiv Natsional'noi veshchatel'noi kompanii "Sakha" [Video archive of the National Broadcasting Company "Sakha"]. LTO № 41.
- Inauguratsiia pervogo Prezidenta RS(Ia) M.E. Nikolaeva : fragment videozapisi, 1991 [Inauguration of the first President of the Republic of Sakha (Yakutia) M.E. Nikolaev: video fragment, 1991]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KfRZTRD2IF0> (Accessed 05.05.2025).
- Inauguratsiia Glavy respubliki Sakha (Iakutiia) Aisena Nikolaeva (27.09.18) [Inauguration of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) Aisen Nikolaev (September 27, 2018)]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=nqvTzS0zZh8> (Accessed 05.05.2025)
- Istoriia Iakutii: v 3 tomakh* [History of Yakutia: in 3 volumes] / under the general editorship of A.N. Alekseev, responsible editor S.I. Boyakov. Novosibirsk: Nauka, 2020. Vol. 3.
- Kolbasina M. (2007) Veter duet v nashi parusa [The wind is blowing in our sails]. *Iakutiia*. 30 January. P. 17.
- Koriakina T. (1991) Zemlia Olonkho pozdravliaet pervogo prezidenta [The Land of Olonkho congratulates its first president]. *Iakutiia*. 28 December. no. 117. P. 1.

- Krutkin V.L. (2005) *Antropologicheskie osnovaniia fotograficheskogo opyta* [The Anthropological Bases of Photographic Experience]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofii, psikhologii, pedagogika*. 2. pp. 119–130.
- Ksenofontov G.V. (1977) *Elleyada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii iakutov* [Elleyada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts]. Moscow: Nauka.
- Opisanie ofitsial'nogo simvola Glavy Respubliki Sakha (Iakutiia). Utverzhdeno Ukazom Prezidenta Respubliki Sakha (Iakutiia) ot 25 ianvaria 2002 goda № 1708 [Description of the official symbol of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia). Approved by Decree of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) dated January 25, 2002 No. 1708]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/815001581/titles/QAOAJG>
- Reportazh tseremonii vstupleniia v dolzhnost' Prezidenta RS(Ia) V.A. Shtyrova (Videozapis'): Iakutsk 27 ianvaria 2007 [Report of the inauguration ceremony of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) V.A. Shtyrov (Video recording): Yakutsk, January 27, 2007]. Videoarkhiv Natsional'noi veshchatel'noi kompanii "Sakha" [Video archive of the National Broadcasting Company "Sakha"]. dip 26 (90) 1988.
- Struchkova N.A. (2005) *Formirovanie kineticheskogo komponenta v ritual'noi praktike (na primere genezisa iakutskogo krugovogo khorovodnogo tantsa osuokhai)* [Formation of the kinetic component in ritual practice (using the example of the genesis of the Yakut circular dance osuokhai)] / ed. by A.I. Gogolev. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Torzhestvennaia tseremoniia vstupleniia v dolzhnost' Prezidenta RS(Ia) M.E. Nikolaeva (ot 29 dekabria 1996g., na vtoroi srok) (Videozapis'): Iakutsk 12 ianvaria 1997 [The inauguration ceremony of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) M.E. Nikolaev (December 29, 1996, for a second term) (Video recording): Yakutsk, January 12, 1997]. Videoarkhiv Natsional'noi veshchatel'noi kompanii "Sakha" [Video archive of the National Broadcasting Company "Sakha"]. 346 (90) 2428.
- Torzhestvennaia tseremoniia vstupleniia v dolzhnost' Glavy RS(Ia) (27.09.23) [Inauguration ceremony of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) (September 27, 2023)]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ta8hez3lWRc> (Accessed 05.05.2025).
- Ukaz Prezidenta Respubliki Sakha (Iakutiia) ob ofitsial'nom simvole Glavy Respubliki Sakha (Iakutiia) (v red. Ukaza Glavy RS(Ia) ot 24.09.2014 N 2879) [Decree of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) on the official symbol of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) (as amended by Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) dated September 24, 2014 N 2879)]. Available at: <https://glava.sakha.gov.ru/simvoli-glavi>
- Ukaz Prezidenta RF ot 27.12.2004 N 1603 (red. ot 11.02.2006) "O poriadke rassmotreniia kandidatur na dolzhnost' vysshego dolzhnostnogo litsa (rukovoditelia vysshego ispolnitel'nogo organa gosudarstvennoi vlasti) sub"ekta Rossiiskoi Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation of 27.12.2004 N 1603 (as amended on 11.02.2006) "On the procedure for considering candidates for the position of the highest official (head of the highest executive body of state power) of a constituent entity of the Russian Federation"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50945/
- Khudiakov I.A. (1969) *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk District]. Leningrad.
- Tseremoniia torzhestvennogo vstupleniia v dolzhnost' Prezidenta RS(Ia) V.A. Shtyrova (Videozapis'): Iakutsk 28 ianvaria 2002 [Inauguration ceremony of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) V.A. Shtyrov (Video recording): Yakutsk, January 28, 2002]. Videoarkhiv Natsional'noi veshchatel'noi kompanii "Sakha" [Video archive of the National Broadcasting Company "Sakha"]. 0402 (90) 1485.
- Iakovlev V.F. (1992) *Serge (konoviaz')* [Serge (hitching post)]. Iakutsk: Sitim. Is. 1.
- Iakovleva K.M., Sleptsova A.A. & Divdevilova E.N. (2017) *Khristianskii krest v kul'ture iakutov* [Christian Cross in The Yakut Culture]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 11–1. pp. 125–128.

- Mead M. (1995) Visual Anthropology in a Discipline of Words. In: *Principles of Visual Anthropology* / ed. P. Hockings. New York: Mouton de Gruyter. pp. 3–10.
- Moallem M. (1999) Multicultural Nationalism and The Poetics of Inauguration? In: *Between woman and nation: Transnational Feminisms and the State*. Durham and London: Duke University Press. pp. 243–263.
- Sela R. (2003) *Ritual and authority in Central Asia: the Khan's inauguration ceremony*. Bloomington, Ind.: Indiana Univ., Research Inst. for Inner Asian Studies.
- Smith A.D. (2010) *Nationalism: Theory, Ideology, History*. 2nd Edition.
- Turner V. (1969) *The ritual process. Structure and Anti-Structure. The Lewis Henry Morgan Lectures*. New York.
- Wulf Ch. (2004) Ritual, Macht und Performanz: die Inauguration des amerikanischen Präsidenten. In: Wulf Ch. *Die Kultur des Rituals*. pp. 49–61.

Сведения об авторах:

ПАРФЕНОВА Ольга Афанасьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: poaysu@mail.ru

ДЬЯЧКОВСКИЙ Семен Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: dyasn@s-vfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga A. Parfenova, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: poaysu@mail.ru

Semyon N. Dyachkovskiy, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dyasn@s-vfu.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 сентября 2025;
принята к публикации 2 декабря 2025.*

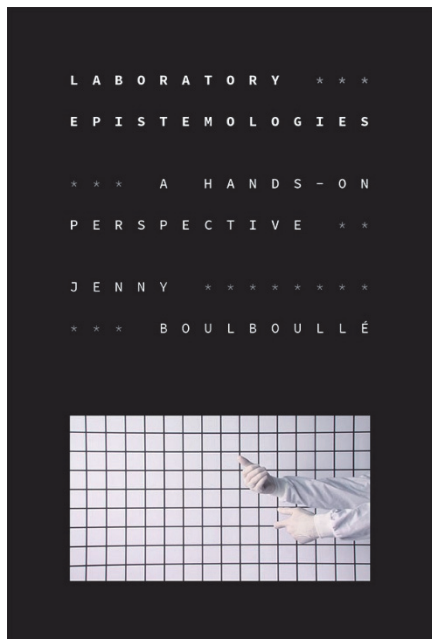
*The article was submitted 30.09.2025;
accepted for publication 02.12.2025.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 001.8
doi: 10.17223/2312461X/50/14

Декарт обретает тело: лабораторные эпистемологии с точки зрения антрополога

Boulboulé J. Laboratory
Epistemologies: A Hands-On
Perspective. Durham: Duke
University Press, 2024. 376 p.
ISBN 978-1-4780-2675-4

Для цитирования: Винокуров Г.Д. Декарт обретает тело: лабораторные эпистемологии с точки зрения антрополога (Рец. на: Boulboulé J. Laboratory Epistemologies: A Hands-On Perspective. Durham: Duke University Press, 2024. 376 p. ISBN 978-1-4780-2675-4) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 311–321. doi: 10.17223/2312461X/50/14

For citation: Vinokurov, G.D. (2025) Descartes Embodied: Laboratory Epistemologies from an Anthropologist's Perspective (Review of Boulboulé J. Laboratory Epistemologies: A Hands-On Perspective. Durham: Duke University Press, 2024. 376 p. ISBN 978-1-4780-2675-4). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 311–321 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/14

«Я мыслю, следовательно, существую» (*cogito ergo sum*) – слова Рене Декарта, ставшие отражением европейского рационализма и научной эпистемологии, основанной на противопоставлении разума и тела.

С подобным распространенным представлением мысли Декарта и связанными с ним образами науки не согласна Дженни Бульбулле, французский антрополог и автор книги *«Лабораторные эпистемологии: практическая перспектива»*, вышедшей в 2024 г. в книжной серии *Experimental Futures: Technological Lives, Scientific Arts, Anthropological Voices* издательства университета Дьюка. Книга *«Лабораторные эпистемологии»* представляет собой попытку совмещения этнографического письма, исторического анализа и философского чтения, направленных на исследование исторических контекстов формирования представлений о научной эпистемологии и роли телесной воплощенности (*embodiment*) в производстве научного знания. Бульбулле отталкивается от тезиса, что любая эпистемологическая программа *«не может рассматриваться независимо от своей исторической ситуативности и воплощенных практик производства знания (embodied knowledge-making practices)»* (р. 144). Это применимо как к исследовательским практикам прошлого – например, к практической работе главного героя книги, Декарта, как экспериментатора и вивисекциониста, – так и к происходящему в современных нам биологических лабораториях – например, в лаборатории Лейденского университета в Нидерландах, где проводила свою полевую работу Бульбулле, изучая ручной труд микробиологов. *«A hands-on perspective»* (*«практическая перспектива»*) в названии книги одновременно отсылает и к практической стороне производства научного знания в лабораториях (в противовес нормативным представлениям о том, что такое наука и какой она должна быть), и к тем ручным действиям, что составляют основу работы ученых в лаборатории.

«Лабораторные эпистемологии» – эксперимент в антропологическом письме, совмещающий разные режимы аргументации (чей успех порой вызывает вопросы). Подражая микробиологам, совмещающим различные биологические материалы для раскрытия сложного устройства жизни и ее генетических оснований, Бульбулле отходит от формата стандартной этнографии, чтобы раскрыть роль телесных манипуляций в лабораторном производстве научного знания и роль телесной воплощенности в создании эпистемологических аргументов. Этнографические виныетки и анекдотические истории уступают здесь место сцепке рассказов об истории науки семнадцатого века с описаниями лабораторной работы в современных науках о жизни и заимствованиями из теорий художественной практики и биоискусства. Книга состоит из пяти глав и эпилога, в которых Бульбулле начинает свое погружение в телесность лабораторной жизни и ее материальную осязаемость с пересмотра образа Декарта как чистого рационалиста, доказывая, что он активно использовал эмпирические методы исследований, которые помогли развить ему концепцию механистического тела (главы 1 и 2). Затем автор касается развития картезианской

традиции в философии и «вытеснения» материального аспекта знания последующими поколениями философов, что привело к формированию того самого образа, который подвергается критике в первых двух главах. Как показывает Бульбулле, этот образ – результат философской аргументации и того, что Эдмунд Гуссерль называл «замещением» (*unterschiebung*), а не отражение реальной практической работы Декарта (глава 3). От попытки философско-исторической аргументации Бульбулле переходит к обсуждению лабораторной работы в науках о жизни (главы 4–5) и, обращаясь к собственным полевым наблюдениям (основанным на ее опыте обучения в лаборатории) и классическим исследованиям в антропологии науки, призывает исследовать «*воплощенное тело*» в производстве научного знания. Свою аналитику Бульбулле выстраивает посредством задействования инструментов феноменологии, исследований наук и технологий (STS) и того, что сама называет *исторической эпистемологией* (*historical epistemology*) – способом историзации философских аргументов, посредством обращения к историческому контексту их производства, что в случае книги становится необходимым для подрыва традиционного взгляда на Декарта как на «*мыслителя без рук*», раз и навсегда абстрагировавшего разум от тела (кто конкретно придерживается этого взгляда – понять из текста книги сложно).

Бульбулле выводит на первый план практический экспериментальный опыт и рефлексии о нем в качестве основ современной научной эпистемологии и обнаруживает основания для этого хода в самой философии Декарта, чье наследие она предлагает радикально пересмотреть, обратившись не к сложившейся традиции восприятия текстов Декарта и разговору о картезианстве (понятие, которое Бульбулле подвергает критике как мистифицирующее и скрывающее смыслы декартовской мысли), а непосредственно к декартовским работам, совместив их с анализом развития науки в его время. Бульбулле описывает то, как в XVII в. происходил переход от аристотелевской эпистемологии к новой экспериментальной науке и связанным с ней практикам исследовательской работы и научного письма. Отвергая представления о радикальном разрыве между эпистемологией Аристотеля и новым механистическим видением мира, а также отталкиваясь от существующего традиционного образа Декарта как своего рода идеального воплощения философа-рационалиста, который доверял в своей работе исключительно разуму и абстрактному мышлению, Бульбулле показывает, что на самом деле классик французской философии был *практикующим исследователем*, глубоко вовлеченным в дискуссии своего времени о теле и работе ученого, использовавшим эмпирические и мануальные методы в своей экспериментальной работе и процессе написания своих текстов. С ее точки зрения, разговор о картезианстве как некоторой *традиции* в истории философии увел нас от понимания практической природы декартовской мысли. Проблемой остается то, с кем именно спорит здесь Бульбулле: «По иронии судьбы, именно “картезианскому духу” мы обязаны в своем

подходе к размышлениям Декарта о том, как и что мы способны познать, как к упражнению в чистом рассуждении с совершенно аисторической позиции. В теоретическом воображении это привело к тому, что богатая философская мысль Декарта была сведена к упрощенному лозунгу «Я мыслю, следовательно, я существую» (р. 56). С точки зрения Бульбулле, популярное воображение развития научного мышления отводит Декарту значимую роль в формировании установок современной науки, но делает это, забывая о необходимости укоренять фигуру философа в конкретном историческом контексте. Что если мы рассмотрим труды Декарта, поместив их в контекст его практической деятельности как исследователя-натуралиста, вовлеченного в создание публичной сцены естественной науки с ее зарождающейся лабораторной культурой, анатомическими театрами, любопытствующей публикой европейских городов, экспериментами в области оптики и разработкой новых методов научной работы в XVII в.?

Особое внимание Бульбулле привлекает известный декартовский «*аргумент о воске*». В традиционных прочтениях Декарта он используется для иллюстрации тезиса о том, что познание происходит через задействование разума, а не чувств: воск, подверженный таянию и застыванию под воздействием температуры, оказывается слишком изменчивым для того, чтобы схватить его чувствами и ощущениями. Чувства – ненадежны, а истинное познание, следовательно, может осуществляться только через разум. Вместо того чтобы следовать такой узкой интерпретации, Бульбулле предлагает видеть в этой истории пример реального взаимодействия Декарта с материальностью окружающего мира (р. 45). Для того чтобы привести в своем тексте этот аргумент, Декарт должен был обладать опытом «собственноручной» работы с воском и пережить соответствующие телесные ощущения от работы с этим материалом. Аргументы, которые Декарт производил не только в текстовой форме, но посредством визуальных репрезентаций – рисунков и схем, являются результатами мельчайшей двигательной активности и кропотливой мануальной работы по размягчению материалов, как в случае с воском, или, например, по вскрытию живой плоти. В одном из сюжетов философской части книги Бульбулле предлагает читателю представить себе обычный день из жизни Декарта, в котором он на досуге препарирует бычий глаз в своей квартире: «Где он стоит, что он держит в руке и что делает? В “Оптике” Декарт использует схематическую иллюстрацию анатомического устройства глаза. Само изображение в книге не передает никаких трудностей или какой-либо части трудоемкого процесса рассечения плоти, но в описании Декарт отсылает к ним: “Если бы можно было разрезать глаз пополам, без жидкостей, которыми он заполнен, и без каких-либо его частей, меняющих свои места, так что плоскость разреза проходила прямо через середину зрачка, она выглядела бы так, как она

изображена на этой диаграмме”... Чтобы прийти к схематической иллюстрации и математическим измерениям, которые она делает возможными, Декарту необходимо было расширить свои анатомические эксперименты в абстрактные области, в виртуальное пространство, в котором он может сбежать от всего беспорядка, с которым он столкнулся, пытаясь разобрать глаз животного на составные части» (р. 78–79).

Совершив подобный мысленный эксперимент, мы обнаруживаем Декарта стоящим за столом для вскрытия со множеством инструментов под его рукой, включая различные виды ножей, губок для вытирания крови, пил, ножниц и щипцов. *«Мы можем себе представить, что он участвует в деликатной операции по отделению неповрежденного глазного яблока от гнезда, тщательно отрезает зрительный нерв и отделяет глаз от трупа, а затем прилагает усилия, чтобы справиться с этой скользкой сферой. С помощью каких техник ему удалось препарировать и исследовать этот идеально сферический объект, не дав ему превратиться в трудную в обращении, размокающую массу липкой плоти?»* (р. 80). Бульбулле на различных примерах демонстрирует телесную природу научной работы философа. Разрезание бычьих глаз подпитывало его размышления о восковых шариках, тающих от тепла в руках, и участвовало в процессе создания теоретических аргументов. *«Аргумент о воске»* нельзя считать чисто рационалистическим построением – этот ход является *«неверным прочтением всей архитектуры декартовского аргумента»* (р. 73). В своем упражнении в исторической эпистемологии Бульбулле разворачивает перед читателем картину создания новых принципов научного познания и так называемого «экспериментального поворота» в науках XVII в., требовавшего трудоемкого ручного труда. Для того, чтобы произвести абстрактный аргумент о познании и методе, необходимо было сначала, посредством задействования своего собственного тела, справиться с сопротивлением материала: не превратить бычий глаз, лежащий на анатомическом столе, в бесформенную кровавую субстанцию – непростая практическая задача, важная для развития всего исследовательского проекта по оптике. *Манипуляция* (от лат. *manus* – рука) – тактильное взаимодействие с объектами исследования – воспринималась на зарождавшейся научной сцене не просто как вспомогательное средство познания, но как центральный аспект научного метода.

Любопытная часть историзации, которую производит Бульбулле, состоит в демонстрации того, что наука, которую делал Декарт и его коллеги, разворачивалась в крайне активном публичном пространстве. Научная сцена начала семнадцатого века была устроена таким образом, что действия ученых привлекали внимание публики. Анатомические театры Амстердама, Парижа и других европейских столиц были театрами в полном смысле этого слова и местом собрания для людей, желавших быть причастными ко все возрастающей символической значимости и

престижности рационализма и науки. Именно на этих своеобразных научных «шоу» появлялись новые способы видения и телесного взаимодействия с широко понимаемой природой вещей (р. 73). В целом построения Бульбулле в этой части ее книги, работающей в режиме философского чтения, можно свести к следующему: руки Декарта действительно были испачканы в крови, и мы не должны попадать в ловушку мифологизации и забывать о том, что тот способ мысли, который он продвигал, был не только способом *мышления*, но и буквально способом *делания* реальности (doing of reality). Необходимо ли было для этого утверждения разворачивать долгий и не всегда последовательный исторический разговор – вопрос открытый.

Отходя в сторону от диссекции и препарирования декартовских аргументов, составляющих значительную часть книги, Бульбулле совершает несколько неловкое обращение к собственной этнографии производства знания в лабораторной практике для иллюстрации тезиса о том, что науки о жизни (биология и другие) требуют от своих практиков не только задействования когнитивных способностей, но и телесных навыков: от точного манипулирования микропипетками – *«эпистемическими вещами»* (р. 205), расширяющими тела для взаимодействия с невидимыми материалами и требующими дисциплинированных ручных прикосновений и телесной хореографии – до следования процедурам обеспечения лабораторной стерильности.

Лаборатория в том образе, который создает Бульбулле в этнографических ответвлениях своей книги (несколько ограниченных и основанных по большей части на ее опыте обучения мануальной работе в качестве лаборанта) – это пространство, где между «абстрактным» мышлением и телесной вовлеченностью в материальный мир нет разрыва. Как антрополог Бульбулле работала в качестве включенного наблюдателя в роли «держателя пипетки» в лаборатории, обучалась мануальным техникам управления исследовательскими инструментами и изучала методические рекомендации, визуальные материалы и инструкции, создаваемые самими учеными для тех, кто только приходит в лабораторию и должен настроить свое тело правильным образом.

Наиболее близко к взаимодействию с классическими исследованиями в антропологии науки Бульбулле подходит в четвертой главе своей книги, посвященной ревизии их наследия и тому, что она называет *«возвращением к лабораторным культурам»* (р. 143). Речь в этой главе в первую очередь идет о работах Бруно Латура и Стива Вулгара (1979) и Карин Кнорр-Цетины (1999), которые стали классическими для этнографических исследований лабораторной жизни и предложили рассматривать науку как социотехнический феномен, собираемый в повседневной практике ученых и других акторов, действующих в лаборатории и за ее пределами, снабдив нас фигурой антрополога, внимательного к

действиям ученых, производству записей и проч. Бульбулле признает вклад классиков лабораторной этнографии и важность их выхода в лабораторию, но указывает на ряд имплицитных допущений, присутствующих в их текстах. В частности, она критикует картезианский дуализм (отличный от «настоящего» Декарта, к которому, по-видимому, Бульбулле имеет доступ), определяющий подход классиков исследований лабораторий. С точки зрения Бульбулле, аргументация Латура и Вулгара строится на противопоставлении их метода работы современной эпистемологии. Однако, пишет Бульбулле, это противопоставление ошибочно: современная эпистемология возникла именно из экспериментальных и телесных практик и была исторически и культурно сформирована в лабораториях. Поэтому книга призывает *«думать вместе с Декартом и за пределами картезианства»*, вместо того чтобы позиционировать исследования науки в радикальной оппозиции к нему и тем самым воспроизводить неверные прочтения и мифологизации философских аргументов (p. 148).

Бульбулле указывает на то, что отсюда следует ключевая проблема классических лабораторных этнографий: телесное измерение лабораторной работы систематически вычеркивается из аналитических отчетов этнографов. В *Laboratory Life* Латур и Вулгар представляют лабораторию как пространство письма и производства текстов, но тем самым устраняют из поля зрения «ручной труд» и повседневные практики телесной вовлеченности. Бульбулле пишет, что это иронично, учитывая, что сам Латур, работавший техником в лаборатории, имел непосредственный опыт телесного участия в экспериментальной практике. Именно этот опыт дал ему доступ к «внутренней жизни» лаборатории. Однако в своем аналитическом изложении он превращает себя в «чужака» и дистанцированного наблюдателя, скрывая собственное телесное участие, создав в тексте фигуру чужака-антрополога, пришедшего в лабораторию. Таким образом, действия, которые он реально совершал руками, не становятся предметом его рефлексии. По мнению Бульбулле, именно эта «операция отчуждения» – создание фигуры наивного внешнего наблюдателя – исторически повторяет риторику ранней современной науки: так же Декарт, Гук и другие «отцы» использовали дистанцию и отчуждение как средство аргументации для сохранения чистой концепции науки перед лицом собственных беспорядочных практических исследований. Но эта риторическая фигура устраняет из поля зрения телесный труд, благодаря которому лаборатория существует. В результате «лабораторная жизнь» в *Laboratory Life* оказывается в плену «развоплощенных концепций» (*disembodied conceptions*) науки как литературного производства (p. 155).

Тот факт, что за фигурой чужака-антрополога в тексте стоит сам Латур, не скрывавший собственной телесной неуклюжести и забывчивости в обращении с пипетками, как напоминает об этом Джон Ло (Law 2004: 30), Бульбулле не учитывает.

Критике подвергается и работа Карин Кнорр-Цетины. В *Epistemic Cultures* она вводит понятия «сенсорное тело», «действующее тело» и «испытывающее тело» (р. 176). По мнению Бульбулле, представления Кнорр-Цетины о теле остаются «захваченными картезианскими понятиями», несмотря на декларируемую критику дуализма разума и тела (р. 175). Наиболее характерно это проявляется в отношениях между «сенсорным» и «действующим» телами. С одной стороны, действующее тело отсылает к телам исследователей, работающих в лаборатории, следуя экспериментальным протоколам (смешивания, измерения, пипетирования, встряхивания и др.). С другой – Кнорр-Цетина пишет о том, что действующие тела «работают без сознательной рефлексии или кодифицированных инструкций» (р. 178). По мнению Бульбулле, это сужает определение до работы с телом, которая выполняется без явного внимания к собственным движениям и не прописана в протоколах или ручных инструкциях, а скорее «предполагается в качестве известной и рутинной для опытного экспериментатора (например, умение правильно обращаться с пипеткой)» (р. 178). Критике подвергается и якобы использование картезианской риторики в *Epistemic Cultures*, которая проявляется в метафорах «мыслящих машин» и общая симпатия Кнорр-Цетины к внутренним когнитивным процессам, вшитая в ее аргументацию. Вместо этого Бульбулле предлагает иной путь. По ее мнению, лаборатория должна рассматриваться не только как интеллектуальное пространство, но и как «воплощенное пространство» (*embodied space*) – место, где знание производится через телесный труд, мануальные операции, взаимодействие с инструментами и материалами, а также через постоянное обучение и тренировку специфических телесных навыков. *Быть-в-лаборатории* всегда означает быть включенным в процесс обучения тела и выполнения необходимых упражнений для его тренировки: формирования практических умений, необходимых для проведения экспериментов. Поэтому исследование научных пространств следует вести «с точки зрения рук»/«практической перспективы» – той самой «hands-on perspective» – как воплощенных пространств, а науки о жизни осмыслять в качестве «ручных практик». Бульбулле пытается одновременно не отказываться от наследия классики лабораторных исследований в работах Латура и Кнорр-Цетины, но при этом критикует их работы, показывая, что их «антидекартовская» риторика остается связанной с картезианским дуализмом и потому не способна адекватно описать роль тела и ручного труда в лабораторных культурах.

В этот момент (если не раньше) у внимательного читателя книги неизбежно возникает вопрос о справедливости подобной критики. И этот вопрос является основанием для того, чтобы указать на слабые места того нарратива, что выстраивает Бульбулле. Несомненно, книга по

праву может быть названа новаторской и смелой, но в ней есть свои проблемы и внутренние напряжения. Наиболее заметное из них состоит в асимметрии аналитического внимания автора. Если Бульбулле пытается историзировать Декарта и показывать сложность контекстов формирования его позиций как философа и практика экспериментальных исследований (убедительность этой части книги оставим на суд философам), то она не сохраняет этого же внимания к тем авторам из области антропологии науки и STS, с которыми взаимодействует в своей аналитике. Так, Бруно Латур, Карин Кнорр-Цетина, Тревор Пинч, Аннмари Мол и другие оказываются по одну сторону баррикад (что справедливо лишь в общих чертах, если мы группируем всех авторов во множество «исследователи наук и технологий»), а различия между ними упускаются и не являются предметом обсуждения (что выглядит, мягко говоря, странно в книге, призывающей к радикальной историзации теоретических позиций и превращает эту историзацию в важный эпистемологический ход). Получается, что аргумент о сложности работает только в одну сторону, а сами исследования наук и технологий предстают в таком случае упрощенным полем, в котором исследователи воспроизводят один-единственный аргумент и (или) смотрят на вещи одним и тем же образом, оставаясь в плену одних и тех же «пороков» – критикуемого в книге имплицитного «картезианского дуализма», например. Подобное неравенство во внимании подрывает силу выстраиваемого повествования в книге и оставляет странное впечатление: если мы отказываемся от воспроизводства упрощенных способов прочтения классических философских текстов, то не должны ли мы внимательно следить и за тем, чтобы не совершить эту же ошибку при чтении работ антропологов и других социальных исследователей? Не должны ли мы уделить внимание и их аргументам, приняв их как теоретиков и философов *всерьез*?

Здесь же возникает и другая проблема, связанная с этим невниманием. Говоря о теле в антропологии науки Бульбулле избирает для серьезного диалога только трех авторов в версии только двух их книг – Латура, Вулгара и Кнорр-Цетину. Но что делать с тем фактом, что и сами классики STS и их более поздние коллеги писали о теле по-разному на основе исследований в различных этнографических контекстах – не ясно. Также Бульбулле в своем междисциплинарном эксперименте решает не взаимодействовать с более широким полем исследований тела и декартовского дуализма в антропологии, забывая о том, что антропологи никогда не были картезианцами (модерновыми и др.) и потому могут быть (и были, в мысли Латура) «союзниками» в борьбе за перепрочтение Декарта и переосмысление современных дуализмов. В антропологическом архиве существует множество разнообразных попыток письма о теле и его отношениях с разумом, укорененных в самых разных этнографических контекстах, где отношения между телом и разумом оказываются

устроены отличным от картезианского разделения образом и проблематизируют его – например, см. обсуждение проблематичности «декартовского» различения разума и тела в классической статье Майкла Ламбека (Lambek 1998).

Тем не менее подобная асимметрия, вольность в работе с историей философии и нехватка этнографической глубины не лишают полностью значимости книгу, ставшую одним из редких сегодня высказываний в поле лабораторных исследований, которые некоторые авторы в области STS уже успели похоронить и заявить об их «слишком успешной» работе, приведшей к завершению этого исследовательского направления и закрытию возможности для новых исследований, например (Doing 2008). «*Лабораторные эпистемологии*» – попытка объединить философию, историю и этнографию в единое высказывание о том, как какую роль тело играет в производстве научного знания. Какой «гибрид» из этого вышел? – каждый читатель рассудит с позиции своей дисциплины. Тем не менее, следуя образам, предложенным в самой книге, можно сказать, что сегодня нам необходимо тончайшими инструментами диссектировать не только нормативные утверждения о науке и научные практики лабораторий, но и саму область антропологии науки, проведя внимательную ревизию этого направления. В этом смысле книга Бульбулле, с ее проблемами и манипуляциями – не только один из возможных объектов критического анализа, но и шаг в научении непростоу искусству ручного обращения с аналитическими аргументами так, чтобы они не превратились в «размокшую массу» плоти в наших руках. Там, где не получилось у Бульбулле, – можно учиться нам.

Григорий Дмитриевич Винокуров

References

- Doing P. (2008) Give Me a Laboratory and I Will Raise a Discipline: The Past, Present, and Future Politics of Laboratory Studies in STS. In: *The Handbook of Science and Technology Studies*, 3rd ed., edited by Edward J. Hackett, Olga Amsterdamska, Michael Lynch, and Judy Wajcman, pp. 279–318. Cambridge, MA: MIT Press.
- Knorr Cetina K. (1999) *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lambek M. (1998) Body and Mind in Mind, Body and Mind in Body: Some Anthropological Interventions in a Long Conversation. In: *Bodies and Persons: Comparative Perspectives from Africa and Melanesia*, eds. Michael Lambek and Andrew Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 103–24.
- Latour B., Woolgar S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage.
- Law J. (2004). *After Method: Mess in Social Science Research* (1st ed.). London: Routledge.

Сведения об авторе:

ВИНОКУРОВ Григорий Дмитриевич – исследователь, Центр исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб); магистрант, факультет антропологии, Европейский Университет в Санкт-Петербурге; магистрант, департамент истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0003-3995-3178. E-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gdvinokurov@edu.hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Grigory D. Vinokurov, Researcher, Center for Science and Technology Studies (STS Center), European University at St. Petersburg; Master's student, Department of Anthropology, European University at St. Petersburg; Master's student, Department of History, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3995-3178. E-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gdvinokurov@edu.hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 сентября 2025 г.;
принята к публикации 6 ноября 2025 г.*

*The article was submitted 07.09.2025;
accepted for publication 06.11.2025.*

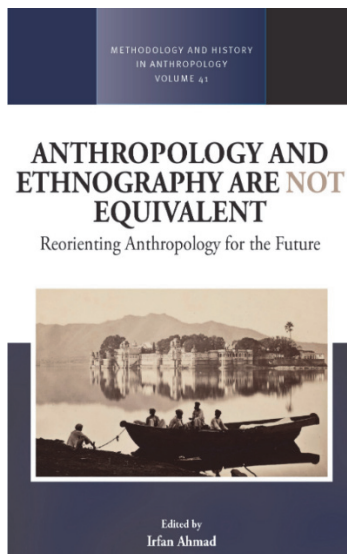
Рецензия

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/50/15

Об антропологии, этнографии и обсуждении работ Тима Ингольда

Ahmad, Irfan (ed.) *Anthropology and Ethnography Are Not Equivalent. Reorienting Anthropology for the Future*. New York: Berghahn, 2021. xi, 160 p. (Methodology and History in Anthropology, vol. 41) ISBN 9781789209891 (ebook)

Для цитирования: Функ Д.А. Об антропологии, этнографии и обсуждении работ Тима Ингольда (Рец. на: Ahmad, Irfan (ed.) *Anthropology and Ethnography Are Not Equivalent. Reorienting Anthropology for the Future*. New York: Berghahn, 2021. xi, 160 p. (Methodology and History in Anthropology, vol. 41) ISBN 9781789209891 (ebook)) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 322–327. doi: 10.17223/2312461X/50/15

For citation: Funk, D.A. (2025) On Anthropology, Ethnography, and the Discussion of Tim Ingold's Works (Review of Ahmad, Irfan (ed.) *Anthropology and Ethnography Are Not Equivalent. Reorienting Anthropology for the Future*. New York: Berghahn, 2021. xi, 160 p. (Methodology and History in Anthropology, vol. 41) ISBN 9781789209891 (ebook)). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 322–327 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/15

Сборник статей «Антропология и этнография не эквивалентны. Переориентация антропологии на будущее», вышедший в 2021 г. в Berghahn под редакцией Ирфана Ахмада (в настоящее время профессор факультета социологии Университета Ибн Халдун в Стамбуле), является своего рода продолжением размышлений в направлении, заданном публикацией Тима Ингольда 2014 г. с провокационным названием «Хватит об этнографии» (Ingold 2014: 383–395). Несмотря на полную его аналитическую самостоятельность, и этот сборник вышел при участии Ингольда, выступившего и рецензентом включенных в представляемую здесь книгу статей, и автором аналитически насыщенного послесловия.

Книга в целом являет собой программный манифест, призывающий к фундаментальному пересмотру самой сути социальной антропологии. Основной тезис, вынесенный в заглавие, заключается в том, что антропология не должна сводиться к этнографии. Если этнография – это *метод* (сбор и описание эмпирических данных через полевую работу), то антропология – это *дисциплина*, цель которой заключается в теоретическом осмыслении, сравнительном анализе и производстве масштабных объяснений человеческого бытия. По мнению авторов, современная антропология часто превращается в «этнографический сервис» – поставщика экзотических кейсов для других социальных наук, утрачивая собственные теоретические амбиции. Она стала слишком описательной, фрагментированной и боится делать обобщающие выводы. Цель книги, таким образом, – «реориентировать» дисциплину, вернув ей статус мощной теоретической и критической силы, способной говорить о глобальных проблемах – от климатических изменений и неравенства до природы власти и знания в XXI в.

Во введении (pp. 1–19) Ахмад рассказывает об исходной точке для появления сборника, каковой была упомянутая выше публикация Ингольда и последовавшие сотни, если не тысячи откликов; о задачах авторов этой книги, которые видятся ему в том, чтобы не только следовать заданному Ингольдом направлению, но и расширить границы дискурса в тех вопросах, которые не были им затронуты или же не вполне продуманы; излагает свое видение подхода Ингольда к антропологии и этнографии и, наконец, кратко представляет включенные в книгу тексты. При этом он подчеркивает, что «расположение глав идёт от применения или операционализации размышлений Ингольда и близкого согласия с ними к резкому несогласию, переосмыслению и расширению тем и моментов, подразумеваемых, умалчиваемых или невысказанных в них. Это означает, что читатели могут изменять существующую организацию глав в соответствии со своими интеллектуальными вкусами и приоритетами» (p. 10). Знакомство с последующими шестью главами вполне подтверждает такую возможность.

Хацуки Айшима (глава 1, pp. 20–35) критически осмысляет предложение Тима Ингольда о строгом разделении антропологии и этнографии. Ингольд видит антропологию как образовательную практику «со-ответствия» (correspondence) – взаимного обучения и диалога с людьми, в отличие от этнографии как простого описания и объективации. Айшима проверяет эту идею в контексте антропологии ислама. Она обращается к Талалу Асаду, который призывал изучать ислам с мусульманами, как к «дискурсивной традиции», что перекликается с подходом Ингольда. Однако на практике, в университетской аудитории, как показывает автор, эта модель сталкивается с трудностями.

Преподавая «современный ислам» в Манчестере, Айшима столкнулась с разрывом между «повседневным исламом» (предметом антропологии) и «аудиторным исламом» – объективированной версией, требуемой

светским академическим контекстом. Попытки вести диалог с многонациональными и многоконфессиональными студентами-мусульманами часто превращались в спор об «истинном» исламе, где преподаватель был вынужден апеллировать к своему академическому авторитету, а не к практике совместного поиска знания. Таким образом, Айшима заключает, что, хотя проект Ингольда вдохновляет, применение принципа «антропологии со-ответствия» в педагогической практике остается сложной и не до конца разрешенной задачей.

Арпита Рой (глава 2, pp. 36–52) развивает дискуссию с Тимом Ингольдом, соглашаясь с его критикой этнографии как простого описания, но оспаривая его онтологический акцент на «со-бытийности»/«со-ответствии». Она предлагает альтернативу: рассматривать антропологию не как онтологическое обязательство, а как экспериментальное исследование, основанное на безличных логических отношениях – противопоставлении, различии, разрыве и противоречии. Опираясь на свой полевой опыт в CERN, Рой показывает, как такие бинарные оппозиции (например, «факт/ценность», «теория/практика») структурируют мышление ученых-физиков и являются условием возможности их знания. Эти логические отношения, а не только *lived experience*¹, являются ключевым субстратом антропологического понимания.

Рой также отстаивает центральную роль «истины» как критерия, возвышающегося над простой реальностью, и сравнивает работу антрополога с сократовским «интеллектуальным повивальным искусством» – методом вопросов, который выявляет скрытые предпосылки и превращает латентные убеждения в знание. Таким образом, она видит в антропологии открытый, диалектический поиск, где логические разрывы так же важны, как и онтологические связи.

В следующей главе (Джереми Уолтон, pp. 53–70) мы обнаруживаем попытку оспорить жёсткое разделение антропологии и этнографии у Ингольда с указанием на вытекающую из него «графическую» дилемму: какую же «-графию» тогда следует использовать? В качестве альтернативы этнографии автор, вдохновлённый идеями Вальтера Бенямина (1892–1940), предлагает констелляционное (если угодно – мозаичное) письмо (*constellational writing*), которое позволяет диалектически рассматривать настоящее как «прошедшее будущее», что он и демонстрирует на примере этнографического исследования мечети в Салониках. Можно сказать, констелляционное письмо для Уолтона – это литературно-теоретический жанр, который через монтаж различных временных пластов позволяет уловить сложную, многоголосную и нелинейную историю места, избегая упрощений традиционной этнографии и историографии. Мне показались заслуживающими внимания то, что вместо хронологического повествования Уолтон выстроил свой текст как собрание разрозненных моментов (2014, 1925, 2013, 1902, 2017 гг.), которые образуют

«созвездие» вокруг Новой мечети (своего рода отказ от линейного времени), и вместе с тем то, что каждый момент описывается им в настоящем времени и понимается диалектически: он одновременно является «будущим» для прошлого и «прошлым» для будущего, что помогает избежать взгляда на историю как на простую цепь причин и следствий.

Чрезвычайно интересной благодаря глубокому, насыщенному описанию своих переживаний поля, обсуждению методики поля и кодекса антрополога мне показалась четвертая глава (pp. 71–92), в которой Патрис Лэдвиг, оспаривая концепцию «со-ответствия» Ингольда, на материале буддийских погребальных ритуалов в Лаосе и Таиланде показал, что, например, в «тёмной антропологии»² более продуктивной может быть стратегия «не-соответствия» и дистанцирования. Он утверждает, что в полевых условиях, отмеченных конфликтами и разрывами, временное отчуждение и объективация (в заключении Лэдвиг резонно ссылается на мысль, некогда высказанную Георгом Зиммелем, о том, что «объективация это ни в коем случае не не-участие... но позитивный и конкретный вид участия» (Simmel 1950: 404)) являются не только неизбежными, но порой и полезными исследовательскими стратегиями. Это представляется мне верным, поскольку – и об этом хорошо сказано в следующей главе – «несоизмеримости, разобщенности и даже конфликты... часто являются необходимыми частями полевых исследований в антропологии» (p. 96), т.е. в поле, как правило, не срабатывает ни один из идеальных сценариев, который ты написал заранее, и потому даже то, что изначально кажется невозможным или методически неприемлемым, порой может оказаться полезным и, что не менее важно, не вредящим той культуре, которую ты собираешься наблюдать.

В пятой главе (pp. 93–111) Патрик Айзенлор отстаивает классический подход к этнографии, утверждая, что из-за фундаментальных различий в целях антрополога и его собеседников идеал полного их «онтологического соответствия» в поле недостижим. (И Айзенлор, и – в предыдущей главе – Лэдвиг скептически и, пожалуй, даже негативно относятся к размышлениям Ингольда о гармонии.) В полемике с Ингольдом и ссылаясь на Макса Вебера, он отмечает, что антропологическая полевая работа больше похожа на веберовское «призвание», нежели на процесс «становления» или «совместного воображения» будущего в терминах Ингольда: Айзенлор использует это понятие как контраст с идеей Ингольда о «совместном становлении», подчеркивая, что работа антрополога – это прежде всего его собственная дисциплинированная и ответственная миссия, а не слияние с миром собеседника.

В заключительной главе (pp. 112–140) Ирфан Ахмад, соглашаясь с мыслями Ингольда об этнографии и антропологии, упрекает его в игнорировании политики и международных отношений. На примере своей работы с журналистами в Индии он предпринимает попытку показать, что антропология должна быть тесно связана с политической теорией, изучать, как конструируются категории «мы» и «другие», и стремиться

к истине, а не просто к описанию реальности. В итоге Ахмад определяет антропологию как «политическую философию, включающую в себя “людей”». Последнее связано со спецификой английского языка и, очевидно, недостаточно точным определением Ингольдом сути антропологии как “philosophy with the people in” (Ingold 1994: xvii), в котором использовался термин “the people” (народ), а не “people” (люди).

В послесловии Тима Ингольда (pp. 141–151) содержится своего рода рецензия (более точно будет, пожалуй, определить жанр этого текста привычным словосочетанием «ответ оппонентам») на все включенные в книгу статьи/главы с комментариями по поводу точной или же, наоборот, ошибочной, по мнению Ингольда, трактовки его идей, а также ряд важных соображений о поднимаемых в этом сборнике проблемах, во многом относящихся к осмыслению места и роли, которые занимает/играет антропология в современном мире. В частности, Ингольд обращает внимание на попытку Айзенлора использовать концепцию этнографии для контроля за границами академии, указывая при этом, что его цель прямо противоположна: «...разрушить стены, отделяющие академическую территорию от остального мира, и разоблачить самонадеянность её обитателей – самонадеянность, сохраняющуюся как неприятное наследие колониального прошлого, – будто только они способны решать вопросы столь глубокого характера, что ускользают от понимания обычных людей» (p. 143). То же касается и призывов к гармонии, которые не есть, как полагает Айзенлор, мечты о пасторальной Аркадии, и не «подводные течения теоретизирования, не оставляющие места для амбивалентности», как выразился Лэдвиг (p. 80). Как резонно указывает Ингольд, «амбивалентность не столько отсутствует в идее гармонии, сколько является её неотъемлемой частью» (p. 145). Советовать читать послесловие Ингольда в отрыве от всей книги, наверное, неправильно, но оно настолько хорошо и убедительно написано, что вполне может рассматриваться и как самостоятельное исследование.

Разумеется, книга под редакцией Ирфана Ахмада не предлагает готовых ответов, но она – через сомнения и постановку провокационных вопросов – определяет, как мне видится, плодотворное направление для дискуссии. Будущее антропологии представляется не в отказе от своих методов, а в их подчинении более амбициозной и теоретически ориентированной программе. Возможно, именно так она сможет преодолеть кризис идентичности и оправдать свои давние претензии на то, чтобы считаться дисциплиной, без которой невозможно понять сложный мир современности. Во всяком случае, это позволяет надеяться на то, что сетования типа «антропологический голос замечен не только своим отсутствием в важных дискуссиях современности; в обществе также широко распространено невежество относительно того, что изучает антропология и какой вклад она может внести в человеческое знание» (p. 142) – абсолютно точно, на мой взгляд, отражающие суть проблемы – останутся в прошлом.

Книгу «Антропология и этнография не эквивалентны. Переориентация антропологии на будущее» желательно включить в список обязательной литературы на профильных кафедрах хотя бы для того, чтобы у нового поколения российских антропологов не оставалось сомнений в том, что «описание этносов» – это отнюдь не «наука о человеке», равно как и в том, что поле, как бы оно не называлось (этнография или, как пошутил Ингольд (p. 149), антропография³), остается ключевым элементом антропологии.

Дмитрий Анатольевич Функ

Примечания

¹ Lived Experience (по Ингольду) – это знание, рожденное из совместного, внимательного присутствия, «со-ответствия» («correspondence») и этических отношений в поле. Логические же отношения (по Рой) представляют собой знание, рожденное из выявления и анализа безличных структур (противопоставлений, разрывов), которые определяют условия возможности того или иного мышления и действия, даже если они не осознаются участниками в их непосредственном опыте.

² Об этом подходе в антропологии, фокусирующемся на изучении негативных аспектов человеческой жизни и социальных порядков, подробнее см. в Karlston 1997 и особенно в Ortner 2016.

³ Шутка, надо признать, не вполне удалась, поскольку антропография – это один из разделов физической антропологии. Впрочем, Ингольд сам же это и заметил, когда решил перепроверить, а нет ли уже такого термина, и обнаружил, что таковой был предложен Сэмюэлом Колбриджем еще в 1825 г. для «описания различных рас и разновидностей людей, влияния климата и цивилизации» (p. 150).

References

- Ingold T. (1994) General Introduction. In: *Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life*, edited by Tim Ingold. London: Routledge. xiii–xxxiv.
- Ingold T. (2014) That Is Enough About Ethnography. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 4. no. 1. pp. 383–395.
- Karlston P. (1997) From Meaning to Suffering: A New Paradigm for Anthropology. *Anthropological Quarterly*. Vol. 70, no. 3. pp. 118–132.
- Ortner Sh. (2016) Dark Anthropology and Its Others: Theory Since the Eighties. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 6. no. 1. pp. 47–73.

Сведения об авторе:

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); профессор кафедры «Всемирная, отечественная история, этнология, археология» исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет (Якутск, Россия). Email: d_funk@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitrii A. Funk, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). Email: d_funk@iea.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2025 г.;
принята к публикации 6 ноября 2025 г.

The article was submitted 15.09.2025;
accepted for publication 06.11.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

doi: 10.17223/2312461X/50/16

Международная научная конференция «Томский антропологический форум – IV. (Пере)сборка антропологии: контуры дисциплины в меняющемся мире»

Антропология уже в который раз за долгую историю находится в процессе пересмотра своих оснований. Глобальные социокультурные изменения, новые технологии и современные политико-экономические контексты сталкиваются со сложившимися внутри дисциплины эпистемологическими традициями, проблематизируя их концептуальный аппарат. Кризис прежних метанарративов и растущее многообразие исследовательских полей – от исследований науки и технологий до антропологии аффекта или антропологии будущего – ставят под вопрос как возможность единой теории, так и традиционные союзы внутри и вне антропологии. Появляются новые дисциплинарные союзы и новые субдисциплины. Более того, антропология все активнее выходит за рамки поля академической науки и становится прикладной деятельностью.

22–24 октября 2026 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете будет проводиться четвертая международная конференция «Томский антропологический форум», на которой мы предлагаем обсудить антропологию как теоретическое поле и практическую деятельность в контексте ее разных академических традиций и исторических периодов; её отношение с другими дисциплинами и внеакадемическими сферами её применения, а также поразмышлять об условиях, при которых отдельные темы и подходы оказываются маргинализированными, а какие-то, напротив, доминируют. Наблюдаемые изменения, безусловно, не кризис. Именно поэтому мы предлагаем говорить о пересборке дисциплины, целью которой является выработка языка для анализа человека в экспоненциально меняющемся мире.

Приглашаем вас поделиться своими размышлениями о том, как преодолеть кажущиеся привычными границы, а также предложить ваши ответы на сложности поиска инструментов и адаптации классических методов для нетрадиционных полей исследований антрополога и, напротив, предположить, как включить новые технологии в традиционную работу.

Помимо привычных форм докладов, мы также ждем заявки-презентации антропологического кино, фотографий и выставок, что способствует расширению антропологического знания, языка и контуров дисциплины.

В качестве возможного, но не исчерпывающего **списка направлений работы** предлагаются:

- Междисциплинарность и множественность антропологии;
- Место антропологии в современных когнитивных и нейронауках;
- Онтологический поворот в антропологических исследованиях;
- Антропология неопределенности;
- Антропология будущего;
- ИИ в антропологии (и социальных науках);
- Динамика индигенной социальности;
- Социальные проекты (и моделирование) на Севере, в Сибири и других регионах;
- Память и наследие;
- Миграции и миграционные процессы;
- Грани взаимоотношений истории и антропологии сегодня;
- Методологические эксперименты: визуальная антропология, антропология звука, формы письма;
- Коренные народы в глобальных процессах;
- Прикладные антропологические исследования в современной России.

Рабочие языки: русский и английский

Формат участия: очно и онлайн

Важные даты:

15.04.2026 г. – окончание срока для подачи заявок на проведение секций. Форма для подачи заявок: <https://forms.yandex.ru/u/6931a4d91f1eb51209ef1b39>

01.07.2026 г. – окончание срока для подачи заявок на участие с докладом и тезисов докладов. Форма для подачи заявок: <https://forms.yandex.ru/u/6931a4d91f1eb51209ef1b39>

01.10.2026 г. – окончание приема оргвзноса

15.10.2026 г. – публикация программы конференции

Требования к тезисам:

Объем тезисов: 300–500 слов.

Форма заполняется без использования дополнительного форматирования, рисунков, таблиц, функции сносок и т.п.

В тезисах не должно быть отдельного списка литературы.

По всем возникающим у Вас вопросам обращайтесь, пожалуйста, по электронной почте Оргкомитета: tsu.anthropology@yandex.ru

С уважением,
оргкомитет ТАФ-IV

International Conference “Tomsk Anthropological Forum – IV. (Re)Assembling Anthropology: The Contours of the Discipline in a Changing World”

For the umpteenth time in its long history, anthropology is revisiting its foundations. Global socio-cultural changes, new technologies, and modern political and economic contexts interact with epistemological traditions within the discipline, challenging their conceptual framework. The crisis of previous meta-narratives and the increasing diversity of research fields, ranging from science and technology studies to the anthropology of emotion or the future anthropology, raises questions about both the possibility of a unifying theory and traditional alliances within and beyond anthropology. Furthermore, anthropology is progressively stepping outside the boundaries of academic science and transforming into an applied practice.

National Research Tomsk State University is hosting the Fourth International Conference 'Tomsk Anthropological Forum' on October 22–24, 2026, providing a platform to discuss anthropology as a theoretical field and practical activity within the context of its various academic traditions and historical periods, as well as its relationship to other disciplines and its non-academic applications. We will also reflect on the conditions that lead to certain topics and approaches being marginalized, while other topics and approaches dominate. The observed changes are not a crisis, and that is why we propose to discuss the re-establishment of the discipline, which aims to develop a language for understanding and analyzing people in an ever-changing world.

We would like to invite you to share your thoughts on how to overcome seemingly familiar boundaries and offer your solutions to the challenges of finding tools and adapting classical methods to non-traditional areas of anthropological research. Additionally, we would appreciate your suggestions on how to integrate new technologies into traditional approaches.

In addition to the regular application forms, we also welcome applications for presentations of anthropological films, photographs, and exhibitions, as these contribute to the expansion of our knowledge of anthropology, its language, and the contours of the discipline.

As a preferred, but not exhaustive, **list of conference topics**, the following are suggested:

- Interdisciplinary and the Multiplicity of Anthropology;
- The Place of Anthropology in Modern Cognitive and Neuroscience;
- The Ontological Turn in Anthropological Research;
- Anthropology of Uncertainty;
- Anthropology of the Future;
- AI in Anthropology (and Social Sciences);
- Dynamics of Indigenous Sociality;

- Social Projects (and Modeling) in the North, Siberia, and Other Regions;
- Memory and Heritage;
- Migrations and Migration Processes;
- Current Boundaries between History and Anthropology;
- Experiments in Methods: Visual Anthropology, Anthropology of Sound, Forms of Writing;

- Indigenous Peoples and Globalization Processes;
- Applied Anthropological Research in Contemporary Russia.

The working languages: Russian and English.

Participation format: in-person and online.

Important Deadlines:

- Applications for sections are due by April 15, 2026. The application form can be found here: <https://forms.yandex.ru/u/6932a910f47e730212da33c9>.
- Applications for participation with a report and abstract are due by July 1, 2026. The application form for this can be found here: <https://forms.yandex.ru/u/6932a910f47e730212da33c9>.
- Registration fees are due until October 1, 2026.
- The conference program will be published by October 15, 2026.

Requirements for Abstracts:

Abstract length: 300–500 words.

The form is filled out without using additional formatting, figures, tables, footnotes, etc. Abstracts should not contain a separate list of references.

If you have any questions, please contact the Organizing Committee by e-mail: tsu.anthropology@yandex.ru

*Sincerely,
TAF-IV Organizing Committee*

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2025. № 4

Редактор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик А.П. Данилова

Подписано в печать 30.12.2025 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 26,9. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 6643. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.03.2026 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8(382-2)–52-98-49